

Г. ЭББИНГАУЗЪ

ОЧЕРКЪ
ПСИХОЛОГІИ

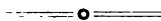
А. М. Мамин

СПБ.
Издательство О. БОГДАНОВОЙ
1911.

Г. ЭББИНГАУЗЪ.

ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГИИ

Съ 18 рисунками.

Дополненный переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія
подъ редакціей

К. И. ПОВАРНИНА,

Директора Педологическаго Института,
Пр.-доц. Импер. Военно-Медицинской Академіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ О. БОГДАНОВОЙ.
1911.

Литографія Акт. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе. Къ исторіи психологіи	СТР. 9
---	-----------

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Общіе взгляды.

1. Мозгъ и душа	29
2. Строеіе нервной системы	32
3. Взаимодѣйствіе и параллелизмъ	48
4. Сущность души	55

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Элементарныя явленія душевной жизни.

А. Простѣйшія явленія психической жизни.

5. Ощущенія	59
1) Новые виды ихъ	59
2) Прочія ощущенія	65
3) Общія свойства ощущеній	74
4) Отношеніе къ внѣшнимъ раздраженіямъ	78
6. Представленія	85
7. Чувствованія	89
8. Влеченіе и воля	92

В. Основные законы душевной жизни.

9. Вниманіе	95
10. Память	100
11. Упражненіе	107
12. Утомленіе	

С. Внѣшнія проявленія душевныхъ процессовъ.

13. Ощущенія и движенія	112
14. Представленія и движенія	115

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Сложныя явленія душевной жизни.

А. Жизнь представленій.

15. Воспріятіе	121
1) Общая характеристика	121
2) Воспріятіе пространства	125
3) Обманы чувствъ	129

		СТР.
§ 16.	Воспоминаніе. Фантазія. Абстракція	131
§ 17.	Языкѣ	138
	1) Его сущность	138
	2) Возникновеніе языка у ребенка	140
	3) Измѣненія языка	145
	4) Значеніе языка	149
§ 18.	Мышленіе и познаніе	151
	1) Мышленіе	151
	2) Я и внѣшній міръ	155
	3) Познаніе	160
§ 19.	Вѣра	163

В. Чувствованіе и дѣйствованіе.

§ 20.	Причины сложности чувствованій	174
	1) Содержаніе и форма	175
	2) Ассоціація	176
	3) Иррадіація	179
§ 21.	Аффекты и настроенія	180
§ 22.	Сложныя дѣйствія	185
§ 23.	Свободное дѣйствіе	190

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Вышшія дѣятельности души.

§ 24.	Вредныя стороны предвидѣнія	197
§ 25.	Религія	203
§ 26.	Искусство	212
§ 27.	Нравственность	228
	Заключеніе	240
	Указатель	242

Необходимыя исправленія:

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
17	8 сверху	равноправныя	считавшіяся равноправными.
33	18 снизу	слоемъ,	слоемъ
35	3 "	онъ	оно
36	19 "	во все	все
38	11 сверху	шарика	образованія
50	6 "	тѣль	процесахъ
"	8 "	суммъ,	суммъ
55	1 "	была	явилась
"	2 "	насильственной	большой помѣхой
"	4 "	въ иныхъ случаяхъ	свободно
"	6 "	конечно при отсутствіи	причемъ не получится
60	2 снизу	они	это
64	7 "	ея	его
78	15 "	одновременныя	объединенныя
125	13 снизу	<i>воспріятіе</i>	<i>усвоеніе</i>
"	11 "	обогащающаго воспріятія	обогащающей дѣятельности усвоенія

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта маленькая книга обязана своимъ происхожденіемъ одной очень большой, а именно, изданному Гиннебергомъ прекрасному и полному общему изложенію всѣхъ вѣтвей нашего современнаго знанія—„Современной культурѣ“. Взвѣсившись доставить для этой послѣдней книги краткій очеркъ психологіи, я предполагалъ—въ предѣлахъ прямой моей задачи—дать изложеніе самыхъ существенныхъ чертъ современной психологіи, какъ онѣ мнѣ представляются—работу полезную еще и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Именно доказать, что и высшія явленія душевной жизни, которыя мышленіе диллетанта выводитъ обыкновенно изъ метафизической необходимости, религіознаго чувства, врожденнаго стремленія къ справедливости и т. п., какъ изъ послѣднихъ далѣе необъяснимыхъ причинъ, что и эти высшія явленія психической жизни во всякомъ случаѣ закономерно происходятъ изъ тѣхъ же самыхъ основныхъ силъ души, которыя обнаруживаютъ свою дѣятельность уже въ самыхъ элементарнѣйшихъ ея проявленіяхъ. Однако, когда написанная съ этой точки зрѣнія работа была окончена, выяснилось, что она слишкомъ велика по отношенію къ цѣлому: пришлось сократить ее почти на половину и только въ такомъ видѣ она появилась въ „Современной культурѣ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ издатели этой послѣдней, въ высшей степени предупредительно, предложили мнѣ право отдѣльнаго опубликованія моей первоначальной рукописи.

Теперь я пользуюсь предоставленіемъ мнѣ этого права. Конечно въ томъ смыслѣ, что я, не стѣсняемый уже болѣе размѣрами работы, немного расширилъ и дополнилъ свое изложеніе, такъ что оно, не потерявъ своего первоначальнаго характера обзора важнѣйшихъ вопросовъ, можетъ

однако разсматриваться, какъ очеркъ всей психологіи. Нечего и говорить, конечно, что сдѣланный мною выборъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ будетъ одобренъ не всякимъ и что одинъ одно, а другой другое сочтетъ нужнымъ замѣнить чѣмъ-нибудь, по его мнѣнію, болѣе важнымъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ я стремился болѣе къ тому, чтобы общепонятно изложить и объяснить вещи, мною разъ упомянутыя, чѣмъ къ тому, чтобы достигнуть бѣльшей полноты путемъ скопленія краткихъ и только поверхностныхъ упоминаній.

Одинъ критикъ находитъ, что мое изложеніе въ „Современной культурѣ“ основано на совершенно матеріалистической точкѣ зрѣнія, и присоединяетъ сюда жалкія слова о недалковидности такого заблужденія и ложныя утвержденія относительно моихъ взглядовъ, какъ это часто бываетъ съ послѣдними у интересующихся философійю, но не свѣдущихъ людей. Само собой разумѣется, что мнѣ безразлично, какимъ ярлычкомъ снабдятъ мою работу. Но такъ какъ слово матеріализмъ отнюдь не употребляется для обозначенія единственнаго и строго опредѣленнаго воззрѣнія, а наоборотъ, благодаря его дурному привкусу, примѣняется для обозначенія крайне различныхъ воззрѣній, если къ нимъ относятся отрицательно, то ясность мысли не позволяетъ употребить это слово раньше, чѣмъ будетъ сдѣлана оговорка, въ какомъ смыслѣ оно понимается. Итакъ, пусть читатель знаетъ, что матеріализмъ, который онъ найдетъ у меня, есть матеріализмъ Спинозы, Гёте и Фехнера.

Февраль 1908.

Г. Э.

Настоящее второе изданіе представляетъ въ существенномъ перепечатку перваго. Однако, согласно нѣкоторымъ выраженнымъ мнѣ пожеланіямъ, я ввелъ нѣсколько мелкихъ и одно большое (о воспріятіи пространства) добавленіе, а также привелъ вышедшую со времени перваго изданія литературу, насколько позволили это рамки данной книги.

Декабрь 1908.

Г. Э.

ОТЪ РЕДАКТОРА РУССКАГО ИЗДАНІЯ.

Русская научная литература обогатилась въ послѣдніе годы цѣлымъ рядомъ руководствъ по психологіи, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что предлагаемый переводъ сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго психолога Н. Ebbinghaus'a: „Abriss der Psychologie“, — является очень желательнымъ и важнымъ для людей, ищущихъ психологическаго образованія. Уже одинъ тотъ фактъ, что данная книга выдержала въ Германіи три изданія въ два года, а за самое послѣднее время была переведена на французскій языкъ, говоритъ за ея выдающіяся достоинства. Дѣйствительно, написать краткій очеркъ психологіи, сохраняя при этомъ научность и цѣльность изложенія, — задача очень трудная. Обычно такія попытки сводятся къ описанію элементарныхъ психологическихъ фактовъ, въ формѣ учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній и кстати для „самообразованія“. Настоящій же трудъ Ebbinghaus'a носитъ совсѣмъ другой характеръ. Это не компиляція или элементарный катехизисъ психологіи, гдѣ видна только схема и не видно дѣйствительной жизни. Несмотря на свою краткость, онъ представляетъ собою вполне научное и охватывающее всѣ важнѣйшіе вопросы психологіи сочиненіе, въ оригинальной переработкѣ и въ освѣщеніи личныхъ взглядовъ автора, съ которымъ интересно познакомиться не только учащемуся, но и специалисту.

Изъ оригинальныхъ и цѣнныхъ сторонъ предлагаемой книги особенно нужно подчеркнуть то обстоятельство, что авторъ освѣщаетъ психологическіе факты съ біологической

точки зрѣнія, оказавшей, какъ извѣстно, уже не мало услугъ психологіи и все больше и больше привлекающей вниманіе психологовъ. Онъ разсматриваетъ нервно-психическую дѣятельность, какъ цѣлесообразное приспособленіе въ борьбѣ за существованіе, развившееся постепенно въ теченіе міровой эволюціи, и выясняетъ роль отдѣльныхъ факторовъ психической жизни въ цѣлесообразныхъ реакціяхъ индивидуума на воздѣйствія внѣшняго міра. ;

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ книги нужно отнести также и то, что въ ней читатель найдетъ краткую исторію развитія психологической мысли и достаточно подробную литературу по отдѣльнымъ вопросамъ психологіи. Въ предложенномъ русскомъ изданіи литература дополнена трудами русскихъ психологовъ *) и указаніемъ, какіе изъ проведенныхъ иностранныхъ источниковъ имѣются въ русскомъ переводѣ.

Слогъ Ebbinghaus'a мѣстами довольно тяжелъ, что отразилось, конечно, на переводѣ, сдѣланномъ близко къ подлиннику, и не можетъ быть поставлено въ упрекъ переводчикамъ: М. И. Левитиной и А. Ф. Левоневскому. Въ заключеніе прошу читателя обратить вниманіе на замѣченныя погрѣшности.

Мартъ 1911.

К. И. Поварнинъ.

*) Которые набраны въ отличіе отъ иностранныхъ источниковъ курсивомъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ исторіи психологіи.

Психологія имѣетъ длинное прошлое, но краткую исторію. Она существовала и росла въ продолженіе тысячелѣтій, но въ первое время своего существованія едва ли могла похвастаться постояннымъ и непрерывнымъ движеніемъ къ зрѣлому и плодотворному состоянію. Въ четвертомъ столѣтіи до нашего лѣтосчисленія удивительная сила мысли Аристотеля превратила психологію въ зданіе, которое могло выдержать сравненіе съ любой наукой тогдашняго времени, и при томъ въ свою пользу. Но это зданіе осталось съ того времени безъ значительныхъ измѣненій и расширеній вплоть до 18-го или даже 19-го вѣка. Только въ очень недавнее время находимъ мы сначала медленное, а затѣмъ болѣе быстрое развитіе психологіи.

Отчего зависѣла такая долгая остановка въ движеніи впередъ, а значить, и отставаніе нашей науки, мы можемъ хорошо объяснить, указавъ самыя общія причины этого факта.

„По какой бы дорогѣ ты не шель, ты не найдешь границъ души, настолько она глубока“, гласитъ изреченіе Гераклита и оно соотвѣтствуетъ истинѣ больше, чѣмъ могъ предполагать его авторъ. Психическія образованія и процессы нашей душевной жизни представляютъ для научнаго познанія величайшія трудности, еще бѣльшія, чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ при изученіи, въ нѣкоторомъ отношеніи родственныхъ имъ, жизненныхъ явленій въ тѣлѣ высшихъ организмовъ. При ихъ постоянной смѣнѣ и текучести, при ихъ чрезвычайной запутанности, при скрытости многихъ, несомнѣнно вмѣстѣ дѣйствующихъ моментовъ, трудно уловить и описать дѣйствительное содержаніе душевныхъ явленій, а еще труднѣе постигнуть ихъ причинную связь и ихъ значеніе. Истинные размѣры этихъ трудностей мы начинаемъ узнавать какъ слѣдуетъ собственно только теперь.

Вездѣ, гдѣ въ послѣднее время, благодаря интенсивной работѣ въ отдѣльныхъ областяхъ психической жизни, изслѣдованіе дошло до глубокаго и точнаго познанія единичныхъ фактовъ, какъ напр., въ области зрѣнія, слуха, памяти, образованія сужденій и т. д., первымъ и не встрѣчающимъ противорѣчій слѣдствіемъ было то, что эти факты несравненно тоньше, сложнѣе и полны гораздо бѣльшаго смысла, чѣмъ это могла вообразить прежде самая смѣлая фантазія.

На ряду съ этимъ существуетъ еще одно препятствіе. Если подлинная сущность и связь душевныхъ явленій постигается нами съ такимъ трудомъ, то по своему, такъ сказать, внѣшнему виду они являются для насъ чрезвычайно знакомыми и обычными. Еще задолго до всякаго научнаго изслѣдованія, языкъ долженъ былъ, для практической цѣли сношенія между людьми и для объясненія челоѣческой сущности, дать важнѣйшимъ въ обыденной жизни проявленіямъ души такія названія, какъ умъ, вниманіе, фантазія, страсть, совѣсть и т. п., и съ ними мы все время оперируемъ, какъ съ самыми извѣстными величинами. Но привычное и повседневное дѣлается для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ само-собою понятнымъ и спокойно пріемлемымъ; оно не вызываетъ никакого удивленія предъ его своеобразностью и не возбуждаетъ желанія изслѣдовать его глубже. То обстоятельство, что названія проявленія душевной жизни содержатъ въ себѣ много чудеснаго и загадочнаго, сплошь и рядомъ остается скрытымъ отъ ходячей психологіи: благодаря простотѣ словъ, она скользитъ поверхъ заключенной въ этихъ проявленіяхъ сложности, и если въ отдѣльныхъ случаяхъ даетъ душевнымъ процессамъ упомянутыя выше ходячія обозначенія, говоритъ, на примѣръ, что кто-нибудь напрягаетъ свое вниманіе или предоставляетъ полный просторъ своей фантазіи, то тѣмъ самымъ считаетъ эти процессы уже объясненными, а все, что можетъ быть сказано сверхъ того, излишнимъ.

Наконецъ, имѣется еще третье обстоятельство, которое тормозило развитіе психологіи и которое, повидимому, еще долгое время будетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Къ извѣстному числу важнѣйшихъ психологическихъ проблемъ мы относимся не достаточно безпристрастно, мы съ живѣйшимъ интересомъ сочувствуемъ какому-нибудь одному опредѣленному рѣшенію ихъ больше, чѣмъ всякому другому. Представленіе о строгой законмѣрности всѣхъ душевныхъ явленій, а значитъ и о полной обусловленности нашихъ дѣйствій, которое образуетъ основную предпосылку всякаго серьезнаго психологическаго изслѣдованія, не только королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I-мъ могло толковаться съ успѣхомъ, какъ ученіе, подрывающее всѣ основы порядка въ государствѣ и арміи и отнимающее у

него право наказывать дезертирство своих гренадеръ; и въ настоящее время многіе мыслители признають его за „опасное“. Оно-де уничтожаетъ всякую возможность наказанія и награды, дѣлаетъ безсмысленнымъ всякое воспитаніе, наставленіе, увѣщаніе, дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на нашу энергію, а поэтому, оно должно быть признано непригоднымъ. Совершенно также, благодаря связи съ глубочайшими потребностями души и сильнѣйшими желаніями людей, затруднено и спутано спокойное изслѣдованіе другихъ основныхъ вопросовъ, напр., вопроса объ истинной сущности души, ея отношеніи къ тѣлу и къ его жизни и смерти, а также выдвинутого въ недавнее время вопроса о развитіи душевной жизни изъ низшихъ, свойственныхъ животнымъ формъ до высшихъ человѣческихъ. То, что должно разсматриваться только, какъ вѣроятное истолкованіе доступныхъ изслѣдованію фактовъ, какъ чисто научная теорія, все это становится дѣломъ вѣры и хорошаго образа мысли или, наоборотъ, признакомъ мужественной независимости духа и свободы отъ суевѣрій и ходячихъ предразсудковъ. При чрезвычайной практической важности данныхъ вопросовъ все это вполне понятно, но очень мало приноситъ пользы для нахожденія правильныхъ по существу отвѣтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаетъ отъ труднаго и постоянно прогрессирующаго изслѣдованія отдѣльныхъ проблемъ.

Не смотря на все это, психологія, какъ было уже отмѣчено въ началѣ, вступила теперь на путь непрерывнаго развитія. Каковы же были тѣ благопріятныя обстоятельства, которыя позволили преодолѣть, хотя бы отчасти, столь значительныя препятствія.

Ихъ много, но въ главномъ они сводятся къ одному: къ успѣхамъ и прогрессу естествознанія съ 16-го вѣка. Вліяніе послѣдняго проявилось двоякимъ, совершенно различнымъ образомъ: дѣйствіе первой волны достигло своей полной высоты только благодаря второй, слѣдовавшей за ней. Прежде всего естествознаніе повліяло на психологію,—если мы оставимъ въ сторонѣ неясное уподобленіе духовнаго матеріальному, которое, конечно, было также однимъ изъ его слѣдствій—въ качествѣ блестящаго и оплодотворяющаго примѣра. Имъ было обусловлено появленіе въ психологіи понятій, аналогичныхъ съ признанными за основныя для матеріальныхъ вещей, имъ же были вызваны попытки путемъ сходныхъ методовъ достигъ сходныхъ съ нимъ результатовъ. Такъ шло дѣло преимущественно въ 17 и 18 и даже въ 19 вѣкѣ. Затѣмъ послѣдовало и непосредственное вліяніе естествознанія: непосредственное проникновеніе и вмѣшательство его въ отдѣльныя области психологіи. Въ своемъ дальнѣй-

шемъ естественномъ развитіи естествознаніе пришло во многихъ пунктахъ къ изслѣдованіямъ, которыя въ то же самое время принадлежать и къ области психологіи. Разрабатывая подобные вопросы, естествознаніе достигло прекрасныхъ результатовъ, благодаря чему сами психологи получили сильный толчокъ не стоять въ сторонѣ, а заняться также этими вопросами и самостоятельно изслѣдовать ихъ въ своихъ собственныхъ спеціальныхъ цѣляхъ. Такъ обстояло дѣло въ 19 вѣкѣ, главнымъ образомъ въ его второй половинѣ.

Мы рассмотримъ подробнѣе нѣкоторыя особыя формы, равно какъ и результаты такого двоякаго вліянія естествознанія на психологію.

Какъ на первый значительный результатъ его косвеннаго, дѣйствующаго благодаря аналогіи, полезнаго вліянія, можно указать на возрожденіе только-что упомянутаго представленія о непреложной, неизбѣжной законсообразности всѣхъ душевныхъ явленій, о которомъ я уже сказалъ, что оно составляетъ основу всякаго серьезнаго психологическаго изслѣдованія. Представленіе это было уже обычнымъ въ концѣ древней эпохи, но въ средніе вѣка его вытѣснили представители теологической философіи и психологіи, хотя рассмотрѣніе всемогущества и всевѣдѣнія Божія всегда заставляло ихъ снова возвращаться къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Богъ всемогущъ, то въ будущемъ ничего не можетъ случиться, ни во внѣшней природѣ, ни въ человѣкѣ, что не зависѣло бы отъ Него; а если Богъ и всевѣдущъ, или если въ безвременномъ Божествѣ исчезаетъ вообще человѣческое различеніе настоящаго и будущаго, то послѣднее должно быть извѣстно Богу, а слѣдовательно и неизмѣнно установленнымъ. Но ходячее психологическое и этическое мышленіе, а въ особенности рассмотрѣніе божественной святости и справедливости, снова отталкивало этихъ психологовъ отъ такихъ детерминистическихъ мыслей и приводило къ утверженію свободы (т. е. не полной опредѣленности) духовнаго начала. Развѣ могъ бы Богъ желать грѣховныхъ поступковъ со стороны людей и хотя бы даже косвенно послужить причиной ихъ; или, какъ онъ могъ бы наказывать людей за поступки, обусловленные неизмѣнными и имъ же самимъ предписанными законами. Происходя всецѣло отъ Бога, люди не совѣмъ, однако, связаны присушимъ имъ Божественнымъ началомъ, они могутъ вполне произвольно и безпричинно отъ него отвращаться.

Новый взглядъ на явленія природы привелъ къ другому рѣшенію вопроса. Гоббсъ и Спиноза защищали его съ ясностью и остротой, которыя и теперь еще производятъ впечатлѣніе. Стремясь кое-что осторожно стусевать, выступилъ его сторонникомъ и Лейбницъ; съ этихъ поръ

этотъ взглядъ становится достояніемъ психологіи. Процессы душевной жизни, такъ учатъ эти мужи, являются въ одномъ отношеніи вполнѣ однородными съ процессами внѣшней природы, съ которыми они связаны такъ тѣсно; именно, они всегда вполнѣ однозначно опредѣлены своими причинами, и никогда не могутъ быть иными, чѣмъ мы ихъ находимъ въ дѣйствительности. Свобода въ смыслѣ безпричинности есть несоотвѣтствующее дѣйствительности понятіе. Единственно о чемъ можно говорить съ нѣкоторымъ правомъ, это о свободѣ въ смыслѣ отсутствія принужденія, въ смыслѣ опредѣляемости вещи или существа исключительно своей собственной природой, присущими ему особенностями. Точно такъ же, какъ говорятъ о водѣ, что она свободно течетъ, если ее не останавливаетъ плотина, или о лошади, что она свободно бѣгаетъ, если она не привязана или не заперта въ конюшнѣ, точно такъ же можно назвать свободнымъ поступкомъ благодѣяніе человѣка или его совмѣстную жизнь съ другими, если только все это вытекаетъ изъ его собственныхъ соображеній и побужденій, а не вынуждено насиліемъ или угрозой. Но всѣ эти явленія, — благодѣяніе человѣка, теченіе воды и бѣгъ лошади, — суть закономѣрныя дѣйствія опредѣленныхъ причинъ. То обстоятельство, что люди склонны не замѣчать такой однородности психическихъ явленій и явленій внѣшней природы, а наоборотъ, склонны вѣрить въ упомянутую выше ложно понятую свободу, — объясняется исключительно ихъ невѣдѣніемъ. Изъ массы сплетающихся мотивовъ, обусловливающихъ ихъ дѣйствія, они видятъ большей частью только нѣкоторые; поэтому, для ихъ непосредственнаго сознанія многія рѣшенія въ самомъ дѣлѣ оказываются безпричинными. „Если бы деревянный волчокъ, говоритъ Гоббсъ, пущенный ударомъ кнута и бѣгающій отъ одной стѣны къ другой, сознавалъ свое движеніе, онъ былъ бы увѣренъ въ произвольности своихъ движеній, развѣ только онъ почувствовалъ бы, что именно его стегнуло“. То же самое и человѣкъ, который мечется то сюда, то туда, по своимъ дѣламъ, и при этомъ думаетъ, что онъ все дѣлаетъ по своей волѣ; онъ не видитъ кнута, опредѣляющаго его волю. Поэтому, чтобы дѣйствительно понять человѣческія мысли и побужденія, нужно по отношенію къ нимъ рассуждать совершенно такъ же, какъ и по отношенію къ физическимъ тѣламъ или къ математическимъ линіямъ и поверхностямъ. Мнимая опасность такого пониманія вещей исчезаетъ, коль скоро отнестись къ нему безъ предубѣжденія и стараться понять его. При этомъ, конечно, возможны злоупотребленія, особенно со стороны незрѣлыхъ умовъ, но „какое бы употребленіе ни дѣлали изъ истины, истина останется истиной“, а затѣмъ, вѣдь рѣчь идетъ не

о томъ, „что годится для хорошей проповѣди, а о томъ, что истинно“.

Въ зависимости отъ этого убѣжденія въ общей законѣрности душевной жизни развивается, снова опираясь на естествознаніе, оцѣнка одной важной законѣрности особаго рода. Для обычнаго представленія появленіе и теченіе нашихъ мыслей кажется какой-то совершенно безпорядочной и не поддающейся никакому учету игрой. Однако, уже у Платона и Аристотеля ясно понята и высказана та мысль, что здѣсь точно также царствуетъ извѣстный порядокъ, что теченіе мыслей управляется отношеніемъ сходства съ одновременными впечатлѣніями или же ихъ прежнимъ сосуществованіемъ съ этими впечатлѣніями. Но такое знаніе оставалось знаніемъ любопытнаго явленія и только; въ теоретическомъ отношеніи его совершенно не использовали. Теперь оно приведено въ связь съ вновь добытыми физическими взглядами. Такая законѣрность въ теченіи мыслей, думалъ Гоббсъ, основывается на томъ, что наши представленія тѣсно связаны съ матеріальными движеніями въ нервахъ и другихъ органахъ и что эти движенія, будучи разъ вызваны, не прекращаются, а только ослабѣваютъ постепенно вслѣдствіе сопротивленія. Для него законы воспроизведенія представляютъ въ духовномъ мірѣ нѣчто похожее на *законъ инерціи* въ мірѣ матеріальномъ. Спустя столѣтіе, Юмъ основываетъ ихъ на особаго рода *притяженіи*, въ чемъ несомнѣнно сказывается вліяніе Ньютона. И такъ какъ инерція и притяженіе были признаны за важнѣйшія основныя явленія матеріальнаго міра, то возникло стремленіе признать приравненные къ нимъ законы воспроизведенія за основные факты душевной жизни и вывести изъ нихъ столь-же многочисленныя и плодотворныя слѣдствія для психологіи, какъ это было выведено изъ указанныхъ выше явленій для физическаго міра. Такъ возникла англійская *ассоціаціонная психологія*, которая представляетъ попытку понять различныя, издавна наполовину гипостазированныя и безъ всякой связи помѣщаемыя другъ около друга способности души,—какъ напр. память, фантазію, рассудокъ,—а также важнѣйшіе результаты ихъ проявленія, именно, сознаніе своего „я“ и внѣшняго міра,—какъ естественныя, такъ сказать, механическія слѣдствія движенія представлений, управляемаго законами ассоціаціи. Подобное стремленіе, выраженное также въ нѣсколько другой формѣ и во французской *сенсуалистической* психологіи, несомнѣнно представляетъ въ его цѣломъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и односторонности, громадный шагъ впередъ по сравненію съ прошлымъ.

Такъ же какъ объясняющему характеру естествознанія Галилея и Ньютона соотвѣтствуетъ ассоціаціонная

психологія, такъ описательному естествознанію Линнея и Бюффона соотвѣтствуетъ *эмпирическое ученіе о душѣ* нѣмецкой школы. Нужно сказать, однако, что значеніе послѣдняго преимущественно — т. е. за вычетомъ нѣкоторыхъ именъ, какъ напр. Тетенса,—отрицательно. Оно намѣревалось объяснить душевныя явленія: сначала уяснить ихъ путемъ тщательнаго самонаблюденія, а затѣмъ, посредствомъ разложенія на составныя части, отыскать тѣ простѣйшія силы, изъ которыхъ они происходятъ. Но на дѣлѣ это ученіе не идетъ дальше описанія доступныхъ непосредственному наблюденію процессовъ, и полученные имъ результаты показываютъ очень убѣдительно, что описаніе само по себѣ остается бесполезнымъ дѣломъ, если оно не является вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіемъ, какъ это встрѣчается иногда за послѣднее время. Многочисленныя и разнообразныя проявленія души, различаемыя уже въ народной психологіи, располагались этимъ ученіемъ въ извѣстныя группы одно подлѣ другого или одно надъ другимъ, и все объясненіе состояло въ томъ, что каждая изъ этихъ группъ разсматривалась, какъ дѣйствіе особой *способности*. Мы получаемъ такимъ образомъ цѣлую массу сложныхъ и во многихъ отношеніяхъ родственныхъ между собою психическихъ функцій въ видѣ вполне самостоятельныхъ, чуждыхъ другъ другу, но рядомъ стоящихъ способностей, какъ напр. воспріятіе, разсудокъ, разумъ, воображеніе, и тутъ же—способность абстракціи, остроуміе, способность обозначенія и т. д.; эти способности, чисто внѣшнимъ образомъ, словно маленькіе человѣчки въ одномъ большомъ человѣкѣ, дѣйствуютъ то сообщи, то противъ другъ друга. Напр., поэтическая способность „есть проявленіе силы воображенія въ соединеніи съ разсудкомъ“. Напротивъ, въ соединеніи съ разумомъ сила воображенія образуетъ „способность предвидѣнія“. „Остроуміе часто мѣшаетъ силѣ сужденія и приводитъ послѣднюю къ ложнымъ сужденіямъ... Сила сужденія должна, поэтому, остерегаться остроумія“. Польза этого направленія для развитія психологіи заключалась въ вызванной имъ оппозиціи, которая была направлена также и противъ ассоціаціонной психологіи.

Къ недостаткамъ ассоціаціонной психологіи прежде всего принадлежитъ слѣдующее: она не даетъ никакого объясненія явленіямъ вниманія. Ассоціативнымъ связываніемъ представленій нельзя объяснить тотъ своеобразный процессъ, благодаря которому изъ цѣлой массы чувственныхъ впечатлѣній или представленій, одновременно, такъ сказать, предлагаемыхъ душѣ, всегда только нѣкоторыя проникаютъ въ нее и оказываютъ свое дѣйствіе. Поэтому, ассоціаціонные психологи или совсѣмъ умалчиваютъ объ этомъ чрезвычайно важномъ фактѣ, или же даютъ ему со-

вершено недостаточное объясненіе, благодаря чему у противниковъ ихъ стараній закономѣрно объяснить психическія явленія оказывается въ рукахъ лишній козырь. Въ самомъ дѣлѣ, въ явленіяхъ вниманія душа, повидимому, смѣется надъ подобными стараніями и кажется намъ какой-то реальностью, которая непосредственно, совершенно въ духѣ популярнаго пониманія, отдѣляется отъ своего собственнаго содержанія, самостоятельно ему противопоставляется и, по своему усмотрѣнію, обрабатываетъ его въ томъ или другомъ направленіи.

Крупная заслуга Гербарта состоитъ въ томъ, что онъ понялъ этотъ слабый пунктъ ассоціаціонной психологіи и попытался восполнить его. Онъ убѣжденъ, что „закономѣрность душевной жизни совершенно одинакова съ закономѣрностью звѣзднаго неба“; дѣло только въ томъ, чтобы найти правильныя предпосылки для ея пониманія. При этомъ Герbartъ также, не высказывая того, руководствуется физическими аналогіями. Представленія онъ разсматриваетъ, какъ отталкивающіяся другъ отъ друга образованія или какъ эластическія тѣла, которыя распределены въ пространствѣ опредѣленнаго объема и которыя, подъ вліяніемъ попеременнаго давленія съ различныхъ сторонъ, сжимаются и уменьшаются въ немъ, но никогда совершенно не исчезаютъ. Разъ появилось одновременно нѣсколько представленій, то вслѣдствіе единства души, въ которой они принуждены находиться вмѣстѣ, и благодаря существующей между ними противоположности, они становятся по отношенію другъ къ другу противными силами. Они *подавляютъ* другъ друга, т. е. ослабляются въ ясности, съ которой представляются, и въ энергіи, съ которой появляются въ сознаніи. Однако, они не исчезаютъ совсѣмъ и, поскольку на нихъ дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ другія представленія, превращаются въ *стремленія* къ представленіямъ; какъ скоро сопротивление уменьшается, они снова появляются въ полѣ яснаго сознанія изъ своего вынужденнаго состоянія затменія. Далѣе, Герbartъ вводитъ еще нѣсколько простыхъ предположеній относительно силы только что описанныхъ подавляющихъ вліяній и такимъ образомъ находитъ, что достаточно уже двухъ представленій, чтобы вытѣснить изъ сознанія третье; отсюда съ чувствомъ радостнаго удовлетворенія онъ получаетъ, съ помощью простаго механизма, „объясненіе для наиболѣе общаго изъ всѣхъ психологическихъ чудесъ“, а именно для того обстоятельства, что изъ всѣхъ нашихъ знаній, мыслей, желаній насъ занимаетъ въ каждый данный моментъ несравненно меньшая часть, по сравненію съ той, какая могла бы дойти до нашего сознанія, при чемъ, однако, не занимающее насъ въ данный моментъ не пропадаетъ для насъ совершенно,—однимъ словомъ, для явленій

вниманія. При этомъ Гербартъ не забываетъ также принять въ число своихъ предположеній и ассоціативный принципъ въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ; располагая же такими двумя средствами объясненія, какъ подавленіе и ассоціація, онъ могъ съ особенной силой и успѣхомъ одновременно вести борьбу съ только классифицирующей и гипостазирующей психологіей способностей. Всѣ обыкновенно равноправныя проявленія души, даже чувство и желаніе, онъ беретъ объяснить исключительно, какъ различные результаты механики представленій.

Но еще и съ помощью другого средства Гербартъ пытается „создать изслѣдованіе души, подобное естествознанію“; это средство: „гдѣ только возможно, пользоваться измѣненіемъ величинъ и математическимъ вычисленіемъ“. Мысль о примѣненіи такого метода къ изученію психологіи мы находимъ то здѣсь, то тамъ, еще ранѣе Гербарта: блестящіе результаты, которые получило естествознание съ помощью измѣренія и счисленія, естественно породило мысль, нельзя ли что-нибудь подобное сдѣлать и для психологіи. Однако, подходящихъ способовъ для такого примѣненія не находили и, поэтому, успокаивались обыкновенно на признаніи оправдывающей безсиліе невозможности такого предпріятія. Наибольшей извѣстностью пользовалось утвержденіе Канта, что математика не приложима къ явленіямъ внутренняго міра и къ ихъ законамъ, такъ какъ время, въ которомъ приходится конструировать душевныя явленія, имѣетъ только одно измѣреніе. Гербарту также не удалось проложить здѣсь новой дороги: ни на одномъ примѣрѣ онъ не показалъ, какъ слѣдуетъ производить измѣренія, имѣющія хоть какое-нибудь отношеніе къ душевному міру. Тѣмъ не менѣе онъ призналъ, что душевная жизнь допускаетъ измѣреніе не только во времени, но и въ другихъ отношеніяхъ, и своей попыткой приблизиться къ этому, съ помощью извѣстныхъ численныхъ предположеній и подробнѣйшаго развитія ихъ слѣдствій, онъ съ такой силой подчеркнул не замѣчаемую до сихъ поръ сторону даннаго вопроса, что въ скоромъ времени искомая правильная дорога была найдена.

Гербартъ имѣлъ сильное и продолжительное вліяніе на психологію, однако, дальнѣйшіе успѣхи послѣдней не находились въ прямой связи съ проложеннымъ имъ путемъ. Нѣкоторыя изъ его общихъ предположеній и особенно основы его выкладокъ настолько еще висѣли въ воздухѣ, что ихъ нельзя было считать вѣроятными на основаніи приблизительнаго соотвѣтствія отдѣльныхъ выводовъ съ опытомъ. Къ тому-же давно возникла сильная оппозиція противъ защищаемаго имъ и ассоціационистами психологами интеллектуализма, т. е. противъ исключительнаго раз-

смотрѣнія одной только мыслящей и познающей дѣятельности души. Если, въ самомъ дѣлѣ, душевная жизнь оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ простымъ движеніемъ представленій, соединеніемъ и борьбой отдѣльныхъ рядовъ и группъ представленій, то какъ понять, напр., такое явленіе, какъ религія? Неужели она есть только небольшой комплексъ истинныхъ и допускающихъ разумное обоснованіе представленій въ соединеніи съ громаднымъ комплексомъ суевѣрныхъ выдумокъ, только для того и изобрѣтенныхъ пасторами и королями, чтобы держать народъ въ своей власти? Нельзя удовлетвориться столь низкой оцѣнкой. А что такое искусство? Есть ли оно въ самомъ дѣлѣ, — напр. лирика Гёте или симфоническая музыка Бетховена, — простое орудіе для передачи познаній только чувственнымъ путемъ, на что указываетъ названіе „эстетика“, или-же незамѣтный способъ внушенія представленій, дѣлающихъ людей добродѣтельными и патриотичными? Въ особенности же непонятно, какимъ образомъ оказывается здѣсь результатомъ одной механики представленій то, что стоитъ въ центрѣ всякаго психическаго существованія: именно, сущность всякой индивидуальности, та своеобразность личности и характера, которая при всѣхъ различныхъ проявленіяхъ душевной жизни образуетъ всегда свое неизмѣнное ядро и которая, при равномъ повидимому богатствѣ представленій, выражается столь различно: то какъ властная и покорная, то какъ добродушная и злая, гордая и низкая натура. И вотъ все громче и убѣдительнѣе раздаются голоса такихъ людей, какъ Руссо, Кантъ, Фихте, Шопенгауеръ, которые наряду съ жизнью представленій подчеркиваютъ жизнь чувства и воли, или даже отводятъ ей первое мѣсто, какъ проявленію ея подлинной и сокровеннѣйшей сущности. Противъ интеллектуализма выступаетъ такъ называемый теперь волюнтаризмъ.

Переносъ естественно-научныхъ возрѣній въ психологическое изслѣдованіе, давшій громадный толчекъ развитію психологіи, имѣлъ и свои невыгодныя стороны. Первые блестящія завоеванія новаго естествознанія относились преимущественно къ области физики, особенно механики. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изслѣдователи, желая достигнуть подобныхъ же результатовъ въ психологіи, обращались прежде всего къ физико-механическимъ процессамъ. Инерція, притяженіе, отталкиваніе, о которыхъ мы уже упоминали, агрегатъ и химическое сродство, — вотъ тѣ категоріи, съ которыми они оперировали. Не удивительно, что благодаря этому очень часто насилывались факты и впадали въ заблужденіе при объясненіи ихъ. Если душа и есть механизмъ, то нельзя все таки представлять ее въ видѣ хотя-бы самыхъ усовершенствованныхъ часовъ или гальванической батареи.

Душа связана съ органическимъ тѣломъ, прежде всего она связана съ нервной системой, строеніе и функціи которой такъ или иначе опредѣляютъ ея собственное бытіе. Слѣдовательно, если ужъ хотятъ пользоваться аналогіями съ матеріальнымъ для объясненія психическихъ образованій, то нужно брать ихъ изъ органической жизни, которая хотя и обусловлена физико-химически, но въ высшей степени сложнымъ образомъ. Явленія сходныя съ индивидуальностью и характеромъ, съ волевой и эмоціональной жизнью души мы находимъ въ единой сущности растительнаго и животнаго организма, въ своеобразной опредѣленности его сокровеннѣйшаго стремленія къ жизни и въ разнообразныхъ отдѣльныхъ инстинктивныхъ влеченіяхъ, въ которыхъ это стремленіе непрерывно находитъ свое развитіе и удовлетвореніе. Такимъ образомъ въ 19 столѣтіи механическія категоріи въ узкомъ смыслѣ постепенно исчезли изъ психологіи и уступили свое мѣсто категоріямъ біологическимъ, каковы рефлексъ, подавленіе рефлекса, упражненіе, ассимиляція, напряженіе и пр. Великое пріобрѣтеніе новой біологіи, идея развитія, также была усвоена психологической наукой и съ успѣхомъ использована для объясненія психическихъ процессовъ, какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ челоѣческихъ обществахъ.

Выше было уже отмѣчено, что наряду съ такимъ полезнымъ воздѣйствіемъ естествознанія на психологію, которое было основано на заимствованіяхъ и аналогіяхъ, въ теченіе XIX вѣка оно стало оказывать на нее еще другое, уже непосредственное вліяніе. Въ своемъ естественномъ поступательномъ движеніи естествознаніе пришло въ различныхъ пунктахъ къ психологическимъ вопросамъ; преслѣдуя вначалѣ свои собственныя цѣли и усердно занимаясь этими вопросами, оно тѣмъ самымъ непосредственно прокладывало дорогу для самой психологіи.

Первые и наиболѣе сильные импульсы къ этому были даны развитіемъ фізіологіи чувствъ. Въ тридцатыхъ годахъ 19-аго вѣка начинается чрезвычайно дѣятельная и плодотворная работа въ этой области. Многочисленные фізіологи соперничали другъ съ другомъ въ тщательномъ изученіи строенія и функцій органовъ чувствъ и естественно, что они не могли ограничиться только матеріальными функціями, на которыя прежде всего было направлено ихъ вниманіе; они должны были включить въ кругъ своихъ изслѣдованій и психическіе процессы ощущенія, безъ которыхъ нельзя было бы понять и самихъ обусловливающихъ ихъ матеріальныхъ функцій. Особенный интересъ привлекъ къ себѣ глазъ, снабженный цѣлымъ рядомъ діоптрическихъ и механическихъ вспомогательныхъ аппаратовъ и отличающійся тонкостью и

разнообразіемъ своихъ функцій; но осязаніе и слухъ также нашли своихъ наблюдателей. Іог. Мюллеръ, Э. Веберъ, Брюстеръ и прежде всего—замѣчательно разносторонній, дальновидный и особенно изобрѣтательный, немного болѣе молодой Гельмгольцъ,—вотъ наиболѣе значительные представители этихъ изслѣдованій. Они обогатили психологію такими работами, какихъ она до тѣхъ поръ никогда не знала; работами, основанными на тщательно продуманныхъ, самостоятельныхъ вопросахъ къ природѣ, на искусномъ созданіи благопріятныхъ условій для полученія отвѣта на нихъ, т. е. на *экспериментъ* и, гдѣ возможно, на точномъ *измѣреніи* результатовъ и ихъ причинъ. Когда въ 1829 г. Э. Веберъ, движимый казалось простымъ любопытствомъ, захотѣлъ узнать, съ какой тонкостью на разныхъ мѣстахъ кожи могутъ различаться два отдѣльныхъ прикосновенія, какъ таковыя, а позднѣе, съ какой точностью можемъ мы отличить другъ отъ друга двѣ положенныя на руку тяжести; или когда онъ размышлялъ, какимъ образомъ можно изслѣдовать при поднятіи тяжестей воспріятіе, получаемое черезъ посредство мускуловъ, отдѣльно отъ воспріятія, получаемого черезъ кожу—то этимъ самымъ было сдѣлано для истиннаго прогресса психологіи гораздо болѣе, чѣмъ всѣми различеніями, опредѣленіями и классификаціями, произведенными за время отъ Аристотеля до Гоббса. Тогда же было сдѣлано поразительное, хотя только позднѣе вполнѣ доказанное, открытіе новыхъ, т. е. до сихъ поръ незамѣченныхъ органовъ чувствъ, именно, мускуловъ и полукружныхъ каналовъ уха. Это открытіе знаменовало собой не только приростъ знанія, но и расширение кругозора, такъ какъ отличительное свойство этихъ органовъ заключается въ томъ, что они даютъ намъ знать не о внѣшнихъ раздраженіяхъ въ обычномъ смыслѣ, подобно другимъ органамъ, а о процессахъ, совершающихся внутри самого тѣла.

Одинъ частный результатъ изслѣдованій въ области фізіологіи органовъ чувствъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ, сдѣлался исходнымъ пунктомъ новаго сильнаго движенія. Во второй четверти XIX-аго вѣка біологія стремилась въ своемъ развитіи къ методическому и точному изслѣдованію эмпирическихъ данныхъ, причемъ прежнія натурфілософскія умозрѣнія были оставлены; но еще долгое время во многихъ умахъ съ равной силой уживалось недавнее прошлое и ближайшее будущее. Наиболѣе значительнымъ представителемъ такой переходной эпохи былъ Г. Фехнеръ. Съ одной стороны, онъ является полнымъ фантазіи философомъ, находящимся подъ вліяніемъ натурфілософіи Шеллинга и Гербартовскихъ мыслей о приложеніи математики къ психологіи. Какъ таковой, онъ раз-

суждаетъ о возможныхъ точныхъ отношеніяхъ между тѣломъ и душой, пытается математически выразить зависимость психическаго отъ соотвѣтствующихъ нервныхъ процессовъ и вотъ, въ одно прекрасное утро, въ октябрѣ 1850 г., лежа въ кровати, находитъ повидимому вполне правдоподобную формулу. Съ другой стороны, онъ представляетъ собой въ высшей степени точнаго физика, привыкшаго все кажущееся вѣроятнымъ сейчасъ же проверять показаніями опыта и лишеннаго обычной боязни спекулятивныхъ натуръ касаться вещей не только въ своихъ мысляхъ, но и своими руками. Развивая свои идеи, онъ наталкивается на нѣкоторые результаты работъ Э. Вебера, продолжаетъ эти работы, пользуясь болѣе точными методами, въ тѣломъ рядѣ самоотверженныхъ опытовъ, принимаетъ во вниманіе чужія, оставшіяся незамѣченными наблюденія и, наконецъ, получаетъ возможность высказать первый математически формулированный законъ душевной жизни, свой законъ Вебера, состоящій въ томъ, что равномерному приращенію психическаго соотвѣтствуетъ равномерное приращеніе внѣшнихъ раздраженій (см. § 5, 4). Всѣ свои разсужденія, изслѣдованія, формулировки и выводы Фехнеръ объединилъ въ новую отрасль знанія, *психофизику*, которую онъ опредѣляетъ какъ „точное ученіе объ отношеніяхъ между тѣломъ и душой“.

Это твореніе вызвало безчисленное множество сочиненій, подтверждающихъ, опровергающихъ, оспаривающихъ и продолжающихъ его. Выдвинутый ими прежде всего вопросъ о правильности установленнаго Фехнеромъ закона скоро потерялъ свое первоначальное значеніе и уступилъ мѣсто другимъ вопросамъ. Но независимо отъ всего этого произведеніе Фехнера оказалось важнымъ для психологіи въ тройномъ отношеніи. Совершенно необоснованныя математическія фикціи Гербарта, которыя Лотце еще въ 1852 г. непонятно почему предпочиталъ отысканію эмпирическихъ формулъ, Фехнеръ замѣнилъ дѣйствительнымъ измѣреніемъ психическихъ образованій и опирающейся на реальную почву численной формулировкой психической закономерности. Далѣе, онъ поставилъ вещи въ одну великую связь, онъ соединилъ повидимому ничтожное и несущественное съ важнѣйшими психологическими вопросами и, такимъ образомъ, принудилъ считаться съ новымъ направленіемъ въ психологіи и тѣхъ изслѣдователей, которые стояли на философской точкѣ зрѣнія и которые до сихъ поръ мало обращали вниманія на успѣхи фізіологіи органовъ чувствъ. Наконецъ, онъ тщательно разработалъ методы для всѣхъ психофизическихъ изысканій, методы, превосходящіе во многихъ отношеніяхъ первые неудовлетворительныя приемы фізіологовъ и до сихъ поръ еще оказывающіе

большія услуги при изученіи процессовъ ощущенія и воспріятія.

Въ шестидесятихъ годахъ, приблизительно одновременно съ первыми проявленіями вліянія психофизики, развитію психологіи былъ данъ и третій толчекъ. Болѣе слабый, чѣмъ два упомянутыхъ, онъ всетаки не мало содѣйствовалъ расширенію области психологическихъ вопросовъ, доступныхъ экспериментальному изученію. Этотъ толчокъ произошелъ отъ одного наблюденія, сдѣланнаго уже двумя поколѣніями раньше, но долгое время не понятаго и оставшагося безъ вниманія.

Въ 1796 г. директоръ Гринвичской лабораторіи, Маскелинъ замѣтилъ, что записанное его ассистентомъ Кинеброкъ время прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ отличается почти на одну секунду отъ времени полученнаго имъ самимъ. Онъ предположилъ, что ассистентъ измѣнилъ въ чемъ-нибудь принятый тогда „превосходный“, такъ называемый глазной и ушной методъ наблюденія и употребилъ какой-нибудь самимъ имъ выдуманный неточный способъ. Маскелинъ предложилъ молодому человѣку исправиться и вернуться къ правильному методу. Ничто однако не помогло и тогда онъ принужденъ былъ, къ своему сожалѣнію, уволить въ общемъ очень способнаго ассистента. Кинеброкъ принесъ свое мѣсто въ жертву недостаточному психологическому знанію того времени. Лишь двадцать лѣтъ спустя Бессель открылъ, что такія разницы въ результатахъ наблюденій различныхъ индивидуумовъ составляютъ общее и вполне нормальное явленіе, и что въ случаѣ Кинеброка онѣ достигли только особенной величины. Онѣ обуславливаются тѣми различными способами, которыми наблюдатели пользуются, когда начинаютъ одновременно обращать вниманіе на зрительное впечатлѣніе и на періодически повторяющееся слуховое впечатлѣніе, напр., удары маятника секундомѣра. Прошло, однако, снова нѣсколько десятилѣтій, пока изученіе этого явленія, такъ называемаго личнаго уравненія, которымъ вначалѣ интересовались исключительно изъ за практическихъ цѣлей астрономіи, привело къ двойному ряду психологически важныхъ изслѣдованій, одновременно экспериментальной и измѣрительной природы. Первый рядъ имѣлъ дѣло съ относительно простыми вопросами, именно съ продолжительностью простѣйшихъ психическихъ процессовъ: напр. чистаго воспріятія впечатлѣній, реагированія на нихъ несложнымъ дѣйствіемъ, а также воспроизведенія любого представленія, припоминанія извѣстнаго представленія и т. д., все это въ зависимости отъ различія впечатлѣній, сопровождающихъ обстоятельствъ, индивидуумовъ, направленія ихъ мыслей. Второй рядъ изслѣдованій касался высшихъ душевныхъ дѣятельностей, вни-

манія и хотѣнія: напр. отношеніе вниманія къ многимъ впечатлѣніямъ, послѣдовательность въ ихъ воспріятіи, число впечатлѣній, которое можно воспринять въ одномъ актѣ вниманія, превращеніе представленій въ движенія и т. п.

Ближайшія къ нашему времени услуги, оказанныя естествознаніемъ психологіи, относятся къ 70 годамъ XIX столѣтія и зависятъ отъ успѣховъ фізіологіи и патологіи мозга, выразившихся въ открытіи центровъ рѣчи—Брока и двигательной области коры—Фритчемъ и Гитцигомъ. Эти услуги иногда оцѣнивали слишкомъ мало и изъ недостатковъ и незаконченныхъ представленій отдѣльныхъ наблюдателей, заключали что въ ихъ работахъ нѣтъ для психологіи ничего поучительнаго. Но мнѣ кажется это очень несправедливымъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ частности, нужно признать, что психологія обязана изученію мозга двумя взглядами чрезвычайной важности. Прежде всего благодаря этому изученію стало извѣстно, что упорныя попытки многихъ вѣковъ найти въ мозгу такъ называемое сѣдалище души, т.-е. точку, въ которой душа вступаетъ въ отношеніе съ матерьяльнымъ органомъ, оказываются безпочвенными. Нѣтъ никакого сѣдалища души въ такомъ смыслѣ: мозгъ является воплощеніемъ абсолютной децентрализациі. Душа получаетъ, такъ сказать, приносимыя ей изъ внѣшняго міра раздраженія на далеко лежащихъ другъ отъ друга участкахъ мозга, различныхъ смотря по периферическимъ органамъ, отъ которыхъ эти раздраженія приходятъ. Въ матерьяльныя движенія душа также вмѣшивается съ далеко лежащихъ другъ отъ друга участковъ мозга, различныхъ смотря по тѣмъ группамъ мускуловъ, которыя она имѣетъ въ виду привести въ дѣйствіе. Всѣ эти различные участки находятся между собою въ связи, но нигдѣ эта связь не осуществляется въ видѣ одного общаго, строго очерченнаго центра. Это уразумѣніе истиннаго положенія вещей, само собой понятно, очень важно для образованія нашихъ представленій о сущности души.

Далѣе, работы по патологіи мозга позволили психологіи понять всю изумительную, дѣйствительную сложность даже повидимому простыхъ душевныхъ процессовъ. Уже непосредственное размышленіе приводитъ къ заключенію, что въ словахъ языка мы должны различать акустическіе и моторные, а иногда также оптическіе и графическіе элементы; это такъ и оказалось. Точно также можно замѣтить, что наши представленія о вещахъ являются прежде всего копіей различныхъ чувственныхъ впечатлѣній, получаемыхъ нами черезъ зрѣніе, слухъ, обоняніе и т. д., или, что наше обращеніе съ вещами основывается на опытѣ, полученномъ нами отъ ощупыванія ихъ руками и пальцами. Однако, тотъ фактъ, что всѣ эти различные компоненты (слагаемыя)

являются не только абстрактно различаемыми образованиями, а имѣютъ свое реальное существованіе и значеніе, что они проявляютъ это реальное существованіе и тогда, когда непосредственное сознаніе ничего объ нихъ не знаетъ и предполагаетъ, что имѣеть дѣло съ самыми простыми процессами,— что, наприм., узнаваніе или называніе предмета долгое время удерживаетъ самостоятельныя отношенія къ каждому роду происходящихъ отъ этого предмета чувственныхъ впечатлѣній (см. § 15,1) или что схватываніе вещи стоитъ въ постоянно раздѣльномъ отношеніи къ правой или лѣвой рукѣ,—эти факты стали ясными только благодаря изученію случаевъ, въ которыхъ, вслѣдствіе особыхъ поврежденій мозга, произошло расщепленіе обыкновенно гармоничной совмѣстной дѣятельности упомянутыхъ выше факторовъ и выпаденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Благодаря этому, психологіи удалось впервые прійти къ правильной постановкѣ интересующихъ ее вопросовъ. Она сознала, что, въ виду дѣйствительной сложности вещей, поставленные ею при помощи популярныхъ упрощенныхъ понятій, какъ, напр., воля, разумъ, память, или на основаніи кажущейся простоты представленій и двигательныхъ актовъ, вопросы—оказываются прямо бессмысленными; что только теперь, пользуясь правильной и сообразной съ сущностью дѣла постановкой вопросовъ, можетъ она надѣяться притти со временемъ къ пониманію явленій.

Нужно прибавить къ этому, что и косвеннымъ путемъ изслѣдованіе мозга еще въ одномъ отношеніи оказало вліяніе на психологію, именно, давъ сильный толчекъ къ развитію родственной ей психіатріи. Изученіе душевной жизни психически-больныхъ естественно оказалось плодотворнымъ для изслѣдованія и познанія нормальныхъ психическихъ процессовъ. И такъ какъ психіатру приходится имѣть дѣло сплошь да рядомъ со сложнѣйшими проявленіями души, какъ напр. съ эмоциональной жизнью, съ интеллектомъ, съ самосознаніемъ, то идущіе съ этой стороны импульсы явились счастливыми дополненіями къ другимъ упомянутымъ выше, касавшимся главнымъ образомъ жизни ощущенія и воспріятія.

Въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій 19-го вѣка — сначала благодаря Вундту—всѣ эти побѣги новой психологіи были привиты къ старому корню и объединены такимъ образомъ въ одно цѣлое. Они оживили отчасти засохшее, казалось, дерево и дали ему силы для новаго роста, благодаря чему оно пустило много новыхъ вѣтокъ. Психологія сдѣлалась другой, какъ въ учебникахъ, такъ и на кафедрахъ; къ тому-же возникли психологическія лабораторіи, которыя всего нагляднѣе показываютъ, какой переворотъ совершился въ способахъ психологическаго изслѣдованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ психологія сдѣлалась, наконецъ, самостоятельной наукой, существующей прежде всего для самой себя. До этихъ поръ она служила исключительно интересамъ другихъ. Знаніе душевной жизни не было самоцѣлью, но только полезной или необходимой подготовкой для достиженія другихъ болѣе высокихъ цѣлей. Большинство считало ее вѣтвью или служанкой философіи. Ею занимались прежде всего для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ возможно наше знаніе или какъ образуются представленія о вещахъ внѣшняго міра, а затѣмъ, на основаніи этого дѣлать метафизическія и этическія заключенія о духовности или матеріальности міра, о сущности души, о разумномъ образѣ жизни, или для того, чтобы получить, по отношенію къ этимъ вопросамъ, желаемое подтвержденіе тѣхъ или другихъ уже готовыхъ, происходящихъ изъ какого-нибудь другого источника мнѣній. Для другихъ на первомъ планѣ стояли практическія цѣли. Они занимались психологіей потому, что ея положенія находятся въ близкой связи съ практической жизнью и имѣютъ значеніе для многихъ другихъ наукъ, потому что она, напр., „даетъ наиболѣе ясныя понятія объ истинномъ ученіи о нравственности“ или учитъ людей, что они могутъ изъ себя сдѣлать, какъ можно улучшить свою память и сдѣлать ее болѣе гибкой. Нужно, конечно, отъ всего сердца желать, чтобы психологія никогда не потеряла своей связи съ философіей настолько, насколько случилось это, къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ, съ естествознаніемъ. Далѣе, врядъ ли когда-нибудь практическое значеніе психологіи, ея громадная важность для воспитанія, психіатріи, для права и морали, языка, религіи, искусства,—сознавалось такъ хорошо и вызвало такое множество работъ, какъ въ настоящее время. Но именно въ наше время поняли вмѣстѣ съ тѣмъ, что для философскихъ и практическихъ цѣлей будетъ гораздо полезнѣе, если психологи перестанутъ думать главнымъ образомъ о нихъ и стремиться къ ихъ достиженію, а отдадутся всецѣло разработкѣ вопросовъ самой психологіи, ради нихъ самихъ. Такимъ образомъ, стали заниматься психологіей, какъ особой самодовлѣющей наукой, которой исследователь долженъ отдать всѣ свои силы.

Нѣкоторыя внѣшнія даты могутъ подтвердить, насколько все сказанное правильно. До послѣднихъ десятилѣтій психологія не располагала еще ни однимъ собственнымъ журналомъ. Отдѣльныя попытки къ этому мы находимъ, правда, уже въ концѣ 18-го вѣка; издавался напр. „Magazin zur Erfahrungsseelenkunde“ и „Psychologisches Magazin“, но оба изданія прекратились на первыхъ выпускахъ. Даже и въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка небольшія психологическія сочиненія вообще опубликовывались довольно рѣдко, и работы подобнаго содержанія появлялись обыкно-

венно въ философскихъ, фізіологическихъ или даже физическихъ журналахъ. Но со времени шестидесятихъ годовъ произошелъ здѣсь переворотъ, не имѣющій, пожалуй, себѣ равнаго ни въ одной изъ другихъ научныхъ областей.

Сначала рѣдко, а потомъ все чаще и чаще начали выходить въ главныхъ культурныхъ странахъ многочисленныя *чисто* психологическіе журналы, изъ которыхъ ни одинъ еще не прекратилъ своего существованія изъ-за недостатка матеріала или за отсутствіемъ сочувствія со стороны читателей. Въ настоящее время издается 15 такихъ журналовъ, 6 на нѣмецкомъ, 4 на англійскомъ, 3 на французскомъ, 1 на итальянскомъ и 1 на скандинавскомъ языкѣ.¹⁾ И это за вычетомъ почти столь-же многочисленныхъ періодически публикуемыхъ трудовъ отдѣльныхъ ученыхъ или отдѣльныхъ учреждений, за вычетомъ многочисленныхъ, цѣнныхъ по ихъ психологическому значенію, работъ въ философскихъ, фізіологическихъ, психіатрическихъ, педагогическихъ, криминалистическихъ и т. п. журналахъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Къ исторіи новой психологіи:

M. Dessoir. Geschichte der neueren Psychologie, 1 кн. 2 изд. (1902).—R. Sommer. Grundzüge einer Geschichte der deutschen Psychologie und Ästhetik von Wolff,—Baumgarten bis Kant—Schiller (1892).—Т. Рибо. Современная англійская философія. Спб. (1881)—Современная германская психологіи. Спб. (1895).—L. Ferri. La psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'à nos jours (1883).

Троицкій. Нѣмецкая психологія. 2 т. М. 1883.

Начало новой психологіи:

Th. Hobbes, Human Nature. Being a discovery of the faculties, acts and passions of the soul of man, from their original causes (1650) (Изд. F. Tonnie's въ: Elements of Law by Th. Hobbes. 1889.). Questions concerning Liberty, Necessity and Chance (1656). (Engl. Works éd. by Molesworth. Vol. 5. Отсюда цитата на стр. 5).—Б. Спиноза. Этика. М. (1892). Дж. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М. (1898).

Ассоціаціонная психологія (Англія):

Д. Юмъ. Трактатъ о человѣческой природѣ. 1906.—D. Hartley, Observations on Man (1749).—Th. Brown, Lectures on the Philosophy of the Human Mind, 3 изд. (1820).—Jam. Mill, Analysis of the Phenomena of the Human Mind (1829).—Изъ новѣйшаго времени: A. Bain. The Senses and the intellect (1855; 4 изд. 1894). The Emotions and the Will (1859; 2 изд. 1865).

¹⁾ На русскомъ языкѣ въ настоящее время выходятъ два журнала съ обширными отдѣлами по вопросамъ психологіи: „Вѣстникъ Психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма“ въ Спб.; „Вопросы философіи и психологіи“ въ Москвѣ. Отдѣльныя статьи по психологіи печатаются также въ психіатрическихъ и др. журналахъ. *Ред.*

Сенсуалистическо-материалистическая психология (Франція),

J. O. De Lamettrie, L'homme machine (1748)—E. B. De Condillac, Traite des sensations (1754).—Ch. Bounet. Essai de psychologie (1755).

Психология способностей (Германія):

Chr Wolff. Psychologia empirica (1738) — L. H. Jakob. Grundriss der Erfahrungsseelenlehre (1791.) (отсюда цитата на стр. 6).—J. Kant. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1798). Выше стоятъ: J. N. Tetens, Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwicklung. 2 т. (1777).

Начало современной психологии:

J. F. Herbart, Lehrbuch zur Psychologie (1816. Русск. пер. А. Нечаева. 1895 г.). Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. 2 т. (1824/25)—Примыкаютъ: M. Lazarus, Leben der Seele, 3 изд. 3 т. (1882).—H. Steinthal, Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft, 1 т. (1871).

Физиология органовъ чувствъ.

Flourens, Expériences sur les canaux semicirculaires de l'oreille dans l'oiseaux. Mém. de l'insitut (1830).—E. Brewster, Treatise on Optics (1832).—Joh. Müller, Handbuch der Physiologie des Menschen, 2 т. (1833/40). E. H. Weber. Annotationes anatomicae et physiologicae (1834). Tastsinn und Gemeingefühl. Wagners Handwörterb. der Physiol. т. III, 2 (1846).—Первое примѣненіе новыхъ знаній у Н. Lotze, Medicinische Psychologie (1852.).

Психифизика:

G. Th. Fechner, Zendavesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits. т. 2. (1851). Elemente der Psychophysik. 2 тома (1860).—G. E. Müller. Zur Grundlegung der Psychophysik (1878).

Времена реакціи:

Maskelyne, Astronomical Observations made at the Royal Observatory at Greenwich т. III. (End of the Observations of 1795).—Первыя примѣненія этого въ психологии: В. Вундтъ. Лекція о душѣ чловѣка и животныхъ. Русск. переводы съ 1-го изд. (1862) и 3 нѣм. изд. (1892).—De Jaeger. De physiologische Tijd bij psychischen Processen (1865).—F. C. Donders, Die Schnelligkeit psychischer Prozesse. Archiv für Anat., Physiol. u. wissensch. Medicin 1868.

Физиология и патология мозга:

P. Broca, Remarques sur le siège de la faculté du langage articulé. Bull. de la société anatomique. 2 sér. VI (1861).—G. Fritsch und E. Hitzig. Über die elektrische Erregbarkeit des Grosshirns. Arch. f. Anat. Physiol. u. wissensch. Medicin. 1870.—C. Wernicke, Der aphasische Symptomenkomplex. 1874.

Развитіе:

Г. Спенсеръ. Основанія психологии (1855). Русск. пер. (1896).—Ч. Дарвинъ. Происхожденіе чловѣка (1871).).—G. J. Romanes, Mental Evolution in Animals (1883). Mental Evolution in Man (1889). Обѣ книги перев. на русск. яз. Умъ животныхъ. 1889. Духовная эволюція чловѣка. (1905).

Новыя общія изложенія:

J. M. Baldwin, Handbook of Psychology, 2 изд. (1890/91).—H. Cornelius, Psychologie als Erfahrungswissenschaft (1897). — H. Ebbingans Grundzüge der Psychologie, I т. 2 изд. (1905).—Г. Гёфдингъ. Очеркъ психологii Спб. (1905). — A. Höfler, Psychologie (1897). — W. James. The Principles of Psychology. 2 изд. (1890).—F. Jodl, Psychologie 2 изд. 2 тома (1902).—O. Külpe, Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage dargestellt (1893).—Th. Lipps. Grundtatsachen des Seelenlebens (1883). Руководство психологii. Спб. (1905) — H. Münsterberg, Grundzüge der Psychologie, I т. (1900).—J. Rehmke, Lehrbuch der allgemeinen Psychologie. 2 изд. (1905). — G. F. Stout. Analytic Psychology. 2 изд. (1896).—E. B. Titchener, Experimental Psychology, 2 изд. (1901 и 1905).—В Вундтъ. Основы физиологической психологii (1873/4. Русск. пер. съ 6-го изд. въ 3-хъ том. 1908 г.). Очеркъ психологii. Русск. пер. подъ ред. Н. Грота. М. 1897 г.—Т. Цигень. Физиологическая психологii. Русск. пер. съ 8-го нѣм. изд. подъ ред. А. Л. Щеглова (1909).

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Общiе взгляды.

Тому, кто приступаетъ къ изложенiю психологiи, приходится бороться съ однимъ большимъ затрудненiемъ: онъ всегда встрѣтитъ гдѣ-нибудь рѣзкую критику. Чтобы не оставить читателя безъ руководящей нити, но показать ему частности въ надлежащей связи, необходимо положить въ основу изложенiя общiе взгляды, которые, конечно, сами были получены путемъ предварительнаго разсмотрѣнiя извѣстныхъ отдѣльныхъ фактовъ. Но дѣло въ томъ, что важнѣйшiе общiе взгляды на психическое съ объективной точки зрѣнiя не всегда являются таковыми съ точки зрѣнiя личной. Они отнюдь не пользуются всеобщимъ признанiемъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ областяхъ знанiя, не смотря на случающiеся иногда измѣненiя взглядовъ; въ самомъ недавнемъ прошломъ снова возгорѣлся по поводу нихъ, никогда не прекращавшiйся, жаркiй споръ. Читатель долженъ уяснить себѣ это и не дѣлать развитымъ здѣсь общимъ мыслямъ упрека, что онѣ раздѣляются не всѣми; никто не могъ бы изложить ему такихъ мыслей, съ которыми были бы согласны всѣ. Къ тому же изложенныя здѣсь мысли не являются личнымъ мнѣнiемъ автора, но представляютъ собою общее достоянiе цѣлаго ряда выдающихся изслѣдователей. Прежде всего они принимаются за наиболѣе вѣроятныя основныя воззрѣнiя при изученiи душевной жизни всѣми, кто придаетъ большое значенiе тому, чтобы общiя представленiя о духовномъ мiрѣ находились въ согласiи съ тѣмъ, что считается правильнымъ для мiра матерiальнаго; ибо тѣ особые факты, которые приводятъ къ этимъ руководящимъ воззрѣнiямъ, лежатъ въ области отношенiй между духовнымъ и тѣлеснымъ: такимъ образомъ въ примѣненiи ихъ заинтересованы обѣ стороны.

§ 1. Мозгъ и душа.

Какъ извѣстно каждому, процессы нашей душевной жизни стоятъ въ самой тѣсной связи съ функцiями нервной системы, именно, главнаго ея органа, мозга. Безкровiе мозга

порождаетъ обморокъ, слѣдовательно, оно прекращаетъ душевную жизнь; напротивъ, при умственной дѣятельности кровь сильнѣе приливаетъ къ мозгу и повышаетъ въ немъ обмѣнъ веществъ. Вліяніе наркотическихъ или ядовитыхъ веществъ, какъ алкоголь, кофе, морфій, на душевныя проявленія зависитъ отъ ихъ дѣйствія на нервную систему. Помимо этихъ опытовъ, наше знаніе связи между нервной системой и психическими процессами основывается прежде всего на двухъ группахъ фактовъ.

Во-первыхъ, возрастающая величина и развитіе мозга въ восходящемъ ряду животныхъ сопровождается въ общемъ болѣе развитіемъ и болѣе богатымъ душевной жизни. Особенно рѣзко бросается въ глаза такое отношеніе при сравненіи человѣка съ животнымъ. Хотя въ этомъ случаѣ нѣсколько мѣшаетъ то обстоятельство, что мозгъ, какъ и всякій другой органъ, стоитъ въ опредѣленной зависимости къ величинѣ тѣла, такъ что людей можно сравнивать не съ любымъ животнымъ, а только съ тѣми, которые приближаются къ человѣку по величинѣ тѣла. Однако то совершенно особенное положеніе, которое занимаетъ человѣкъ въ смыслѣ его психическаго развитія, съ полной очевидностью выступаетъ и въ матеріальномъ отношеніи. Наиболѣе близко стоящихъ къ нему животныхъ, человекоподобныхъ обезьянъ, онъ превосходитъ по абсолютному и относительному вѣсу мозга въ 3 раза, а болѣе развитыхъ изъ ниже стоящихъ животныхъ, какъ напр., большую собаку, въ 8—10 разъ. Среди людей замѣчается такое же соотношеніе. Конечно и здѣсь, благодаря чрезвычайной сложности разсматриваемыхъ вещей, нельзя обнаружить его при каждомъ любомъ сравненіи, напр., ограниченномъ отдѣльными индивидуумами, но нужно брать среднія величины, полученныя изъ сравненія большихъ группъ, подобно тому, какъ нельзя ожидать, чтобы физическая сила человѣка или его руки всегда была строго пропорціональна массѣ его мускуловъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ величины связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Но если взять, для уравниванія случайностей, среднее число многочисленныхъ отдѣльныхъ наблюдений, то всегда оказывается, что индивидуумы или расы, стоящіе на болѣе высокой ступени духовнаго развитія, обладаютъ и болѣе значительнымъ или болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ ниже стоящіе.

Другіе факты, которые доказываютъ тѣсную связь между душевной жизнью и мозгомъ, заключаются въ томъ, что нарушеніе ихъ нормальнаго состоянія равномерно отражается на нихъ обоихъ. Болѣзни и поврежденія мозга сопровождаются, говоря вообще, разстройствомъ душевной жизни и обратно, душевныя разстройства — измѣненіями

въ структурѣ мозга. Мы говоримъ вообще, но не во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Не трудно видѣть, что не всегда можно съ увѣренностью сказать, существуетъ ли такая объективная связь. Увѣренно констатировать душевное разстройство—часто является очень труднымъ дѣломъ. Случалось, что ученые психіатры наблюдали за подозрительнымъ индивидуумомъ въ теченіи многихъ недѣль и все-таки не могли опредѣлить, имѣется ли у него только простая, въ предѣлахъ нормальнаго, странность, или же дѣйствительное душевное заболѣваніе. Точно также и познаніе матеріальныхъ измѣненій въ мозгѣ и его элементахъ представляетъ большія трудности. Не смотря на чрезвычайные успѣхи, достигнутые въ этой области въ послѣднее время, это искусство находится еще въ зачаточномъ состояніи; только постепенно научаются дѣлать доступными зрѣнію болѣе тонкія послѣдствія болѣзненныхъ процессовъ въ нервной системѣ и отличать въ нихъ существенное отъ несущественнаго. При этомъ нужно помнить, что нѣкоторыя поврежденія мозга, пожалуй, никогда не будутъ доступны нашему непосредственному наблюденію, именно такія разстройства въ *функціяхъ* живого органа, которыя не приводятъ къ замѣтной измѣненію его форменныхъ составныхъ элементовъ ¹⁾. Никто не будетъ напр. сомнѣваться, что разстройство въ питаніи мозговыхъ элементовъ или измѣненіе ихъ раздражимости должны имѣть большое значеніе для душевной дѣятельности, однако, мертвая мозговая субстанція, которую мы и можемъ только наблюдать, ничего не говоритъ намъ объ этомъ. Такимъ образомъ для многихъ психическихъ заболѣваній, каковы нервность, истерія, душевныя болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ, еще неизвѣстны соотвѣтствующія матеріальныя измѣненія. Тѣмъ не менѣе, громадное количество случаевъ, которыми подтверждается дѣйствительность выставленнаго нами общаго положенія, убѣждаетъ насъ въ его приложимости и ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ, по понятнымъ причинамъ, мы не можемъ доказать его непосредственно.

Для нашихъ общихъ воззрѣній чрезвычайно важно установить теперь особенную природу этой тѣсной связи между мозгомъ и душевной жизнью. Обычное пониманіе склонно представлять эту связь, какъ существующую въ пространствѣ, именно такимъ образомъ, что важнѣйшія дѣятельности души, различаемыя популярнымъ сознаніемъ, связаны съ различными частями мозга. За высокимъ лбомъ мыслителя, по распространенному мнѣнію, возсѣдаетъ на

¹⁾ Форменные элементы — это гистологическое названіе клѣтокъ всякой и въ частности нервной ткани мозга.

тронѣ его умъ; въ затылкѣ локализовали въ средніе вѣка память. Вотъ почему френологія Галля, указавшая опредѣленные участки мозга въ качествѣ специальныхъ органовъ музыкальной и математической одаренности, религіозности, чувства собственного достоинства, любви къ порядку и многого другого, хотя не признанная присяжными анатомами и фізіологами, нашла однако себѣ сочувствіе въ широкой публикѣ.

Такого рода объясненія заключали въ себѣ, однако, новыя затрудненія. Для популярнаго пониманія чловѣка душа является чѣмъ-то простымъ, недѣлимымъ, единымъ, составляющимъ полную противоположность протяженнымъ матеріальнымъ тѣламъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ она можетъ мыслиться въ соединеніи съ протяженнымъ и состоящимъ изъ многочисленныхъ частей матеріальнымъ органомъ. Вѣдь тогда, значить, разрѣзая мозгъ, можно перерѣзать и душу? Очевидно, заключали отсюда, связь души съ мозгомъ можетъ осуществиться только въ одной единственной точкѣ или по крайней мѣрѣ въ пространствѣ одного небольшого и строго описаннаго участка. Къ послѣднему должны направляться всѣ матеріальныя возбужденія, которыя надлежало воспринять душѣ, какъ не матеріальной сущности, и отсюда-же исходятъ обратныя дѣйствія души на міръ матеріальный; только въ этомъ, господствующемъ надъ всѣмъ центрѣ, душа вступаетъ въ сношеніе съ мозгомъ. И вотъ, въ теченіе многихъ столѣтій, дѣятельно искали такое точкообразное „сѣдалище души“ и предполагали его во всѣхъ, хотя-бы немного подходящихъ для этого, частяхъ мозга.

Приблизительно уже лѣтъ 40, какъ мы знаемъ съ полной достовѣрностью, что эти оба возрѣнія ошибочны и что дѣло въ дѣйствительности обстоитъ иначе. Но цѣлесообразнѣе будетъ вернуться къ изложенію этого немного позже, а пока бросить общій взглядъ на строеніе нервной системы.

§ 2. Строеніе нервной системы.

1. *Элементы.* Нервная система построена изъ многихъ милліардовъ микроскопическихкихъ, вытянутыхъ въ длину образований, называемыхъ *нейронами*, состоящихъ въ свою очередь изъ двухъ различныхъ частей. Важнѣйшую въ жизненномъ отношеніи часть этого цѣлага образуетъ кругловатое или лучистое тѣлце съ относительно большимъ ядромъ (*гангліозная клѣтка*); съ нимъ соединено тонкое, часто очень длинное и многократно развѣтвляющееся волокно (*нервное волокно*), которое обладаетъ способностью проводить съ значительной быстротой особаго рода возбужденія.

Въ большинствѣ случаевъ гангліозныя клѣтки сидятъ на одномъ концѣ нервнаго волокна. Онѣ имѣютъ тогда неправильно звѣздообразную, пирамидальную или же похожую на клубень форму (Рис. 1—4) и выпускаютъ изъ себя многочисленныя, довольно короткіе отростки (*дендриты*), которые часто образуютъ удивительно сложное сплетеніе

(рис. 3). Новъ извѣстныхъ мѣстахъ организма эти клѣтки вплетаются въ волокно или прилегаютъ къ нему ¹⁾. Въ этомъ случаѣ онѣ имѣютъ веретенообразную или шарообразную форму и дендриты у нихъ отсутствуютъ. Внутреннее строение клѣтокъ, при обработкѣ ихъ химическими веществами, представляется различнымъ. При одномъ методѣ окраски въ нихъ находятъ мелкозернистыя, похожія на глыбки, образования (тѣльца Nissl'a: рис. 1); другія окраски показываютъ, что щели и ходы между этими глыбками оплетены сѣтью тончайшихъ фибриллъ (рис. 4).

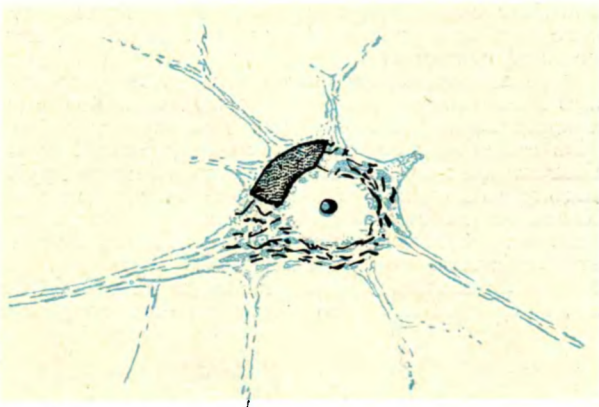

Рис. 1. Мультиполярная ганглиозная клѣтка (окраска по Эдингеру).

Не смотря на свою незначительную толщину (около $\frac{1}{40} - \frac{1}{500}$ мм. въ діаметрѣ) нервныя клѣтки имѣютъ еще болѣе тонкую структуру. Въ главныхъ чертахъ онѣ состоятъ изъ круглаго, во всей своей длинѣ непрерывнаго волокна (*осевоцилиндрической отростокъ*), образованнаго въ свою очередь изъ пучка тончайшихъ, параллельно идущихъ фибриллъ, находящихся въ полужидкой протоплазмѣ (рис. 5). Это волокно обыкновенно окутано кругомъ слоемъ, содержащаго жиръ вещества (*миелиновая оболочка*), а въ периферическихъ частяхъ одѣто, въ цѣляхъ защиты отъ вредныхъ вліяній, еще одной тонкой пленкой ²⁾. Нервныя волокна достигаютъ иногда очень значительной длины. Такъ, напр., волокна, оканчивающіяся въ кончикахъ пальцевъ рукъ, идутъ изъ верхней части спинного мозга; оканчивающіяся въ ножныхъ пальцахъ — изъ его поясничной части. Однако, они никогда не проходятъ нераздѣленными отъ начала до конца, но даютъ на своемъ пути

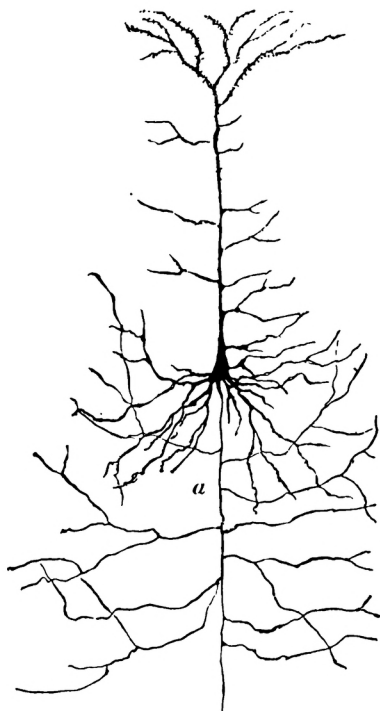

Рис. 2. Пирамидальная клѣтка (окраска Гольжи; а—нервный отростокъ съ каллатералими).

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду ганглиозныя клѣтки съ двумя осевыми цилиндрами (диаксоны).

²⁾ Т. н. Шванновская оболочка.

многочисленные боковые вѣтви (*коллатерали* рис. 2, а.), посредствомъ которыхъ ихъ клѣтка соединяется съ различными другими областями нервной системы.

На противоположномъ отъ клѣтки концѣ нервныя волокна и ихъ коллатерали лишаются своей мѣлиновой оболочки, осевые цилиндры расщепляются и оканчиваются кустообразнымъ, часто сильно развѣтвленнымъ сплетеніемъ ихъ фибриллей (*конечное деревцо*, рис. б). Благодаря этому нейроны входятъ въ связь другъ съ другомъ (также какъ и съ другими образованиями тѣла, напр. мышечными волокнами). Конечное деревцо одного нейрона оплетаетъ, напр., гангліозную клѣтку другого или сплетается съ нимъ своими дендритами. Будетъ-ли это простымъ соприкосновеніемъ анатомически раздѣленныхъ, но близко лежащихъ другъ отъ друга нейроновъ, или-же дѣйствительнымъ срастаніемъ, это остается еще спорнымъ. Во всякомъ случаѣ данная связь настолько тѣсна, что благодаря ей дѣлается возможнымъ переходъ идущаго по нервнымъ волокнамъ возбужденія съ одного элемента на другой, но, съ другой стороны, не настолько тѣсна, чтобы совершенно исключить самостоятельность отдѣльныхъ нейроновъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нейронъ поврежденъ, то происшедшія благодаря этому измѣненія въ его структурѣ ограничиваются однимъ только имъ; они не распространяются на другіе, соединенные съ нимъ нейроны.

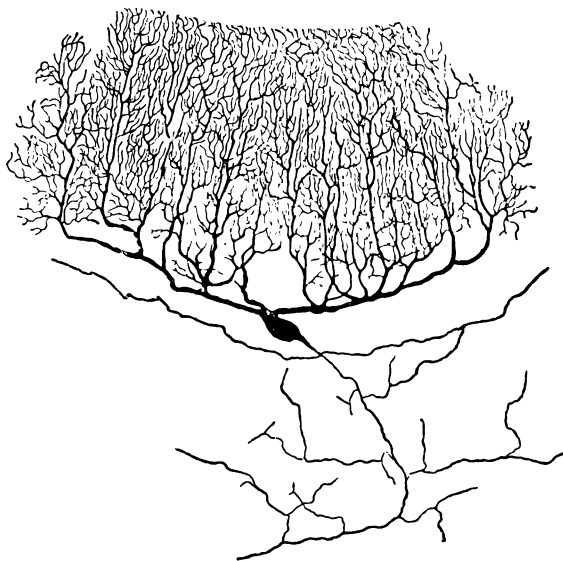

Рис. 3. Клѣтка Пуркинѣе изъ мозжечка (окраска Гольджи).

Для наглядности можно сравнить нейронъ и его отростки съ небольшимъ растительнымъ организмомъ. Гангліозная клѣтка съ ея дендритами соответствуетъ тогда главному корню съ его отростками, нервное волокно съ коллатералиями — стволу и вѣтвямъ и, наконецъ, конечное деревцо представляетъ аналогію листьевъ. Нейроны же второго рода, въ которыхъ гангліозныя клѣтки прерываютъ ходъ волокон¹⁾, можно было-бы сравнить съ растеніями, имѣющими воздушные корни.

При скопленіи большого количества нейроновъ можно даже простымъ глазомъ отличить скопленія гангліозныхъ клѣтокъ отъ частей, содержащихъ одни только нервныя волокна. Волокна прозрачны и безцвѣтны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они попадаютъ въ большемъ числѣ, они кажутся бѣлой массой, какъ это бываетъ вообще при скопленіи маленькихъ прозрачныхъ частицъ (туманъ, снѣгъ). Наоборотъ, гангліозныя клѣтки содержатъ темный пигментъ и большія массы ихъ

1) Упомянувшіяся выше клѣтки-диаксоны.

получаютъ красновато-сѣрый тонъ. Поэтому, различаютъ *бѣлое* и *сѣрое* нервное вещество.

Въ чемъ заключается упомянутый выше процессъ возбужденія, проведеніе котораго составляетъ специальное назначеніе нервныхъ элементовъ, это пока еще не извѣстно какъ слѣдуетъ. Можно съ увѣренностью только назвать то, въ чемъ онъ не состоитъ, напр., не въ электрическомъ токѣ. Онъ сопровождается, какъ и нѣкоторыя другія явленія природы, электрическими процессами, и въ этомъ сопутствующемъ феноменѣ мы имѣемъ удобное средство для распознаванія и

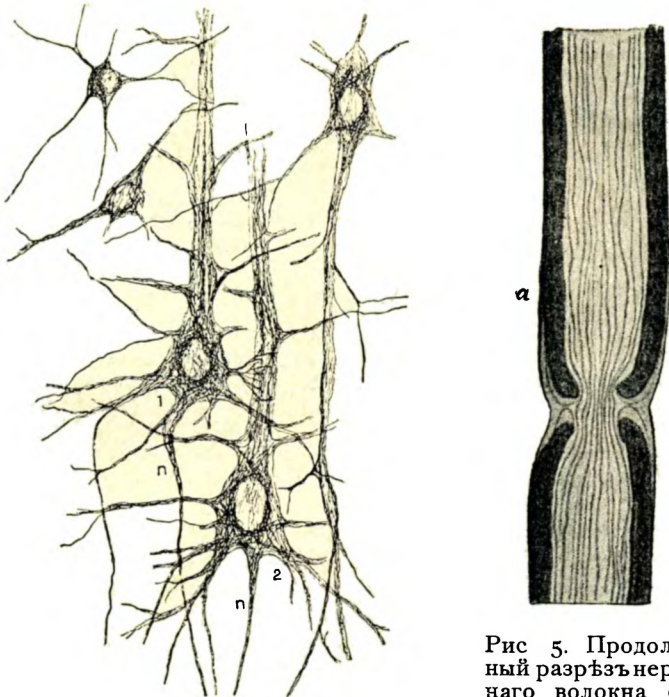

Рис. 4. Разные типы клѣтокъ изъ мозговой коры передней центральной извилины. 1 и 2—гигантскія пирамидальныя клѣтки; n—нервный отростокъ (по Бѣльшовскому и Бродману).

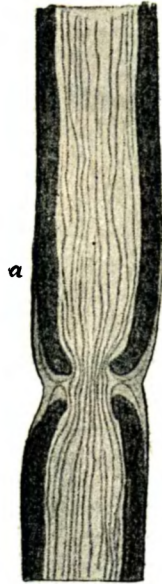

Рис 5. Продольный разрѣзъ нервного волокна съ окрашенными фибриллами (по Бете). a — мѣлиновая оболочка (очень сильное увеличеніе).

даже измѣренія возбужденія, но его собственная сущность несомнѣнно другого рода. Вѣроятно, процессъ нервного возбужденія можно представить, какъ химическое разложеніе или превращеніе, при возникновеніи котораго путемъ внѣшняго раздраженія освобождается такъ много энергіи, что она, какъ это бываетъ, напр., при взрывѣ пороха, дальше распространяется самостоятельно; непосредственно вслѣдъ за этимъ она снова восстанавливается силами организма, такъ что при новомъ раздраженіи повторяется то-же самое явленіе. Въ процессѣ возбужденія особенно замѣчательно слѣдующее. Во первыхъ, быстра, съ которой онъ проводится. При извѣстныхъ обстоятельствахъ она равняется у человѣка приблизительно 60 метрамъ въ секунду; у низшихъ животныхъ часто значительно менѣе, до нѣсколькихъ сантиметровъ вклю-

чительно, и принадлежит, слѣдовательно, къ величинамъ другого порядка, чѣмъ скорость распространенія электричества или даже звука. Во

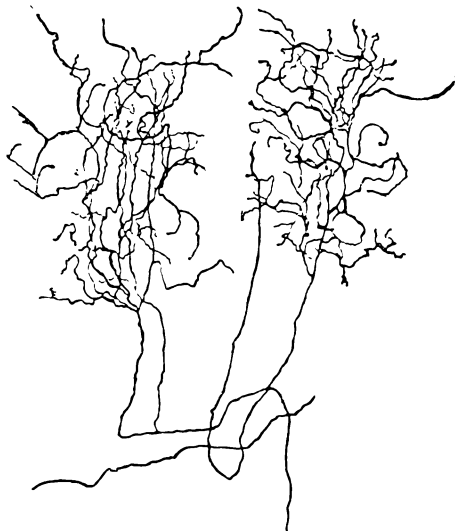

Рис. 6. Концевой пучекъ зрительныхъ волоконъ курицы (по Келликеру)

вторыхъ, тотъ фактъ, что при слѣдованіи цѣлаго ряда раздраженій съ небольшими интервалами проявляется между ними, такъ сказать, тайная связь, т. е. дѣйствіе позднѣйшихъ раздраженій видоизмѣняется дѣйствіемъ предыдущихъ, при чемъ мы не можемъ съ помощью имѣющихся у насъ средствъ усмотрѣть какого-либо измѣненія въ нервныхъ образованіяхъ. Если раздраженія были слабыя, то ихъ дѣйствіе становится постепенно болѣе сильнымъ; раздраженія *суммируются*. Такимъ образомъ, можно вызвать возбужденіе рядомъ такихъ раздраженій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности для этого совершенно недостаточно. Наоборотъ, раздраженія сильныя и долгое время слѣдующія другъ за другомъ постепенно теряютъ свое дѣйствіе; нейроны, говоря метафизически, *утомляются* и требуется извѣстное время, чтобы къ нимъ вернулась ихъ нормальная возбудимость.

2. Система. Описанные элементарные нервные организмы въ ихъ совокупности объединены въ нервную систему, поразительно простую въ ея общихъ чертахъ, но въ частностяхъ чрезвычайно сложную и проникающую во все тѣло. Общая цѣль, достигаемая путемъ такого искуснаго образованія, можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: характерная, присущая нервной ткани способность проведенія предназначена для того, чтобы по возможности тѣснѣе и многостороннѣе связать возбуждаемые внѣшними воздѣйствіями органы тѣла со всѣми его органами движенія и объединить такимъ образомъ весь организмъ, со всѣмъ богатствомъ его многочисленныхъ, служащихъ для разныхъ цѣлей частей, въ одно, только благодаря этому полное силъ, цѣлое.

Если я иду своей дорогой и натыкаюсь на препятствіе, я долженъ быть въ состояніи оглядѣться кругомъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ можно устранить или обойти его, и выполнить соотвѣтствующія дѣйствія въ дѣйствительности. Но для этого необходимо, чтобы мои глаза были связаны какимъ нибудь образомъ съ мускулами моей головы, рукъ и ногъ. Возможно, что я былъ невнимателенъ

или было темно, благодаря чему я натолкнулся своими ногами или туловищемъ на препятствіе. Чтобы я не оказался безпомощнымъ, различныя области кожи также должны быть соединены съ тѣми же многочисленными мускулами. Чтобы лучше услышать чей-нибудь окликъ, я долженъ повернуть голову по направленію къ звуку; чтобы отвѣтить, я долженъ также двигать ртомъ и языкомъ; чтобы отразить нападеніе, долженъ владѣть руками и ногами. Значить, какъ глаза и кожа, такъ и уши должны быть тѣсно связаны со всѣми органами движенія.

Поэтому, всякая нервная система имѣетъ въ своей простѣйшей формѣ три части, т. е. три, исполняющія различныя задачи, группы нейроновъ: *проводящія центробежно* (сенсорныя), для приѣма внѣшнихъ возбужденій на периферіи организма и проведенія ихъ для дальнѣйшаго распредѣленія; *проводящія центробѣжно* (моторныя), для отведенія многообразно преобразованныхъ и усиленныхъ возбужденій въ органы движенія; наконецъ, *проводящія междуцентральныя* (ассоціирующія), предназначенныя для образованія многочисленныхъ необходимыхъ соединеній между первыми двумя группами. Рис. 7 даетъ въ простѣйшемъ видѣ схему такого раздѣленія нейроновъ на *приводящія* (z), *отводящія* (a) и *связывающія* (а также распредѣляющія) нейроны (v). Дальнѣйшее усложненіе и совершенствованіе системы состоитъ во вставкѣ промежуточныхъ членовъ въ приводящія, а особенно въ связывающія пути, такъ что функціи каждой группы исполняются, слѣдовательно, не простымъ (одночленнымъ) слоемъ, а многочисленными цѣпями расположенныхъ другъ за другомъ нейроновъ. Очевидно, что благодаря этому возрастаетъ возможность поперечныхъ соединеній между членами.

Наивысшее совершенство достигается, однако, при помощи другого средства, именно—путемъ надстройки надъ первой системы второй, совершенно также составленной изъ цѣпей нейроновъ; благодаря этому возможны всестороннѣйшія связи и почти неисчерпаемая приспособляемость индивидуума къ самымъ различнымъ и самымъ сложнымъ обстоятельствамъ. Таковъ типъ нервной системы у высшихъ животныхъ и человека.

Первоначальную ступень ея образуютъ *периферическіе нервы* и, такъ называемые, *субкортикальные центры*, а высшую, достигнутую путемъ постепеннаго, тысячелѣтняго развитія—*мозжечекъ* и *большой мозгъ*.

1) *Периферическіе нервы и субкортикальные центры*. По всему тѣлу простирается цѣлая масса нейроновъ, по

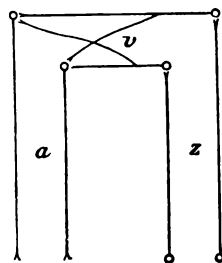

Рис. 7.

своимъ функціямъ и благодаря многочисленнымъ соединеніямъ тѣсно связанная между собой. Внутри туловища она образуетъ длинный, плотный, толщиной въ маленькій палець стволъ, *спинной мозгъ*. Въ черепной полости этотъ стволъ сначала утолщается—*продолговатый мозгъ* (Medulla oblongata), а затѣмъ послѣдовательно переходитъ въ различныя образованія: небольшую, съ четырьмя буграми, площадь — *четверохолміе* (corpora quadrigemina), два миндалевидныхъ тѣла—*зрительные бугры* (Thalami optici), два маленькихъ, продолговатыхъ, какъ бы сидящихъ на стебелькѣ шарика—*обонятельныя дольки* и т. п. Эти различныя части, называемыя въ ихъ совокупности субкортикальными центрами (рис. 8), образуютъ средній, соединительный членъ нижней ступени человѣческой нервной системы: они связываютъ оканчивающіяся въ нихъ приводящія волокна съ отводящими, берущими въ нихъ свое начало.

Сюда идутъ нервныя волокна почти отъ всѣхъ частей внутренней и внѣшней периферіи тѣла: отъ глазъ и ушей, носа и покрывающей все тѣло кожи, а также отъ мускуловъ, суставовъ и (по крайней мѣрѣ косвеннымъ путемъ) отъ внутреннихъ органовъ брюшной полости, сердца, легкихъ, пищевого канала и т. д. Нервныя клѣтки, изъ которыхъ выходятъ эти нервныя волокна, находятся, отчасти, въ самыхъ периферическихъ, доступныхъ внѣшнему раздраженію, органахъ, какъ, напр. въ глазу, ушахъ и носу, а отчасти, повидимому, въ видахъ ихъ болѣе надежной защиты, въ глубже лежащихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, гангліозныя клѣтки нервныхъ волоконъ кожи лежатъ не въ послѣдней, но, напр. для кожи туловища и конечностей, во многочисленныхъ маленькихъ колоніяхъ клѣтокъ (*спинно-мозговья гангліи*), находящаяся непосредственно по обѣимъ сторонамъ спинного мозга. Соответственно такой разницѣ въ мѣстахъ происхожденія, тѣ пункты, гдѣ приводящія волокна входятъ въ субкортикальные центры, расположены по всей длинѣ послѣднихъ, отъ нижняго конца спинного мозга и до обонятельныхъ луковицъ. Волокна несутъ полученное ими на периферіи возбужденіе въ эти центры обыкновенно по кратчайшей дорогѣ. Въ большинствѣ случаевъ они и заканчиваются вблизи мѣста ихъ вступленія въ субкортикальные центры. Иногда они заходятъ и дальше, отдѣляя отъ себя коллатерали, но скоро превращаются въ свое конечное деревцо и передаютъ принесенное ими возбужденіе другимъ невронамъ.

Противоположность приводящимъ составляютъ отводящія нервныя пути. Клѣтки, изъ которыхъ они выходятъ (*моторныя гангліозныя клѣтки*), лежатъ въ самихъ субкортикальныхъ центрахъ, именно, почти всѣ безъ исключенія на ихъ передней, обращенной къ брюшной полости,

сторонѣ, въ то время какъ приводящія волокна вступаютъ въ нихъ въ спинномъ мозгу всегда, а въ головѣ отчасти на задней, обращенной къ спинѣ, сторонѣ. И опять - таки соответственно различному назначенію волоконъ т. е. ихъ связи съ разными органами тѣла, клѣтки, которыя даютъ имъ начало, распредѣляются по всей длинѣ субкортикальныхъ центровъ, причемъ мѣстами онѣ лежатъ довольно рѣдко, а мѣстами скопляются въ такъ называемое

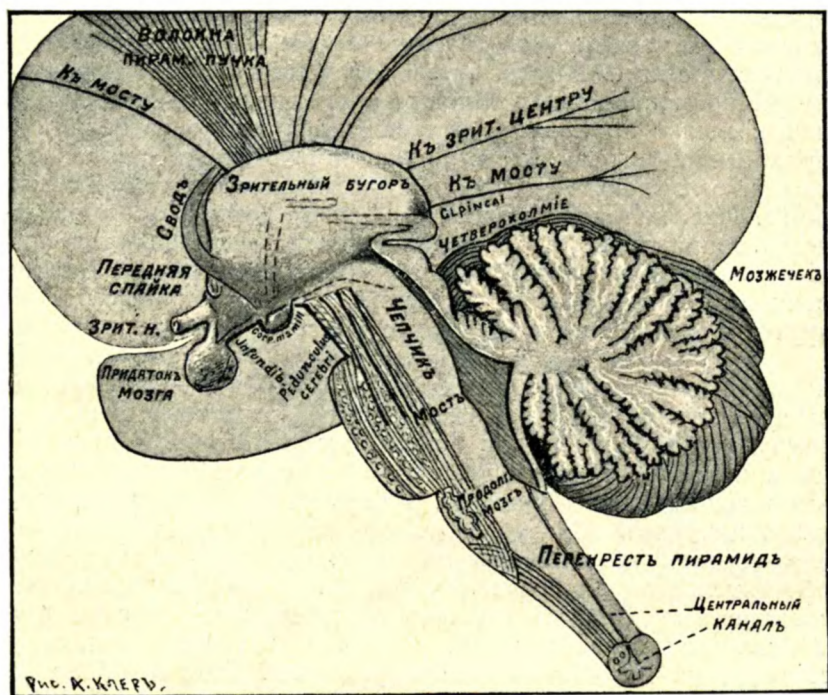

Рис. 8. Боковой видъ подкорковыхъ (субкартикальныхъ) центровъ внутри мозга вмѣстѣ съ мозжечкомъ, безъ обонятельныхъ луковицъ и зрительнаго нерва. (По Эдингеру).

сѣрое вещество. По своемъ выходѣ изъ клѣтокъ, волокна соединяются въ маленькіе пучки и идутъ ко всѣмъ двигательнымъ органамъ тѣла: мускуламъ, железамъ, сосудамъ и внутренностямъ.

Непосредственная связь конечныхъ деревьевъ приводящихъ волоконъ съ клѣтками, изъ которыхъ выходятъ волокна отводящія, повидимому, имѣетъ мѣсто лишь въ ограниченномъ числѣ случаевъ. Быть можетъ, дѣло обстоитъ такъ въ органахъ, которые по своей природѣ тѣсно связаны между собою, какова напр. кожа пальцевъ и рукъ и

мускулатура этихъ членовъ. Но гораздо чаще многочисленныя соединенія, необходимыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ для отвѣта на внѣшнія впечатлѣнія, образуются при посредствѣ промежуточныхъ нейроновъ, которые на всемъ своемъ протяженіи принадлежатъ исключительно субкортикальнымъ центрамъ и которые являются въ ихъ совокупности носителями специальныхъ задачъ этихъ центровъ. При этомъ предусмотрены всевозможныя потребности. Извѣстныя клѣтки съ очень короткимъ отросткомъ только для того и предназначены, повидимому, чтобы сдѣлать сплетеніе образований въ маленькомъ участкѣ по возможности полнѣе и многостороннѣе. Другія связываютъ другъ съ другомъ симметрично построенныя половинки субкортикальнаго ствола; ихъ волокна проходятъ, отдавая на пути коллатерали, съ правой стороны на лѣвую и съ лѣвой на правую. Наконецъ, третьи связываютъ отдаленныя части одной и той же стороны. Ихъ волокна проходятъ сквозь центры въ продольномъ направленіи и, благодаря многостороннему отщепленію коллатералей и развѣтвленію послѣднихъ въ видѣ кустиковъ около другихъ клѣтокъ, соединяютъ другъ съ другомъ различные поперечные участки ствола.

б) *Большой мозгъ и мозжечекъ.* Описанное строеніе нервной системы повторяется, какъ было уже сказано, на высшей ступени. Только здѣсь, благодаря уже имѣющемуся внизу фундаменту и для болѣе совершеннаго достиженія цѣли, которой служить все цѣлое, это строеніе выполняется нѣсколько инымъ образомъ. Масса клѣтокъ субкортикальныхъ центровъ образуютъ въ общемъ длинный стволъ съ нѣкоторымъ утолщеніемъ на верхнемъ концѣ. Послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, можно думать, что несоединенныя другъ съ другомъ периферическіе органы распределены по всему тѣлу, но въ то же время наиболѣе скучены на головномъ концѣ туловища. Такимъ образомъ связывающій ихъ органъ, въ данномъ случаѣ субкортикальные центры, по своему развитію въ главныхъ чертахъ приспособленъ къ ихъ расположенію. Приблизительно можно сказать, что спинной мозгъ прежде всего завѣдуетъ кожей и мускулатурой туловища и конечностей, продолговатый мозгъ съ расположенными около него частями — ушами, зрительные бугры съ находящимся около нихъ зрительнымъ нервомъ — глазами, обонятельныя луковицы — носомъ. Но разъ есть центръ, связывающій различныя органы другъ съ другомъ и самъ въ себѣ связанный, и разъ объединеніе и многосторонность связей требуетъ еще большаго совершенствованія, то вторичное приспособленіе къ положенію органовъ въ тѣлѣ не является уже необходимымъ. Дальнѣйшее совершенствованіе достигается путемъ наиболѣе цѣлесообразнаго осуществленія многочисленныхъ соединеній.

Таковъ принципъ, положенный, такъ сказать, въ основу строения большого мозга и мозжечка.

Гангліозныя клѣтки нервныхъ элементовъ этихъ обоихъ органовъ не собраны въ компактыя образованія, но располагаются въ видѣ двухъ большихъ, тонкихъ пластинокъ, такъ называемыхъ *полушарій* большого мозга и мозжечка. Полушарія большого мозга покрываютъ какъ бы сводомъ верхнія части субкортикальныхъ центровъ и обхватываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, въ то время какъ полушарія мозжечка образуютъ сзади нѣчто въ родѣ выроста. Въ поперечномъ разрѣзѣ слой клѣтокъ большого мозга достигаетъ только 3, а мозжечка едва 1 мм. толщины. Тѣмъ значительнѣе его поверхность. Поверхность большихъ полушарій составляетъ въ среднемъ 2000 кв. смт.; малыя полушарія содержатъ свыше 800 кв. смт. То обстоятельство, что они помѣщаются въ черепной полости — сравнительно небольшемъ пространствѣ — зависитъ отъ того, что полушарія имѣютъ не гладкую поверхность, а заложены въ многочисленныя и часто очень глубокія борозды и складки. Особенно тонки эти складки въ мозжечкѣ (рис. 9 и 8).

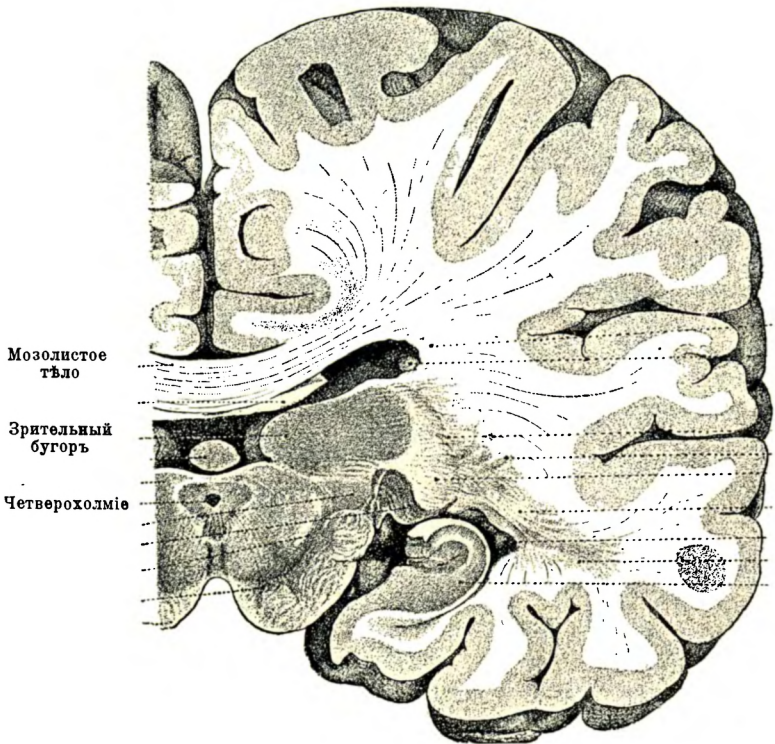

Рис. 9. Поперечный разрѣзъ черезъ правую половину большого мозга (по Эдингеру).

Значеніе такого строенія коры мозга понятно самою собою. Ясно, что благодаря распредѣленію тонкимъ слоемъ достигается болѣе легкая и болѣе многосторонняя доступность отдѣльныхъ нервныхъ клѣтокъ, чѣмъ при компактномъ расположеніи въ видѣ комковъ. Идущія къ различнымъ клѣткамъ волокна проходятъ меньшую дорогу, если имъ не нужно проникать въ глубину толстаго слоя клѣтокъ; при этомъ они получаютъ возможность доступа къ клѣткамъ съ двухъ сторонъ слоя, нижней и верхней. Такимъ образомъ, очевидно, что полушарія большого и малаго мозга особенно приспособлены по своему строенію для осуществленія той цѣли, которая ясно видна и въ субкортикальныхъ центрахъ, именно, создать наиболѣе полное соединеніе каждой области нервной системы со всѣми другими, а благодаря этому и наиболѣе совершенное соединеніе всѣхъ органовъ тѣла между собой.

Чтобы дать понятіе объ удивительномъ богатствѣ клѣточными элементами коры большого мозга — о послѣдней, впрочемъ, рѣчь будетъ далѣе — и о запутанной сложной массѣ пронизывающихъ ихъ волоконъ, мы предлагаемъ два пояснительныхъ рисунка (рис. 10 и 11). Связывающіе нервные пути идутъ, однако, не только внутри слоя клѣтокъ. Они наполняютъ также (въ соединеніи съ такъ называемыми проэксціонными волокнами, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь) остающееся между бороздами внутри извилинъ пространство, въ особенности очень большое промежуточное пространство между большими полушаріями и субкортикальными центрами, гдѣ и образуютъ наиболѣе массивныя во всей нервной системѣ скопленія бѣлаго, т. е. содержащаго одни нервные волокна, вещества. Общія формы этихъ связей остаются тѣми же самыми, что и въ субкортикальныхъ центрахъ: ими предусматриваются всевозможные случаи. Одни изъ этихъ волоконъ служатъ для приведенія въ связь нервныхъ элементовъ въ ихъ ближайшей окрестности. Такова, можетъ быть, сѣть волоконъ въ самомъ внѣшнемъ слоѣ коры, прямо на поверхности большого мозга (рис. 11). Вторая система волоконъ (*коммисурныя волокна*) связываетъ другъ съ другомъ обѣ симметричныя половины большого мозга. Они объединены большей своей частью въ толстую и тянущуюся на большемъ протяженіи мозговую массу, которая проходитъ по средней линіи между полушаріями, въ поперечномъ направленіи, изъ одного полушарія въ другое, такъ называемую *большую спайку мозга* или мозолистое тѣло (*corpus callosum*). Наконецъ, волокна третьей системы (*ассоціаціонныя волокна*), можетъ быть, наиболѣе многочисленныя, соединяють различныя части одного и того же полушарія. И въ этомъ случаѣ связь представ-

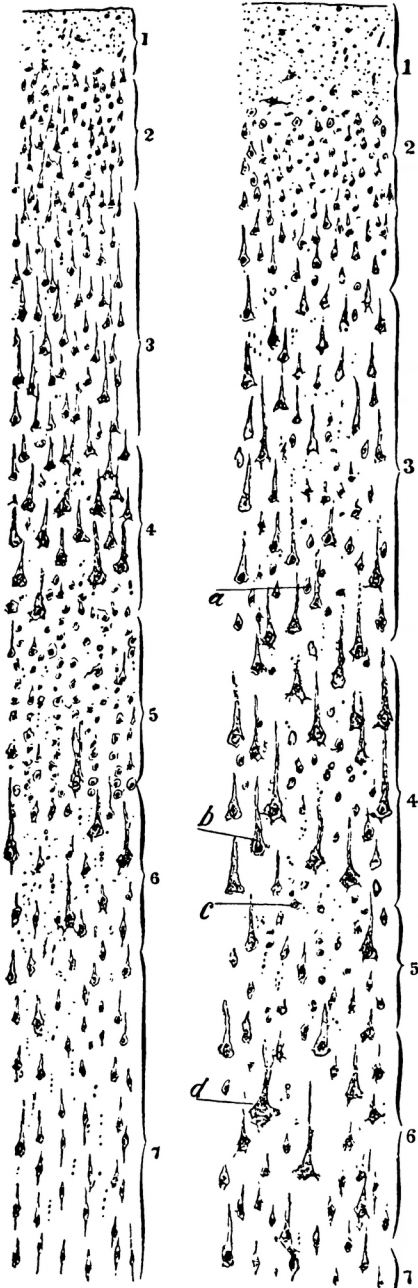

Рис. 10. Срѣзь черезъ кору большого мозга; передняя и задняя центральная извилина. Окрашены только клѣтки (по van Gehuchten'у).

Рис. 11. Срѣзь черезъ кору большого мозга. Окрашены только волокна (по Кѣлликеру).

лена также всесторонне: соединены какъ ближайшія, такъ и самыя далекія извилины.

Такая, столь многосторонне объединенная въ одно цѣлое, система нейроновъ находится со всѣми частями субкортикальныхъ центровъ въ связи, подобной той, которую послѣдняя имѣетъ съ периферическими органами, т. е. черезъ приводящія и отводящія волокна; эти волокна обозначаются въ ихъ совокупности, какъ *проекціонныя*. Если оставить въ сторонѣ усложненіе, порождаемое промежуточными нейронами, отношенія между соединительными путями высшей и низшей ступени оказываются очень простыми: приводящіе пути большихъ полушарій являются въ то-же время продолженіемъ приводящихъ путей, идущихъ отъ периферіи къ субкортикальнымъ центрамъ, и наоборотъ, отводящіе пути субкортикальныхъ центровъ являются продолженіемъ отводящихъ путей большого мозга. Тамъ, гдѣ идущіе отъ периферіи въ субкортикальные центры волокна распадаются въ конечныя деревца и заканчиваются, принесенное ими возбужденіе сообщается отчасти нейронамъ, которые распространяютъ его внутри субкортикальныхъ центровъ и въ концѣ концовъ передаютъ моторнымъ гангліознымъ клѣткамъ послѣднихъ. Однако, въ субкортикальныхъ центрахъ находятся и другіе нейроны, которые простираютъ свои волокна до большихъ полушарій, вслѣдствіе чего принесенное возбужденіе передается отчасти этимъ нейронамъ и доходитъ до коры. Далѣе, моторныя клѣтки субкортикальныхъ центровъ отчасти получаютъ раздраженіе для сокращенія мускуловъ отъ ассоціативныхъ нейроновъ субкортикальныхъ же центровъ, оканчивающихся около нихъ своими развѣтвленіями. Но въ то-же время оканчиваются около нихъ и другія волокна, клѣтки которыхъ лежатъ въ полушаріяхъ, благодаря чему моторныя клѣтки субкортикальныхъ центровъ могутъ быть возбуждены и со стороны полушарій. Ясно, что существованіе этихъ двухъ, такъ сказать, построенныхъ одна надъ другой соединительныхъ дугъ даетъ возможность окольнымъ путемъ, черезъ кору, привести въ дѣятельность органы движенія тѣла, въ зависи ости отъ вліянія органовъ ощущенія, совсѣмъ другими способами и въ другихъ комбинаціяхъ, чѣмъ прямымъ путемъ черезъ субкортикальные центры.

Интересно и не лишено значенія еще слѣдующее обстоятельство. Приводящіе пути коры большого мозга, составляющіе продолженіе идущихъ отъ периферіи въ субкортикальные центры путей, *сохраняютъ въ общемъ направленіе послѣднихъ*, но только они теряютъ компактную форму пучка и расходятся въ видѣ вѣера или конуса. Они оканчиваются, поэтому, въ большихъ полушаріяхъ обыкновенно въ такомъ мѣстѣ, которое діаметрально противоположно

периферическому органу, послужившему началомъ всего многочленного пути. И хотя периферическіе органы при помощи многочисленныхъ системъ волоконъ большого мозга соединены такъ и ли иначе со всѣми частями коры, однако каждый изъ нихъ прежде всего и кратчайшимъ путемъ соединенъ съ однимъ, относительно ограниченнымъ, — если не точно опредѣленнымъ, — участкомъ коры, лежащимъ на сторонѣ противоположной его собственному мѣстоположенію. Особенно ясно видно это отношеніе на органѣ зрѣнія. Содержащіяся въ немъ микроскопически короткіе зрительные нервы, въ собственномъ смыслѣ слова, находятъ свое продолженіе въ двухъ, косо спереди проникающихъ въ мозгъ, нервныхъ пучкахъ, волокна которыхъ оканчиваются у задняго конца зрительныхъ бугровъ. Здѣсь оптический путь получаетъ новые нейроны и волокна послѣднихъ, идя въ томъ-же направленіи, достигаютъ въ концѣ концовъ затылочной доли полушарій. Въ послѣдней, именно, на внутренней сторонѣ полушарій, лежатъ относящіяся къ зрѣнію участки коры. То же самое имѣемъ мы и по отношенію къ уху. Выходящія изъ него нервныя волокна проникаютъ въ субкортикальные центры сбоку, приблизительно подъ прямымъ, угломъ къ срединной линіи тѣла; присоединяющіяся къ нимъ и идущія далѣе въ томъ-же самомъ направленіи пути оканчиваются въ противолежащихъ височныхъ доляхъ большихъ полушарій. То-же отношеніе остается въ силѣ и для чувствительныхъ нервовъ кожи туловища и конечностей. Только ихъ корковые центры лежатъ не на продолженіи горизонтальнаго направленія, которое эти волокна имѣютъ передъ своимъ вступленіемъ въ субкортикальные центры, но вертикальнаго, снизу вверхъ, какое они принимаютъ тотчасъ по своемъ входѣ въ спинной мозгъ. Конечныя развѣтвленія послѣднихъ нейроновъ, связывающихъ ихъ съ большимъ мозгомъ, находятся на вершинѣ большихъ полушарій, именно, въ теменной долѣ; изъ той-же самой теменной области тянутся въ обратномъ направленіи другіе центробѣжные волокна къ моторнымъ клѣткамъ спинного мозга. Мѣста, откуда они выходятъ, — моторные корковые центры, — опредѣлены съ особенной точностью. Точно извѣстны участки коры, которые завѣдуютъ руками и ногами, кистями и стопами, даже отдѣльными пальцами, и при раздраженіи которыхъ электрическимъ токомъ эти члены приходятъ въ движеніе (рис. 12).

3. *Отношеніе къ душевной жизни.* Разобравъ всѣ эти соотношенія, мы тѣмъ самымъ уже отвѣтили на поставленный выше вопросъ (стр. 32), объ отношеніи непротяженной души къ различнымъ частямъ протяженнаго мозга. Сѣдалища души въ видѣ точки въ мозгу не существуетъ. Нервные пути, идущіе въ мозгъ или, вообще, въ централь-

ную нервную систему, не оканчиваются въ одномъ общемъ центрѣ, гдѣ непротяженная душа могла-бы сообщаться съ ними; точно такъ-же нервы не выходятъ изъ подобнаго центра. Строеіе системы воплощаетъ скорѣе въ себѣ идеальную децентрализацию: все идетъ мимо другъ друга и оканчивается въ разныхъ мѣстахъ; то, что находится въ болѣе тѣсной связи, раздѣлено меньшимъ пространствомъ и наоборотъ. Если, несмотря на это, все вмѣстѣ взятое образуетъ одно замкнутое цѣлое, которое часто управляется во всѣхъ своихъ частяхъ одной мыслью и служитъ осуществленію одной цѣли, то это происходитъ только благодаря чрезвычайно многочисленнымъ и многостороннимъ связямъ между всѣми частичными областями. Обширныя области

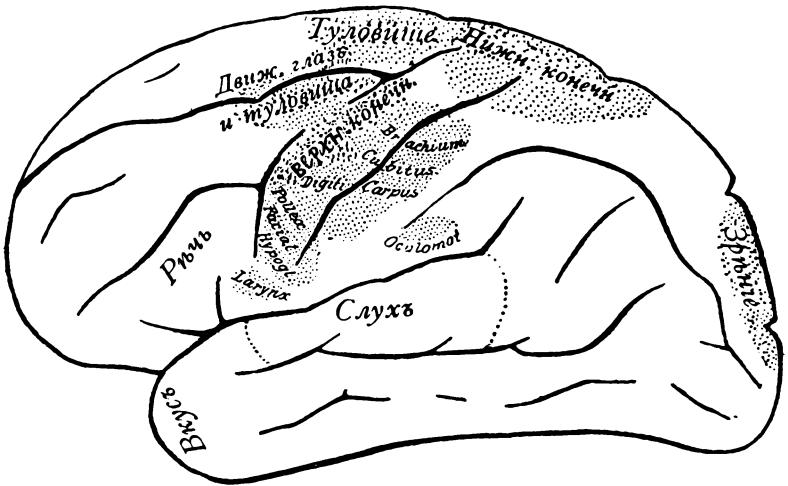

Рис. 12. Локализация центровъ периферическихъ органовъ въ корѣ большого мозга (по Эдинггеру).

мозговой коры, называемыя ассоціаціонными центрами (напр., на рис. 12, оставленныя пустыми части у передняго и задняго конца полушарій), служатъ главнымъ образомъ не для прямой связи съ периферіей въ центробѣжномъ и центростремительномъ направленіи, а для наиболѣе исчерпывающей и тѣсной связи между частями мозга, содержащими преимущественно проэкціонныя волокна.

Слѣдовательно, душа на самомъ дѣлѣ обитаетъ въ протяженной матеріи мозга одновременно въ различныхъ мѣстахъ; такъ или иначе, а связь ея съ нимъ заполняетъ пространство. Съ другой стороны, ея различныя дѣятельности связаны съ различными частями мозга не такимъ образомъ, какъ это мыслить популярное представленіе, т. е. что умъ, память, воля сидятъ въ различныхъ мѣстахъ;

но и не такъ, какъ это утверждаетъ френологія. Какъ вообще возможно, строго размышляя, такое распредѣленіе? Оно совершенно невысказуемо. Развѣ такъ называемый умъ представляетъ собой нѣчто вообще отдѣлимое отъ памяти или вниманія? Не составляютъ-ли послѣднія его существенной части? Позволятъ-ли такія дѣятельности души, какъ религіозность, любовь къ дѣтямъ, сознаніе собственнаго достоинства, начисто отдѣлится себя другъ отъ друга? И не является-ли содержаніе ощущеній, представленій и чувствъ отчасти общимъ для всѣхъ нихъ, такъ что они не могутъ дѣйствовать другъ безъ друга?

Существующее отношеніе будетъ скорѣе слѣдующимъ: распредѣленіе психическихъ функцій между различными частями мозга вполне соответствуетъ раздѣленію труда, имѣющему мѣсто на периферіи тѣла, въ его органахъ чувствъ и движенія. Извѣстный участокъ мозга, напр. часть коры затылочной доли, анатомически связанный съ глазами, служитъ психически для зрѣнія, зрительныхъ ощущеній и представленій; другой участокъ, принадлежащій анатомически уху и лежащій въ височной долѣ, обслуживаетъ слухъ. Темная доля имѣетъ дѣло съ осязательными ощущеніями и представленіями, а также и съ ощущеніями, связанными съ движеніями членовъ; другія области завѣдуютъ обонятельными и вкусовыми ощущеніями. Далѣе, изъ переднихъ частей темной доли идутъ импульсы для произвольныхъ и цѣлесообразно комбинированныхъ движеній конечностей и туловища; другіе участки порождаютъ движенія глазъ, органовъ рѣчи и т. п. Однимъ словомъ, душа, съ различными первичными элементами ея ощущеній и представленій, съ такими двигательными комбинаціями тѣлесной мускулатуры, которыя составляютъ элементы ея цѣлесообразныхъ дѣйствій, обитаетъ, такъ сказать, въ различныхъ частяхъ мозга; такова связь ея съ мозгомъ и локалізація его функцій. Слѣдовательно, при всякой мало мальски сложной комбинаціи этихъ элементовъ, напр., когда пытаются успокоить плачущее дитя лаской и уговариваніемъ, или-же когда, при взглядѣ на апельсинъ, представленіе объ его пріятномъ вкусѣ побуждаетъ насъ очистить и съѣсть его, — душа *одновременно* въ состояніи вызвать дѣятельность значительной части мозга, но только *не равномерно* во всей его массѣ, а своеобразно, сѣтеобразно развѣтвляющимся образомъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Lenhossek, Der feinere Bau des Nervensystems. 2 изд. (1895).— Очень обстоятельно изложено: A. Kolliker Handbuch, der Gewebelehre des Menschen. 6 изд. 2 т. (1896). — L. Edinger, Vorlesungen über den Bau der nervösen Zentralorgane. 7 изд. 1 т. (1904; есть русск.

пер.). — A. van Gehuchten, Anatomie du système nerveux de l'homme. 4 изд. (1906). — A. Bethe, Allgemeine Anatomie und Physiologie des Nervensystems (1903).

E. Hitzig, Physiologische und Klinische Untersuchungen über das Gehirn. 2 ч. (1904). — T. Goltz, Über die Verrichtungen des Grosshirns (1881). — H. Munk, Über die Funktionen der Grosshirnrinde (1881; 2 изд. 1890). — Th. Meynert, Psychiatrie (неоконч. 1884; есть русск. пер.). — C. von Monakow, Gehirnpathologie. 2 изд. (1905). — *Обстоятельные общія изложения: J. Soury, Le système nerveux central: structure et fonctions. 2 т. (1889).*

В. М. Бехтеревъ. Проводящiе пути спинного и головного мозга. 1898. Онъ-же. Основы ученiя о функцияхъ мозга. 1904—09. — Л. В. Блюменау. Мозгъ челоуька. 1907—09. — Д. Зерновъ. Руководство описательной анатомiи. Ч. III. 1908.

§ 3. Взаимодѣйствiе и параллелизмъ.

Спрашивается теперь, какъ слѣдуетъ понимать эти тѣсныя отношенiя между мозгомъ и душевной жизнью, какъ нужно объяснять ихъ существованiе? Относительно этого имѣется два существенно различныхъ и въ своихъ главныхъ положенiяхъ уже много вѣковъ враждующихъ другъ съ другомъ воззрѣнiя.

1. *Мозгъ, какъ органъ души.* Для популярнаго, наиболѣе близкаго мыслямъ и желанiямъ людей, пониманiя, эти отношенiя заключаются въ томъ, что мозгъ является *необходимымъ органомъ*, которымъ душа, совершенно различная съ нимъ по своему существу, пользуется для того, чтобы вступать въ сношенiя какъ съ внѣшнимъ мiромъ, такъ и съ другими душами. Душа имѣетъ свою чрезвычайно своеобразную и независимую отъ всего матеріальнаго внутреннюю жизнь, какъ это каждому извѣстно на собственномъ опытѣ, напр., въ мышленiи по логическимъ нормамъ, а не по обманчивымъ чувственнымъ впечатлѣнiямъ, въ произвольномъ вниманiи, въ руководящейся нравственными принципами волѣ, вмѣсто чувственно обусловленныхъ вождлѣнiй, въ религiозной вѣрѣ, въ художественномъ чувствѣ. Но для того, чтобы дать этимъ свойственнымъ ей дѣятельностямъ конкретное, и по отношенiю къ мiру, въ которомъ она находится, приложимое содержанiе, и для того, чтобы переработавъ матеріаль, сообщить другимъ полученные результаты и сдѣлать ихъ плодотворными, душа нуждается въ органѣ принадлежащемъ внѣшнему мiру. Такимъ орудiемъ служить ей мозгъ, съ которымъ она стоитъ въ чисто внѣшнемъ отношенiи взаимодѣйствiя. При его посредствѣ, она получаетъ знанiе о многообразныхъ процессахъ внѣшняго мiра. Послѣднiе порождаютъ въ немъ нервныя процессы, которые дѣйствуютъ на нее и вызываютъ въ ней ощущенiя и чувства; эти нервныя процессы могутъ превратиться частичнымъ образомъ также и въ другiя душевныя образованiя, при чемъ, однако, душа не связана рабски съ входя-

шими до нее впечатлѣніями; она можетъ до извѣстной степени уклониться отъ нихъ; она стоитъ свободно надъ внѣшними впечатлѣніями. Но воспринявъ ихъ и путемъ переработки получивъ изъ нихъ знаніе, обдумываніе, намѣреніе и наконецъ рѣшеніе, она можетъ въ свою очередь обратно—опять таки свободно и не находясь въ полной зависимости отъ опредѣленныхъ причинъ,—воздѣйствовать на нервныя процессы и при ихъ посредствѣ осуществлять въ мірѣ свою волю.

Такое пониманіе согласуется съ вышеупомянутыми общими фактами связи между мозгомъ и душевной жизнью. Само собой ясно, что величина, бѣльшая сложность, нормальное состояніе органа, имѣетъ громадное значеніе для качества и совершенства исполняемой имъ работы. На большемъ органѣ со многими регистрами могутъ исполняться болѣе сложныя композиціи, чѣмъ на маленькомъ, со скудными средствами; Рафаэль былъ-бы великимъ художникомъ и безъ руки, но міръ ничего не зналъ-бы объ этомъ.

Но пониманіе мозга, какъ орудія души, очень плохо согласуется съ фактами локализаци: въ основѣ своей оно исходитъ изъ опровергнутого уже этими фактами представленія о душѣ, обитающей въ одной непротяженной точкѣ. Какъ можно говорить, что душа по своей сущности есть нѣчто совершенно отличное отъ матеріи и пространства, когда она можетъ воспринимать и оказывать опредѣленные вліянія только въ извѣстныхъ мѣстахъ внутри матеріальнаго органа? Сравнивали душу съ истиной, которая находится, вслѣдствіе ея абсолютной простоты, повсюду и однако-же остается при этомъ непространственной и нематеріальной. Я сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ сравненіи была истина; трудно выдумать что-нибудь болѣе неясное, чѣмъ эта абсолютная простота и болѣе двусмысленное, чѣмъ сравненіе ея съ душой. Душа вовсе не находится вездѣ, ни внутри мозга, ни внутри всего міра. Если-бы она была таковой, то конечно ни пространство, ни матерія не имѣли-бы къ ней ровно никакого отношенія, точно также, какъ и въ томъ случаѣ, если-бы она была ограничена одной точкой. Въ дѣйствительности-же она находится частью тутъ, частью тамъ; какъ видящая душа—она въ затылочныхъ извилинахъ, какъ слышащая—въ височныхъ. И если она, воспринимая и сама оказывая дѣйствіе, вступаетъ въ этихъ мѣстахъ во взаимоотношеніе съ матеріей, то она тѣмъ самымъ какъ бы дѣлается сущностью съ опредѣленнымъ пространственнымъ протяженіемъ и видомъ,—слѣдствіе, которое дѣйствительно заставляетъ отказаться отъ разсматриваемаго представленія.

Но здѣсь нѣтъ возможности заниматься далѣе этимъ затрудненіемъ: существуютъ еще два другихъ, очень значи-

тельныхъ. Если душа, какъ особая сущность, стоитъ къ матеріи нервной системы въ отношеніи свободнаго даванія и восприниманія, то приходится отказаться отъ основоположенія, составляющаго одно изъ вѣрнѣйшихъ приобрѣтеній современнаго естествознанія, — *отъ принципа сохраненія энергіи*. При всякаго рода измѣненіяхъ матеріальныхъ тѣлъ, въ нихъ, какъ извѣстно, постоянно остается неизмѣннымъ въ своей общей суммѣ нѣчто, присущее въ измѣнчивой мѣрѣ отдѣльнымъ вещамъ, — именно способность (при соответственныхъ обстоятельствахъ) совершать механическую работу; эта способность называется энергіей. Она присуща вещамъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: какъ сила толчка, когда онѣ двигаются, какъ сила притяженія, когда онѣ удалены другъ отъ друга, какъ теплота, химическое сродство и т. д. Въ то-же самое время отдѣльныя формы ея различнѣйшимъ образомъ могутъ переходить одна въ другую, такъ сказать превращаться, при чемъ всѣ эти превращенія протекаютъ въ опредѣленныхъ и всегда численно равныхъ отношеніяхъ, независимо отъ ихъ направленія и отъ того, будутъ-ли они совершаться непрямымъ или прямымъ путемъ, медленно или быстро. Такимъ образомъ каждая отдѣльная вещь, въ зависимости отъ своей скорости, положенія, температуры, наэлектризованности или химическаго состава обладаетъ тѣмъ или другимъ количествомъ энергіи; но по отношенію ко всей совокупности вещей, между которыми существуетъ такая возможность превращенія, количество энергіи всегда остается постояннымъ.

Ясно, что съ такимъ положеніемъ вещей совершенно несомѣстимо свободное воздѣйствіе души на матеріальную жизнь организма или свободное уклоненіе ея отъ такого воздѣйствія. Если душа въ состояніи породить нервное возбужденіе, для котораго не было достаточнаго основанія въ непосредственно передъ этимъ бывшихъ матеріальныхъ и ея собственныхъ состояніяхъ, то энергія создается изъ ничего; если душа подавляетъ матеріальный процессъ, энергія котораго по данному положенію вещей еще должна-бы дѣйствовать, то выходитъ, что энергія уничтожается. Такъ же обстоитъ дѣло при тѣхъ воздѣйствіяхъ, которыя оказываютъ на душу нервныя процессы и которыя побуждаютъ ее образовывать ощущенія и представленія. При подобныхъ обстоятельствахъ, одушевленный организмъ былъ-бы матеріальной системой, количество энергіи которой, совершенно независимо отъ окружающаго, подвергалось-бы, только въ силу въ ней самой происходящихъ процессовъ, непрерывнымъ колебаніямъ. Можно было-бы предположить, что послѣднія отчасти уравниваютъ другъ друга. Но это было-бы чудомъ, такъ какъ они совершенно независимы другъ отъ друга; кромѣ того не была-бы исключена возмож-

ность того, что отдѣльныя души въ состояніи увеличивать соотвѣтствующимъ напряженіемъ воли количество энергіи и такимъ образомъ осуществить въ обитаемыхъ ими организмахъ такъ долго отыскиваемое *perpetuum mobile*.

До недавняго времени можно было-бы еще сказать слѣдующее. Пусть будетъ такъ; пусть постоянство энергіи будетъ доказано для гальваническихъ элементовъ или для паровыхъ и динамо-машинъ: кто докажетъ то-же самое для чрезвычайно сложной органической жизни? Въ данной области принципъ сохраненія энергіи является простой гипотезой, которой мы въ правѣ противопоставить гипотезу непостоянства энергіи. Однако, вотъ уже десять лѣтъ, какъ такой выходъ оказывается болѣе непримѣнимымъ: постоянство энергіи у высшихъ животныхъ, какъ напр. у собаки, а въ недавнее время даже и у человѣка, доказано непосредственно на опытахъ. Если животное или человѣкъ не производитъ никакой внѣшней работы, какъ, напр., восхождение на гору или подниманія тяжестей, то вся, вырабатываемая его жизненными процессами энергія выдѣляется имъ въ видѣ теплоты. Движеніе крови въ сосудахъ согрѣваетъ ихъ стѣнки, движеніе членовъ нагрѣваютъ поверхности суставовъ и окружающіе ихъ слои воздуха; обмѣнъ веществъ, сокращеніе мускуловъ, взрывы возбужденія въ нервахъ,— все это имѣетъ отношеніе къ вырабатываемой организмомъ теплотѣ, излишекъ которой, по сравненіи съ окружающей средой, непрерывно излучается во внѣ. Источникомъ этого потока энергіи служатъ питательныя вещества, воспринимаемая съ пищей; освобождающееся вслѣдствіе сгорания послѣднихъ количество энергіи, конечно за вычетомъ выдѣлений, и есть та энергія, которая испытываетъ въ игрѣ жизненныхъ процессовъ самыя различныя превращенія и въ концѣ концовъ снова возвращается въ видѣ теплоты во внѣшній міръ. Въ настоящее время, путемъ самыхъ тщательныхъ, недѣлями продолжавшихся измѣреній, *Рубнеръ* нашелъ, что отданная животнымъ, въ теченіи долгаго періода наблюдений, тепловая энергія согласуется съ точностью до $\frac{1}{2}$ процента (эта разница падаетъ на неизбѣжныя при такомъ изслѣдованіи ошибки) съ количествомъ энергіи усвоенной пищи. „Счетъ идетъ просто и гладко... Въ этомъ хозяйствѣ нѣтъ какъ излишка, такъ и недостатка“. То возраженіе, что нельзя заключать отъ животнаго съ его сравнительно мало развитой духовной жизнью къ несравненно выше стоящему человѣку, было устранено *Атватеромъ*. Его очень трудныя изслѣдованія были произведены надъ пятью академиками при разнообразныхъ измѣненіяхъ условій, напр., при различномъ питаніи, при тѣлесномъ покоѣ, соединенномъ съ умственной дѣятельностью, при физической работѣ. Въ от-

дѣльныхъ, длившихся нѣсколько дней опытахъ, между полученной и отданной энергіей была еще маленькая разница, доходившая въ своемъ максимумѣ до 2-хъ процентовъ; если-же взять всѣ 66 дней опытовъ съ работой, то эта разница понижается до $\frac{1}{10}\%$; при 41 днѣ опытовъ со спокойнымъ состояніемъ она исчезаетъ совершенно. Такимъ образомъ въ человѣческомъ организмѣ нѣтъ мѣста для свободнаго проявленія самостоятельной души.

Также мало вѣроятна гипотеза несвободной дѣятельности особаго существа, стоящаго съ тѣломъ въ отношеніи взаимодѣйствія. Нужно вспомнить еще другое возраженіе противъ представленія о мозгѣ, какъ органѣ души и противъ гипотезы взаимодѣйствія, именно, что такое представленіе есть послѣдній остатокъ прежняго, господствовавшего повсюду, но отвергнутаго рѣшительно во всѣхъ областяхъ, гдѣ только возможно было строгое изслѣдованіе, воззрѣнія. Прimitивное мышленіе населяетъ весь міръ духами, демонами, кобольшами, однимъ словомъ, подобными душѣ существами, которыя стоятъ въ такомъ-же отношеніи къ окружающимъ вещамъ, какъ и душа къ мозгу. Развивающееся пониманіе истинной связи вещей обнаружило всю наивность и незрѣлость такихъ воззрѣній. Люди относились къ нимъ съ сильнѣйшей любовью и пристрастіемъ, и если бы они хоть гдѣ-нибудь соотвѣтствовали истинѣ, это должно было обнаружиться. Но подавляющая вѣскость фактовъ, добытыхъ многолѣтнимъ, непрерывно растущимъ опытомъ и тщательными изслѣдованіями, заставила признать то воззрѣніе, что всѣ матеріальные процессы порождаются исключительно матеріальными процессами и сами производятъ исключительно матеріальныя дѣйствія, т. е. къ признанію, что въ природѣ царствуетъ строго замкнутая причинность. Никто болѣе не сомнѣвается, что для появленія зимы илѣта, дождя и хорошей погоды, а также для органическихъ процессовъ, напр. въ сердцѣ, мускулахъ, даже спинномъ мозгу, дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ; и только въ большомъ мозгу, внутри замкнутой черепной полости, почему-то должно-быть иначе. Конечно, благодаря недоступности этого органа и его особенной важности для жизни, очень трудно непосредственно доказать, что въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ не дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ какое-то демоническое существо, въ родѣ тѣхъ, которыя уже повсюду изгнаны изъ міра. Но вѣдь если что нибудь, вообще, можно считать истиннымъ, потому что нельзя прямо убѣдиться въ его ложности, то можно было бы думать, что рай находится на обратной сторонѣ луны, а адъ внутри солнца только потому, что туда нельзя прійти и увидѣть; а правда ли это? При нашихъ предположеніяхъ о дѣйствительности дѣло идетъ

всегда не о какойнибудь любой, шаткой возможности, но о наибольше вѣроятномъ, стоящемъ въ связи со всей совокупностью нашихъ другихъ знаній. И не какая-нибудь особая симпатія къ такому воззрѣнію, не скоропроходящая мода, но вся совокупность нашего опыта говоритъ съ необычайной ясностью противъ существованія всякаго рода отдѣлимыхъ душъ, независимо отъ того, будетъ-ли имъ приписана способность свободно измѣнять количество энергіи въ тѣлѣ, или ихъ дѣятельность будетъ пониматься, какъ особый новый видъ превращенія энергіи, при условіи постоянства общаго количества ея.

2. *Психофизическій параллелизмъ.* Итакъ, ходячее воззрѣніе на отношеніе между душой и мозгомъ неизбежно приводитъ насъ къ трудностямъ и противорѣчіямъ. Какъ-же должны мы понимать это отношеніе? Если мозгъ и душа не противостоятъ другъ другу, въ качествѣ самостоятельныхъ другъ на друга воздѣйствующихъ сущностей, то не остается ничего болѣе, какъ признать, что они составляютъ одну сущность. Но, конечно, только въ извѣстномъ смыслѣ, ибо двойственность и различіе души и мозга являются въ то-же самое время неоспоримымъ фактомъ. Нужно мыслить ихъ какъ одну сущность, которая способна, однако, проявляться двоякимъ образомъ. Во первыхъ, эта сущность знаетъ о самой себѣ непосредственно и безъ посторонняго содѣйствія. Въ этомъ случаѣ она представляется непространственнымъ, непрерывно мѣняющимся и все-же во многихъ отношеніяхъ тождественнымъ соединеніемъ чувственныхъ впечатлѣній, мыслей, чувствъ, желаній, идеаловъ, стремленій; мы называемъ это душой. Эта же сущность способна давать знаніе о своемъ бытіи и другимъ однороднымъ сущностямъ при помощи разнообразныхъ средствъ, напр., зрѣнія и осязанія, микроскопа и другихъ аппаратовъ. Если пользоваться этими средствами для ея познанія, тогда то, что для непосредственнаго сознанія является соединеніемъ ощущений, представленій, чувствъ, оказывается чѣмъ то совершенно другимъ, именно чѣмъ-то протяженнымъ, мягкимъ, со множествомъ извилинъ, искусно построеннымъ изъ безчисленныхъ клѣтокъ и волоконъ, т. е. мозгомъ или вообще нервной системой. Душа и нервная система, это не двѣ отдѣльныя партіи, только внѣшнимъ образомъ вліяющія другъ на друга, они—одна партія, одна и та-же реальность, которая проявляется двояко, въ одномъ случаѣ такъ, какъ она непосредственно сама о себѣ знаетъ и для себя существуетъ, въ другомъ,—какъ она представляется другимъ однороднымъ съ нею реальностямъ, когда испытываетъ со стороны послѣднихъ то, что мы называемъ быть видимымъ и осязаемымъ.

Хотя на видъ кажется, что внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на душу и побуждаютъ ее къ внѣшне-выражающимся противодѣйствіямъ, на примѣръ, кто-нибудь размышляетъ надъ вопросомъ и потомъ даетъ отвѣтъ, однако истинное отношеніе слѣдуетъ понимать совершенно иначе. Поскольку эти явленія видимы или осязаемы (или мыслятся какъ видимыя и осязаемыя), постольку они образуютъ непрерывный рядъ матеріальныхъ измѣненій въ нервной системѣ; они не превращаются въ невидимое и не возникаютъ изъ него, но остаются вполне замкнутой цѣпью чисто матеріальныхъ процессовъ, конечное звено которыхъ причиняется начальнымъ звеномъ принципиально совершенно такъ же согласно физическимъ и химическимъ законамъ, какъ и у искусственной машины, только, конечно, все здѣсь гораздо сложнѣе. Однако, у этихъ же процессовъ, происходящихъ въ нервной системѣ, независимо отъ ихъ матеріальнаго вида и, такъ сказать, наряду съ нимъ есть въ то же время еще и другая жизнь; они являются также рядомъ измѣненій совершенно другого порядка: рядомъ чувственныхъ воспріятій въ формѣ мыслей, чувствованій, догадокъ, воленій. Члены обоихъ рядовъ не вызываютъ другъ друга и не переплетаются другъ съ другомъ; они составляютъ двѣ совершенно различныя причинныя цѣпи. Однако же, звено за звеномъ, они стоятъ также въ тѣснѣйшей связи; они параллельны другъ другу, какъ неточно выражаются, ибо на самомъ дѣлѣ, въ своей подлинной сущности, они представляютъ собою скорѣе совершенно одно и то же. Иллюзія же, что оба способа явленія одной и той же сущности вліяютъ одинъ на другой, вызываютъ другъ друга, покоится единственно на томъ, если угодно, случайномъ обстоятельствѣ, что два взаимозависящіе члена обоихъ рядовъ не переживаются одновременно однимъ сознаниемъ. Т. е. мыслящій и чувствующій не можетъ одновременно воспринимать тѣхъ мозговыхъ процессовъ, которые являются или, по крайней мѣрѣ, могутъ являться внѣшними выраженіями этихъ мыслей, и, наоборотъ, — изучающій опредѣленные мозговые процессы ничего не знаетъ о душевныхъ явленіяхъ, составляющихъ невидимую жизнь этихъ процессовъ. Тѣ матеріальные процессы, которые могутъ быть воспріяты однимъ и тѣмъ же сознаниемъ наряду съ душевными переживаніями, именно, протекающія внѣ организма причины и слѣдствія мозговыхъ процессовъ, — въ дѣйствительности либо предшествуютъ душевнымъ переживаніямъ, въ качествѣ причиняющаго, либо слѣдуютъ за ними — въ качествѣ причиненнаго.

Конечно, познавъ истинное соотношеніе вещей, нѣтъ надобности постоянно выражать его словесно. Такъ какъ всѣ существующія словесныя наименованія сполна исходятъ изъ представленія

о взаимодѣйствіи души и тѣла, то такая точность была бы даже насильственной. Это все равно, какъ если бы кто-либо, узнавъ, что солнце не движется, пожелалъ бы не говорить болѣе о восходѣ и заходѣ солнца. Поэтому и здѣсь въ иныхъ случаяхъ будетъ идти рѣчь о воздѣйствіяхъ внѣшняго міра на душу или о внѣшнихъ слѣдствіяхъ душевныхъ процессовъ,—конечно, при отсутствіи малѣйшей непослѣдовательности въ мысляхъ.

G. Th. Fehner, Die Seelenfrage (1861). — F. Paulsen, Einleitung in die Philosophie. — Ch. Strong, Why the Mind has a Body (1903). — C. Stumpf Leib und Seele (1896 и 1903). — L. Busse, Geist und Körper, Seele und Leib (1903; съ обстоятельнымъ указателемъ литературы). Б. Эрдманъ. Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. М. 1910.

Къ стр. (51). Rubner, Die Quelle der tierischen Wärme, Zeitschrift f. Biologie, d. Bd. 30, стр. 73 (1894). — A t w a t e r, Neue Versuche über Stoff-und Kraftwechsel in menschlichen Körper. Ergebnisse der Physiologie, Kn. III, 1 (1904).

Г. Челпановъ. Мозгъ и душа. 4-ое. 1907. Ц. 1 р. 50 коп.

§ 4. Сущность души.

Мы узнали теперь, что душа по отношенію къ мозгу и нервной системѣ не является совершенно чуждой, отдѣлимой и противоположной сущностью, но скорѣе одинакова съ ними по своей природѣ, отличаясь отъ нихъ только въ способѣ своего проявленія. Въ одномъ случаѣ, мы имѣемъ ея непосредственное бытіе, бытіе само по себѣ; въ другомъ— ея же бытіе, какъ оно представляется посредствомъ зрѣнія, осязанія и т. д., и черезъ которое даютъ о себѣ знать упомянутыя выше реальности. Мы можемъ, однако, ея природу охарактеризовать еще болѣе общими чертами. Нервная система, какъ выше было указано, представляетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ весь организмъ. Вся жизнь послѣдняго какъ бы сконцентрирована и объединена въ ней. При помощи нервной системы каждый органъ объединенъ съ другими въ одно цѣлое; такимъ образомъ, простой агрегатъ превращается въ систему. При ея посредствѣ функціи отдѣльныхъ органовъ поставлены въ тѣсныя соотношенія другъ съ другомъ, они уравниваются въ постоянномъ взаимодѣйствіи и подчинены законамъ въ видахъ осуществленія общей цѣли всего организма. Итакъ, если душа есть своеобразное проявленіе нервной системы, а послѣдняя — представитель всего организма, то и душа, значитъ, представляетъ собою то же самое, только, конечно, на особый, ей присущій ладъ; она является психическимъ, сконцентрированнымъ повтореніемъ тѣла, слѣдовательно также сущностью, сходной съ тѣломъ. Совершенно правильно различаютъ тѣло отъ его частей и ихъ отдѣльныхъ дѣятельностей и говорятъ, что оно имѣетъ руки и ноги, или дыханіе и обмѣнъ веществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно неотдѣлимо отъ всѣхъ своихъ частей и не противостоитъ ихъ функціямъ, какъ самостоятельная, способная дѣй-

ствовать на нихъ сущность. Тѣло есть только совокупность всѣхъ своихъ частей и всѣхъ ихъ функций. Совершенно то же самое и душа. Она имѣетъ мысли, ощущенія, желанія, она внимательна или невнимательна, воспоминаетъ что-нибудь и пр., и не легко то, что можно сказать объ этихъ явленіяхъ, выразить иначе, какъ приписавъ ей эти содержанія и дѣятельности. Но душа не находится внѣ совокупности этихъ содержаній и дѣятельностей; она не является сущностью, которая остается еще, если вычеркнуть всѣ душевныя переживанія, или которая можетъ, какъ самостоятельная сила, дѣйствовать противъ этихъ переживаній: она—только сумма всей этой сложной жизни.

Вмѣстѣ съ признаніемъ, что душа есть сущность подобная тѣлу, приобрѣтено и еще кое-что другое для ея пониманія. Самое общее свойство организма, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ собою систему, имѣющую цѣлью собственное развитіе и сохраненіе, такъ сказать, машину самосохраненія, осуществляя это самосохраненіе двоякимъ образомъ, съ помощью двухъ средствъ.

Первое средство — борьба. Организмъ сохраняетъ себя, находясь въ постоянной борьбѣ съ окружающей средой и силами послѣдней, съ живой и мертвой природой, съ однородными и отличными отъ него существами; но онъ поддерживаетъ себя также и взаимной борьбой своихъ собственныхъ частей, борьбой клѣтокъ, тканей, органовъ за мѣсто, за питательныя вещества, однимъ словомъ, за господство. Цѣль борьбы всегда одна и та же: съ одной стороны, устранить, ослабить, уничтожить все вредное для самосохраненія, съ другой стороны, использовать, укрѣпить, усвоить все необходимое и полезное для него.

Второе средство состоитъ въ проявленіи извѣстной своеобразности или, скорѣе, многихъ своеобразностей, образующихъ тѣмъ не менѣе одно цѣлое. Млекопитающее выбираетъ изъ окружающей среды не то и избѣгаетъ не того, что птица, левъ—не того, что лошадь. Средства, съ которыми каждое такое существо противопоставлено міру, а благодаря этому его поведение и весь способъ его борьбы съ окружающимъ, оказываются въ высшей степени различными. Въ основѣ своего свойства каждаго отдѣльнаго индивида иныя, чѣмъ у другихъ. Проявленіе же этихъ особенностей каждаго организма, употребленіе данныхъ ему органовъ и упражненіе присущихъ имъ функций,—все это столь же необходимо для его существованія, какъ и борьба. Въдѣ эти особенности сохраняются только благодаря упражненію, въ противномъ случаѣ онѣ ослабляются; вмѣстѣ съ тѣмъ нарушается ихъ способность къ дальнѣйшей дѣятельности и въ концѣ концовъ совсѣмъ

пропадаетъ. А такъ какъ онѣ въ общемъ необходимы въ борьбѣ за существованіе и обуславливаютъ собою благополучіе организма, то нарушеніе ихъ подвергаетъ опасности и самое существованіе послѣдняго.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ оба средства самосохраненія примѣняются въ тѣснѣйшей связи, при помощи одного и того же акта. Борьба за существованіе осуществляется путемъ проявленія своеобразности, а это проявленіе и состоитъ въ томъ, что индивидъ сохраняетъ и оберегаетъ себя въ борьбѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и извѣстное раздѣленіе. Вызванная борьбой дѣятельность, какъ таковая, часто не имѣетъ большого значенія для самосохраненія, потому что она такъ часто упражняется, что нечего заботиться объ ея ослабленіи; здѣсь дѣло идетъ о преодолѣніи при помощи ея какой-нибудь сферы внѣшняго міра. Съ другой стороны, борьба съ окружающимъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даетъ только односторонніе случаи для проявленія своеобразія; тогда самосохраненіе требуетъ дѣятельности прежде не достаточно упражнявшихся функций, не достигая этимъ самымъ непосредственно значительной выгоды въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, вообще говоря, борьба въ жизни организма является вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіемъ его своеобразія. Наряду съ этимъ встрѣчаются, однако, и преимущественно явленія борьбы, и преимущественно или даже исключительно проявленія своеобразности.

Все сказанное правильно и по отношенію къ душѣ. Послѣдняя есть сущность подобная тѣлу, другими словами, она есть стремящаяся къ самосохраненію система, только не изъ внѣшне видимыхъ и осязаемыхъ, но внутренне переживаемыхъ образованій и функций. Типичными представителями этого воззрѣнія является *Спиноза*, а въ новѣйшее время *Фехнеръ*. Самосохраненіе осуществляется душою двоякимъ способомъ. Во-первыхъ, путемъ борьбы съ тѣмъ, что намъ дано во внѣ, какъ внѣшній міръ; такой взглядъ пользуется общимъ признаніемъ благодаря *Дарвину*. Во-вторыхъ, путемъ проявленія присущей душѣ своеобразности, путемъ изживанія и развитія данныхъ ей силъ и способностей. Въ своемъ основаніи это мнѣніе принадлежитъ *Аристотелю*. То общее воззрѣніе на сущность души, которое положено въ оснву предлагаемаго труда, заключается въ осмысленномъ соединеніи воззрѣній *Спинозы*, *Фехнера*, *Дарвина* и *Аристотеля*. Исходя изъ него, мы попытаемся теперь объяснить какъ важнѣйшія изъ элементарныхъ, такъ и нѣкоторыя изъ высшихъ, болѣе сложныхъ явленій душевной жизни.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Элементарныя явленія душевной жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній предположемъ одно замѣчаніе. Тѣмъ, кто говоритъ сначала объ элементахъ душевной жизни, а затѣмъ о сложныхъ ея явленіяхъ, какъ и мы намѣрены сдѣлать ниже, во многихъ случаяхъ приходится встрѣчать упрекъ, что такой порядокъ изложенія не соотвѣтствуетъ природѣ самого изслѣдуемаго предмета. Душа-де есть прежде всего органическое единство, живое сплетеніе взаимно связанныхъ, проникающихъ другъ друга функций. Съ этимъ фактомъ не считается „атомистическое раздробленіе“ душевной жизни, которое сначала аккуратно отдѣляетъ другъ отъ друга мысли и ощущенія, явленія памяти и абстракціи, чтобы уже затѣмъ объединить ихъ въ болѣе сложныя образованія. Упомянутая выше живая цѣльность души никогда не можетъ быть представлена при помощи такой заимствованной у естествознанія точки зрѣнія. Но это возраженіе совершенно игнорируетъ смыслъ того, противъ чего оно направлено. Если біолога спросить о строеніи и функцияхъ тѣла, то онъ отвѣтитъ, что тѣло состоитъ изъ костей, мускуловъ, нервовъ и т. д., послѣдній органической элементъ которыхъ составляютъ мускульныя и гангліозныя клѣтки, кровяныя тѣльца и друг., а происходящіе въ тѣлѣ процессы суть: дыханіе, обмѣнъ веществъ и размноженіе. Всякій сочтетъ такой отвѣтъ вполне умѣстнымъ, и никто не станетъ навязывать біологу мнѣнія, что онъ считаетъ организмъ происшедшимъ и составленнымъ изъ этихъ элементовъ такимъ образомъ, что раньше имѣлись отдѣльныя части, а потомъ онѣ какимъ-либо путемъ были соединены въ одно большое цѣлое, какъ строится домъ изъ досокъ и кирпичей. Во времени біологъ считаетъ тѣло съ самаго начала единымъ цѣлымъ, не менѣе единымъ, чѣмъ душа, и вначалѣ имѣющимъ простое, а затѣмъ и болѣе сложное расчлененіе; онъ считаетъ, что это цѣлое создало части, а не наоборотъ. Но чтобы основательно познакомиться съ тѣломъ, какъ требуютъ этого отъ біолога, онъ долженъ поступить такъ, какъ будто дѣло обстоитъ обратномъ тому, что есть въ дѣйствительности; онъ долженъ начать съ разсмотрѣнія частей и путемъ абстракціи и расчлененія выдѣлить ихъ изъ цѣлага, въ которомъ онѣ только и существуютъ, или попытаться различить эти части въ цѣломъ. Такова же точка зрѣнія и методъ психолога. Реально существующая душевная жизнь, которую онъ сознаетъ и пониманіе которой хочетъ пробудить у другихъ, всегда была и будетъ живымъ единствомъ, а не суммою изолированнымъ частей, какъ иногда по недоразумѣнію думаютъ. Душевная жизнь съ самаго начала однородна не съ элементарными, а со сложными явленіями, несмотря на то, что она вначалѣ сравнительно проста, а позднѣе необыкновенно богата содержаниемъ. Путемъ расчлененія и абстрагированія возможно различить въ этомъ цѣломъ множество отдѣльныхъ частей, предварительное знаніе которыхъ необходимо, если допустить возможность яснаго

взгляда на запутанную сложность цѣлаго и пониманія существующей въ немъ внутренней связи. Конечныя образования и процессы, до которыхъ можно проникнуть указаннымъ путемъ, какъ разъ и представляють собой элементарныя явленія въ томъ смыслѣ, какъ они здѣсь понимаются.

Душѣ необходимо ориентироваться во внѣшнемъ мірѣ чтобы устоять въ борьбѣ съ нимъ; при этомъ въ впечатлѣніяхъ, вызванныхъ въ ней внѣшними вліяніями, она находитъ матеріаль для проявленія своей своеобразности. Душа на этомъ матеріалѣ проявляетъ разнообразныя дѣятельности—она связываетъ, раздѣляетъ, преобразовываетъ, результаты чего затѣмъ проявляются вновь въ видимыхъ движеніяхъ органовъ тѣла. Хотя всѣ эти процессы тѣснѣйшимъ образомъ связаны и сплетены между собою и даже отчасти неотдѣлимы во времени—такъ, напр., воспріятіе матеріала всегда тотчасъ же связывается съ извѣстнымъ преобразованиемъ—но все же ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга путемъ анализа и абстракціи. Поэтому, мы рассмотримъ отдѣльно:

1. Впечатлѣнія, вызванныя явленіями внѣшняго міра,
2. Переработку ихъ душой,
3. Реакцію на эти впечатлѣнія.

А. ПРОСТѢЙШІЯ ЯВЛЕНІЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

§ 5. Ощущенія.

Новые виды ихъ. Душа ориентуется въ окружающемъ мірѣ при помощи ощущеній, доставляемыхъ ей органами чувствъ, напр., ощущеній цвѣтовъ, тоновъ, запаховъ и т. п. Научныя изслѣдованія 19-го столѣтія обогатили и углубили наши познанія главнымъ образомъ въ этой области.

Прежде всего эти изслѣдованія значительно увеличили число ощущеній. Издавна психологія, какъ извѣстно, знала пять чувствъ. Однако, будемъ ли мы считать органы чувствъ или виды происходящихъ отъ нихъ ощущеній, во всякомъ случаѣ, это число нужно удвоить, чтобы быть въ согласіи съ дѣйствительнымъ богатствомъ послѣднихъ.

Поводомъ къ такому увеличенію числа родовъ ощущеній послужило одно теоретическое затрудненіе. При сведеніи всего нашего познанія къ опыту, натолкнулись на такое препятствіе: мы сознаемъ наполняющія пространство и оказывающія сопротивленіе тѣла, но откуда берется это сознание? Съ полнымъ основаніемъ казалось недостаточнымъ объяснить этотъ фактъ только впечатлѣніями осязанія, чисто пассивными ощущеніями давленія, а также впечатлѣніями исключительно пространственной протяженности. Ясно, что здѣсь имѣется связь съ движеніями нашихъ членовъ и съ раз-

виваемыми при этомъ активными напряженіями. Такимъ образомъ, возникъ дальнѣйшій вопросъ: откуда же мы знаемъ объ этихъ движеніяхъ, объ ощущаемомъ при этомъ сопротивленіи вещей и о напряженіи нашихъ силъ для преодоленія этого сопротивленія? Вначалѣ отвѣчали такимъ образомъ: это происходитъ при содѣйствіи *мускуловъ*, которые, конечно, нужно считать особымъ органомъ чувствъ въ виду происходящихъ отъ нихъ ощущений утомленія, судорогъ, ломоты, и которые, вѣроятно, могутъ давать знать нервнымъ центрамъ о своихъ состояніяхъ сокращенія и напряженія посредствомъ центростремительныхъ возбужденій. Но это было лишь частью истины, которую фактически подтвердило въ 70-хъ годахъ открытіе предполагавшихся чувствительныхъ мускульныхъ нервовъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что объясненіе разбираемыхъ фактовъ не можетъ ограничиться участіемъ мускуловъ и прилегающихъ къ нимъ *сухожилій*. Такъ, напр., мы осведомлены о положеніи и движеніи нашихъ членовъ и въ томъ случаѣ, когда они вполнѣ пассивны, а ихъ двигаетъ кто нибудь другой, при чемъ мышцы остаются вялыми, герп. не сокращенными. Затѣмъ, если двигать одинаковую тяжесть на одинаковомъ протяженіи при очень различномъ положеніи члена, напр., сначала сильно согнутой рукой, а затѣмъ почти выпрямленной, то получается почти одно и то же ощущение тяжести и движенія; участвующіе же въ этомъ мускулы находятся въ совершенно различныхъ состояніяхъ напряженія и сокращенія. Уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ удалось узнать съ достаточной вѣрностью, что главнѣйшими периферическими органами, создающими вышеназванныя ощущенія, являются *суставы*, обладающіе множествомъ нервовъ, а также *суставныя капсулы*. На это указываетъ прежде всего простое наблюденіе. Если внимательно наблюдать за медленнымъ движеніемъ руки или пальца, съ закрытыми глазами, и спросить себя, гдѣ собственно нѣчто ощущается, то безъ сомнѣнія получится отвѣтъ: въ области приведеннаго въ дѣйствіе сустава. Этому соответствуетъ тотъ фактъ, что при проведеніи черезъ суставъ индукціоннаго тока чувствительность его къ движенію, а также и къ поднятію тяжестей, значительно уменьшается. Такимъ образомъ, наряду съ осязаніемъ почти всѣми признается теперь и другое чувство, которое собственно само является совокупностью нѣсколькихъ чувствъ. Органы этого чувства въ большомъ количествѣ и въ различныхъ формахъ распределены по всему тѣлу; его ощущенія суть ощущенія, которыя хотя и связаны всегда съ впечатлѣніями прикосновенія, но могутъ быть вполнѣ отличены отъ нихъ: они — переживанія (сами по себѣ пространственно не воспринимаемыя) положенія и движенія нашихъ чле-

новъ, сопротивленія и тяжести внѣшнихъ предметовъ и напряженія. Въ виду того, что выбранное вначалѣ названіе „мускульныя ощущенія“ оказалось слишкомъ узкимъ, эту группу ощущеній часто называютъ *кинѣстетическими ощущеніями*.

За этимъ первымъ обогащеніемъ области чувствъ послѣдовало въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ прошлаго столѣтія второе; чувство осязанія, представлявшееся прежней психологіи единымъ, должно было расколоться. Несомнѣнно, что доставляемая этимъ чувствомъ впечатлѣнія давленія, температуры и боли отъ укола или порѣза всегда различались мысленно. Знали также, что чувствительности къ этимъ тремъ видамъ впечатлѣній не всегда находятся въ одномъ и томъ же отношеніи между собой, а варьируютъ независимо другъ отъ друга; такъ, напр., мѣста наибольшей чувствительности кожи къ прикосновенію не являются въ то же время мѣстами наибольшей чувствительности ея къ температурнымъ измѣненіямъ, чувствительность кожи къ боли можетъ быть притуплена, не вызывая такого же притупленія чувствительности къ давленію. Но только въ 80-хъ годахъ открыли реальное основаніе этого отношенія въ анатомическомъ раздѣленіи органовъ. При изслѣдованіи кожи раздражителями, дѣйствующими по возможности только на отдѣльныя ея пункты, выяснились два обстоятельства. Во-первыхъ, что чувствительна не вся поверхность кожи, а только нѣкоторыя изолированныя точки ея, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ весьма близко другъ отъ друга. Во-вторыхъ, что эти точки тепла и холода, давленія и боли совершенно отличны другъ отъ друга и распределены на поверхности кожи въ различномъ порядкѣ. Установить этотъ фактъ для точекъ холода—правда, только для холода—столь легко, что это можетъ продѣлать всякій при помощи стального пера или очиненнаго карандаша. Если прикасаться ими къ мѣсту кожи, достаточно свободному отъ волосковъ, напр., къ тыльной поверхности руки между большимъ и указательнымъ пальцемъ, то обыкновенно чувствуютъ только прикосновеніе предмета. Но изрѣдка мелькнетъ и интенсивное ощущеніе прохлады, отчетливо связанное съ опредѣленнымъ мѣстомъ и вновь возобновляющееся при повтореніи раздраженія на этомъ мѣстѣ. Подобнымъ путемъ можно найти и другія точки кожи, воспринимающія только тепло, но для этого необходимо конечно, имѣть все время довольно теплое остріе; кромѣ того, ощущеніе на этихъ пунктахъ не такъ ясно и отчетливо. Точки давленія находятся на частяхъ кожи, покрытыхъ волосами и постоянно вблизи волоска; на остальныхъ частяхъ, напр., на ладони и на подушечкахъ пальцевъ онѣ расположены такъ близко другъ отъ друга, что для отдѣ-

ления ихъ необходимо прибѣгнуть къ помощи болѣе тонкихъ приѣмовъ. То же самое можно сказать и объ опредѣленіи болевыхъ точекъ. Ясно, значитъ, что кожа есть органъ не одного только, а трехъ совершенно различныхъ чувствъ: *температуры, давленія и боли*, концевые аппараты которыхъ хотя и переплетены между собою, но пространственно отдѣлены другъ отъ друга.

Конечно, прибавленіе этого новаго чувства боли многимъ покажется страннымъ: чувственная, физическая боль, связанная съ уколомъ или порѣзомъ, приравняется такимъ образомъ, какъ самостоятельное ощущеніе, къ другимъ видамъ ощущений,—температурѣ, осязанію, зрѣнію, тогда какъ обычно (за исключеніемъ, конечно, сопровождающаго боль чувства неудовольствія) ее считаютъ только усиленіемъ любого рода ощущенийъ. При этомъ происходитъ столь свойственная популярному мышленію подстановка: опредѣленные отношенія между внѣшними раздраженіями переносятся просто на зависящія отъ нихъ душевныя переживанія, хотя между послѣдними существуютъ совершенно другія отношенія. Крайнія температуры, сильное давленіе, яркій свѣтъ дѣйствительно вызываютъ чувство боли. Но эта боль, какъ таковая, не имѣетъ никакого сходства ни съ ощущеніемъ температуры, ни съ ощущеніемъ свѣта, давленія и т. п.; какъ содержаніе сознанія, она такъ же отличается отъ этихъ ощущенийъ, какъ они между собой; связь ея съ различными другими ощущениями основана на томъ, что раздражители послѣднихъ при достаточномъ повышеніи интенсивности развиваютъ побочное дѣйствіе, котораго въ другихъ случаяхъ у нихъ нѣтъ. На роговой оболочкѣ глаза можно очень хорошо демонстрировать независимость ощущенія боли. Присутствіе волосинки вызываетъ въ ней сильную боль безъ всякой связи съ ощущеніемъ температуры или прикосновенія. Сюда же относятся и „колющія“ ощущенія въ носу при вдыханіи хлора, нашатыря и т. п. Впрочемъ, боль въ кожѣ не является единственнымъ проявленіемъ дѣятельности чувства боли. Къ нему относятся также боль при поврежденіи и заболѣваніи внутреннихъ органовъ (головная боль, зубная, боль желудка и т. д.).

Но самое своеобразное расширеніе области психологіи ощущенийъ состоитъ въ слѣдующемъ. Оно не вытекаетъ, какъ оба вышеназванныя открытія, изъ планомѣрнаго научнаго исканія, а изъ наблюденій случайныхъ, долгое время остававшихся непонятыми. Ухо — наиболѣе сложный по строенію органъ внѣшнихъ чувствъ. Въ немъ ясно различаются три части: улиткообразно извитое образованіе (улитка), система 3-хъ полукруглыхъ трубочекъ, расположенныхъ почти подъ прямымъ угломъ другъ къ другу (полукружные каналы) и между ними два маленькихъ мѣшечка, которые содержатъ въ себѣ состоящія изъ мелкихъ известковыхъ кристалловъ тѣла (отолиты). Въ виду анатомической связи и нѣкоторой общности строенія этихъ частей, думали, что всѣ онѣ обслуживаютъ слухъ, хотя и не могли сказать, каковы функціи каждой изъ нихъ. Каково же было изумленіе, когда оказалось, что раздраженіе и пораненіе полукружныхъ каналовъ и мѣшечковъ вызываютъ у животныхъ не нарушенія слуха, а нарушеніе движенія и положенія

тѣла: неловкость и ослабленіе силы движеній, шатаніе, круженіе въ одну сторону, паденіе впередъ или на спину, поворачиваніе головы на бокъ и т. п. Прошло болѣе полу столѣтія, прежде чѣмъ отдѣльные изслѣдователи поняли эти явленія, и только очень постепенно ихъ объясненіе приобрѣло общее признаніе. Полукружные каналы и отолитовыя мѣшечки, такъ гласить это объясненіе, представляютъ собою особый органъ чувствъ, не имѣющій ничего общаго со слухомъ и обслуживаемый не слуховымъ нервомъ, а другимъ, только лежащимъ рядомъ съ послѣднимъ. Ощущенія, передаваемая этимъ нервомъ — суть *ощущенія движенія и положенія головы* и такимъ образомъ, косвенно, всего тѣла. Конечно, почти всегда эти ощущенія проявляются въ такой тѣсной связи съ ощущеніями кинѣстетическими и осязательными, что отдѣльно, какъ таковыя, ихъ трудно замѣтить; но это возможно при извѣстныхъ условіяхъ. Если вертѣтся нѣкоторое время съ закрытыми глазами на каблукѣ и сразу остановиться, то получается вполне ясное впечатлѣніе, что вертишься въ противоположную сторону: это и есть ощущеніе полукружныхъ каналовъ. Оно основывается на томъ, что тонкое кольцо жидкости въ горизонтальномъ полукружномъ каналѣ, которое въ началѣ круженія тѣла немного отставало (въ движеніи) отъ стѣнъ этого канала, продолжаетъ еще нѣкоторое время кружиться (по инерціи) послѣ неожиданной остановки и благодаря этому раздражаетъ конечные органы нервовъ въ другомъ направленіи, чѣмъ прежде. Если быстро двигаться по большому кругу, напр., въ карусели или при быстрой ѣздѣ на поворотахъ, то чувствуется наклоненіе тѣла кнаружи; если быстро поднимаютъ по подъемной машинѣ и потомъ сразу останавливаютъ ее, то получается впечатлѣніе, будто насъ немного опустили внизъ; это—ощущенія органа отолитовъ. Отолиты соединены подвижно со своимъ основаніемъ, которое тоже находится въ связи съ нервными волокнами; одинъ изъ нихъ можетъ двигаться въ горизонтальномъ, другой—въ вертикальномъ направленіи. При движеніи тѣла по кривой, горизонтальные отолиты нѣсколько отбрасываются центробѣжной силой въ сторону отъ оси вращенія и попадаютъ въ то же положеніе, въ которомъ они находятся, когда голова нагибается кнаружи—поэтому, должно получаться и то же ощущеніе. При быстромъ движеніи вверхъ и внизъ вертикальные отолиты нѣсколько отстаютъ въ направленіи движенія и при внезапной остановкѣ продвигаются немного впередъ—потому у насъ и получается на моментъ впечатлѣніе движенія въ обратную сторону. Если искусственно раздражать или ранить отолиты или полукружные каналы, какъ это дѣлается въ экспериментахъ надъ животными, то животныя чувствуютъ себя подверженными

извѣстнымъ принужденнымъ движеніямъ и стараются уравновѣсить эти движенія противоположными; если уничтожить упомянутые органы, то совершенно исчезаетъ одинъ изъ источниковъ свѣдѣній о положеніи и движеніи тѣла. Если человѣкъ лишается этихъ органовъ, вслѣдствіи болѣзней уха, то онъ теряетъ не такъ уже много: для ориентированія въ данной области къ ея услугамъ имѣются еще ощущенія зрительныя, осязательныя и кинѣстическія. Но у животныхъ, живущихъ въ водѣ и воздухѣ, у которыхъ эти чувства отчасти отступаютъ на задній планъ—при обхватываніи тѣла со всѣхъ сторонъ водой и воздухомъ не существуетъ разницъ ощущеній давленія, а на болѣе значительной глубинѣ въ водѣ зрѣніе почти бесполезно—у этихъ животныхъ подобная потеря весьма чувствительна: для нихъ отолитовые мѣшочки и полукружные каналы являются очень цѣнными органами, отъ которыхъ зависитъ ихъ существованіе. Къ сожалѣнію, для новаго чувства еще не найдено соотвѣтственнаго названія. Часто встрѣчаемое названіе *статическое чувство или чувство равновѣсія* характеризуетъ только одну изъ формъ его дѣятельности и могло бы подойти также и къ другимъ чувствамъ.

Но и этимъ не исчерпывается перечисленіе нашихъ чувствъ и доставляемыхъ ими видовъ ощущеній. Что такое голодъ и жажда, чувство тошноты и переполненія? Конечно, это нѣчто похожее на тоны и запахи, т.-е. на ощущенія, съ тою лишь разницей, что мы переносимъ ихъ не во внѣшній міръ, окружающій наше тѣло, а въ это самое тѣло, соотвѣтственно тому, что эти ощущенія вызываются процессами, совершающимися внутри его. Но какимъ же путемъ мы приходимъ къ сознанію ихъ? Опять таки, навѣрное, точно такимъ же, какимъ приходимъ къ сознанію тоновъ и цвѣтовъ: благодаря раздраженію какихъ-нибудь конечныхъ нервныхъ аппаратовъ и распространенію вызваннаго въ нихъ возбужденія до центральныхъ органовъ. Мѣстомъ этого раздраженія являются, вѣроятно, какія-нибудь части органовъ питанія, а потому и ихъ нужно считать особымъ видомъ органовъ чувствъ. То, что функціи подобнаго органа могутъ быть выполняемы наряду съ другими функціями, доказывается примѣромъ кожи, мускуловъ и суставовъ. Все вышесказанное относится, значитъ, и къ другимъ системамъ органовъ нашего тѣла, напр., къ органамъ дыханія съ ощущеніями стѣсненія и легкости, къ органамъ циркуляціи крови, половымъ, къ органамъ выдѣленія. Однимъ словомъ, мы обладаемъ цѣлой группой органовъ чувствъ въ сложной системѣ органовъ нашего тѣла, первой и главной задачей которыхъ является, несомнѣнно, отправленіе общихъ жизненныхъ функцій, но которые въ тоже время даютъ

знать центральнымъ нервнымъ органамъ о томъ, какъ совершаются эти функции. Обусловленныя ими ощущенія такъ же самостоятельны и своеобразны по отношенію другъ къ другу и къ другимъ ощущеніямъ, какъ цвѣтотыя ощущенія самостоятельны наряду съ тоновыми и вкусовыми. Они только мѣнѣе богато расчленены и труднѣе отдѣлимы другъ отъ друга, чѣмъ ощущенія высшихъ чувствъ, но для аффективной жизни души имѣютъ большое значеніе. Эти ощущенія обычно называютъ *органическими ощущеніями* въ виду указаннаго выше отношенія ихъ не къ вещамъ внѣ насъ, а къ органамъ нашего тѣла.

2. *Прочія ощущенія.* Что касается до четырехъ видовъ ощущеній: тона, цвѣта, запаха и вкуса, извѣстныхъ также древней психологіи, помимо кожныхъ ощущеній, то (если не считать вопроса объ отношеніи ихъ къ внѣшнимъ раздраженіямъ) о нихъ, какъ таковыхъ, можно сказать немного, имѣющаго общій интересъ.

То, что въ обыденной жизни называется вкусомъ извѣстнаго вещества, не цѣликомъ воспринимается посредствомъ языка. Вкусъ обычно состоитъ изъ комплекса различныхъ ощущеній, всегда сопровождающихъ другъ друга, расчленивъ которыя научаются лишь постепенно. Часто здѣсь участвуютъ осязательныя ощущенія языка, напр., при вкусѣ жгучемъ и вяжущемъ. Сплошь и рядомъ во вкусѣ большую роль играютъ ощущенія запаха: мы различаемъ различные сорта мяса, вина, хлѣба почти исключительно благодаря имъ. Если не считать такихъ сопровождаемыхъ другими ощущеніями ощущеній вкуса, то остаются четыре вкуса въ собственномъ смыслѣ слова: сладкій, кислый, соленый и горькій, различныя степени интенсивности, различныя комбинаціи которыхъ составляютъ все разнообразіе этой области ощущеній. Вызвать эти ощущенія возможно не на всей поверхности языка, но, какъ и при кожныхъ ощущеніяхъ, только на отдѣльныхъ маленькихъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга участкахъ, между прочимъ на маленькихъ, ярко-красныхъ сосочкахъ, ясно различаемыхъ на концѣ и на краяхъ языка. Кажется, что между ними существуетъ своего рода раздѣленіе труда, причемъ нѣкоторые изъ этихъ сосочковъ служатъ для воспріятія одного основнаго вкуса, другіе—другого. Причину этого факта слѣдуетъ искать въ существованіи множества микроскопическихъ почкообразныхъ образованій (*вкусовыя почки*), лежащихъ на стѣнкахъ упомянутыхъ выше сосочковъ и являющихся органами воспріятія вкуса въ собственномъ смыслѣ. Вѣроятно, они приспособлены къ одному опредѣленному основному вкусу и потому обуславливаютъ, смотря по своему распредѣленію, различную чувствительность сосочковъ, на которыхъ находятся.

Особенно велико разнообразіе *запаховъ*. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказывается, что безчисленныя вещества, предметы, растительные и животныя организмы обладаютъ собственнымъ запахомъ, хотя часто и весьма слабымъ, и при этомъ количество запаховъ все увеличивается вмѣстѣ съ открытіемъ новыхъ веществъ или же составленіемъ новыхъ смѣсей. И все таки человѣческое воспріятіе въ этой области несовершенно: у человѣка нѣтъ возможности внести порядокъ и связь въ это колоссальное множество отдѣльныхъ ощущений, установить между ними опредѣленныя отношенія. Мы можемъ образовывать нѣкоторыя группы родственныхъ запаховъ большаго или меньшаго объема (запахи цвѣтовъ, фруктовъ, запахъ мускуса, луковицы, гари, гнили и т. п.), но мы никогда не можемъ вполне овладѣть всѣмъ богатствомъ отдѣльныхъ запаховъ, да къ тому же различныя группы ихъ не имѣютъ отношенія и связи между собой. Несомнѣнно, это явленіе связано съ тѣмъ фактомъ, что чувство обонянія у человѣка недоразвито. Его периферическій органъ обонянія—маленькое пятно въ верхней части носовой полости—имѣетъ очень небольшое протяженіе, сравнительно съ другими млекопитающими. Соотвѣтствующія центральныя образования, напр. обонятельныя луковицы, у животныхъ развиты несравненно сильнѣе и по ихъ абсолютной величинѣ и въ особенности по сравненію съ другими частями мозга. Это явленіе представляетъ собою ясное доказательство упомянутаго выше (на стр. 56) угасанія способности, благодаря неупражненію. Въ виду того, что пахучія вещества при удаленіи отъ объекта, отъ котораго они происходятъ, быстро разжижаются, человѣкъ при своемъ вертикальномъ положеніи тѣла обоняетъ ихъ только иногда: онъ обоняетъ болѣе сильныя запахи или такіе, источникъ которыхъ онъ держитъ у своего носа. Животное же, которое ищетъ свою пищу на землѣ, обоняетъ всегда.

Совершенною противоположностью къ обонятельнымъ ощущеніямъ, въ смыслѣ отсутствія внутренней связи у запаховъ, являются *цвѣтотельныя ощущенія*. Эти ощущенія тоже чрезвычайно разнообразны: число различаемыхъ при благоприятныхъ условіяхъ цвѣтовыхъ тоновъ (въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова) нужно считать равнымъ миллиону. Но здѣсь царитъ полный порядокъ и полная ясность. Все множество существующихъ и вообще мыслимыхъ цвѣтовъ при точной передачѣ непосредственно воспринимаемыхъ между ними отношеній, можно изобразить въ пространственной схемѣ трехъ измѣреній. Всего лучше это сдѣлать при помощи неправильнаго октоэдра, изображеннаго на рисункѣ 13. Прямая ось представляетъ на своихъ концахъ самый свѣтлый бѣлый и самый темный черный цвѣтъ, а на остальномъ

протяженіи менѣ яркіе тона бѣлаго и менѣ темные тона чернаго цвѣта, а также переходящіе отъ одного къ другому различные оттѣнки сѣраго. На четырехугольникѣ, построенномъ на оси, перпендикулярно къ ней, расположены въ порядкѣ, показанномъ на рисункѣ, самые яркіе цвѣта, именно тѣ, которые получаются при спектральномъ разложеніи свѣта, но съ прибавленіемъ къ нимъ несодержащихся въ спектрѣ промежуточныхъ тоновъ между краснымъ и фіолетовымъ. Поверхность октоэдра представляетъ тогда относи-

тельно самые насыщенные цвѣта, которые постепенно переходятъ отъ цвѣтовъ спектральной насыщенности, съ одной стороны, въ бѣлый, съ другой — въ черный цвѣтъ, напр., насыщенный розовый, свѣтло-голубой, бордо, темно-коричневый цвѣта.

Наконецъ, всю внутренность октоэдра занимаютъ ненасыщенные цвѣта, такъ

называемые блѣдые цвѣта, которые сравнительно съ цвѣтами спектра отличаются болѣе или менѣ выраженнымъ сѣрымъ оттѣнкомъ: напр., кирпично-красный, глиняно-желтый, цвѣтъ бѣлокурыхъ волосъ, цвѣтъ бумаги, изъ которой дѣлаютъ папки для „дѣлъ“ и т. д. Каждый цвѣтъ расположенъ на вертикальной плоскости, проходящей черезъ наиболѣе близкій данному цвѣту цвѣтъ спектра и черезъ вертикальную ось, указывающую бѣлый и черный цвѣтъ, и на горизонтальной плоскости, въ серединѣ которой находится наиболѣе ему близкій по яркости сѣрый цвѣтъ, ближе или дальше отъ сѣраго цвѣта, смотря по тому, насколько ярокъ или блѣденъ данный цвѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ мыслимые цвѣта размѣщаются сообразно ихъ непосредственно воспринимаемому сродству, т. е. каждый цвѣтъ находитъ въ схемѣ опредѣленное представляющее его мѣсто, положеніе котораго показываетъ одновременно, какъ онъ, въ смыслѣ сходства и различія, относится къ другимъ цвѣтамъ.

Этимъ дана характерная особенность міра нашихъ

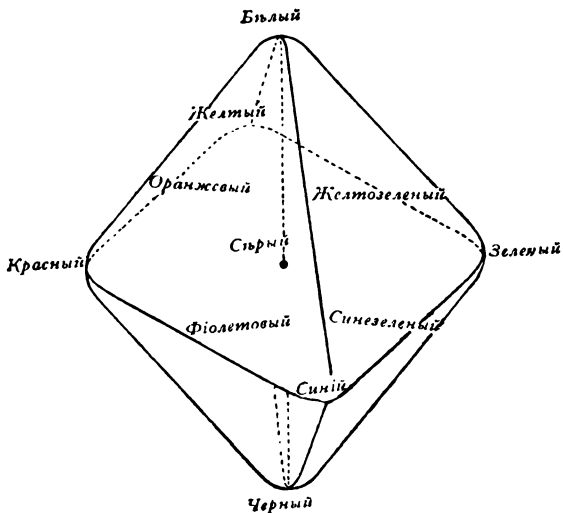

Рис. 13.

цвѣтовыхъ ощущеній, такъ сказать, внутренняя структура ихъ: она образуетъ, какъ и тѣло, которое можетъ ее вполне вѣрно изобразить (упомянутый выше октоэдръ), непрерывное многообразіе, выражающееся въ трехъ измѣреніяхъ. Это значитъ, что отъ любого цвѣта самымъ разнообразнымъ образомъ, путемъ постепенныхъ переходовъ, можно дойти до всякаго другого, а также, что каждый цвѣтъ можно характеризовать по отношенію къ другимъ тремя вполне независимыми признаками. Другими словами: каждый цвѣтъ, разсматриваемый лишь какъ ощущеніе, имѣетъ три и только три независимыя другъ отъ друга свойства: извѣстный *цвѣтовой тонъ*, *степень насыщенія* и извѣстную *яркость*, и въ каждомъ изъ этихъ трехъ отношеній онъ находится въ большей или меньшей степени сродства или различія со всякимъ другимъ цвѣтомъ.

При помощи нашей схемы возможно наглядно описать часто встрѣчающуюся аномалію зрѣнія по отношенію къ цвѣтамъ, *цвѣтовую слѣпоту*. Она бываетъ главнымъ образомъ у мужчинъ (почти у 3⁰/о), но передается по наслѣдству преимущественно женщинами и состоитъ въ томъ, что тройное многообразіе царства цвѣтовъ замѣняется двойнымъ, т. е. ощущеніе цвѣтовъ ограничивается только цвѣтами, лежащими въ октоэдрѣ на продольномъ разрѣзѣ, идущемъ черезъ ось, изображающую своими концами черный и бѣлый цвѣтъ, и черезъ пункты, указывающіе синій и желтый цвѣта. Эти лица видятъ всѣ предметы окрашенными только въ два цвѣта, помимо бѣлаго, чернаго и сѣраго, — въ желтый и синій, но со всѣми степенями яркости и насыщенности этихъ цвѣтовъ. Къ этимъ цвѣтамъ, къ желтому и синему, сводятся, такъ сказать, всѣ остальные цвѣта; т. е. всѣ цвѣта, различаемые нормальными людьми по обѣ стороны плоскости желтаго цвѣта, челювку слѣпоту къ цвѣтамъ кажутся желтыми, конечно, съ различными степенями яркости и насыщенія; всѣ цвѣта, лежащіе по обѣ стороны плоскости синяго цвѣта, кажутся ему синими. При этомъ желтый цвѣтъ нѣсколько предпочитается. Приходящіеся на его долю цвѣта простираются въ октоэдрѣ отъ пурпурно-краснаго или кармино-краснаго черезъ красный, оранжевый, зелено-желтый и зеленый до извѣстнаго оттѣнка сине-зеленаго цвѣта, т. е. образуютъ бѣольшую половину области цвѣтовыхъ ощущеній; какъ синіе, воспринимаются только цвѣта, расположенные на болѣе короткомъ пространствѣ между указанными только-что пограничными цвѣтами, т. е. зеленовато-голубые и фіолетовые тоны, а сами пограничные цвѣта (пурпурный и сине-зеленый) воспринимаются не какъ желтый или синій, а какъ бѣлый или сѣрый, смотря по яркости ихъ. Слѣпыя къ цвѣтамъ въ извѣстныхъ случаяхъ смѣшиваютъ такіе явно различные

цвѣта, какъ красный и зеленый, и поэтому ихъ называютъ часто слѣпыми къ красному и зеленому (дальтонистами), такъ какъ людямъ съ нормальнымъ зрѣніемъ не такъ бросается въ глаза столь характерное для такихъ слѣпыхъ смѣшиваніе зелено-синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Между тѣмъ они смѣшиваютъ не всякій красный цвѣтъ со всякимъ зеленымъ, а только опредѣленный съ опредѣленнымъ, смотря по отношеніямъ яркости и насыщенія и въ зависимости отъ индивидуальныхъ своихъ свойствъ. Во всякомъ случаѣ, способность ихъ различать красный и зеленый цвѣта всегда меньше, чѣмъ у нормальныхъ людей, потому что послѣдніе воспринимаютъ всѣ три свойства цвѣта, а такіе слѣпые только два. Поэтому, эта сама по себѣ незначительная аномалія пріобрѣтаетъ иногда важное практическое значеніе. Красный и зеленый цвѣтъ являются, такъ сказать, предназначенными для сигнализациі на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и т. д., потому что при искусственномъ освѣщеніи желтый цвѣтъ немногимъ отличается отъ бѣлаго, а голубой цвѣтъ при большомъ насыщеніи темень. Такимъ образомъ, слѣпота къ цвѣтамъ у стрѣлочниковъ и сигнальщиковъ можетъ оказаться весьма опасной.

Слѣдуетъ подчеркнуть еще одну особенность, которая по существу заключалась уже въ вышеприведенныхъ данныхъ объ основныхъ особенностяхъ нашихъ цвѣтовыхъ воспріятій. Для цвѣтовъ, разсматриваемыхъ какъ ощущенія, не существуетъ противоположности простоты и сложности. Всѣ цвѣта, какъ и ощущенія, просты; въ этой области не существуетъ чего нибудь подобнаго аккорду или смѣшанному вкусу, какъ въ другихъ областяхъ ощущенія. Мы можемъ имѣть различныя цвѣтотыя ощущенія одновременно только въ пространствѣ одно рядомъ съ другимъ, но не можемъ воспринимать въ одномъ цвѣтѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ пространства многіе цвѣта, какъ составныя части. Можно говорить о множественности по отношенію къ отдѣльному цвѣту только въ томъ смыслѣ, что каждый цвѣтъ одновременно напоминаетъ многіе другіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія походить на другіе цвѣта. Цвѣтъ фіалки напоминаетъ одновременно красный и синій цвѣтъ, а своимъ темнымъ тономъ — коричневый, какъ показываетъ діалектическое выраженіе *violeblun*. Но напоминать что-нибудь и быть составленнымъ изъ чего-нибудь — двѣ разныя вещи, что вполне ясно въ случаяхъ, гдѣ имѣется и то, и другое. Музыкальный тонъ *d* по своей высотѣ похожъ на своихъ сосѣдей *c* и *e*, но весьма отличается отъ аккорда *c—e*, составленнаго изъ этихъ близкихъ къ нему звуковъ.

Несмотря на это, чрезвычайно распространено убѣжденіе въ сложности нѣкоторыхъ цвѣтовъ, а также въ различіи простыхъ (или основныхъ) цвѣтовъ отъ составныхъ. Всѣ эти утвержденія основываются на ошибочномъ перенесеніи отношеній, дѣйствительныхъ для другихъ вещей, находящихся въ связи съ цвѣтами, на самые цвѣта. Къ вещамъ, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ цвѣтами, относятся, на примѣръ, ихъ физическая причина — колебанія эфира. Эти колебанія просты, т. е. являются колебаніями исключительно одного опредѣленнаго періода для тѣхъ цвѣтовъ наибольшаго насыщенія, которые на прим., находятся въ спектрѣ. Однако, эти физическія причины являются при всѣхъ обстоятельствахъ сложными во множествѣ цвѣтовъ,

наприм., при всѣхъ нейтральныхъ тонахъ, бѣломъ или сѣромъ, при всѣхъ ненасыщенныхъ цвѣтахъ, при всѣхъ промежуточныхъ цвѣтовыхъ тонахъ между краснымъ и фіолетовымъ цвѣтомъ. Эти причины сложны и во всѣхъ почти насыщенныхъ цвѣтахъ въ природѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ красныхъ. Въ этой области господствующимъ правиломъ является сложность, а простота является рѣдкимъ случаемъ, достижимымъ почти только при искусственной обстановкѣ. Само собой разумѣется, что эта физическая сложность цвѣта нисколько не устраняетъ ея психологической простоты: и та, и другая продолжаютъ существовать рядомъ другъ съ другомъ. Но значительно чаще происходитъ путаница въ психологіи цвѣтовъ, благодаря перенесенію въ нее условій технического составленія красокъ. Для навѣденія красокъ на сосудѣ, ткани, картинѣ употребляютъ отчасти вещества, находящіяся въ готовомъ видѣ въ природѣ, а главнымъ образомъ смѣси такихъ веществъ. Не всегда можно имѣть отдѣльно въ запасѣ всѣ желательные при извѣстныхъ обстоятельствахъ цвѣтовые тона, и не вездѣ можно найти всѣ тона нужнаго качества. Конечно, то, что при этихъ условіяхъ называютъ сложнымъ и простымъ, не имѣетъ никакого значенія для непосредственнаго впечатлѣнія цвѣта; однако, несмотря на это, болѣе точное знаніе такихъ условій смѣшенія дѣйствуетъ очень легко на это впечатлѣніе и отодвигаетъ его на задній планъ. Наприм., художнику необходимо имѣть на палитрѣ, по крайней мѣрѣ, бѣлую, красную, синюю и желтую краски; имѣя ихъ въ распоряженіи, онъ уже сможетъ справиться со многими задачами. Поэтому, онъ называетъ эти четыре цвѣта основными цвѣтами и никакъ не можетъ понять, какъ можно считать простымъ зеленый цвѣтъ, который можно легко получить смѣшеніемъ красокъ. Можно всегда найти лицъ, подобно Гете вполне увѣренныхъ, что они видятъ въ зеленомъ цвѣтѣ два цвѣта, изъ которыхъ онъ составленъ — синій и желтый. Совсѣмъ въ другомъ смыслѣ можно различать основные и смѣшанные цвѣта, если имѣть въ виду физиологическіе процессы въ глазу или вообще въ зрительномъ аппаратѣ,—процессы, которые лежатъ въ основѣ нашихъ ощущеній. Но сказанного уже достаточно, чтобы показать постоянную необходимость, когда рѣчь идетъ о цвѣтахъ, выяснять, въ какомъ смыслѣ это дѣлается.

Характерной особенностью *слуховыхъ ощущеній* является прежде всего ихъ раздѣленіе на два класса: на *тоны и шумы*. Хотя тоны и шумы обыкновенно переживаются не отдѣльно другъ отъ друга, а смѣшиваются въ различныхъ соотношеніяхъ,—наприм., звуки скрипки сопровождаются шумами тренія, завываніе вѣтра имѣетъ характеръ тона,—но все же ихъ можно отдѣлять, какъ особыя переживанія. Затѣмъ, въ этихъ обоихъ видахъ слуховыхъ ощущеній можно различать *силу и высоту*, какъ основныя свойства, и наше воспріятіе особенно богато содержаніемъ по отношенію къ высотѣ. При благопріятныхъ условіяхъ, мы можемъ воспринимать между наиболѣе низкими и наиболѣе высокими тонами многія тысячи отдѣльныхъ тоновъ, въ среднемъ регистрѣ въ одной октавѣ можно различать уже больше тысячи тоновъ. Тотъ фактъ, что мы ограничиваемся гораздо меньшимъ числомъ ихъ при практическомъ примѣненіи тоновъ въ музыкѣ (въ инструментахъ съ постоянными тонами — двѣнадцать въ октавѣ), имѣетъ отчасти техническія причины, какъ наприм., неудобство обращенія со слишкомъ богатыми тонами инструментами. Но глав-

нымъ образомъ онъ основывается на томъ, что съ любимъ-взятымъ тономъ находятся въ созвучіи относительно очень-немного другихъ (квинта, терція, секста и т. д.) и что этотъ фактъ приобрѣлъ значеніе при выработкѣ нашей системы-тоновъ.

Слуховыя ощущенія въ отношеніи силы и высоты аналогичны цвѣтамъ: они образуютъ непрерывное многообразіе, т. е. отъ каждаго тона опредѣленной высоты и силы можно перейти постепенно и безъ скачка ко всякому другому тону. Иначе обстоитъ дѣло съ ихъ третьимъ свойствомъ. При одинаковой высотѣ и силѣ и независимо отъ сопровождающихъ шумовъ, тоны скрипки звучатъ совѣмъ иначе, чѣмъ тоны рояля, или человѣческаго голоса; шумъ морскихъ волнъ звучитъ иначе, чѣмъ шумъ улицы большого города; другими словами—тоны имѣютъ различные *тембры* (Klangfarben), шумы—различный характеръ. Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ уже непрерывности ихъ многообразія; тоны каждаго инструмента или каждаго рода инструментовъ образуютъ такъ сказать самостоятельный мірокъ, и существуетъ множество такихъ мірковъ, не связанныхъ другъ съ другомъ промежуточными переходными звеньями и не укладывающихся ни въ какую опредѣленную систему. Но при большемъ упражненіи и достаточной внимательности это своеобразное многообразіе превращаются въ другое—въ различіе *с о ч е т а н і я*.

Въ этомъ легко убѣдиться на шумахъ. Всѣхъ ихъ можно свести къ двумъ элементарнымъ шумамъ и къ смѣси этихъ двухъ шумовъ. Первый—это шумъ внезапный, знакомый намъ въ изолированномъ видѣ, какъ трескъ, щелканіе; второй—это продолжительный шумъ, называемый нами, смотря по силѣ и высотѣ, шелестомъ, журчаніемъ, шуршаніемъ, шипѣніемъ, треніемъ. Въ грохотѣ, трещаніи, громыханіи и дребезжаніи имѣются цѣлые ряды слѣдующихъ одинъ за другимъ съ различной скоростью тресковъ различной силы и высоты; въ царапаніи, шумахъ жаренія и варки—смѣсь треска и длительныхъ шумовъ.

Тоже можно сказать и о тонахъ. Всѣ различные тембры ихъ, независимо отъ сопровождающихъ шумовъ, основываются на томъ, что болѣе сильный тонъ, имѣющій свойственную камертону мягкость и ясность, сопровождается большимъ или меньшимъ числомъ болѣе высокихъ или болѣе слабыхъ тоновъ того же характера, число колебаній которыхъ представляетъ увеличенное въ цѣлое число разъ количество колебаній этого болѣе низкаго основного тона. Напримѣръ, въ тонахъ рояля звучатъ вмѣстѣ съ *основнымъ тономъ*, постепенно ослабѣвая, первые шесть верхнихъ *обертоновъ* (т. е. тоновъ, превышающихъ основной тонъ по числу колебаній въ 2, 3, 4, до 7 разъ); въ тонахъ скрипки имѣется много очень высокихъ обертоновъ, у трубы

они сравнительно весьма сильны и т. д. Для воспріятія этого факта въ первый разъ, необходимо обыкновенно прибѣгнуть къ помощи искусственныхъ аппаратовъ, которые усиливаютъ отдѣльныя составныя части изъ смѣси звуковъ. Но если при помощи этихъ аппаратовъ пріобрѣтенъ нѣкоторый навыкъ, то удастся разслышать обертоны и разложить тембръ на рядъ отдѣльныхъ тоновъ и безъ аппаратовъ.

Этимъ мы затрагиваемъ вторую характерную особенность слуховыхъ ощущеній: въ противоположность зрѣнію, слухъ есть анализирующая функція. Это значить, что мы можемъ вообще разслышать составныя части въ объективно-сложномъ возбужденіи, въ которомъ они соединены, хотя вначалѣ ихъ раздѣльное существованіе въ движеніяхъ воздуха, доходящихъ до уха, и въ вызванныхъ ими колебаніяхъ барабанной перепонки прошло незамѣченнымъ. При созвучіи двухъ или многихъ объективныхъ тоновъ въ аккордѣ, мы сознаемъ обыкновенно ихъ множественность, мы до извѣстной степени можемъ прослѣдить отдѣльные голоса, одновременно звучащіе въ какой-нибудь музыкальной піесѣ или въ разговорѣ, что, конечно, составляетъ весьма важную способность для правильного ориентированія во внѣшнемъ мірѣ. Такъ какъ объективно различныя предметы обыкновенно характеризуются различными тонами или шумами, которые однако при одновременномъ звучаніи далеко не такъ рѣзко выступаютъ въ пространствѣ, какъ, наприм., цвѣта, то безъ этой способности сгладились бы данныя въ этихъ тонахъ и шумахъ указанія на объекты. Весьма интересны нѣкоторыя исключенія изъ этого правила. Если отношенія количества колебаній объективно существующихъ тоновъ можно выразить весьма небольшими цѣлыми числами, какъ это бываетъ въ ближайшихъ къ основному тону обертонамъ, а также въ гармоническихъ интервалахъ (наприм. въ квинтѣ 3:2, квартѣ 4:3, большой секстѣ 5:3), то выдѣленіе такихъ тоновъ весьма затруднено; созвучіе ихъ болѣе или менѣе приближается къ впечатлѣнію одного тона: они *сливаются*, какъ мы говоримъ обыкновенно. Далѣе, если данные тоны по своей высотѣ близки другъ другу, то ихъ вообще не слышатъ отдѣльно: слышны лишь своеобразныя пульсаціи (*біенія*), происходящія отъ смѣняющихся взаимныхъ усиленій и ослабленій объективныхъ звуковыхъ волнъ и точно совпадающія съ разницей въ числѣ колебаній обоихъ тоновъ; но тонъ, къ которому присоединяются эти пульсаціи, въ ощущеніи не соотвѣтствуетъ ни одному изъ объективно данныхъ, а занимаетъ между ними средину. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ ухо создаетъ нѣчто новое, отличающееся отъ даннаго, хотя, конечно, закономерно съ нимъ связанное.

Въ заключеніе можно сказать, что ухо поступаетъ такъ не только въ данномъ случаѣ, но и вообще. Даже тогда, когда оно анализируетъ и точно воспринимаетъ данную множественность, какъ таковую, оно, наряду съ этимъ, имѣетъ еще другую способность: соединять члены этой множественности для общаго воздѣйствія. Если даны объективно два любыхъ тона, то на ряду съ ними, при достаточномъ упражненіи, можно разслышать еще одинъ тонъ или же много другихъ тоновъ (*комбинаціонные тоны*), число колебаній которыхъ находится въ простомъ отношеніи къ числу колебаній данныхъ тоновъ, причемъ эти сопровождающіе тоны не появляются въ томъ случаѣ, когда объективно данные тоны вызваны независимо другъ отъ друга. Если данные тоны лежатъ въ предѣлахъ октавы, то сопровождающій тонъ особенно ясенъ и силенъ: тогда число его колебаній равно разницѣ между числами колебаній объективныхъ тоновъ и потому его называютъ *дифференціальнымъ (разностнымъ) тономъ*. Однако, нельзя сказать, что эти комбинаціонные тоны имѣютъ какую-либо особенную цѣль: ихъ нужно разсматривать, какъ побочные эффекты другихъ цѣлесообразныхъ приспособленій уха, обусловленныхъ общей закономерностью движеній колеблющихся тѣлъ.

Пробѣгая мысленно всю сумму приведенныхъ ощущеній, мы видимъ, что разнообразіе свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ, которое посредствомъ ихъ получаетъ душа, весьма велико. Конечно, нельзя установить опредѣленнаго числа видовъ ощущеній или обусловливающихъ ихъ органовъ, потому что ихъ число становится больше или меньше, смотря по тому, считаютъ-ли отдѣльно мускулы и суставы, органы дыханія и питанія или объединяють въ группы. Можно только сказать, что природа обо всемъ позаботилась. Душа получаетъ свѣдѣнія о самомъ отдаленномъ посредствомъ глазъ; о ближайшемъ, о томъ, что непосредственно прикасается къ тѣлу или же происходитъ въ немъ, — посредствомъ кожи или внутреннихъ органовъ. Особенно разнообразныя свѣдѣнія получаютъ отъ вещей, не особенно отдаленныхъ, познаніе которыхъ даютъ въ различныхъ отношеніяхъ сообща глаза, ухо и носъ.

Въ сравненіи съ высшими животными человѣкъ по своему вооруженію внѣшними чувствами не является высшимъ существомъ. Птицы превзошли его остротой зрѣнія (удивительная способность почтовыхъ голубей ориентироваться возможна исключительно благодаря глазамъ), собаки и многочисленныя другія породы звѣрей—въ тонкости обонянія. Въ слухѣ человѣкъ не уступаетъ наиболѣе вооруженнымъ этимъ чувствомъ животнымъ, а тонкостью чувствительности кожи онъ ихъ, можетъ быть, и превосходить. Мы уже указали на то, что человѣкъ особенно богато одаренъ въ одномъ направленіи, именно въ смыслѣ воспріятія положенія и движеній собственнаго тѣла, благодаря обладанію абсолютно необходимыми для водяныхъ животныхъ, но сравнительно не такъ важными для него отолитными органами (стр. 64) и полукружными каналами. Зато въ другомъ отношеніи онъ, какъ и другія животныя, ода-

ренъ сравнительно скудно: именно въ смыслѣ прямого воспріятія электро-магнетическихъ процессовъ, имѣющихъ такое большое значеніе въ мірѣ. Они доходятъ до его сознанія только на незначительномъ протяженіи около одной октавы, какъ своеобразные и различные по частотѣ своихъ колебаній процессы, именно, какъ цвѣта.

3. *Общая свойства ощущеній.* Какъ уже мелькомъ было сказано выше, при разсмотрѣніи простыхъ явленій, въ душевной жизни мы имѣемъ дѣло съ абстракціей. До сихъ поръ говорилось объ ощущеніяхъ и ихъ свойствахъ, искусственно изолированныхъ, какими они въ дѣйствительности никогда не бываютъ. Не существуетъ ни цвѣтовъ и исключительно какъ членовъ протяженнаго въ трехъ измѣреніяхъ разнообразія, о которомъ мы говорили выше, ни тоновъ, отличающихся только высотой, силой и тембромъ. Цвѣта всегда занимаютъ пространство извѣстной формы и величины, тоны всегда идутъ откуда-нибудь; и тѣ и другіе продолжаются во времени или прерываются, воспринимаются одновременно или послѣдовательно. Что-же представляютъ эти временныя и пространственныя опредѣленія ощущеній въ психологическомъ смыслѣ и въ какомъ отношеніи они находятся къ другимъ особенностямъ этихъ переживаній? Къ сожалѣнію, до сихъ поръ психологи не пришли къ соглашенію въ этомъ вопросѣ; онъ дѣйствительно сопряженъ съ нѣкоторыми затрудненіями, и реальными и воображаемыми.

Можно спросить, какимъ образомъ является возможность воспринимать временныя отношенія просто чувственнымъ путемъ такъ, какъ насыщенность красокъ или высоту тоновъ, даже если совсѣмъ не считается съ тѣмъ, что для этого не существуетъ особаго органа? Въ моментъ, когда начинается временной интервалъ, его еще нельзя воспринять, потому что неизвѣстно когда онъ окончится; когда же онъ окончился, его опять таки нельзя воспринять въ собственномъ значеніи этого слова, потому что начало его прошло и его можно воспроизвести въ лучшемъ случаѣ только въ мысляхъ. Можно спросить также, какъ душа непосредственно получаетъ знаніе о пространственномъ несовпаденіи двухъ различныхъ точекъ? Представьте себѣ, что произведено раздраженіе отдѣльной точки *a* на кожѣ тѣла или сѣтчатой оболочкѣ глаза; тогда понятно, что душа воспринимаетъ опредѣленное впечатлѣніе цвѣта или осязанія, смотря по роду даннаго воздѣйствія. Конечно, это впечатлѣніе не содержитъ никакого указанія на какія-либо другія точки, потому что никакая другая точка въ этотъ моментъ не раздражается. То же относится къ другой точкѣ *b*. Предположимъ теперь, что раздраженіе въ точкахъ *a* и *b* происходитъ одновременно; тогда душа будетъ имѣть

въ одно и то же время два соотвѣтствующихъ впечатлѣнїя, но какимъ образомъ должно войти въ сумму этихъ впечатлѣнїй нѣчто, не содержащееся ни въ одномъ изъ членовъ ея, именно, сознание пространственной отдаленности точекъ другъ отъ друга? Ясно, что для этого не достаточно одного лишь факта объективнаго существованїя такой отдаленности, т. е. существованїя ея между раздраженными нервными элементами; въ противномъ случаѣ, надо было бы также локализовать тоны въ другомъ мѣстѣ пространства, чѣмъ запахи и цвѣта. Значитъ, для этого воспрїятїя, какъ и для воспрїятїя временной протяженности, долженъ существовать какой-нибудь посредникъ, при помощи котораго объективно существующее, но не влїяющее непосредственно на душу, могло бы оказывать на нее дѣйствїе и побуждать ее къ образованію временныхъ и пространственныхъ представленїй.

Роль такого посредника приписывалась различнымъ факторамъ. Приведемъ только одно предположеніе относительно воспрїятїя пространства, которое кажется особенно правдоподобнымъ и, поэтому, нашло много защитниковъ. Собственно органами воспрїятїя пространства являются, безъ сомнѣнїя, глаза и органъ осязанїя, именно пальцы, хотя и уши обладаютъ извѣстной способностью локализациї. Характерно для этихъ органовъ еще и другое, именно, ихъ необычайная подвижность и ихъ почти непрерывное движеніе. Это дѣйствительно наводитъ на мысль, что здѣсь существуетъ тѣсная связь, что органы эти благодаря своей подвижности являются органами осязающими пространство именно потому, можетъ быть, что прїобрѣтенный при движенїяхъ опытъ переносится на цвѣтовые и осязательныя впечатлѣнїя, сами по себѣ непротяженныя, или же потому, что вызванныя движенїями кинѣстетическія ощущенїя (стр. 60—61), присоединяясь къ другимъ впечатлѣнїямъ, какимъ нибудь образомъ позволяютъ судить о расположенїи послѣднихъ въ пространствѣ.

Однако, нужно сказать, что всѣ эти попытки доказать такую связь въ отдѣльныхъ случаяхъ окончились неудачно. Безъ сомнѣнїя, движенїя имѣютъ величайшее значенїе для расширенїя пространственнаго воспрїятїя въ общемъ и для утонченности его въ частности; безусловно, на нихъ основывается воспрїятїе округленности тѣлъ, точно такъ же, какъ и локализация послѣднихъ въ смыслѣ глубины, въ направленїи линїи взора. Далѣе, вполне возможно также, что постепенное развитїе способности воспринимать пространство въ жизни рода тѣсно связано съ подвижностью глаза и руки. Но у индивидуумовъ, вступающихъ въ жизнь въ настоящее время, должно быть извѣстное, хотя бы примитивное, плоскостное воспрїятїе пространства, какъ

вполнѣ первоначальное, непосредственное никакими другими сознательными переживаниями. Словомъ, если на органъ зрѣнія или осязанія попадаетъ много раздраженій, то вызванныя впечатлѣнія также непосредственно ощущаются, какъ имѣющія извѣстную пространственную форму или извѣстнымъ образомъ расположенныя въ пространствѣ, какъ они ощущаются, какъ свѣтлое или синее, или холодное. Дальнѣйшее обогащеніе и утонченіе этого первоначальнаго воспріятія пространства двухъ измѣреній совершается только потому, что каждый рождается съ извѣстнымъ основнымъ капиталомъ въ этомъ отношеніи, какъ это бываетъ при зрительныхъ, вкусовыхъ и всякихъ другихъ ощущеніяхъ.

Убѣдительнымъ доказательствомъ этого могутъ служить между прочимъ оперированные слѣпорожденные. У нихъ хрусталикъ глаза иногда настолько сильно пропитывается известью, что не можетъ быть и рѣчи о распознаваніи формъ, очертаній и разстояній какихъ нибудь предметовъ; то, что они видятъ можно сравнить съ тѣмъ, что можно видѣть сквозь матовое стекло. Несмотря на это, сейчасъ же послѣ операции они видятъ, что предметы въ пространствѣ отдѣлены другъ отъ друга, и могутъ различать ихъ формы. Безъ спеціальнаго опыта они не могутъ сказать, что нѣчто круглое есть давно извѣстный имъ путемъ осязанія мячъ, а нѣчто длинное—палка, но они просто видятъ круглое инымъ, чѣмъ длинное и на другомъ мѣстѣ, чѣмъ длинное, и не смѣшиваютъ одно съ другимъ.

Такимъ образомъ, пространственныя опредѣленія такъ же свойственны зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, какъ яркость свойственна цвѣтамъ и тембръ тонамъ, съ той только разницей, что они не ограничены воспріятіями одного изъ названныхъ чувствъ, а общи имъ обимъ. Конечно, это должно быть обосновано на какихъ-нибудь однородныхъ особенностяхъ этихъ чувствъ, создающихъ то обстоятельство, что одновременное раздраженіе двухъ точекъ вызываетъ не только два отдѣльныхъ впечатлѣнія, но еще нѣчто больше, именно—сознаніе пространственной отдаленности ихъ другъ отъ друга. Но эти особенности слѣдуетъ искать не въ сознательныхъ промежуточныхъ звеньяхъ, а въ особенностяхъ структуры обоихъ органовъ чувствъ, которыя намъ еще не извѣстны.

Точно также обстоитъ дѣло съ сознаніемъ временныхъ отношеній. Они также являются при извѣстныхъ условіяхъ чѣмъ-то опосредствованнымъ: минуты, часы и болѣе продолжительныя промежутки времени мы переживаемъ не непосредственно въ чувственномъ воспріятіи, а благодаря мысленному растягиванію болѣе простыхъ временныхъ переживаній на основаніи извѣстнаго опыта. Но мы никогда не пришли бы

къ такому растягиванію, если бы не узнали какимъ-нибудь путемъ непосредственно, что собственно представляетъ собою продолжительность и послѣдовательность во времени. Такой непосредственный опытъ имѣеть мѣсто при короткихъ промежуткахъ времени, измѣряемыхъ частями секунды. Моментальную вспышку сигнальнаго огня, быстрое слѣдованіе одинъ за другимъ двухъ ударовъ мы воспринимаемъ непосредственно и безъ всякихъ сознательныхъ промежуточныхъ звеньевъ, совершенно такъ, какъ и яркость этого огня и силу ударовъ. Такъ же обстоитъ дѣло и при впечатлѣніяхъ всѣхъ другихъ чувствъ. Протяженность во времени обща всѣмъ имъ и представляетъ собою такую же первичную свойственную имъ особенность, какъ и ихъ сила или качественныя различія. Конечно, мы и въ данномъ случаѣ не можемъ сказать, какія особенности нервныхъ процессовъ обуславливають то, что непосредственное вліяніе объективнаго раздраженія на органъ чувствъ длится дольше, чѣмъ собственная продолжительность этого раздраженія. Можетъ быть, это находится въ извѣстной зависимости отъ упомянутаго выше явленія суммированія.

Нужно обратить вниманіе еще на третью изъ этихъ общихъ особенностей. Какъ мы уже вкратцѣ указывали выше (стр. 72), одновременно звучащіе тоны обыкновенно можно различать другъ отъ друга. Но они становятся менѣе различимыми, когда числа ихъ колебаній находятся другъ къ другу въ простыхъ отношеніяхъ цѣлыхъ чиселъ. Хотя и тогда возможно еще узнать ихъ множественность, но эта множественность въ то же время звучитъ однороднѣе, чѣмъ при другихъ составныхъ тонахъ, и смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе однородно. Слѣдовательно, въ одно и то же время переживается единство и множественность: множественность то болѣе, то менѣе тѣсно объединенная въ одно цѣлое, и цѣлое, расчлененное на части съ различной степенью ясности. Такъ же, какъ при пространственномъ воспріятіи плоскостей и сознаніи короткихъ промежутковъ времени, это переживаніе вполне непосредственно и свободно отъ рефлексій. Оно представляетъ собою чувственное воспріятіе, данное непосредственно съ ощущеніемъ и въ ощущеніи. Конечно, я могу чисто мысленно представить подобное отношеніе или же могу различнымъ путемъ посредственно придти къ тому, чтобы привести его въ вещи произвольно, тамъ гдѣ я непосредственно и прямо его не переживаю, какъ это бываетъ, на примѣръ, когда я выдѣляю при зрительномъ воспріятіи изъ массы одинаково расположенныхъ точекъ произвольныя группы въ четыре или пять точекъ или же, когда я стараюсь понять множество духовныхъ стремленій, какъ цѣлое. Но все это возможно только потому, что я гдѣ-нибудь

ознакомился съ вещью непосредственно и наглядно и постоянно встрѣчаюсь съ ней. Для такого одновременнаго переживанія множественности и единства даютъ поводъ не только созвучные тоны, но и вообще всѣ области воспріятія; здѣсь рѣчь снова идетъ объ общемъ свойствѣ всего воспріятаго. Животное, рѣзвящееся въ уединенномъ тихомъ мѣстѣ, частоколъ, раздѣленный отдѣльными выступающими кольями, пріятный запахъ, составныя части котораго мнѣ знакомы, сложное кушаніе — все это воспринимается не какъ лишенная связи суммы, а въ указанномъ выше смыслѣ, какъ цѣлое со своими частями. Это происходитъ не только при одновременныхъ, но и при слѣдующихъ другъ за другомъ ощущеніяхъ: ряды послѣдовательныхъ слуховыхъ впечатлѣній, при выполненіи извѣстныхъ условий, непосредственно соединяются въ одновременныя маленькія группы — становятся ритмами.

Это непосредственное воспріятіе единства во множественности имѣетъ большое значеніе, между прочимъ, какъ основа числа, потому что число есть ни что иное, какъ освобожденное отъ различныхъ особенностей ощущенія и вообще отъ чувственнаго воспріятія общее представленіе множественности, объединенной въ единство.

4. *Отношеніе къ внѣшнимъ раздраженіямъ.* Въ этомъ вопросѣ есть три обстоятельства, имѣющія общее значеніе. Во-первыхъ, поразительная абсолютная чувствительность нѣкоторыхъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, т. е. ихъ способность передавать нашему ощущенію самыя слабыя по интенсивности внѣшнія раздраженія. Стоило большихъ усилій конструировать аппаратъ, непосредственно реагирующій на звуки приблизительно съ такой же чувствительностью, какъ ухо, превзойти же послѣднее въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ не удалось. Чувствительность глаза къ самому слабому свѣту въ сто разъ больше, чѣмъ чувствительность самой воспріимчивой пластинки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно представить себѣ, сколько времени требуется, чтобы получить въ полутемной комнатѣ отчетливыя фотографическія изображенія; глазъ же дѣлаетъ, такъ сказать, моментальные снимки со звѣздъ пятой величины и съ ландшафтовъ, освѣщенныхъ разсѣяннымъ свѣтомъ луны. Органъ обонянія у человѣка значительно менѣе развитъ, чѣмъ у многихъ животныхъ. Но все-таки воспринимаемая при его посредствѣ ничтожныя количества субстанцій въ легкомъ табачномъ дымѣ или запахѣ мускуса не улавливаются никакимъ другимъ путемъ; при сильно пахнущихъ веществахъ для воспріятія запаха достаточно малѣйшихъ частичекъ миллионной части миллиграмма. Вкусовая чувствительность также необыкновенно тонка: „языкъ“ знатока въ винахъ или сортировщика чаевъ (ко-

тому, конечно, значительно помогаеть носъ), какъ извѣстно смѣется надъ всякимъ химическимъ анализомъ. Напротивъ, различные виды чувствительности кожи и кинѣстетической чувствительности сравнительно весьма незначительны. Въ воспріятіи слабого давленія, минимальнаго вѣса, тончайшихъ дрожаній нашихъ членовъ, а также въ воспріятіи пространственныхъ промежутковъ и толщины посредствомъ пальцевъ,—работоспособность нашихъ чувствъ значительно превзойдена соотвѣтственно построенными искусственными аппаратами.

Не малое значеніе затѣмъ имѣетъ также необыкновенно большой объемъ, въ которомъ наши чувства могутъ слѣдовать за различными, по большей части, интенсивностями внѣшнихъ раздраженій. При помощи искусственныхъ аппаратовъ мы овладѣваемъ всегда только одной узкой областью однородныхъ цѣлей; если же требуется достичь такого же результата съ большими, болѣе тяжелыми, болѣе свѣтлыми или же какъ-нибудь иначе увеличенными вещами, то требуется не одинъ, а цѣлый рядъ такихъ аппаратовъ. Для приготовленія лѣкарствъ нужны другіе вѣсы, чѣмъ для продажи продуктовъ питанія, а для взвѣшиванія угольевъ и щебня—третьи; часовщикъ употребляетъ инструменты, похожіе на инструменты слесаря, но не тѣ же самые. Органическая природа, по понятному причинамъ, не легко можетъ поступать такимъ образомъ; она должна стараться однимъ органомъ удовлетворить однороднымъ цѣлямъ во всей широтѣ ихъ проявленія. Такъ, мы можемъ взвѣшивать и оцѣнивать одной и той же рукой граммы, фунты и пуды. То же ухо, которое обладаетъ воспріимчивостью тончайшаго резонатора для самыхъ слабыхъ звуковъ, можетъ выдержать грохотъ большихъ орудій, не портясь и не переставая функціонировать. И тотъ же глазъ, который можетъ воспринять мерцающій свѣтъ свѣтляка, можетъ безнаказанно смотрѣть въ слегка затуманенное солнце съ его въ миллионы разъ большимъ свѣтомъ. Ни одинъ искусственный аппаратъ не имѣетъ такого объема работоспособности, какъ эти три чувства; подобнымъ же образомъ функціонируетъ и большинство другихъ чувствъ для весьма широкой скалы раздраженій.

Это преимущество отчасти зависитъ отъ чисто внѣшняго устройства органовъ чувствъ. Глазъ, наприм., обладаетъ въ радужной оболочкѣ и зрачкѣ діафрагмой очень измѣнчивыхъ размѣровъ, которая приспособляется къ объективнымъ измѣненіямъ и, такимъ образомъ, позволяетъ глазу дольше слѣдовать за ними. При сильномъ свѣтѣ зрачекъ рефлекторно сжимается до самаго маленькаго отверстія и такимъ образомъ уменьшаетъ пучекъ лучей, прони-

кающій въ глазъ отъ свѣтящихся точекъ внѣшняго міра. При слабомъ свѣтѣ онъ расширяется и при наибольшемъ своемъ объемѣ пропускаетъ въ сорокъ разъ больше свѣта, чѣмъ при наименьшемъ. Носъ посредствомъ нюханія доставляетъ пахнушія вещества на чувствительную слизистую оболочку въ большемъ количествѣ когда ихъ немного, въ цѣляхъ болѣе сильнаго воздѣйствія; если же ихъ много, то, посредствомъ выдыханія воздуха, онъ удаляетъ ихъ отъ слизистой оболочки.

Въ основѣ этого лежитъ главнымъ образомъ общая закономерность зависимости ощущеній отъ интенсивности вызывающихъ ихъ раздраженій, которая, вѣроятно, основывается на особой возбудимости нервной субстанции, словомъ, въ основѣ мы имѣемъ здѣсь т. н. законъ Вебера. Онъ состоитъ въ томъ, что при усиленіи объективныхъ раздраженій усиливаются, какъ извѣстно, и ощущенія, но тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе уже имѣющееся раздраженіе; при этомъ увеличеніе силы ощущенія происходитъ приблизительно такъ, что для полученія прироста ощущенія на равную величину соотвѣтствующія раздраженія должны усиливаться тоже на относительно равныя величины, т. е. усиленіе ихъ должно выражаться одной и той же дробью. Если я, напримѣръ, при керосиновой лампѣ въ десять свѣчей долженъ повысить силу свѣта на двѣ свѣчи, чтобы получить впечатлѣніе определенной степени отчетливаго усиленія свѣта, то это повышеніе, предполагая, что законъ дѣйствуетъ точно, при ауэровской горѣлкѣ въ 60 свѣчей должно равняться 12 свѣчамъ, при электрической дуговой лампѣ въ 2000 свѣчей—400 свѣчамъ, для того, чтобы получилось субъективное впечатлѣніе равнаго усиленія свѣта. Предположимъ, что опытному почтовому чиновнику простымъ взвѣшиваніемъ на рукѣ удастся установить, что письмо въ 21 граммъ тяжелѣе установленнаго вѣса въ 20 граммъ, тогда при вѣсѣ въ 250 граммъ, ему понадобится перевѣса $12\frac{1}{2}$ гр., чтобы замѣтить ошибку; при пакетѣ въ 5 кило—это удастся ему только при перевѣсѣ въ 250 гр. Этотъ законъ можно выразить и нѣсколько иначе. Представимъ себѣ, что какое-нибудь ощущеніе постепенно усиливается такимъ образомъ, что отдѣльные члены полученнаго ряда производятъ впечатлѣніе равномерной послѣдовательности въ ростѣ ощущенія, или же, какъ иначе выражаются,—отличаются другъ отъ друга въ отношеніи силы на одну и ту же величину; тогда требующіяся для этого объективныя раздраженія образуютъ приблизительно геометрическую прогрессию. Упомянутый выше равномерно прибывающій въ силѣ рядъ ощущеній можно разсматривать, какъ арифметическую прогрессию и, слѣдовательно, можно сказать: на ро станію

силы ощущеній, происходящему въ ариѳметической прогрессіи, соотвѣтствуетъ, приблизительно, наростаніе силы соотвѣтствующихъ раздраженій въ геометрической прогрессіи, что, въ свою очередь, тождественно съ самой распространенной формулировкой этого закона: ощущенія возростають приблизительно такъ, какъ логариѳмы соотвѣтствующихъ раздраженій. Однимъ словомъ, при дальнѣйшемъ усиленіи внѣшнихъ раздраженій душа хотя и узнаеть объ этомъ увеличеніи, какъ того требуетъ цѣлесообразность, но все съ бѣльшимъ отставаніемъ отъ объективныхъ приростовъ раздраженій, совершенно такъ же, какъ логариѳмы отстають отъ своихъ чиселъ; въ значительной степени благодаря этому душа можетъ обойтись однимъ—или же, въ крайнемъ случаѣ, двойнымъ, какъ въ актѣ зрѣнія (см. стр. 83)—аппаратомъ для каждой области ощущеній.

Тотъ фактъ, что здѣсь говорилось все время о приблизительномъ значеніи закона Вебера, основывается на отношеніи ощущеній къ раздраженіямъ на обоихъ концахъ скалы интенсивностей послѣднихъ. Чтобы достигъ одинаковой, опредѣленной степени измѣненія ощущеній при очень сильныхъ и очень слабыхъ раздраженіяхъ, требуется все большее увеличеніе (или уменьшеніе) силы раздраженій и, наконецъ, достигается граница, за предѣломъ которой, вообще, нельзя уже больше добиться измѣненія силы ощущеній. Если бы солнце было вдвое ярче, чѣмъ теперь, то для невооруженнаго глаза оно казалось бы почти такимъ же; мы не можемъ также различить, освѣщается-ли стѣна темной комнаты на разстояніи нѣсколькихъ метровъ одной мерцающей папирсой или полдюжиной ихъ. Логариѳмическое отношеніе, слѣдовательно, дѣйствительно съ замѣтной точностью только для сравнительнаго большинства средних по силѣ раздраженій, именно для тѣхъ, съ которыми мы преимущественно имѣемъ дѣло въ повседневной жизни. Къ различіямъ въ силѣ такихъ раздраженій средней интенсивности мы чрезвычайно воспримчивы. Особенно велика эта воспримчивость въ области зрѣнія: при благоприятныхъ условіяхъ, мы можемъ еще различать другъ отъ друга средня степени яркости, если одна изъ нихъ разнится отъ другой на $\frac{1}{120}$ — $\frac{1}{150}$ своей силы.

Законъ Вебера, кромѣ того, имѣеть значеніе для ориентированія души во внѣшнемъ мірѣ съ другой точки зрѣнія: онъ дѣлаеть насъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, независимыми отъ самыхъ частыхъ измѣненій обстановки, которая въ противномъ случаѣ затрудняла бы узнаваніе вещей. Видимыя нами вещи подвергаются постояннымъ сильнымъ колебаніямъ ихъ объективной яркости; одинаковыя слуховыя впечатлѣнія доходятъ до нашего уха то громко съ близкаго разстоянія, то тихо съ дальняго. Конечно, весьма важно, что мы замѣчаемъ эти различія: на близкій зовъ я буду совсѣмъ иначе реагировать, чѣмъ на зовъ издалека. Но не менѣе важно, чтобы для насъ, кромѣ того, не терялось и нѣчто другое, на чемъ также основано наше отношеніе къ вещамъ: оно основано не столько на ихъ абсолютной яркости или темнотѣ, громкости или тихости, сколько на отчетливости, съ которой они отличаются другъ отъ друга въ ихъ частяхъ и въ цѣломъ, на величинѣ воспринятыхъ въ нихъ различій. Данное лицо для меня означаетъ одно и то же въ солнечный день и въ сумерки, рѣчь имѣеть одно и то-же значеніе на разстояніи пяти и тридцати шаговъ. Воспріятіе этой тождественности въ вещахъ облегчается закономъ Вебера, потому что коэффиціенты объективныхъ

раздраженій всегда остаются одинаковыми, какъ при колебаніяхъ яркости въ зависимости отъ измѣняющагося положенія солнца или измѣненія облачности, такъ и при измѣненіяхъ силы звука, благодаря измѣненіямъ разстоянія. Именно въ виду этого почти не измѣняются также и степени различія вещей и ихъ частей, ихъ динамическіе оттѣнки и оттѣнки яркости, и мы узнаемъ, такимъ образомъ, въ нихъ тѣ-же вещи. То обстоятельство, что при исполненіи музыкальныхъ вещей много мѣстъ, находящихся въ среднемъ удаленіи отъ сцены, приблизительно равноцѣнны въ акустическомъ смыслѣ и потому могутъ продаваться по одной цѣнѣ, а мѣста очень близкія и очень удаленныя отъ сцены менѣе благоприятны для слушанія и потому цѣнятся гораздо меньше,—основано на законѣ Вебера и его отклоненіяхъ у верхняго и нижняго конца скалы.

Третье, заслуживающее вниманія отношеніе ощущеній къ внѣшнему міру состоитъ въ томъ, что они явно отдають предпочтеніе совершающемуся и мѣняющемуся передъ установившимся и неизмѣннымъ. Такъ, на примѣръ, относительно покоя и движенія въ пространствѣ можно привести слѣдующій фактъ: если провести по кожѣ нѣсколько заостреннымъ предметомъ, слегка надавливая на нее, то величина и направленіе движенія узнается при гораздо меньшемъ разстояніи между начальнымъ и конечнымъ пунктомъ, чѣмъ въ случаѣ оцѣнки разстоянія между двумя неподвижно давящими на кожу заостренными концами или въ случаѣ распознаванія длины и положенія неподвижно приложеннаго къ кожѣ края какого-нибудь предмета. Извѣстно также, какъ трудно и крайне недостовѣрно распознаваніе величинъ и разстояній вещей, находящихся въ покоѣ, боковыми частями сѣтчатки глаза. Но тѣмъ же боковымъ зрѣніемъ мы прекрасно узнаемъ движенія, на примѣръ, маханіе платкомъ, скачекъ животнаго—такимъ образомъ мы видимъ наступленіе пространственныхъ измѣненій во всемъ полѣ нашего зрѣнія, тогда какъ къ точному воспріятію предметовъ, находящихся въ покоѣ, приспособлено только небольшое мѣсто сѣтчатки глаза. То же относится и къ измѣненіямъ качественнымъ. Какъ ужъ было сказано, глазъ далеко превосходитъ по быстротѣ воспріятія яркости и цвѣтовъ самыя чувствительныя фотографическія пластинки: онъ можетъ дѣлать моментальные снимки даже съ очень слабо освѣщенныхъ предметовъ. Но зато глазъ не пригоденъ для длительныхъ снимковъ. Если бы мы заставили его часами упорно фиксировать предметы,—какъ дѣлають съ фотографическими пластинками, чтобы сфотографировать звѣзды 12 или 14 величины,—то глазъ пересталъ бы видѣть или, вѣрнѣе, различать. Уже послѣ сравнительно короткаго времени онъ видитъ упорно фиксируемый яркій предметъ темнѣе, темный—свѣтлѣе, а цвѣтной—сѣрѣе, тусклѣе. При продолжительномъ воздѣйствіи, глазъ приспособляется къ дѣйствующимъ на него раздраженіямъ, *адаптируется* къ

нимъ, какъ гласить техническое выраженіе. Они производятъ на него все меньшее и меньшее по силѣ впечатлѣніе и вмѣсто крайне сильнаго—среднее или нейтральное. При томъ, каждое раздраженіе вызываетъ такую реакцію лишь на томъ мѣстѣ сѣтчатки, на которое оно оказывало длительное вліяніе, такъ что при измѣненіи направленія взгляда можно непосредственно констатировать происшедшія въ глазу измѣненія чувствительности въ своеобразныхъ *зрительныхъ слѣдахъ*, оставленныхъ предшествующими впечатлѣніями. Мы встрѣчаемъ то же явленіе адаптации почти во всѣхъ областяхъ ощущенія. Долго длящееся прикосновеніе, долго не смѣняющееся положеніе частей тѣла, долго дѣйствующія, не слишкомъ рѣзкія температуры и запахи—мы просто перестаемъ ощущать. Напротивъ, отличное отъ уже существующаго, новое,—доходитъ до нашего сознанія сейчасъ же и, вслѣдствіе предшествовавшаго приспособленія къ другому, по большей части съ особенной силой. Ясно, что такой механизмъ весьма цѣненъ для борьбы организма и души за существованіе потому, что въ борьбѣ опасны, какъ разъ, неожиданности.

Относительно мало знаемъ мы о томъ, какъ именно обусловлены спеціальныя особенности и закономерности различныхъ родовъ ощущеній соответствующими особенностями органовъ, которые являются для нихъ посредниками, т. е. о томъ, что обыкновенно называютъ теоріей зрѣнія, слуха и т. д. Однимъ человѣческимъ возрастомъ раньше, многое казалось уже достаточно объясненнымъ, что съ того времени опять стало неяснымъ. Быстрое развитіе нашихъ знаній о дѣйствительной сути вещей привело къ тому выводу, что ихъ внутренняя сложность гораздо больше, чѣмъ представлялась сначала. Только одно предположеніе, касающееся глаза, въ данное время настолько твердо обосновано, что едва-ли кто-нибудь можетъ его оспаривать; но, во всякомъ случаѣ, оно объясняетъ только часть его функций. Нашъ глазъ представляетъ собою двойной органъ; онъ заключаетъ два аппарата, дополняющихъ другъ друга, но служащіе разнымъ цѣлямъ: одинъ — для зрѣнія въ сумеркахъ и темнотѣ, другой—при свѣтѣ. Каждая изъ этихъ цѣлей осуществляется опредѣленными форменными элементами, которые мозаично расположены другъ около друга во внѣшнихъ слояхъ сѣтчатки глаза. Для зрѣнія въ сумеркахъ служатъ такъ называемыя палочки, заключающія въ себѣ свѣточувствительное вещество—зрительный пурпуръ. Они находятся преимущественно въ периферическихъ частяхъ сѣтчатки; по направленію къ срединѣ онѣ становятся рѣже, а въ центрѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Единственной ихъ функціей является передача ощущеній слабого бѣлаго цвѣта или скорѣе синевато-бѣлаго, какой бываетъ при лунномъ

освѣщеніи, конечно, въ различныхъ степеняхъ его силы. Функцію зрѣнія при полномъ свѣтѣ отправляютъ такъ называемыя колбочки, занимающія какъ разъ средину сѣтчатки, мѣсто самаго отчетливаго зрѣнія, около котораго ихъ больше всего и по мѣрѣ удаленія отъ котораго онѣ попадаютъ все рѣже и рѣже. Онѣ обуславливаютъ все богатство нашего цвѣтового зрѣнія. Этими обстоятельствами объясняется то, что для насъ „ночью всѣ кошки сѣры“, т. е. что въ это время мы не воспринимаемъ различія цвѣтовъ, а только различія яркости; при слабомъ освѣщеніи аппаратъ для воспріятія свѣта не можетъ уже больше работать. Затѣмъ, этимъ же объясняется и то, что мы хуже различаемъ формы въ сумеркахъ, на примѣръ, не можемъ читать: область самаго остраго зрѣнія не функционируетъ уже въ достаточной степени. Такимъ образомъ, чтобы воспринять очень слабыя впечатлѣнія, на примѣръ, свѣтъ очень слабо свѣтящихся звѣздъ, нужно смотрѣть мимо нихъ, а не прямо на нихъ, какъ это извѣстно астрономамъ. То, что у человѣка соединено—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ—то у звѣрей иногда раздѣлено. На примѣръ, у змѣй и куръ имѣется только аппаратъ для воспріятія яркости, у ночныхъ звѣрей развитъ хотя не исключительно, но преимущественно, аппаратъ для зрѣнія въ темнотѣ. Поэтому, куры ложатся спать при заходѣ солнца, а летучія мыши какъ разъ тогда начинаютъ летать. Въ нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ находятся люди, которые, повидимому, обладаютъ только однимъ изъ этихъ аппаратовъ, именно для зрѣнія въ темнотѣ: такъ называемые совсѣмъ слѣпые къ цвѣтамъ. Они все видятъ сѣрымъ и при этомъ страдаютъ сильной свѣтобоязнью, благодаря отсутствію аппарата для воспріятія яркости; затѣмъ, благодаря функциональной недѣйствительности центра сѣтчатки, они имѣютъ только меньшую остроту непрямого зрѣнія.

Если не вполне доказанной, то весьма вѣроятной можно назвать теорію слуха, разработанную въ существенныхъ чертахъ Гельмгольцемъ. Въ улиткѣ уха находится перепонка, длиною въ $2\frac{1}{2}$ сантиметра, очень узкая, спирально извитая, (*основная перепонка*), которая на своемъ протяженіи отъ одного конца къ другому увеличивается въ ширинѣ во много разъ. Она скрываетъ внутри себя слой изъ многихъ тысячъ тонкихъ эластическихъ поперечныхъ волоконъ и по всей длинѣ покрыта нѣсколькими рядами клѣтокъ, у которыхъ кончаются нервныя волокна. По Гельмгольцу, эта перепонка функционируетъ, какъ гармоническая доска рояля съ натянутыми струнами, играющая роль резонатора и, какъ извѣстно, вѣрно передающая спѣтый передъ роялемъ тонъ или гласный звукъ. Смотря по ширинѣ перепонки, различныя группы ея волоконъ настроены различно. Если до нихъ

достигаетъ какое-нибудь сложное движеніе, то всѣ тѣ и только тѣ группы волоконъ, которыя находятъ въ этомъ сложномъ движеніи колебанія, соотвѣтствующіе въ отношеніи періодичности ихъ строю, приходятъ въ созвучныя колебанія и вызываютъ своими вибраціями возбужденіе расположенныхъ около нихъ нервныхъ окончаній. Эта теорія прекрасно уясняетъ аналитическій характеръ слуха; изъ затрудненій, съ которыми ей приходится сталкиваться, нужно упомянуть тотъ фактъ, что длина самыхъ длинныхъ волоконъ основной перепонки ($1\frac{1}{2}$ милиметра) все таки очень мала въ сравненіи съ длиной, которая нужна для вызыванія низкихъ тоновъ и для появленія созвучныхъ колебаній въ отвѣтъ на нихъ.

ЛИТЕРАТУРА.

H. Helmholtz, Handbuch der physiologischen Optik (1867; 2-ое изд. 1886/96). Die Lehre von den Tonempfindungen (1863; 5-ое изд. 1896). Der Raumsinn und die Bewegungen des Auges. Hermanns Handb. d. Physiol. III, 1 (1879). — I. Kries (представитель изложенной на 83-84 стр.—теоріи зрѣнія), Abhandlungen zur Physiologie der Gesichtsempfindungen. 2 Hefte (1897 и 1902). — C. Stumpf, Tonpsychologie. 2 тома (1883 и 1890). — E. Mach, Grundlinien der Lehre von den Bewegungsempfindungen (1975). — A. Goldscheider, gesammelte Abhandlungen. 2 тома (1898). — Новѣйшее изложеніе у W. Nagel, Handbuch der Physiologie des Menschen, Bd. III (1905).

Г. Челпановъ. *Проблема воспріятія пространства*. К. 1896. В. Бехтеревъ. *Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленія о пространствѣ*. Спб. 1896.

§ 6. Представленія.

Ощущенія даютъ знанія душѣ о томъ, что дѣлается во внѣшнемъ мірѣ, но ея положеніе было-бы весьма печальнымъ, если бы она этимъ ограничивалась. Тогда для нея имѣли бы значеніе въ мірѣ вещей исключительно настоящій моментъ (jetzt) и то, что находится непосредственно передъ глазами (hier): прошлаго и будущаго для нея не существовало бы, равно какъ и скрытаго за ближайшимъ холмомъ. Поэтому, для проявленія души во внѣшнемъ мірѣ весьма важно, что она знаетъ этотъ міръ еще посредствомъ другого рода впечатлѣній—*представленій* или мыслей. Она какъ бы можетъ видѣть вещи съ закрытыми глазами и слышать съ закрытыми ушами. Я думаю о львѣ и ясно сознаю его отличіе отъ лошади, или о комнатѣ въ гостинницѣ, въ которой я жилъ въ послѣдній разъ, и ясно вижу отличіе ея отъ моего кабинета. Такимъ образомъ, душа не привязана исключительно къ матеріальному присутствію вещей, съ которыми ей приходится имѣть дѣло; она имѣетъ возможность въ любой моментъ воспроизвести ихъ особенности и представить себѣ, какъ онѣ совершаются; она носитъ ихъ въ себѣ.

Конечно, душа обладаетъ способностью воспроизведе-
 нія лишь до извѣстной степени. Въ сравненіи съ ощу-
 щеніями, представленія по своему содержанію не содержатъ
 ничего новаго. Существуетъ столько же видовъ представле-
 ній, сколько и ощущений, и со столькими же особенностями.
 Чего нельзя ощущать, того нельзя себѣ и представить;
 если же представленія отступаютъ отъ ощущений и выхо-
 дятъ за ихъ предѣлы, какъ наприм., въ продуктахъ фанта-
 зій, то мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ инымъ сочета-
 ніемъ элементовъ, которые въ видѣ ощущений были уже пере-
 житы нами въ другой комбинаціи. Но содержаніе ощущений
 возстановляется въ представленіяхъ не вполне точно: оно
 подвергается своеобразнымъ измѣненіямъ. Въ сравненіи съ
 осязаемостью и такъ сказать матеріальностью ощущений,
 представленія отличаются всѣмъ извѣстной, но не поддаю-
 щейся болѣе точному описанію, блѣдностью и безтѣле-
 ностью. Представляемое солнце не свѣтитъ и представляе-
 мый жаръ его въ тысячи градусовъ не грѣетъ; потухающая
 спичка и свѣтитъ и грѣетъ больше, чѣмъ оно. Только въ дѣт-
 ствѣ и во снѣ, а также у отдѣльныхъ лицъ, наприм., у худож-
 никовъ, и при особенныхъ условіяхъ, какъ наприм., при до-
 полненіи фантазіей чего-либо не сполна воспринятаго, пред-
 ставленія достигаютъ такой степени чувственной (sinnlich) жи-
 вости, что ихъ можно сравнивать и смѣшать съ весьма слабы-
 ми ощущениями. Но въ общемъ между ощущениями и пред-
 ставленіями лежитъ пропасть. Далѣе, чѣмъ богаче ощуще-
 нія по своему содержанію, тѣмъ болѣе бѣдны отличитель-
 ными признаками и менѣе полны соотвѣтствующія имъ
 представленія. Лишь немногія частности изъ комплекса ощу-
 щеній повторяются въ нихъ, и при томъ обыкновенно въ
 причудливомъ и никогда не встрѣчающемся въ дѣйстви-
 тельности подборѣ; остальное выпадаетъ или сглаживается
 и становится неопредѣленнымъ. Наконецъ, въ третьихъ,
 они характеризуются особенной текучестью и непостоян-
 ствомъ. Въ противоположность навязчивости и устойчиво-
 сти ощущений, представленія не остаются болѣе одного
 мгновенія въ одномъ опредѣленномъ и одинаковомъ видѣ.
 Хочешь ихъ удержать, запомнить и видишь, какъ они
 ускользаютъ, сразу смѣняются другими или расплываются
 и преобразовываются въ другія представленія, подобно
 калейдоскопическимъ фигурамъ.

Конечно, все это понижаетъ значеніе представленій,
 какъ замѣстителей ощущений, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ
 большое преимущество. Представленія, являясь одновременно
 и копіями и, отчасти, знаками и сокращеніями ощущаемыхъ
 вещей, значительно помогаютъ душѣ разбираться въ томъ,
 что въ нихъ существенно: при слишкомъ большомъ сход-
 ствѣ съ вещами они вводили-бы въ заблужденія, какъ это

случается при галлюцинаціяхъ. Именно благодаря своимъ пробѣламъ, т. е. неполнотѣ и мимолетности, они даютъ душѣ возможность, какъ въ каждый данный моментъ, такъ и въ извѣстный промежутокъ времени, овладѣть большимъ количествомъ вещей, доведенныхъ до ея сознанія путемъ замѣщенія ощущеній; они помогаютъ душѣ быстрѣе и многостороннѣе ориентироваться во внѣшнемъ мірѣ.

Благодаря своей независимости отъ внѣшнихъ причинъ и частому возобновленію по чисто психическимъ поводамъ, представленія являются для души постоянной собственностью, отдѣльныя части которой, въ виду ихъ невѣроятнаго множества, въ каждый данный моментъ не могутъ найти себѣ примѣненія во всей ихъ совокупности, но всегда готовы для примѣненія. Это приводитъ къ вопросу, какъ же собственно нужно понимать такое существованіе представленій во время ихъ отсутствія въ сознаніи, именно, какъ можно мыслить его по отношенію къ матеріальному органу души—къ мозгу. Со времени открытія гангліозныхъ клѣтокъ и нервныхъ волоконъ, какъ элементовъ мозга, наивное мышленіе склонно было допустить, что каждому отдѣльному представленію соотвѣтствуетъ небольшая группа лежащихъ рядомъ клѣточекъ, въ которой они и имѣютъ свое постоянное и только для нихъ назначенное мѣстопробываніе, что въ извѣстной опредѣленной кучкѣ клѣточекъ обитаетъ, напр., представленіе собаки, въ другой—дерева и т. д. Представленіе, при первомъ своемъ появленіи, такъ сказать, переносится туда внѣшними раздраженіями, во время своего отсутствія въ сознаніи оно какъ бы скрытымъ образомъ находится въ покоящихся клѣткахъ и вновь оживаетъ при возбужденіи послѣднихъ. Даже весьма знающіе люди высчитывали, хватить ли — при такомъ предположеніи — числа существующихъ клѣтокъ мозговой коры для богатой представленіями душевной жизни и пришли къ успокоительному выводу, что ихъ запасено въ достаточномъ количествѣ.

Такое простое пониманіе вопроса совершенно несостоятельно, прежде всего по психологическимъ основаніямъ. Наши представленія такъ многообразно переплетены другъ съ другомъ, благодаря отношенію подчиненія однихъ другимъ и существованію однѣхъ и тѣхъ же особенностей у различныхъ вещей, что невозможно указать, каковы отдѣльныя представленія, которымъ должны соотвѣтствовать отдѣльныя матеріальныя субстраты. Допустимъ что здѣсь находится представленіе собаки, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ—льва; но какъ же обстоитъ дѣло съ представленіемъ хищнаго животнаго, въ которомъ участвуютъ оба эти представленія, въ которомъ кромѣ того, участвуютъ представленія многихъ породъ собакъ и ихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, извѣстныхъ мнѣ, а также представленія другихъ хищ-

ныхъ животныхъ? Или же, что дѣлать съ представленіями млекопитающихся, позвоночнаго, наконецъ, вообще животнаго? Или же съ представленіемъ лая, свойственнаго собакамъ, которому можетъ подражать человекъ, съ представленіемъ бѣлизны, которую можно найти у отдѣльныхъ собакъ и которая связана еще съ облаками, со снѣгомъ, съ лиліей? На эти вопросы мы не найдемъ отвѣта у представителей того взгляда, что разныя группы клѣтокъ скрываютъ въ себѣ отдѣльныя представленія.

Дальнѣйшія затрудненія этотъ взглядъ встрѣчаетъ въ анатомическихъ данныхъ. Въ настоящій моментъ я смотрю на собаку, а вслѣдъ затѣмъ на козу. И въ первомъ и во второмъ случаѣ многочисленныя элементы сѣтчатой оболочки глаза, передающіе впечатлѣніе, большей частью одни и тѣ же; значить и возбужденія въ большинствѣ случаевъ передаются центральнымъ органамъ тѣми же путями и доходятъ отчасти до тѣхъ же самыхъ клѣточекъ. Когда я произношу слова „липа“ и „пали“ *), то я возбуждаю одни и тѣ же акустическіе и кинѣстетическіе элементы одинаковымъ образомъ, но только въ нѣсколько иной послѣдовательности. Какимъ же образомъ нервныя возбужденія, проходящія снова по тѣмъ же самымъ нервнымъ путямъ, попадутъ въ совершенно различныя группы клѣтокъ мозговой коры и возбудятъ ее, соотвѣтственно значительной разницѣ этихъ двухъ представленій?

Очевидно, вопросъ этотъ значительно сложнѣе, чѣмъ предполагаетъ наивная теорія „накапливанія про запасъ представленій“. Въ данное время еще неясно, какъ слѣдуетъ понимать въ деталяхъ суть дѣла, но во всякомъ случаѣ надо считаться со слѣдующими общими исходными положеніями:

1) Матеріальный субстратъ, относящійся къ т. наз. единичному представленію, состоитъ не изъ маленькой группы гдѣ либо вмѣстѣ расположенныхъ нервныхъ элементовъ, а, смотря по обстоятельствамъ, изъ весьма большого числа элементовъ расположенныхъ, сообразно видимымъ, осязаемымъ, слышимымъ особенностямъ представляемыхъ предметовъ, въ различныхъ областяхъ мозговой коры и сѣтеобразно связанныхъ между собою.

2) Элементы, находящіеся въ такомъ отношеніи къ отдѣльному представленію, не принадлежатъ исключительно ему одному: они одновременно—по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ—функционируютъ въ другихъ сочетаніяхъ

*) Въ оригиналѣ стоятъ слова Baumschlag и Schlagbaum, которыя въ переводѣ не даютъ необходимой для этого примѣра однородности звуковъ; поэтому они замѣнены словами „липа“ и „пали“.

или въ другой послѣдовательности или въ качествѣ членовъ другихъ соединеній и образуютъ матеріальную основу многихъ другихъ представленій.

3) Матеріальный эквивалентъ несознаваемаго, но легко вступающаго въ сознание представленія заключается не въ наличности извѣстнаго вещественнаго субстрата въ соответствующихъ нервныхъ элементахъ, а въ особенной склонности, въ предрасположенности этихъ элементовъ вновь легко возбуждаться въ бывшей уже прежде связи.

§ 7. Чувствованія.

Ощущенія и представленія—такія душевныя образованія, которыя, хотя и родственны другъ другу подобно оригиналу и копіи, хотя и сопровождаютъ другъ друга и переплетаются между собою въ своемъ проявленіи, но все же до извѣстной степени независимы и самостоятельны другъ отъ друга, т. е. могутъ, вообще говоря, находиться между собой въ любой связи или появиться вполне изолированно; они не привязаны другъ къ другу. Инымъ является третій классъ элементарныхъ душевныхъ образованій, который обычно присоединяютъ къ первымъ двумъ, какъ нѣчто стоящее рядомъ съ ними, и который можетъ быть лучше было бы противопоставить имъ какъ нѣчто отличное, это—*чувствованія удовольствія и неудовольствія*. Они не представляютъ собою чего-то самостоятельнаго и существующаго само по себѣ, они всегда выступаютъ только какъ сопровождающее явленіе какихъ либо ощущений или представленій, какъ нѣчто связанное съ ними, свойственное имъ. Переживаемое мною удовольствіе всегда имѣетъ предметъ или содержаніе, которое меня радуетъ: вкусъ плода, какое нибудь извѣстіе или мое благосостояніе или что либо другое; оно не вѣщаетъ изолированно въ моемъ сознаніи. Тѣмъ не менѣе, эту связанность или зависимость не слѣдуетъ представлять себѣ слишкомъ тѣсной, въ чемъ и заключается извѣстная трудность правильнаго пониманія этого отношенія. Напр., цвѣтъ и высота тона, временная и пространственная протяженность не есть нѣчто самостоятельное и изолированное: они присущи другимъ вещамъ, какъ ихъ свойства. Но отношеніе чувствованій къ представленіямъ и ощущеніямъ не должно мыслить по аналогіи съ *этимъ* соотношеніемъ. Свойства вещи или явленія даются, если не до послѣднихъ мелочей, то въ ихъ основныхъ чертахъ, опредѣленными, такъ сказать, абсолютно вызывающими ихъ внѣшними причинами; если послѣднія повторяются, то и вещь переживается снова во всемъ своемъ объемѣ и со всѣми особенностями: съ тѣмъ же цвѣтомъ, съ той же продолжительностью и т. д. Чувствованіе же, возникающее въ связи

съ опредѣленными ощущеніями или представленіями, ни въ коемъ случаѣ не опредѣлено сполна содержаніемъ ихъ; оно въ различныхъ случаяхъ можетъ быть весьма различнымъ не только по своей степени, но и по характеру. Вкусъ меда или звуки мелодіи, въ разное время вызываютъ почти тождественныя переживанія въ смыслѣ ощущенія. Но эти одинаковыя чувственныя впечатлѣнія, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть чрезвычайно пріятны, безразличны или даже просто непріятны.

Связь чувствованій съ ощущеніями и представленіями отличается своеобразной свободой. Въ этой области, кромѣ содержанія послѣднихъ, имѣетъ значеніе и нѣчто другое: напр., совокупность находящихся въ данное время въ душѣ ощущеній и представленій и создающихся въ силу этого зависимостей и отношеній, противоположностей и единствъ. Тѣ же самыя линіи и краски могутъ быть сотканы въ красивые и отвратительныя узоры, однѣ и тѣ же мысли и описанія могутъ составить увлекательную или отталкивающую книгу. Кромѣ того, имѣютъ значеніе уже существующія чувствованія, вызванныя какими-нибудь другими впечатлѣніями. Осенній пасмурный день вліяетъ на настроеніе подавляющимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ: все окрашивается для насъ въ сѣрый цвѣтъ, подобно тому какъ въ веселый весенній день—въ розовый. Человѣкъ опечаленный или сердитый переживетъ одни и тѣ же событія съ совершенно другими чувствованіями, чѣмъ радостный или полный надеждъ. Наконецъ, очень существенное значеніе имѣетъ частота повторенія вызывающихъ чувствованіе переживаній. Въ жизни чувствованій существуетъ крайне важное явленіе, напоминающее упомянутую нами адаптацію: при частомъ повтореніи одного и того же содержанія, связанное съ нимъ чувствованіе становится все слабѣе и слабѣе. Мы, какъ говорится, *привыкаемъ* къ тому, что часто нами переживается, т. е. мы притупляемся къ его пріятности или непріятности, а иногда доходимъ до полного безразличія. Самая прекрасная мелодія теряетъ свое обаяніе, если ее пѣть на всѣхъ концертахъ и на всѣхъ перекресткахъ; самыя вкусныя блюда теряютъ свою прелесть, если ихъ ѣсть ежедневно. Но съ другой стороны и самое горькое лѣкарство не кажется такимъ горькимъ при долгомъ употребленіи и отталкивающія впечатлѣнія скоро теряютъ свою силу для того, кто долженъ подвергаться имъ ежедневно. Какъ въ простомъ ощущеніи застывшему и неизмѣнному предпочитается измѣняющееся и новое, такъ и въ жизни чувствованій оно предпочитается однообразно повторяющемуся и привычному.

Итакъ, чувствованія удовольствія и неудовольствія оказываются не сопутствующими ощущеніямъ и представленіямъ явленіями, разъ навсегда опредѣленными содержаніемъ по-

слѣднихъ, а какъ бы противоположными другъ другу предикатами, которые присоединяются къ нимъ отчасти по ихъ содержанію, а отчасти еще и по другимъ моментамъ; вѣрнѣе даже по одному моменту, такъ какъ въ сущности характеръ чувствованія опредѣляетъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ ощущеній и представленій, всегда одинъ и тотъ же факторъ. Онъ состоитъ—и въ этомъ заключается общее значеніе чувствованій—въ отношеніи объективныхъ причинъ чувствованія къ благосостоянію или вреду организма или души, являющейся его внутренней жизнью. Чувствованія даютъ впечатлѣніямъ о внѣшнемъ мірѣ оцѣнку, которая нужна душѣ, чтобы правильно пользоваться объективными вещами въ борьбѣ за свое самосохраненіе. А именно, чувствованія удовольствія показываютъ почти всегда—не для сознанія, а какъ объективно существующее отношеніе,—что вызывающія ихъ впечатлѣнія или причины при данныхъ условіяхъ подходящи и полезны для организма или для его органовъ, находящихся въ данный моментъ въ дѣятельности. Наоборотъ, чувствованіе неудовольствія показываетъ, что данныя вліянія неподходящи и вредны для организма. Удовольствіе есть симптомъ дѣятельности, соотвѣтствующей силамъ организма, и вслѣдствіе этого, полезной и сохраняющей его; неудовольствіе—симптомъ неполезной и разрушающей дѣятельности. Такъ это бываетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, за немногими исключеніями, которыя вызываются запутанностью отношеній. Но чувствованіе является симптомомъ и свидѣлемъ полезности или вреда только для настоящаго момента, оно не указываетъ, какія послѣдствія могутъ имѣть переживаемыя обстоятельства въ будущемъ. Извѣстно, что цѣлебныя лѣкарства часто горьки. Но ихъ цѣлебная сила проявляется не на языкѣ, возбужденіе котораго даетъ непріятный вкусъ, а обнаруживается только по вступленіи лѣкарственнаго вещества въ кругъ кровообращенія и обусловливается другими свойствами, а не тѣмъ, которое вліяетъ на вкусъ.

Привнесеніе чувствованій, въ виду нѣкоторыхъ особенностей ихъ, приводитъ къ большой запутанности въ психическихъ образованіяхъ и благодаря этому сильно затрудняетъ пониманіе ихъ сущности. Чувствованія, связанные съ представленіями, получаютъ свой характеръ первоначально исключительно отъ соотвѣтствующихъ ощущеній: думать о побояхъ потому непріятно, что непріятны были испытанные побои. Но часто, благодаря присоединенію представленій, здѣсь можетъ произойти полная перемѣна: воспоминаніе о непріятномъ переживаніи становится одновременно источникомъ удовольствія благодаря появленію мысли, что все дѣло произошло изъ за глупости, которая ужъ, навѣрное, не по-

вторится больше. Точно также чувствованіе, вызываемое ощущеніями, можетъ быть совершенно измѣнено присоеди- нившимися представленіями: насыщенный зеленый цвѣтъ, какъ цвѣтъ луга, покрытаго травой, или орнамента, ра- дуетъ глазъ, а какъ окраска человѣческой щеки была бы отвратительна. Затѣмъ, какъ ужъ было сказано, чувство- ванія присоединяются не только къ содержанію ощущеній и представленій (*чувства матеріальныя*), но равнымъ обра- зомъ и къ ихъ соотношеніямъ и взаимодействіямъ (*фор- мальные чувства*), къ ихъ пространственному сосуще- ствованію, какъ это бываетъ при разсматриваніи парка или картины, къ ихъ послѣдовательности во времени, какъ бываетъ при воспріятіи симфоніи или драмы, къ ихъ логической связи, какъ это бываетъ при воспріятіи анек- дотовъ или загадки и т. п. Во всякой массѣ ощущеній и пробужденныхъ ими представленій разыгрывается безчи- сленное множество оттѣнковъ чувствованій. Всѣ они из- вѣстнымъ образомъ примыкаютъ къ опредѣленнымъ со- держаніямъ и отношеніямъ, оцѣнкой которыхъ они являются; они настолько удалены другъ отъ друга или близки между собою, насколько различны другъ отъ друга ихъ носители. Но въ то же время всѣ они—звенья разнообразія, про- тяженнаго въ двухъ направленіяхъ, всѣ—различныя сте- пени удовольствія и неудовольствія. И какъ разъ благо- даря этому они до извѣстной степени соединяются и обра- зуютъ единство: сливаются и подкрѣпляютъ другъ друга, поскольку они однородны, и уничтожаются или отчасти уравниваютъ другъ друга, поскольку они противоположны. Отсюда нѣчто своеобразно непостижимое: въ одно и то же время единство и неисчерпаемое богатство содержанія такихъ образованій, какъ любовь, гордость, честь, умиленіе наслажденіе драмой, судьбой человѣка и т. п. Отсюда же проистекаетъ различіе въ пониманіи многихъ душевныхъ образованій, противорѣчіе между утвержденіемъ однихъ, что такія переживанія, какъ возбужденіе, упадокъ духа, ожиданіе—суть только качественно разныя обнаруженія э м о ц і о н а л ь н о й жизни, и утвержденіемъ другихъ, приписыва- ющихъ к а ч е с т в е н н ы я различія только ощущеніямъ и пред- ставленіямъ и признающихъ для содержащихся въ нихъ чувствованій только указанные выше два вида: удовольствіе и неудовольствіе. Не слѣдуетъ придавать этимъ различіямъ въ пониманіи чувствъ слишкомъ большого значенія.

§ 8. Влеченіе и воля.

Влеченіе и волевые акты обычно считаютъ послѣднимъ классомъ душевныхъ элементовъ. Конечно, и они есть нѣчто элементарное, но въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ уже

разсмотрѣнные нами интеллектуальные элементы и связанные съ ними чувствованія. Въ чемъ состоитъ, напр., влеченіе къ пищѣ у младенца? Прежде всего въ такихъ сильно окрашенныхъ непріятнымъ чувствомъ ощущеніяхъ, какъ голодъ или жажда, и въ разнообразныхъ движеніяхъ (ребенокъ кричитъ, мечется въ разныя стороны), которыя рефлекторно примыкаютъ къ этимъ ощущеніямъ и приводятъ въ концѣ концовъ къ устраненію неудовольствія. Сами движенія не есть нѣчто психическое. Совершаясь, они доходятъ до сознанія, становятся сознанными; это осуществляется въ свою очередь въ ощущеніяхъ: въ ощущеніяхъ напряженія мускуловъ, передвиженіи членовъ, т. е. въ кинѣстетическихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, здѣсь возможно различать, какъ въ каждомъ влеченіи, двѣ группы ощущеній: одну группу любыхъ ощущеній, сопровождающихся сильнымъ чувствомъ, другую, происходящую отъ рефлекторно вызванныхъ движеній, объективный результатъ которыхъ выражается въ устраненіи непріятныхъ ощущеній или сохраненіи на продолжительный срокъ пріятныхъ. По мѣрѣ того, какъ такія влеченія и ихъ внѣшнія проявленія переживаются повторно, пріобрѣтаютъ все большую и большую отчетливость представленія объ удовлетвореніи, испытываемомъ въ результатѣ всего процесса. Въ концѣ концовъ, эти представленія сознаются нами уже въ самомъ началѣ его. Съ появленіемъ мучительныхъ ощущеній голода, ребенокъ уже представляетъ насыщающую его бутылку, мать, которая несетъ ее, движенія схватыванія, сосанія и т. д. вмѣстѣ съ этимъ влеченіе превратилось въ элементарный волевой актъ. Воля есть влеченіе, сдѣлавшееся предвидящимъ. Она прежде всего заключается въ себѣ обѣ группы ощущеній вмѣстѣ съ примыкающимъ къ одной изъ нихъ чувствомъ, которое характеризуетъ влеченіе, а кромѣ того и нѣчто третье, связующее обѣ группы: умственное предвосхищеніе конечнаго члена ощущаемой дѣятельности, которое представляется въ то же время, какъ пріятное окончаніе переживаемаго неудовольствія или какъ пріятное сохраненіе переживаемаго удовольствія.

О новыхъ элементахъ, кромѣ указанныхъ выше, очевидно, при этомъ не можетъ быть и рѣчи: чего нибудь другого, кромѣ ощущеній, чувствованій удовольствія или неудовольствія и представленій — нѣтъ. И простые волевые акты можно лишь постольку назвать элементарными явленіями душевной жизни, поскольку осуществленное въ нихъ объединеніе этихъ трехъ видовъ образованій представляетъ основную форму, въ которой они сначала только и существуютъ реально. Ощущенія и представленія не являются вначалѣ какъ бы изолированными, чтобы впослед-

ствіи составить болѣе сложныя образованія, между прочимъ, волевые акты. Напротивъ, душа съ самаго начала проявляется въ богатой содержаніемъ жизни влеченій и простыхъ желаній и въ нихъ мы можемъ, благодаря абстракціи, различать затѣмъ (указанные выше) другіе элементы, которые при извѣстныхъ условіяхъ дифференцируются въ разившейся душѣ такъ же, какъ самостоятельныя образованія. Другими словами, ощущенія и представленія суть познавательныя, влеченія и волевые акты — генетическіе элементы душевной жизни.

Слѣдовательно, не существуетъ воли, какъ простой и всегда тождественной самой себѣ душевной дѣятельности, которая, смотря по обстоятельствамъ, направляется на лежащая внѣ ея разнообразныя вещи. То, что существуетъ въ дѣйствительности, состоитъ изъ отдѣльныхъ, охватывающихъ множественное содержаніе, волевыхъ актовъ, которые только въ силу общей однородности этихъ содержаній даютъ поводъ къ образованію абстрактнаго понятія—воли. Конечно, этимъ понятіемъ можно свободно пользоваться, если ясно представлять себѣ его значеніе, такъ-же какъ пользуются понятіями восприниманія и пониманія, не подразумѣвая подъ ними проявленій простой душевной способности. Также естественно можно примѣнять это понятіе и къ типическимъ различіямъ содержанія волевыхъ актовъ у различныхъ индивидуумовъ или къ общимъ различіямъ ихъ отношенія къ послѣдующимъ движеніямъ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, является возможнымъ такъ-же, какъ и въ популярной психологіи, говорить о волѣ, направленной на идеальное или практическое, о рѣшительной или колеблющейся волѣ и тому подобныхъ выраженіяхъ.

V. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Впечатлѣнія, доставленныя душѣ и освѣдомляющія ее о внѣшнемъ мірѣ, по большей части соотвѣтствуютъ, конечно, даже въ своихъ сложныхъ формахъ, объективно существующимъ связямъ вещей, такъ какъ иначе они не достигли-бы своей цѣли. Однако душа, воспринимаетъ ихъ не просто въ томъ видѣ, какъ они проникаютъ въ нее, а становится къ нимъ въ разнообразныя самостоятельныя отношенія, въ которыхъ именно и сказывается своеобразность ея сущности и особенно — ея цѣлей. Нужно различать четыре главныя формы этихъ отношеній, которыя попарно находятся между собой въ извѣстной противоположности. Въ короткихъ словахъ ихъ называютъ вниманіемъ и памятью, упражненіемъ и утомленіемъ.

§ 9. Вниманіе.

Корабль, одновременно представленный дѣйствию нѣсколькихъ различныхъ силъ: силѣ своего винта, вѣтра, морскихъ теченій, повинуется всѣмъ имъ одновременно, и мѣсто, которое оно занимаетъ, по истеченіи извѣстнаго времени, оказывается тѣмъ самымъ, въ которомъ онъ былъ бы, если бы эти силы дѣйствовали на него въ теченіи равныхъ промежутковъ времени порознь одна за другой. Отношеніе судна — и вообще всѣхъ вещей внѣшняго міра — къ одновременному воздѣйствію различныхъ силъ подчиняется закону параллелограмма силъ. Совершенно инымъ является отношеніе души. Если ей одновременно приходится видѣть многое, напр., сцену изъ народной жизни въ театрѣ, при этомъ многое слышать, напр., хоръ, сопровождаемый оркестромъ, и если, кромѣ имѣющихся уже здѣсь поводовъ къ появленію различныхъ мыслей, на нее оказываютъ вліяніе еще другіе, напр., шопоть сосѣдей, то результатъ будетъ совсѣмъ не тотъ, который получился бы при послѣдовательномъ появленіи всѣхъ этихъ воздѣйствій. Если душѣ предоставлено достаточно времени, то она можетъ, видя, слушая и представляя, справиться со всѣми поставленными ей въ отдѣльности требованіями. Если же все это происходитъ одновременно, то она не въ состояніи сдѣлать этого: ея работоспособность ограничена. Она отвѣчаетъ тогда не всѣми ощущеніями и представленіями, объективныя причины которыхъ имѣются на лицо, а только частью ихъ. Нѣкоторыя, особенно благопріятныя для воспріятія вліянія одерживаютъ верхъ и фактически вызываютъ въ сознаніи возможный для нихъ эффектъ. Но это всегда совершается за счетъ многихъ другихъ. И чѣмъ энергичнѣе прокладываетъ себѣ дорогу дѣйствіе отдѣльныхъ причинъ, то есть, чѣмъ яснѣе и сильнѣе выступаетъ въ душѣ и пріобрѣтаетъ въ ней значеніе отдѣльно слышанное, видѣнное, или думанное, тѣмъ слабѣе и незамѣтнѣе становится воздѣйствіе прочихъ причинъ. Онѣ не совершенно потеряны для души, но дѣлаются незамѣтными для нея въ отдѣльности и сливаются въ болѣе или менѣе объединенное цѣльное впечатлѣніе: онѣ образуютъ расплывчатый фонъ для ясно сознаваемыхъ переживаній.

Это явленіе выбора называютъ узостью (ограниченностью) сознанія или говоря общепринятымъ терминомъ — вниманіемъ души къ тѣмъ содержаніямъ, которыя выступаютъ въ сознаніи преимущественно передъ другими, и разсѣянностью къ остальнымъ, для которыхъ это невозможно. Во всей области явленій, протекающихъ внѣ души, другими словами, въ неорганической природѣ, нѣтъ ничего подобнаго, это — характерная особенность души во

всякій моментъ и въ любомъ ея проявленіи. Я бросаю взглядъ на вещи вокругъ себя и многое замѣчаю; но на сѣтчаткѣ моего глаза всякій разъ отражается гораздо большее число вещей, чѣмъ то, которое доходитъ до моего сознанія. Читая книгу, я не могу сразу достичь всего, чего бы мнѣ хотѣлось: если я слѣжу за смысломъ написаннаго, то отъ меня легко ускользаетъ красота формы, если я стараюсь подмѣтить опечатки или другіе недостатки текста, то я совсѣмъ не понимаю его общей связи. Для каждой особой цѣли, которой служитъ знакомство съ книгой, всегда необходимо особое чтеніе. Умственной работѣ мѣшаетъ игра на рояли, дѣтскій крикъ, гимнастика или быстрая ходьба. Кто хочетъ понять серьезную музыку, тотъ закрываетъ глаза. Въ рѣшительные моменты или моментъ большой опасности легко теряютъ голову, т. е., поглощенные представленіями о величинѣ и важности событія, дѣлаются не способными къ болѣе простымъ воспоминаніямъ и разсужденіямъ.

Для ходячаго представленія вниманіе заключается въ чисто произвольныхъ актахъ души. Душа является особымъ самостоятельнымъ существомъ, наряду съ ея представленіями и внѣ ихъ. Она имѣетъ собственные опредѣленные цѣли и интересы, и, сообразно имъ, „направляетъ свое вниманіе“ на одни представленія и отвлекается отъ другихъ. Нечего и говорить, что такое мифологическое пониманіе души невозможно. Подобно тому какъ организмъ и нервная система не представляютъ собою особыхъ, отдѣлимыхъ сущностей, существующихъ рядомъ и внѣ органическихъ и нервныхъ процессовъ, а только сумма ихъ, точно также по существу производная имъ душа есть только совокупность всего происходящаго и заключающагося въ ней. Предпочитаніе одного и пренебреженіе другимъ, въ чемъ заключается внимательность и разсѣянность, основываются не на упражненіи особенной дѣятельности души по отношенію къ ея представленіямъ, а являются строго равномѣрными послѣдствіями опредѣленныхъ особенностей или опредѣленныхъ отношеній самихъ впечатлѣній. Изъ этихъ особенностей и отношеній наибольшее значеніе имѣютъ два.

Во первыхъ, эмоціональное значеніе впечатлѣній. Ощущенія или представленія, сильно окрашенные чувствомъ удовольствія или неудовольствія, скорѣе проникаютъ въ душу и сильнѣе проявляются въ ней, чѣмъ безразличныя переживанія. Все, что по близости говорится лично обо мнѣ дурного или хорошаго, я легко слышу, даже въ томъ случаѣ, если сказанное произнесено тихо и, слѣдов., физически воспринимается очень трудно. Новое и отличное отъ окружающаго бросается въ глаза среди обычнаго главнымъ образомъ потому, что отличается отъ него

меньшей притупленностью и, слѣдовательно, большею силою сопровождающаго чувствованія. Связь чувствованія и вниманія отчетливо выступаетъ и въ проявленіяхъ интереса. Въдѣ интересъ есть ни что иное, какъ чувство удовольствія, вызванное гармоническимъ сочетаніемъ между появившимся въ данное время въ душѣ впечатлѣніемъ и прежде пріобрѣтенными и теперь пробужденными имъ представленіями, вызванное тою, такъ сказать, благопріятною встрѣчей, которую оно находитъ у послѣднихъ. И что меня интересуеетъ, т. е. то, о чемъ у меня имѣются нѣкоторыя знанія, пріятное расширение и дополненіе которыхъ я теперь переживаю, то запечатлѣвается во мнѣ, особенно выдѣляется въ моемъ сознаніи. Но, какъ было указано выше, чувство удовольствія и неудовольствія есть симптомъ полезнаго и вреднаго для души и организма. Слѣдовательно, значеніе этой закономерности заключается въ томъ, что изъ всѣхъ производимыхъ на душу и освѣдомляющихъ ее о внѣшнемъ мірѣ впечатлѣній преимущественно тѣ дѣйствуютъ на нее, которыя наиболѣе важны для нея самой, для ея блага и вреда. Изъ необозримаго множества имѣющихся во всякое время воздѣйствій закономерно выдѣляются именно эти, чрезвычайно важныя, и оттѣсняють остальные; конечно, съ извѣстнымъ предпочтеніемъ пріятному, т. е. полезному. „Никто не обращаетъ вниманія“,—говоритъ нѣсколько преувеличенно Гете,—„на предостерегающіе симптомы; вниманіе обращается только на тѣ изъ нихъ, которые заманчивы и многообѣщающи“. Хорошо извѣстно, что защитникъ извѣстнаго мнѣнія останавливается преимущественно на согласныхъ съ нимъ мнѣніяхъ, а приверженецъ извѣстной вѣры или суевѣрія—на благопріятныхъ для него авторитетахъ; наоборотъ, противорѣчащее, неудобное и непріятное совершенно невольно игнорируется и упускается изъ виду.

Вторая причина вниманія это—родство вступающихъ въ душу впечатлѣній съ имѣющимся уже въ ней въ данное время. Если сознаніе заполняютъ опредѣленныя представленія, то особенно легко вызываютъ къ себѣ вниманіе такія ощущенія, отраженіемъ которыхъ являясь эти представленія и которыя въ чувственной дѣйствительности содержатъ то, что въ послѣднихъ мыслится, а также и такія представленія, которыя ближе дополняютъ имѣющіяся въ сознаніи или родственны имъ. Кромѣ соображенія о благѣ и вредѣ для души, выборъ изъ слишкомъ большого числа „проникающихъ въ душу впечатлѣній“ опредѣляется отношеніемъ къ существующему въ данный моментъ теченію мыслей. Что уже достигло сознанія — и что очевидно уже въ силу этого факта, вообще, будетъ пользоваться только что указаннымъ преимуществомъ, такъ какъ именно это

и представлялось важнымъ — то какъ бы прокладываетъ дорогу похжимъ или дополняющимъ его содержаніемъ и расширяетъ такимъ образомъ область своего воздѣйствія. Обычно, мы прослушиваемъ тиканіе стѣнныхъ часовъ; уши, конечно, все время воспринимаютъ звуковыя волны, но послѣднія не достигаютъ души. Но какъ только подумаешь о времени или о часахъ, сейчасъ же тиканіе всплываетъ въ сознаниі. Чтобы услышать слабый тонъ изъ множества болѣе сильныхъ или мотивъ въ составѣ музыкальной фразы для многихъ голосовъ, нужно сначала выслушать ихъ въ отдѣльности, и тогда попробовать удержать ихъ въ представленіи. Незамѣтными остаются незначительныя отклоненія стрѣлки какого-нибудь измѣрительнаго прибора, незначительная разница въ окраскѣ сосѣднихъ полей, если они вмѣстѣ съ другими впечатлѣніями попадаютъ на неподготовленную въ этомъ отношеніи душу. Но если о нихъ думали прежде, т. е. если ихъ наблюдаютъ, то они тотчасъ же будутъ восприняты. Чрезвычайно ясно это явленіе при такъ называемыхъ „загадочныхъ картинкахъ“. Сначала нельзя отыскать имѣющуюся въ нихъ замаскированную фигуру, но если удалось схватить эту фигуру въ первый разъ, то невозможно уже не видѣть ее, потому что приступаешь къ картинѣ всегда съ

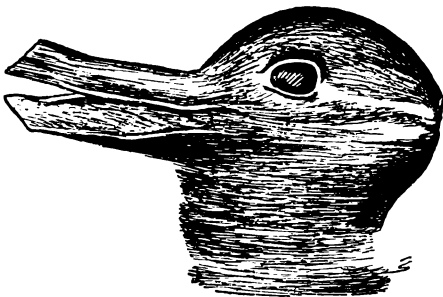

Рис. 14. Двойной образъ животнаго (по Thorndicke).

представленіемъ этой фигуры. Посмотрите на рис. 14 и спросите себя, что онъ представляетъ. Всякій скажетъ, что это смотрящая влѣво птица. Но подумайте, что это кроликъ, смотрящій вправо, и вы сейчасъ же скажете, какъ Полоній въ Гамлетѣ „дѣйствительно, это кроликъ“. И смотря по тому, что вы себѣ представляете, вы будете видѣть

птицу или кролика любое число разъ. Представленія имѣютъ такую же пролагающую путь силу и для чисто мысленныхъ вещей. Пониманіе лекцій облегчается знаніемъ ея построенія, т. е. сознаніе содержащихся въ лекціи мыслей благопріятствуетъ существованію другихъ мыслей, которыя являются какъ бы изображеніемъ и предвосхищеніемъ первыхъ.

Особенно характерно для вниманія то, что оно сопровождается многими произвольными движеніями, которыя обыкновенно находятся въ тѣсномъ цѣлевомъ отношеніи къ той формѣ, которую принимаетъ этотъ процессъ въ данный

моментъ: они облегчаютъ сохраненіе выступающаго въ данное время въ душѣ впечатлѣнія или обуславливаютъ дальнѣйшее увеличеніе его энергій. Такъ, напр., при чувственныхъ впечатлѣніяхъ, передающіе ихъ органы лучше приспособляются къ объективному раздраженію благодаря фиксаціоннымъ движеніямъ, поворачиваніямъ головы и т. д. При чисто мысленномъ вниманіи глаза направлены на безразличное или же закрыты, губы сжаты, движенія конечностей задержаны,— все это благопріятствуетъ удаленію расфѣивающихъ впечатлѣній. Эти движенія конечно, не только совершаются, но и воспринимаются также въ свою очередь; совершаясь, они доходятъ до сознанія души, какъ разнообразныя напряженія и дѣятельности и тѣмъ самымъ придаютъ всему переживанію своеобразную окраску. Они представляютъ собою тотъ факторъ, который въ соединеніи съ популярнымъ представленіемъ о душѣ, создаетъ упомянутый выше ошибочный взглядъ на вниманіе, какъ на дѣятельность души, направленной на собственное содержаніе. Это пониманіе особенно напрашивается при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Именно, если въ сознаніи есть представленія, которыя не только предвосхищаютъ объективно другія, послѣдующія, но которыя мыслятся одновременно, какъ такія предвосхищенія, т. е., какъ копія другихъ психологическихъ переживаній, имѣющихъ осуществиться съ большей полнотой и съ большей чувственной живостью, тогда мы имѣемъ на лицо всѣ характерные моменты, волевого явленія (какъ это указано на стр. 93). Весь процессъ составляетъ тогда то, что называютъ *произвольнымъ вниманіемъ* и что въ дѣйствительности легко можетъ показаться результатомъ вмѣшательства самостоятельной души въ собственную внутреннюю жизнь. Но въ дѣйствительности здѣсь имѣется лишь обогащеніе произвольнаго вниманія путемъ предвосхищающихъ представленій. Оба процесса относятся другъ къ другу, какъ воля и влеченіе: произвольное вниманіе есть произвольное, сдѣлавшееся предвидящимъ. Обыкновенно одно непосредственно слѣдуетъ за другимъ. Входящее въ сознаніе впечатлѣніе безъ предварительныхъ представленій тотчасъ же пробуждаетъ представленія о томъ, что вѣроятно будетъ слѣдовать, и съ появленіемъ ихъ общее состояніе развивается до степени произвольнаго вниманія. Мы видимъ напр., молнію и живо и напряженно, т. е. сокращая множество мускуловъ, думаемъ, о наступленіи грома, представляемаго приближающимся.

Впрочемъ, яркое выступленіе на первый планъ опредѣленнаго содержанія сознанія или же однороднаго класса таковыхъ не можетъ продолжаться долго. Они скоро теряютъ свою силу, если даже продолжаютъ дѣйствовать причины,

способствующія ихъ выступленію; первое мѣсто занимають другія впечатлѣнія и вытѣсненныя ими представленія могутъ въ лучшемъ случаѣ черезъ короткое время вновь пріобрѣсти значеніе. Въ особенности характерно проявляется у дѣтей это скорое ослабленіе вниманія къ каждому опредѣленному роду привлеченія его, что весьма затрудняетъ преподаваніе. Этому, конечно, нѣсколько могутъ помочь частыя требованія сосредоточиться и не отвлекаться отъ предмета занятій, т. к. они вызываютъ общія представленія о предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь и, слѣдовательно, оказываютъ въ этомъ отношеніи благопріятное дѣйствіе, — но всегда на короткое время; вѣдь само представленіе сосредоточиванія на сути предмета не можетъ долго удержаться. Цѣлесообразнѣе, поэтому, по возможности считаться съ этой особенностью вниманія, слѣдовательно, заботиться объ извѣстной смѣнѣ вызванныхъ представленій и главнымъ образомъ поддерживать къ нимъ живой интересъ.

Какъ было сказано выше, во всей области неорганической жизни не существуетъ ничего подобнаго явленію вниманія. Но съ другой стороны, если правилень нашъ общій взглядъ на отношеніе души и тѣла, то нѣчто подобное должно быть найдено въ нервныхъ процессахъ. И это въ дѣйствительности такъ. Если на подкорковые центры одновременно вліяютъ многія раздраженія, то они вызываютъ не просто сумму рефлекторныхъ движеній, изъ которыхъ каждое обуславливалось бы отдѣльнымъ раздраженіемъ самимъ по себѣ, а смотря по обстоятельствамъ больше или меньше этой суммы. Оба раздраженія или мѣшаютъ другъ другу и взаимно ослабляютъ свое дѣйствіе (торможеніе рефлексовъ): если одно раздраженіе само по себѣ вызвало бы, напр., крикъ, а другое — движеніе ноги, то раздраженіе обоихъ вмѣстѣ не даетъ ничего; или же они взаимно поддерживаютъ и усиливаютъ другъ друга, (облегченіе рефлексовъ); напр., каждое изъ раздраженій въ отдѣльности осталось бы безрезультатнымъ въ силу большой интенсивности, но оба вмѣстѣ вызываютъ мускульное сокращеніе. Оба указанныхъ явленія обладаютъ несомнѣннымъ сходствомъ съ двумя характерными чертами вниманія: одно походитъ на взаимное торможеніе многихъ одновременно дѣйствующихъ причинъ ощущенія и представленія, другое — на содѣйствіе появленію впечатлѣній при помощи превосходящихъ или какъ-нибудь иначе относящихся къ нимъ представленій. Возможно, что въ душевномъ процессѣ вниманія мы непосредственно переживаемъ явленіе психическаго коррелата подобныхъ же процессовъ прокладыванія и торможенія въ мозговой корѣ, какъ это мы можемъ наблюдать посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ въ подкорковыхъ центрахъ.

ЛИТЕРАТУРА.

E. Dürr, Die Lehre von der Aufmerksamkeit (1907).

Н. Ланге. *Психологическія изслѣдованія* (1892). К. Поварнинъ. *Вниманіе и его роль въ простѣйшихъ психологическихъ процессахъ* (1906).

§ 10. Память.

Вниманіе есть явленіе выбора и ограниченія. Душа уклоняется отъ слишкомъ большого количества предъявляемыхъ къ ней въ данный моментъ требованій въ пользу

немногихъ, имѣющихъ особое отношеніе къ ея задачамъ. Счастливымъ дополненіемъ этой первой законѣрности является другая, которой подчинена душа: послѣдняя одновременно выходитъ за предѣлы требуемаго отъ нея внѣшними причинами и при извѣстныхъ условіяхъ производитъ больше, чѣмъ непосредственно отъ нея требуется. Именно, если то, что въ нее проникаетъ и доходитъ до сознанія было ею пережито въ сходномъ или точно такомъ же видѣ, то она теперь обогащаетъ или дополняетъ его представленіями о томъ, что было связано съ нимъ прежде или слѣдовало за нимъ, при отсутствіи тѣхъ первоначальныхъ причинъ, которыя вызывали указанную связь. Если я слышу начальныя слова часто читаннаго мною стихотворенія, то я продолжаю его мысленно, если даже и не слышу послѣдующаго. Если я вижу, что деревья гнутся отъ вѣтра и что небо заволочло тучами, то я знаю, что за этимъ послѣдуетъ гроза. Если пахнетъ карболкой или іодоформомъ, то я смотрю, нѣтъ-ли гдѣ больного съ перевязкой. Всюду непосредственно данное дополняется и расширяется на основаніи прежняго опыта. Душа возстановляетъ—по крайней мѣрѣ посредствомъ представленій—болѣе широкія связи и болѣе объемлющія единства, въ которыхъ она прежде пережила то, что теперь въ ней происходитъ отрывочно и съ пробѣлами.

Эту общую способность души называютъ *памятью* а ея проявленіе *репродукціей* (воспроизведеніемъ) или *ассоціаціей*. Огромная важность этой душевной способности вполне понятна. Природа повторяется. То, что раньше сопровождало извѣстныя обстоятельства или слѣдовало за ними, то вновь появляется при повтореніи тѣхъ же или сходныхъ обстоятельствъ; не безъ исключенія, но почти всегда. Репродуцируя или воспроизводя въ мысляхъ то, что существовало прежде, душа обладаетъ знаніемъ объективно существующаго еще раньше, чѣмъ оно прямо повліяло на нее. Она становится независимой отъ даннаго мѣста и времени. Она обозрѣваетъ скрытое прежде, чѣмъ оно стало видимымъ или осязуемымъ, и будущее, прежде, чѣмъ оно стало дѣйствительностью, и такимъ образомъ можетъ въ своихъ реакціяхъ приспособляться къ далекому по времени и пространству и проявлять въ борьбѣ съ вещами предусмотрительность и осторожность.

Слѣдуетъ еще упомянуть о часто происходящемъ особомъ случаѣ воспроизведенія. Подобно тому, какъ внѣшнія вещи въ своей послѣдовательности не совершенно отличны другъ отъ друга, а повторяются, такъ и въ своемъ одновременномъ существованіи онѣ имѣютъ между собою много сходныхъ чертъ. Но это сходство часто заключается въ томъ, что двѣ вещи имѣютъ нѣсколько общихъ частей, другія

же части ихъ совершенно различны. Таково, напр., сходство между двумя рѣсами, или между фотографіей и картиной, нарисованной красками, или между этими обоими изображеніями и оригиналомъ. Когда душа сознаетъ вещь со свойствами *abcd*, но въ то же время въ прежнемъ опытѣ познакомилась съ другой вещью со свойствами *cdef*, то легко становится, что она черезъ посредство общихъ чертъ *cd* будетъ привлечена отъ особенностей *ab* первой вещи къ особенностямъ *ef* второй и такимъ образомъ представить себѣ вторую. Итакъ, благодаря той же законмѣрности, которая обуславливаетъ воспроизведеніе событій, находившихся во временной связи другъ съ другомъ, и, слѣдовательно, по чисто внѣшнимъ условіямъ наступавшихъ многократно вмѣстѣ, мысли, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ перенестись къ сходному, т.-е. по существу родственному.

Конечно, душа, обладающая болѣе или менѣе обширнымъ опытомъ, по поводу каждаго наполняющаго ее переживанія въ состояніи воспроизвести множество прошлыхъ переживаній. Лежащія возлѣ меня для справки книги, наполовину скрывшійся за деревьями крестьянскій домъ, который я вижу черезъ окно на пригоркѣ, какъ и вообще почти все воспринимаемое мною въ данный моментъ, много разъ встрѣчалось мнѣ уже раньше, но во временной связи съ различными другими вещами; все это находится также въ отношеніяхъ сходства со всевозможными вещами. Значитъ, въ данное время несчетное множество представленій могло бы войти въ мое сознаніе, дополняя и обогащая его. Почему этого не происходитъ, я полагаю, объяснять не нужно; это является слѣдствіемъ той законмѣрности, съ которой мы познакомились нѣсколько раньше—узости сознанія. Равнымъ образомъ, мы отчасти ознакомились и съ тѣмъ, что обыкновенно руководитъ выборомъ представленій, дѣйствительно вступающихъ въ сознаніе изъ множества возможныхъ.

Особенно легко воспроизводятся переживанія, которыя сопровождались сильнымъ чувствомъ. Не легко забыть крупный успѣхъ или же тяжкое оскорбленіе; воспоминанія о нихъ всегда находятъ, такъ сказать, насторожѣ, готовые ярко возникнуть въ сознаніи при малѣйшемъ удобномъ случаѣ. При этомъ преобладающее значеніе, еще большее, чѣмъ при вниманіи, имѣетъ цѣнность представленій въ смыслѣ доставляемаго ими удовольствія. Поскольку мысли могутъ выбирать, онѣ рѣшительно предпочитаютъ пріятное при воспроизведеніи прошлыхъ переживаній, непріятное вытѣсняется на задній планъ. Душа не пренебрегаетъ непріятнымъ, пока оно является настоящимъ; оно для нея—хотя и не обязательно въ сознательной формѣ, но объективно—

признакъ опасности. Но когда душа преодолѣла это непріятное, когда оно прошло, она имѣетъ тенденцію держать его въ отдаленіи отъ себя. На этомъ основываются извѣстныя важныя явленія: примиряющая и исцѣляющая сила времени, рисованіе будущаго на основаніи радостнаго, а не горькаго и тяжелаго опыта, вѣчно создающееся у каждаго болѣе стараго поколѣнія представленіе о „добромъ старомъ времени“ и т. п.

Затѣмъ, дальнѣйшее направленіе хода представленій опредѣляется общимъ содержаніемъ сознанія въ данный моментъ: легче всего сознается при прочихъ равныхъ условіяхъ то, что имѣетъ больше всего точекъ соприкосновенія съ общей суммой дѣйствующихъ въ данное время впечатлѣній, что лучше всего подходитъ къ общему положенію дѣятельности сознанія въ данный моментъ. Одна и та же книга будитъ во мнѣ одни представленія, когда она лежитъ на моемъ письменномъ столѣ, и совершенно другія, когда я вижу ее на прилавкѣ книжнаго магазина. Одна и та-же мысль въ потемкахъ или во снѣ развивается совершенно иначе, чѣмъ днемъ и на яву. Если въ разговорѣ внезапно встрѣчается слово или цитата на чужомъ языкѣ, то ее часто не понимаетъ даже знающій этотъ языкъ; чуждые звуки не имѣютъ достаточной подготовки въ томъ, что только что говорилось, и, поэтому, они не могутъ сразу вызвать часто связывавшіяся съ нимъ представленія объ ихъ значеніи. Если же повторить эту цитату, то она легко вызываетъ отвѣтъ на чужомъ языкѣ, или же весь разговоръ начинаетъ вестись на немъ.

Наряду съ указанными двумя факторами, для конкретной формы общей ассоціативной закономерности имѣютъ значеніе и нѣкоторые другіе, которые и опредѣляютъ, въ соревнованіи съ двумя первыми и другъ съ другомъ, теченіе представленій въ данный моментъ. Въ послѣднія десятилѣтія часто и успѣшно пробовали уяснить ихъ природу и точную величину ихъ дѣйствія путемъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Примѣняли различные методы, добытые наблюденіемъ и цѣлесообразнымъ измѣненіемъ различныхъ способовъ, по которымъ совершается воспроизведеніе въ обыденной жизни и главнымъ образомъ въ школѣ. Напр., обычное произвольное воспроизведеніе, внезапно какъ бы вторгающееся въ сознаніе, примѣняется, чтобы пробудить, путемъ отдѣльныхъ сказанныхъ словъ и показанныхъ картинокъ, представленія и установить, каковы они, смотря по различію вліяющихъ на субъекта впечатлѣній, или по характеру этого вліянія, или же по различію лицъ, подвергающихся эксперименту; сколько времени въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проходитъ до наступленія воспроизведенія и т. п. Произвольное воспроизведеніе непосредственно передъ этимъ воспринятыхъ впечатлѣній, къ

которому приучаются въ школѣ при повтореніи за учителемъ или при диктовкѣ, примѣняютъ посредствомъ произнесенія или показыванія словъ, чиселъ, слоговъ, картинъ съ просьбой сейчасъ же написать или сказать все, что запомнилось; при этомъ можно дѣлать различные выводы на основаніи количества удержаннаго въ памяти въ каждомъ опытѣ, а также изъ числа ошибокъ и характера ихъ. Или же заставляютъ заучивать путемъ частаго повторенія болѣе богатый по объему матеріалъ до полнаго его усвоенія, какъ это дѣлается въ школѣ (*методъ заучиванія*), и изслѣдуютъ, сколько труда требуется для этого при различныхъ условіяхъ, а также сколько добавочной работы требуетъ воспроизведеніе заученнаго матеріала, спустя различное время. Наконецъ, заучиваніе словъ и хронологическихъ датъ положило основаніе для такъ называемаго *метода восполненія*, т.-е. для усвоенія матеріала съ попарно связанными членами и для позднѣйшаго воспроизведенія одного члена такой пары при указаніи другого. Благодаря такимъ приемамъ изслѣдованія удалось многое провѣрить и вполне доказать изъ того, что было уже извѣстно по прежнимъ не столь достовѣрнымъ опытамъ, и найти также кое-что новое. Мы коснемся нѣкоторыхъ фактовъ изъ этой области.

Особенно легко воспроизводится, при прочихъ равныхъ условіяхъ, то, что недавно находилось въ сознаніи. Вскорѣ послѣ воспроизведенія или запечатлѣнія опредѣленнаго содержанія послѣднее—если не какъ цѣлое, въ случаѣ большого объема, то урывками или небольшими частями—часто всплываетъ въ сознаніи по такимъ ничтожнымъ поводамъ, что кажется долгое время удерживающимся въ немъ (*персеверация*). Потомъ, возможность воспроизведенія уменьшается очень быстро, вещь забывается, и въ дальнѣйшемъ этотъ процессъ совершается изумительно медленно: я могъ спустя болѣе двадцати лѣтъ точно доказать слѣды отъ однократнаго заучиванія стихотворенія. Слѣдовательно, для души не легко что-нибудь пропадаетъ вполне, хотя возможность воспроизведенія по собственному желанію теряется очень скоро.

Самымъ важнымъ средствомъ для обезпеченія возможности воспроизведенія опредѣленнаго содержанія, кромѣ сосредоточенія на немъ вниманія, является частое его повтореніе. Этотъ факторъ изслѣдовался особенно часто, и въ результатѣ изслѣдованія получились два очень интересныхъ заключенія. Одно подтверждаетъ и оправдываетъ приемъ, цѣлесообразность котораго давно уже была признана на практикѣ. Чтобы запечатлѣть и надолго удержать въ памяти какой-нибудь учебный матеріалъ, не слѣдуетъ добиваться этого путемъ множества повтореній, сдѣланныхъ за

одинъ разъ, скорѣе, надобно распредѣлить повторенія на болѣе долгое время (на много разъ) съ меньшимъ количествомъ повтореній заразъ, т.-е. вновь и вновь возвращаться къ предмету и хотя бы нѣсколькими повтореніями снова вызывать его въ душѣ. Такимъ образомъ, овладѣть какимъ-нибудь предметомъ на долгое время невозможно безъ постояннаго повторенія, котораго нельзя замѣнить болѣе интенсивными занятіями въ короткій промежутокъ времени. Второй результатъ прямо противоположенъ инстинкту практики. При запечатлѣннн связнаго матеріала, напр., стихотворенія, монолога, который затѣмъ нужно точно воспроизводить въ первоначальной послѣдовательности его частей, не слѣдуетъ сначала разлагать его на мелкіе отрывки строфы, полустрофы, отдѣльныя предложенія, а потомъ объединять эти части въ цѣлое. Въ большинствѣ случаевъ оказывается болѣе экономнымъ, если душѣ представляютъ для воспріятія данное цѣлое сначала до конца, не дѣля его на отрѣзки, которые при послѣдующемъ воспроизведеніи легче утрачиваются.

Весьма интересное практическое примѣненіе получилъ недавно первый изъ названныхъ нами методовъ—методъ примѣненія произвольныхъ воспроизведеній. При помощи его пытались проникнуть въ тайники опредѣленной индивидуальной душевной жизни и раскрыть въ ней представленія или особенности ихъ жизни, которая съ трудомъ даются прямому наблюденію или же умышленно скрываются индивидуумомъ (*ассоціативная діагностика*). Для этого испытуемаго заставляють отвѣчать возможно скорѣй на цѣлый рядъ произносимыхъ передъ ними словъ-раздражителей (*Reizworten*), въ большинствѣ своемъ безразличныхъ, среди которыхъ, однако, попадаются временами нѣкоторыя, имѣющіе близкое отношеніе къ предполагаемому у испытуемаго комплексу представленій или къ другимъ предполагаемымъ у него особенностямъ. Если скрытыя представленія имѣють большое значеніе для изслѣдуемой душевной жизни, то въ даваемыхъ отвѣтахъ обнаружится ихъ существованіе такимъ или инымъ путемъ, даже противъ сознательной воли индивидуума. Предполагаемыя представленія будутъ просто вызваны повторяемыми словами или же, если испытуемое лицо смущается, старается отогнать все сильнѣе тѣсняющуюся впередъ реакцію и замѣнить ее ничѣмъ не значущей, то для этого требуется извѣстное время; слѣдовательно, наступленіе отвѣта будетъ замѣтнымъ образомъ задержано; часто даже при послѣдующихъ реакціяхъ. Въ другихъ случаяхъ изслѣдуемое лицо запутывается, благодаря своему стремленію къ безобиднымъ отвѣтамъ и необходимости отвѣчать быстро, и даетъ совершенно бессмысленные отвѣты.

Конечно, всегда замѣчались, что память у различныхъ индивидуумовъ весьма различна. Но и здѣсь также только новѣйшія изслѣдованія нѣсколько уяснили виды этихъ различій и, — по крайней мѣрѣ отчасти, — ихъ болѣе глубокое обоснованіе. Сюда относится, напр., различіе т. н. *типовъ памяти или воспріятія*. Разные виды ощущеній—звуки, цвѣта и т. д., для представленій разныхъ индивидуумовъ часто имѣютъ далеко не одинаковое значеніе. Одни (*зрительный типъ*) рѣшительно предпочитаютъ зрительныя представленія. Они легко и очень живо воспроизводятъ формы и цвѣта, такъ сказать, въ полу-чувственной формѣ видятъ предъ собою то, что думаютъ, и могутъ отчетливо различать въ немъ, что находится справа и слѣва, вверху и внизу. У другихъ (*слуховой типъ*) такая преобладающая роль принадлежитъ, скорѣе, слуховымъ представленіямъ, а у третьихъ—представленіямъ, вызываемымъ движеніями преимущественно рѣчевыхъ органовъ (*моторный или двигательный типъ*). Крайніе случаи преобладанія одного типа наблюдается очень рѣдко; съ ними связано, вѣроятно, выдающееся художественное или музыкальное дарованіе. Въ общемъ дѣло идетъ лишь о нѣкоторомъ преобладаніи того или иного рода представленій. Равнымъ образомъ, отношеніе индивидуума къ представленіямъ внѣшнихъ предметовъ отлично отъ его отношенія къ словамъ, которыя могутъ быть представлены какъ видѣнными, такъ и слышанными или членораздѣльно произнесенными. Естественно, поэтому, что эти индивидуальныя различія обуславливаютъ чрезвычайное разнообразіе проявленій памяти. Человѣкъ зрительнаго типа можетъ съ закрытыми глазами играть въ шахматы, произнести, послѣ нѣ котораго размышленія, наизусть заученную группу чиселъ въ прямомъ и обратномъ порядкѣ или же въ другой пространственной комбинаціи, что для человѣка слухового типа представляется совершенно загадкой. Первый легко смѣшиваетъ при воспроизведеніи элементы, сходные по виду, второй, т.-е. слуховой типъ—элементы, сходно звучащіе или находящіеся въ одномъ и томъ же мѣстѣ такта. Для слухового или моторнаго типа при запоминаніи представляетъ очень существенную помощь произнесеніе громко или въ полголоса воспринимаемаго матеріала, для зрительнаго это не имѣетъ значенія и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Claparède, L'association des idées (1903).—Экспериментальныя работы большей частью въ Zeitschrift für Psychologie (Bd. 6, 14, 22, 24, 35, 37 и 1 дополн. томъ) и въ Archiv f. d. ges. Psychologie. (Bd. 1, 2, 4).
Ассоціативная діагностика: Klein и Wertheimer, Psychologische Tatbestandsdiagnostik. Arch. f. Kriminalanthropol., Bd. 15 (1904).—

Jung и Riklin, Diagnostische Assoziationsstudien. Journal f. Psychol. und Neurol., Bd. 3—8.

Ученіе о типахъ памяти и воспріятія: L. Pfeiffer. Über Vorstellungstypen (1907). Experimentelle Untersuchungen über qualitative Arbeitstypen (1908).

А. Нечаевъ. Ассоціація сходства. 1905 г. В. Ивановскій. Ассоціаціонизмъ психологической и гносеологической. Ч. I. 1909.

Г. Челановъ. О памяти и мнемоникъ. 1900. Проданъ. О памяти въ связи съ современными теоріями изслѣдованія. Ч. I и II. 1900—01 г.

А. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія 2-ое изд. (1908).

§ 11. Упражненіе.

Этимъ словомъ обыкновенно обозначаютъ не единое по существу явленіе, а множество явленій, имѣющихъ ту общую черту, что они наступаютъ при частомъ повтореніи одинаковыхъ душевныхъ дѣятельностей, какъ въ томъ случаѣ, когда эти повторенія слѣдуютъ непосредственно другъ за другомъ, такъ и въ томъ, когда они отдѣлены небольшими промежутками. Эти явленія отчасти представляютъ собою естественныя послѣдствія уже рассмотрѣнной нами восполняющей и выбирающей дѣятельности души. Но лишь отчасти. Кое-что въ нихъ нельзя объяснить этими двумя дѣятельностями и потому нужно разсматривать, какъ проявленіе особенной, самостоятельной законмѣрности. Отъ этого различія между первичнымъ и производнымъ здѣсь слѣдуетъ, однако, отвлечься. Тогда дѣло будетъ идти о трехъ вещахъ.

Во первыхъ, при частомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же требованій къ душѣ, какого бы характера они ни были, она отвѣчаетъ на нихъ все съ большимъ и большимъ совершенствомъ. Это выражается различнымъ образомъ, соотвѣтственно разнымъ сторонамъ, которыя можно различать въ душевныхъ функціяхъ. Поскольку душевныя переживанія зависятъ отъ воздѣйствія внѣшнихъ раздраженій, т. е. въ области ощущеній, усовершенствованіе состоитъ въ утонченіи функцій: болѣе слабыя раздраженія становятся видимыми, слышимыми, ощущаемыми вкусомъ и т. д., а главнымъ образомъ, нами могутъ быть восприняты и правильно оцѣнены тѣмъ меньшія разницы цвѣтовъ, тоновъ, вѣса, движеній, пространственныхъ величинъ и т. д., чѣмъ чаще слѣдуютъ одно за другимъ объективныя воздѣйствія. Далѣе, когда функціи протекаютъ во времени, повторенія способствуютъ ихъ ускоренію, одно и то же число воспринимаемыхъ частныхъ обзрѣвается скорѣе, одинаковое число элементовъ запечатлѣвается въ памяти или воспроизводится въ меньшее время; повышается быстрота письма, чтенія, мышленія, выполненія движеній. Кромѣ того, поскольку функціи обладаютъ извѣстнымъ объемомъ, происходитъ его увеличеніе: въ неоднократно воспринятыхъ предметахъ

мы сознаемъ больше деталей; одновременно схватывается большее число различныхъ предметовъ; при повторномъ выполненіи извѣстныхъ дѣйствій принимается въ расчетъ большее число обстоятельствъ. Сюда же можно отнести и то, что опредѣленная дѣятельность при частомъ повтореніи можетъ быть продолжительнѣе. Наконецъ, поскольку функціи служатъ опредѣленнымъ цѣлямъ, онѣ становятся все экономнѣе и точнѣе, т. е. онѣ достигаютъ своей цѣли все съ меньшей затратой силы, все лучше и лучше избѣгая ненужныхъ, случайно присоединяющихся дѣятельностей, сопровождающихъ движеній и т. п. и все съ меньшимъ количествомъ ошибокъ и заблужденій.

Сюда присоединяется вторая особенность. Хотя часто отправляемая функція душа выполняетъ все легче, скорѣе и правильнѣе, но съ этимъ не связана необходимость болѣе легкаго сознанія ихъ отдѣльныхъ частей. Послѣднее бываетъ только въ томъ случаѣ, если въ этомъ направленіи дѣйствуютъ особенныя причины, какъ, напр., предвосхищающія представленія или необыкновенно большой интересъ. Если эти благопріятные моменты отсутствуютъ, то какъ разъ часто повторяющееся особенно легко не замѣчается и не сознается; сознаніе тѣмъ больше освобождается отъ него, чѣмъ чаще дѣйствовали соответствующія объективныя причины. Мы перестаемъ слышать продолжительный или правильно повторяющійся шумъ, напр., тиканіе часовъ, уличный гулъ, журчанье горнаго ручья, хотя путемъ соответствующаго направленія мыслей мы въ любой моментъ можемъ осознать съ полной силой эти ощущенія. Чтеніе, письмо, счетъ, игра на піанино и безчисленныя другія дѣятельности сначала выполняются медленно и съ отчетливымъ сознаніемъ каждаго отдѣльнаго шага и содержащихся въ немъ отдѣльныхъ впечатлѣній. Съ теченіемъ времени, послѣ множества повтореній, мы приобретаемъ возможность выполнять ихъ очень быстро, но при этомъ и, повидимому, благодаря этому мы совершенно утрачиваемъ отчетливое сознаніе отдѣльныхъ буквъ, цифръ и нотныхъ знаковъ.

Тѣмъ не менѣе—и въ этомъ состоитъ третья особенность—результаты несознаваемыхъ или слабо сознаваемыхъ промежуточныхъ членовъ не исчезаютъ, особенно результаты, проявляющіеся во внѣшнихъ движеніяхъ, объективныя слѣдствія душевныхъ реакцій на часто повторяющіеся ряды впечатлѣній остаются вполнѣ сохраненными. Бѣгло читающій не сознаетъ ясно отдѣльныхъ буквъ и даже словъ, хорошій піанистъ не сознаетъ отдѣльныхъ нотъ, но движенія органовъ рѣчи или пальцевъ, которыя были прочно связаны съ этими знаками при бывшемъ раньше сознательномъ воспріятіи ихъ, тѣмъ не менѣе, совершаются. То же

происходить, при всѣхъ другихъ медленно заучиваемыхъ и часто повторяемыхъ движеньяхъ, напр., шитьѣ и вязаніи, плаваніи и верховой ѣздѣ, танцахъ и катаніи на конькахъ; первоначально связанное съ ними сильное напряженіе сознательной душевной энергіи мало-по-малу дѣлается минимальнымъ; но самыя движенья остаются: они стали *автоматическими*.

Въ явленіяхъ упражненія передъ нами раскрывается, такимъ образомъ, усовершенствованіе приспособленія души къ окружающей обстановкѣ, въ которой она стремится къ самосохраненію. Благодаря законамъ ассоціации и воспроизведенія, она приспособляется къ часто повторяющимся процессамъ, предвосхищая ихъ усложненіе и теченіе раньше, чѣмъ они стали для нея чувственной дѣйствительностью. Въ упражненіи ея осуществляется еще болѣе глубокое приспособленіе къ особенно частымъ и потому въ общемъ особенно важнымъ процессамъ. Она воспринимаетъ ихъ особенно тонко, быстро и всесторонне и въ то же время встрѣчаетъ ихъ реакціями, много разъ испытанными въ смыслѣ цѣлесообразности и протекающими теперь особенно быстро, не имѣя необходимости дѣлать для этого сколько нибудь заслуживающей упоминанія затраты своихъ всегда ограниченныхъ силъ. Такимъ образомъ, не упуская повседнежнаго и потому важнаго, душа всегда сохраняетъ почти всю свою энергію для новаго, неожиданнаго, необычнаго.

ЛИТЕРАТУРА.

Ebert и Meumann, Einige Grundfragen der Psychologie der Übungsphänomene im Bereiche des Gedächtnisses (1904).

§ 12. Утомленіе.

Явленіе утомленія наступаетъ почти при тѣхъ же условіяхъ, что и упражненіе, а именно, когда повторенія какой-нибудь душевной дѣятельности слѣдуютъ очень часто непосредственно одно за другимъ. Но оно сказывается совершенно противоположнымъ образомъ; не какъ дальнѣйшее усовершенствованіе, а какъ ухудшеніе дѣятельности. Воспріимчивость къ внѣшнимъ раздраженіямъ и къ ихъ различіямъ притупляется; вниманіе сосредоточивается съ меньшей энергіей и становится болѣе узкимъ по объему; запоминаніе новыхъ представленій затруднено, воспроизведеніе того, что было уже усвоено, напр., при чтеніи, счетѣ, размышленіи, замедлено и ошибочно. То же происходитъ съ движеньями и поступками, которые являются внѣшними выраженіями душевныхъ реакцій: они совершаются медленнѣе, и не съ прежней ловкостью, они упрощаются, а при извѣстныхъ условіяхъ и совсѣмъ исчезаютъ.

Ясно, что утомление есть способъ защиты и самохраненія со стороны души. Ей вредно слишкомъ долгое и въ то же время слишкомъ сильное утружденіе опредѣленнымъ видомъ дѣятельности, она уже не можетъ справиться съ предъявленными къ ней требованіями и потому уклоняется отъ нихъ. Но благодаря непрерывности органическихъ функцій, она не можетъ успѣшно бороться со слишкомъ многимъ не начавъ этого дѣлать въ извѣстной степени уже при наличности немногаго. Первые слѣды утомленія проявляются, поэтому, очень скоро послѣ начала много разъ повторяющейся психической дѣятельности, а именно, прежде всего въ формѣ постепенно нарастающаго замедленія въ ея совершенствованіи, наступающемъ вслѣдствіе упражненія. Нерѣдко это приводитъ къ удивительному явленію: даже на долгое время прерванная дѣятельность непосредственно послѣ возобновленія выполняется лучше, чѣмъ въ концѣ предшествующаго періода упражненія. Приобрѣтенное прежде благодаря упражненію извѣстное совершенство въ данной дѣятельности продолжаетъ существовать, хотя въ нѣсколько ослабленномъ видѣ; но исчезло утомленіе, благодаря которому отчасти парализовывалось дѣйствіе упражненія и получается парадоксальная видимость, какъ будто способность къ дѣятельности прогрессировала во время отсутствія упражненія.

Важное практическое значеніе, которое имѣетъ утомленіе, благодаря своему отношенію къ нарушенію правильнаго функціонированія душевной жизни и организма, обусловило появленіе въ послѣдніе годы многочисленныхъ изслѣдованій, направленныхъ къ ближайшему выясненію зависимости между этими явленіями. Въ особенности много занимало умы утомленіе, вызываемое школьными занятіями. Но удовлетворительное разъясненіе этого вопроса могло быть достигнуто только отчасти, въ виду сложности предмета и трудности найти соотвѣтствующіе методы изслѣдованія. Часто пытались подойти къ вопросу, такъ сказать, извнѣ: напр., заключать объ умственномъ утомленіи по величинѣ и быстротѣ наступленія мускульнаго утомленія, вызываемаго, повторнымъ поднятіемъ какой-нибудь тяжести, или же измѣрять его ухудшеніемъ теченія опредѣленной формы ощущенія, именно, способности воспринимать прикосновеніе двухъ концовъ циркуля, раздвинутыхъ на небольшомъ разстояніи, какъ два прикосновенія. Однако, связь этихъ функцій съ общимъ умственнымъ утомленіемъ хотя и возможна, но спорна; пока намъ совершенно неизвѣстенъ характеръ и величина существующей въ данномъ случаѣ зависимости. При другихъ часто примѣняемыхъ приемахъ изслѣдованія — сложеніе многозначныхъ чиселъ, продолжительное сложеніе отдѣльныхъ цифръ, письмо подъ диктовку,

повтореніе произнесенныхъ словъ — умственная дѣятельность весьма односторонняя и проста, такъ что заключенія объ умственной усталости въ болѣе общемъ смыслѣ слова являются и здѣсь допустимыми не безъ оговорокъ; кромѣ того вѣрному выводу мѣшаетъ вначалѣ быстрое, благодаря упражненію, совершенствованіе въ исполненіи предлагаемой для испытанія работы. Напротивъ, при болѣе трудныхъ работахъ — переводахъ, рѣшеніяхъ математическихъ задачъ, осмысленномъ дополненіи отрывочныхъ текстовъ — не легко дать большое число задачъ равной трудности и сравнить такимъ образомъ результаты, полученные при разныхъ условіяхъ. Къ этому присоединяется, наконецъ, трудность, общая всѣмъ возможнымъ методамъ изслѣдованія. Даже когда у насъ не можетъ быть сомнѣній въ существованіи умственного утомленія въ томъ или иномъ его видѣ, мы все же пока не имѣемъ никакой возможности рѣшить, въ какихъ случаяхъ нужно считать его вреднымъ. Несомнѣнно, что оно нисколько не вредно при небольшихъ степеняхъ, иначе большинство людей давно повредили бы свой умъ. Судя по опыту тѣлеснаго утомленія, напр., при маршировкѣ, военныхъ упражненіяхъ, фехтованіи, возможно, что и болѣе сильное утомленіе вредно не всегда и не всѣмъ, напротивъ, при надлежащемъ отдыхѣ способность прекрасно переносить его все возрастаетъ. Гдѣ лежитъ граница допустимаго утомленія, — это пока неизвѣстно.

Итакъ, изслѣдованія, произведенныя до сихъ поръ, не позволяютъ опредѣленно судить ни о величинѣ, ни о вредѣ умственного утомленія при школьныхъ занятіяхъ. Но насколько можно довѣрять общему впечатлѣнію отъ этихъ изслѣдованій, нужно считать преувеличенными утвержденія о большомъ вредѣ современнаго метода преподаванія, конечно, если имѣтъ въ виду учениковъ, которые умственно не слишкомъ отстали отъ нормы.

ЛИТЕРАТУРА.

Многочисленныя работы по этому вопросу см. въ Psychologischen Arbeiten Kгаерelin'a, Bd. 1—4. — Кромѣ того: Zeitschrift für Psychol. и т. д. Bd. 6, 13, 24. — Griesbach, Energetik und Hygiene des Nervensystems (1895). Intern Arch. f. Schulhygiene Bd. 1 (1905). — Общій трудъ: Бинэ и Анри, Умственное утомленіе. М. 1899 г. — М. О f f n e r, Die geistige Ermüdung (1910). — Обстоятельный указатель литературы у W. B a a d e, Experimentelle und kritische Beiträge zur Frage nach den sekundären Wirkungen des Unterrichts insbesondere auf die Empfänglichkeit des Schülers (1907).

И. Сикорскій. О явленіяхъ утомленія при умственномъ трудѣ (Сборникъ, 3 т.), Виреніусъ и др. Рядъ статей въ Русской Школѣ съ 1890 г.

С. ВНѢШНІЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ДУШЕВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

13. Ощущенія и движенія.

Войдя въ соприкосновеніе съ душою, явленія внѣшняго міра даютъ ей поводъ къ образованію самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Въ зависимости отъ своихъ интересовъ и прошлаго опыта, она ихъ группируетъ, обогащаетъ и объединяетъ. Но наряду съ этимъ каждый разъ происходитъ еще нѣчто большее. Происходящія изъ внѣшняго міра и воспринимаемыя матеріальнымъ организмомъ воздѣйствія вновь разряжаются во внѣ; они всегда ведутъ за собой самыя разнообразныя движенія, которыя мы — оставляя въ сторонѣ болѣе глубокой смыслъ вещей, — можемъ разсматривать здѣсь, согласно популярному представленію, какъ внѣшнія реакціи души. Существующая въ данномъ случаѣ связь, благодаря сложности развитой душевной жизни, часто затемняется: извѣстнымъ впечатлѣніямъ мы отдаемъ пассивно, какъ въ грезахъ, или придаемъ большое значеніе тому, чтобы при самыхъ волнующихъ обстоятельствахъ сохранить исполненное достоинства спокойствіе и стоическое равнодушіе. Но первоначально эта связь существуетъ всегда. Первоначально на всякое воздѣйствіе внѣшняго міра душа отвѣчаетъ разнообразными движеніями: движеніями органовъ чувствъ, рукъ и ногъ, головы, органовъ рѣчи; движеніями внутреннихъ органовъ — сердца, кровеносныхъ сосудовъ, легкихъ и т. д. Мы не совсѣмъ еще ясно понимаемъ многія изъ этихъ реакцій, именно большинство *выразительныхъ движеній*, напр., измѣненія въ кровообращеніи и дыханіи, движенія смѣха, плача, дрожанія и др. Но въ движеніяхъ, которыя направлены непосредственно на внѣшній міръ или измѣняютъ существующее въ данный моментъ отношеніе къ нему организма, мы очень ясно можемъ различить двѣ характерныя особенности.

Одни движенія прямо направлены къ сохраненію организма при существующихъ обстоятельствахъ. Раздраженія, полезныя всему организму или его органамъ, другими словами, тѣ, которыя вызываютъ чувствованія удовольствія, мы удерживаемъ или позволяемъ имъ дѣйствовать продолжительно, или же они прямо поглощаются тѣломъ (*хватательныя движенія*). Наоборотъ, вредныя или разрушительныя раздраженія, которыя вызываютъ въ душѣ чувствованія неудовольствія, отталкиваются, и мы охраняемъ тѣло отъ ихъ вліянія (*оборонительныя движенія или движенія бѣгства*). Трудно остановиться на какомъ-нибудь одномъ примѣрѣ изъ множества приходящихъ на умъ. Если кусокъ пищи попадаетъ на корень языка, онъ проталкивается

вдоль по пищеводу въ желудокъ при помощи соотвѣтствующихъ мускульныхъ сокращеній и при одновременномъ закрытіи всѣхъ другихъ путей; если же случайно частица пищи попадетъ въ дыхательное горло, то кашлемъ она выбрасывается оттуда. Когда гладятъ ладонь маленькаго ребенка, его рука сжимается и удерживаетъ глядящій палець; но эта же рука быстро отдергивается отъ царапающаго пальца. Дитя впитываетъ, такъ сказать, въ себя спокойный умѣренный свѣтъ, фиксируетъ его, слѣдитъ за его движеніями глазами и головой; но оно отворачивается отъ него, если онъ слишкомъ силенъ и ярко вспыхиваетъ. Вытянувъ губки, ребенокъ переворачиваетъ языкомъ и смачиваетъ слюной пріятный и необходимый для него въ качествѣ составной части питанія сахаръ, пока онъ не растворится и не усвоится организмомъ; наоборотъ, горькій корешокъ дитя выбрасываетъ изо рта, втягивая назадъ свои губы. Когда ребенокъ голоденъ, онъ мечется въ поискахъ и кричитъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворена его потребность въ пищѣ; если же онъ сытъ, то лежитъ неподвижно, и начинающееся пищевареніе не нарушается приливомъ крови къ другой области и т. д.

Наряду съ этимъ существуетъ еще второй классъ прирожденныхъ реакцій. Если кошка видитъ мышь, она ловитъ и пожираетъ ее: это полезно для поддержанія ея жизни. Но прежде чѣмъ съѣсть мышь, кошка обычно выпускаетъ ее нѣсколько разъ и ловитъ снова, хотя при этомъ въ извѣстной степени рискуетъ упустить ее; когда кошка замѣчаетъ клубокъ шерсти или катящійся шарикъ, она поступаетъ съ нимъ такъ-же, какъ съ мышью, хотя въ несъдобности его она убѣждается съ самаго начала. Собака гложетъ брошенную ей кость: это питаетъ ее. Но она гложетъ также ножки столовъ и края ковровъ, хотя для питанія они совершенно не годятся. Она инстинктивно преслѣдуетъ бѣгущаго зайца и другихъ животныхъ, могущихъ служить ей добычей, но съ такимъ же рвеніемъ преслѣдуетъ себѣ подобныхъ, проѣзжающіе экипажи, всадниковъ и т. д., достиженіе которыхъ для нея не имѣетъ никакого смысла. То же наблюдается и у человѣка. Кромѣ подобныхъ вышеупомянутыхъ реакцій удерживанія и отталкиванія, онъ на множество получаемыхъ имъ впечатлѣній отвѣчаетъ первоначально и непосредственно движеніями, которыя не имѣютъ никакого прямого отношенія къ его самосохраненію: топаніемъ и барахтаніемъ, разрываніемъ и составленіемъ, возней съ вещами и своими членами, борьбой съ себѣ подобными и т. д. Люди и животныя не только борются съ вещами, они также играютъ съ ними. То, что осуществляется въ этихъ играхъ, что составляетъ ихъ смыслъ, это дѣятельность

ихъ органовъ и реализація ихъ силъ, развитіе, упражненіе и поддержаніе присущихъ имъ способностей. Какъ и при охранительныхъ движеніяхъ, сопровождающимъ явленіемъ или цѣлью этихъ дѣйствій, съ психической точки зрѣнія, служитъ получение удовольствія или избѣжаніе неудовольствія. Широкое использование силъ и достиженіе хотя-бы въ игрѣ поставленной цѣли въ высшей степени пріятны; покой, полная бездѣятельность мучительны и невыносимы.

Съ этой непосредственной полезностью игры для организма косвенно связывается еще другое значеніе ея. Проявляющіяся въ игрѣ способности и силы, конечно, тѣ же, что дѣйствуютъ и при борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ. Пуская ихъ въ ходъ и тѣмъ самымъ упражняя ихъ, играющій будетъ ловчѣе дѣйствовать и при самосохраненіи. Животное, играя въ выслеживанье, гоньбу и хватаніе мнимой добычи, приобрѣтаетъ навыкъ и совершенствуется вмѣстѣ съ тѣмъ свою готовность къ борьбѣ съ настоящей добычей. Вотъ почему движенія игры, хотя они по своему характеру и ближайшимъ цѣлямъ отличны отъ движеній, направленныхъ къ самосохраненію, слѣдуетъ разсматривать какъ подготовительныя упражненія къ послѣднимъ. И біологически игры приобрѣли такое большое значеніе, быть можетъ потому, что сильное влеченіе къ игрѣ означаетъ большое преимущество въ борьбѣ за существованіе, и что индивидуумы, отъ природы менѣе расположенные къ игрѣ, легче погибаютъ.

Борьба и игра сопровождаютъ всю жизнь человѣка и животныхъ, но конечно въ различной степени. Сначала молодое животное и въ особенности ребенокъ охраняются и поддерживаются родителями. Поэтому, у нихъ существуетъ меньше поводовъ къ собственнымъ движеніямъ самосохраненія, да къ тому же они не имѣютъ еще достаточно силъ и опыта для успѣшнаго веденія борьбы за самосохраненіе. Съ достиженіемъ же зрѣлаго возраста индивидуумъ обычно всецѣло погруженъ въ заботу о сохраненіи силъ, такъ что для игры лишь изрѣдка остается излишекъ ихъ. Поэтому-то играетъ преимущественно молодежь, забота же объ охраненіи лежитъ преимущественно на старшихъ.

Какъ уже раньше было сказано, движенія самосохраненія и игры представляютъ собою данныя съ самага начала, первичныя, двигательныя реакціи организма. Конечно, многія изъ нихъ могутъ выработаться лишь постепенно, путемъ приспособленія къ особннымъ условіямъ и послѣ достиженія индивидуумомъ полного господства надъ своими органами движенія; но громадное большинство ихъ существуетъ съ самага начала непосредственно, безъ всякаго

обученія. Приобрѣтеніе и выработка ихъ—дѣло жизни прошлыхъ поколѣній; въ настоящее время это—приданое, съ которымъ рождается каждый, и которое обуславливаетъ возможность его цѣлесообразнаго поведенія по отношенію къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, а также даетъ матеріаль для всѣхъ его будущихъ поступковъ. Матеріальный субстратъ, съ которымъ они связаны и съ которымъ они передаются—это подкорковые центры (стр. 37). Въ этихъ центрахъ полученныя извнѣ возбужденія, смотря по мѣсту, силѣ и комбинаціи ихъ, посредствомъ опредѣленныхъ врожденныхъ сочетаній нервныхъ элементовъ проводятся по опредѣленнымъ путямъ далѣе и передаются мускуламъ; такимъ образомъ, различныя объективныя раздраженія всегда получаютъ въ отвѣтъ опредѣленныя и постоянно одинаковыя реакціи. Эти реакціи называютъ, смотря по сложности и быстротѣ ихъ или сходству съ сознательно цѣлесообразными движеніями—*рефлекторными движеніями, движеніями по влеченію и инстинктами*. Но сущностью этихъ процессовъ остается всегда одно и то же: противоѣдѣствіе органовъ движенія, слѣдующее непосредственно въ отвѣтъ на внѣшнее воздѣйствіе и прямо или косвенно способствующее сохраненію организма.

Л И Т Е Р А Т У Р А

По вопросу о біологическомъ значеніи игръ: K. Groos, Die Spiele der Tiere. 2 изд. (1907). Die Spiele der Menschen (1899).

§ 14. Представленія и движенія.

Въ указанныхъ чисто рефлекторныхъ реакціяхъ тѣла не принимаетъ участія сознание, такъ же какъ и органъ его—большой мозгъ. Будучи врожденными, онѣ являются для сознательной душевной жизни чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ, подобно процессамъ внѣшняго міра. Но когда онѣ совершаются, то вступаютъ въ тѣсныя отношенія къ сознанию и потому весьма скоро втягиваются въ его общій механизмъ.

Эти отношенія образуются въ двухъ направленіяхъ. Одно идетъ, такъ сказать, къ душѣ. Это то же отношеніе, которое существуетъ между душой и другими внѣшними процессами: когда совершаются какія-либо изъ указанныхъ движеній, то они, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, воспринимаются нами. Ихъ причины внѣ души, но дѣйствія—въ душѣ. Эти движенія отчасти видимы, отчасти служатъ поводомъ къ возникновенію кожныхъ ощущеній, но прежде всего и всегда они имѣютъ для души значеніе кинѣстическихъ ощущеній (стр. 61) т. е. значеніе впечатлѣній, рождающихся въ суставахъ, сухожиліяхъ и мускулахъ. Ко-

нечно, эти кинэстетическія ощущенія ассоціируются въ душѣ съ вызванными одновременно съ ними слуховыми, зрительными и другими впечатлѣніями, и когда эти послѣднія возобновляются при отсутствіи раньше сопровождавшаго ихъ движенія, то соотвѣтствующее этому движенію кинэстетическое содержаніе сознанія все таки воспроизводится, какъ представленіе. Это же имѣетъ значеніе для второго отношенія, такъ сказать, идущаго отъ души и являющагося основнымъ закономъ для всякаго опосредствованнаго движенія: кинэстетическія представленія имѣютъ тенденцію вызывать какъ разъ тѣ движенія, которымъ сами обязаны своимъ возникновеніемъ. Одна лишь мысль о томъ, что испытываетъ человѣкъ, производя опредѣленное движеніе, при ея достаточной живости, вызываетъ и самое движеніе. Мотивъ танца пробуждаетъ кинэстетическія представленія размѣренныхъ наклоненій тѣла во время танца, и они проявляются въ легкомъ качаніи тѣла или головы. Живыя мысли стремятся вылиться въ слова; часто отчетливо ощущается наклонность губъ двигаться и, если умышленно не подавлять ее, дѣло доходитъ до шептанія словъ. Даже живое представленіе о движеніяхъ чужого тѣла обладаетъ силой воплотиться въ дѣйствительномъ движеніи. Сначала оно вызываетъ болѣе близкое представленіе соотвѣтствующихъ движеній собственнаго тѣла, потомъ эти движенія выполняются въ дѣйствительности. Это доказываютъ разнообразныя движенія рукъ и корпуса, которыми возбужденные игроки на билліардѣ или въ кегли указываютъ направленіе своимъ шарамъ.

Благодаря этому вовлеченію первоначально чисто рефлекторныхъ реакцій въ сознательную душевную жизнь и ихъ предвосхищенію въ представленіяхъ, онѣ обращаются иногда въ желаемыя движенія.

Дитя видитъ нѣчто блестящее, бѣлое; оно хватается его и, какъ обычно дѣлаютъ дѣти, рефлекторно подноситъ ко рту. Случайно схваченное имъ оказывается кускомъ сахара; онъ замѣчательно вкусенъ, ребенокъ крѣпко держитъ его, сосетъ и сѣдаетъ. Всѣ испытанныя при этомъ переживанія—видъ предмета, движенія рукъ и кисти, очень пріятный вкусъ и сосательныя движенія—такъ близки другъ къ другу по времени, что они ассоціируются другъ съ другомъ, и эта ассоціація становится тѣмъ прочнѣе, чѣмъ чаще повторяется подобный опытъ. Поэтому, въ послѣдующихъ случаяхъ ребенокъ, при взглядѣ на кусокъ сахара, тотчасъ-же будетъ предвосхищать въ представленіяхъ его пріятный вкусъ, такъ же, какъ и ощущенія, исходившія отъ движенія рукъ и сосанія, которыя присоединились къ этому вкусу, и эти представленія вызовутъ болѣе

или менѣе сильное стремленіе къ выполнению соотвѣтствующихъ движеній: рука будетъ протягиваться, ротъ и языкъ дѣлать сосательныя движенія, даже въ томъ случаѣ, если сахаръ случайно лежитъ такимъ образомъ, что его нельзя сразу достать, а можно видѣть лишь издали. Сознаніе ребенка въ такомъ случаѣ содержитъ все то, что по вышеизложенному (стр. 93) составляетъ волю: эмоціонально окрашенное чувственное впечатлѣніе (зрительное воспріятіе сахара), различныя ощущенія движенія и напряженія (отъ вызваннаго двигательнаго возбужденія) и представленіе пріятнаго конечнаго результата. Тогда ребенокъ хочетъ имѣть сахаръ, т. е. движенія, примыкавшія первоначально чисто внѣшнимъ образомъ къ впечатлѣнію, и результаты этихъ движеній, теперь сперва проходятъ черезъ душу, по крайней мѣрѣ въ формѣ представленій, и ихъ объективное осуществленіе обусловливается, помимо наличности первичнаго рефлекторнаго механизма, также и этимъ душевнымъ предвосхищеніемъ.

Матеріальная основа этого тѣснаго сцѣпленія движеній съ происходящими отъ ихъ выполненія кинѣстетическими представленіями лежитъ въ строеніи большого мозга. Тѣ участки большого мозга, которые связаны центробѣжно съ начальными клѣтками извѣстной комбинаціи движеній въ подкорковыхъ центрахъ, въ то же время тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ конечными этапами кинѣстетическихъ возбужденій, зависящихъ отъ выполненія именно этихъ движеній и притекающихъ центростремительно къ мозговой корѣ. Если въ этихъ областяхъ, черезъ посредство ассоціаціонныхъ путей, приходитъ въ возбужденіе группа клѣтокъ, соотвѣтствующая извѣстному движенію, то мы душевно переживаемъ вызванное ассоціаціей представленіе о томъ, что испытывали при выполненіи этого движенія. Матеріально же возбужденіе, достигшее элементовъ мозговой коры, разряжается въ связанныя съ ними моторныя клѣтки подкорковыхъ центровъ и мысленно представленное, при извѣстныхъ условіяхъ желаемое движеніе сейчасъ же выполняется реально (если одновременно нѣтъ подавляющаго его вліянія).

Эта взаимная связь вещей проявляется и въ обратномъ порядкѣ. Чтобы движеніе было вызвано самой душой, т. е. сознательно, сначала должны быть пробуждены соотвѣтствующія кинѣстетическія представленія, т. е. они должны быть воспроизведены другими представленіями. Хотѣть можно лишь то, что по крайней мѣрѣ въ элементахъ было уже выполнено, именно рефлекторно выполнено, благодаря этому узно и въ то же время ассоціативно связано съ другими впечатлѣніями. Напротивъ, если мы не знаемъ о

переживаніяхъ, сопровождающихъ выполненіе движеній, и если выполненіе этихъ движеній не сопровождается регулярно другими опредѣленными ощущеніями, то такія движенія нельзя создать самой думѣ, т. е. произвольно и намѣренно. Дѣти владѣютъ физически языкомъ лишь постольку, поскольку они случайно, т. е. по тѣлеснымъ причинамъ, которыхъ мы вполне не знаемъ, попали на встрѣчающіеся въ немъ звуки. Такъ какъ это обычно наступаетъ весьма поздно для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ, напр. *к, р, ш*, то несмотря ни на какія подсказыванія, проходитъ много времени, пока ребенокъ научится выговаривать ихъ. Конечно, лишь въ томъ случаѣ, если дѣти не глухи; потому что тогда кинѣстетическія ощущенія, появляющіяся при рефлекторномъ произнесеніи звуковъ языка, не могутъ ассоціироваться и, слѣдовательно, не могутъ воспроизводиться. Многіе взрослые знаютъ, что при изученіи звуковъ до сихъ поръ чуждаго языка, напр., язычнаго *р* вмѣсто язычковаго *р* или французскихъ носовыхъ звуковъ—величайшія старанія оказываются тщетными, пока не придетъ на помощь случайное уклоненіе при произнесеніи сходныхъ звуковъ, пока мы не набредемъ на звукъ, такъ сказать, случайно. Тогда только мы овладѣваемъ его произношеніемъ.

Для общихъ цѣлей души имѣетъ огромное значеніе вмѣшательство и вплетеніе прирожденныхъ рефлекторныхъ реакцій тѣла въ ея сознательную дѣятельность, говоря матеріально—въ теченіе процессовъ мозговой коры. Вѣдь столкнувшись съ болѣе сложными явленіями жизни молодой организмъ—при всей цѣлесообразности рефлексовъ для его начальнаго сохраненія—съ одной ихъ помощью далеко не уйдетъ. Этимъ рефлексамъ свойственны большіе недостатки. Рефлекторное движеніе слѣдуетъ только какъ реакція на раздраженіе, дѣйствующее на организмъ въ данный моментъ и непосредственно. Но часто раздраженія, весьма сходныя и потому сопровождающіяся одними и тѣми же рефлексами, имѣютъ весьма различныя послѣдствія. Ядовитыя вещества по виду заманчивы и на вкусъ такъ же пріятны, какъ и цѣлебныя; врагъ маскируется, выглядитъ и держитъ себя такъ же доброжелательно, какъ и другъ. Рефлекторное дѣйствіе не можетъ достаточно примѣниться къ подобнымъ фактамъ. Оно сначала будетъ соотвѣтствовать обманчивой внѣшности пріятнаго и полезнаго. Если затѣмъ наступаютъ вредныя послѣдствія, оно дѣлается другимъ и вступаетъ въ соотвѣтствіе съ послѣдними, но въ большинствѣ случаевъ это бываетъ слишкомъ поздно: оно не оказалось достаточно дальновиднымъ. Кромѣ того, рефлексы представляютъ собою разъ навсегда готовые и дѣйствующіе всегда одинаковымъ образомъ механизмы. Въ этомъ заключается ихъ громадное преимущество, въ осо-

бенности для молодого организма: если бы всему, что необходимо для его жизни, ему нужно было научиться, то онъ сразу погибъ бы. Но именно поэтому рефлексy приспособлены не ко всевозможнымъ случайностямъ, а лишь къ наиболѣе обычнымъ явленіямъ, вѣдь немыслима же опредѣленная подготовка къ безконечному разнообразію обстоятельствъ. Они не измѣняются и не совершенствуются примѣнительно къ особымъ переживаніямъ и опыту даннаго индивидуума. Рефлексy были и будутъ прочно закрѣпившимися явленіями средняго порядка, представляя собою цѣлесообразныя приспособленія къ общей обстановкѣ жизни цѣлаго класса существъ; до сообразованія съ непривычной или запутанной комбинаціей обстоятельствъ они обыкновенно не поднимаются.

Эти недостатки устраняются тѣмъ, что возбужденія, доведенныя извнѣ до нервной системы, не ограничиваются подкорковыми центрами, но тотчасъ распространяются дальше къ корѣ большого мозга и здѣсь вступаютъ въ новыя связи, сообразно ихъ постояннымъ или производимымъ особенное впечатлѣніе сопровождающимъ обстоятельствамъ и слѣдствіямъ. Благодаря этому, отвѣтомъ на нихъ служатъ новыя комбинаціи движеній. Схематическій примѣръ показываетъ лучше всякихъ общихъ разъясненій,

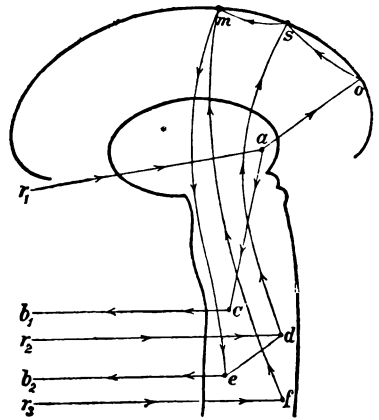

Рис. 15. Схематическое поясненіе возникновения произвольныхъ движеній изъ рефлексовъ.

какъ это возможно. Пословица гласитъ: „ожегшись на молоко, дуютъ и на воду“. Ребенокъ видитъ огонь, хватается его, обжигается и отдергиваетъ рученку. Въ этомъ процессѣ сначала участвуютъ подкорковые центры. Зрительное раздраженіе r_1 (рисунокъ 15) вызываетъ въ нихъ, черезъ находящіяся въ зрительныхъ буграхъ и спинномъ мозгу станціи a и c , хватательное движеніе b_1 . Когда оно совершается и при этомъ сопровождается сильной болью, оно вліяетъ на спинной мозгъ, какъ новое раздраженіе r_2 , которое черезъ d и e вызываетъ рефлексорное движеніе отдергиванія b_2 . Последнее, вмѣстѣ съ сопровождающимъ его чувствомъ удовлетворенія по поводу прекращенія боли, образуетъ третье раздраженіе r_3 , возможные послѣдствія котораго насъ, однако, здѣсь не интересуютъ. Но въ то время, какъ раздраженія r вызываютъ въ подкорковыхъ центрахъ указан-

ныя движенія, они излучаютъ часть своей энергіи дальше къ корѣ большого мозга и раздражаютъ здѣсь мѣста o , s и m оптической, чувствительной и кинѣстетически-двигательной сферы. Эти возбужденія распространяются навстрѣчу другъ другу по ассоціаціоннымъ путямъ, соединяющимъ три указанные пункта (o , s и m) и въ результатѣ, вслѣдствіе только что упомянутой связи, отводятся къ e , т. е. къ центру спинного мозга, которымъ иннервируется движеніе отдергиванія, воспринятое, какъ r^3 . Благодаря этому путь $o s t e$ дѣлается сравнительно съ другими хорошо проводящимъ и легко возбудимымъ и, если послѣ этого повторяется снова зрительное раздраженіе отъ огня, то оно находитъ въ немъ новую дорогу, опредѣляющую его дальнѣйшее проведеніе, которая прежде не была такъ подготовлена. Возбужденіе, раздваивающееся въ a идетъ частью къ c , чтобы вызвать здѣсь, какъ и раньше хватательный рефлексъ b_1 — частью же направляется въ кору большого мозга къ o , распространяется отсюда, черезъ пункты s и m , — на этотъ разъ непосредственно, не ожидая предшествующихъ возбужденій этихъ пунктовъ — къ e и вызываетъ здѣсь рефлексъ отдергиванія, который подавляетъ антагонистическое движеніе схватыванія въ моментъ его возникновенія.

Такимъ образомъ, реакція нервной системы, благодаря участию большого мозга, органа сознанія, становится предвидящей. Она уже не простой отвѣтъ на непосредственно дѣйствующее чувственное раздраженіе; на основаніи производшаго сильное впечатлѣніе прежняго переживанія, она можетъ противодѣйствовать такому вредному послѣдствію, которое еще не стало дѣйствительностью. Такимъ путемъ постепенно совершенствуется окаменѣвшая закономѣрность первоначальнаго механизма рефлексовъ: отвѣты на внѣшнія раздраженія, послѣдовавшіе при вмѣшательствѣ сознательной душевной жизни, вслѣдствіе накопившагося опыта, все болѣе и болѣе цѣлесообразно приспособляются какъ къ отдаленному во времени и пространствѣ, такъ и къ своеобразнымъ, уклоняющимся отъ средней нормы комбинаціямъ обстоятельствъ.

ЛИТЕРАТУРА.

A. Fouillée, La psychologie des Idées-Forces (1893)—L'Évolutionisme des Idées-Forces (1908). Весьма поучительны и относящіяся сюда отдѣлы изъ психологическихъ сочиненій Джемса.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Сложныя явленія душевной жизни.

А. ЖИЗНЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

§ 15. Воспріятіе.

1. *Общая характеристика.* Душа подвергается въ каждый данный моментъ ея бодрствующаго состоянія массѣ внѣшнихъ впечатлѣній; глаза и уши, кожа и другія внѣшнія чувства всегда пребываютъ въ дѣятельномъ состояніи, чтобъ держать ее въ курсѣ дѣла относительно явленій внѣшняго міра и измѣненій, происходящихъ въ собственномъ тѣлѣ. Однако, благодаря присущей душѣ особой закономѣрности, ея фактическія переживанія, являющіяся результатомъ получаемыхъ ею воздѣйствій, въ высокой степени отличаются отъ простой суммы ощущеній, которыя могли бы быть вызваны этими внѣшними раздраженіями самими по себѣ, т. е. отличается отъ того, что дошло бы до сознанія, если-бы душа имѣла исключительно чувственную организацію. Душевные переживанія опредѣляются также,—конечно при первенствующемъ участіи ощущеній,—еще всѣми другими законами душевной жизни, благодаря чему они пріобрѣтаютъ во многихъ отношеніяхъ особенный характеръ. Въ отличіе отъ простаго мысленно изолированнаго ощущенія дѣйствительное душевное переживаніе называется *воспріятіемъ*.

Если мы перевернемъ газетный листъ, онъ будетъ выглядѣть совершенно иначе, чѣмъ когда мы его держимъ правильно; ландшафтъ, на который мы смотримъ въ необыкновенной позѣ, напр., нагнувшись внизъ головой и глядя въ образовавшійся между ногами промежутокъ, покажется намъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ обыкновенно. Въ одномъ случаѣ, при необычномъ способѣ разсматриванія, мы видимъ множество разбросанныхъ непонятныхъ подробностей, линий, фигуръ, цвѣтныхъ пя-

тень; въ другомъ — смотря правильно — опредѣленные и знакомые предметы, осмысленно объединенные въ отдѣльныя группы или въ одно большое цѣлое. Первое есть результатъ, обусловленный по преимуществу одной только дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ, ибо вліяніе психическихъ законовъ, благодаря неправильному распорядку впечатлѣній не могло здѣсь проявиться. Второе есть дѣйствительное, нормальное переживаніе развитой души.

Разница между ними обусловлена участіемъ вниманія, памяти и упражненія.

Прежде всего, въ каждомъ данномъ актѣ воспріятія до сознанія доходитъ гораздо меньше, чѣмъ это было-бы возможно, если судить по количеству воздѣйствующихъ въ данную минуту на душу объективныхъ раздраженій. Въ зависимости отъ эмоциональнаго значенія воздѣйствій, отъ прежняго душевнаго опыта, отъ наполняющихъ душу въ данный моментъ мыслей, какія-нибудь одни содержанія получаютъ преимущественное значеніе на счетъ многочисленныхъ другихъ, объективныя причины которыхъ также существуютъ и дѣйствуютъ на органы внѣшнихъ чувствъ. Я воспринимаю вполнѣ сознательно только небольшую часть предметовъ, запечатлѣвающихъ каждый моментъ на моей сѣтчаткѣ, да и то-лишь благодаря нѣкоторымъ ихъ особенностямъ; далѣе, если я воспринимаю въ данный моментъ видимыя предметы, то всѣ одновременно слышимыя или осязаемыя вещи легко могутъ остаться незамѣченными. Въ благопріятномъ положеніи оказывается при этомъ главнымъ образомъ то, что въ интересахъ повседневной жизни для насъ важно, что практически интересно, практически неважное, напротивъ, нами пренебрегается. Различные оттѣнки складокъ платья обыкновенно мало замѣчаются; сознаніе, что все платье сдѣлано изъ „одной и той-же“ матеріи, практически важнѣе, потому получаетъ перевѣсъ. Многія совершенно повседневныя вещи, какъ, напр., зрительныя слѣды, обертоны, дифференціальныя тоны, вслѣдствіе ихъ малаго практическаго значенія остаются незамѣченными въ теченіе всей жизни большинства людей.

Зато, съ другой стороны, воспріятіе содержитъ также гораздо больше, чѣмъ это было бы возможно, вслѣдствіе воздѣйствія однихъ только объективныхъ раздраженій; душа тотчасъ-же обогащаетъ и оплетаетъ проникающія въ нее исключительно путемъ органовъ чувствъ впечатлѣнія всевозможными представленіями, заимствованными изъ ея прежняго опыта. То, что она при сходныхъ условіяхъ раньше регулярно или особенно часто переживала, то она теперь мысленно вкладываетъ въ чувственно-данное, истолковывая или дополняя его тѣмъ живѣе и настойчивѣе, чѣмъ чаще испытывались ею сходныя впечатлѣнія. Такъ,

напр., мы сразу видимъ по вещамъ, каковы онѣ наощупь или на вкусъ, горячи или холодны, гладки или шероховаты, легки или тяжелы, хотя глазами этого, конечно, увидѣть нельзя. Вообще, все наше знаніе вещей, ихъ свойствъ и ихъ названій, всякое пониманіе ихъ значенія и употребленія состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ мысленномъ присоединеніи впечатлѣній, усвоенныхъ раньше при помощи другихъ органовъ чувствъ. Какъ велико стремленіе къ этому мысленному присоединенію, можно ясно видѣть на рисункахъ дѣтей и нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ. Въ нихъ передается не непосредственно видѣнное; данная непосредственно органами чувствъ перспектива для нихъ не существуетъ. По поводу нѣкоторыхъ чувственно воспринятыхъ данныхъ рисовальщикъ сообщаетъ все, что онъ вообще знаетъ о предметѣ и что для него практически важно: такъ, напр., онъ рисуетъ два глаза на видимыхъ въ профиль лицахъ, одинаково длинныя ножки въ столахъ и стульяхъ, близко и далеко находящіяся предметы въ одинаковомъ размѣрѣ и т. д. Поучительны бываютъ и нѣкоторыя патологическіе случаи. Вслѣдствіе болѣзненныхъ процессовъ въ мозгу иногда нарушается обогащеніе впечатлѣній путемъ ассоціацій; тогда у насъ имѣется чистое ощущеніе, которое бываетъ только въ первое время жизни безъ узнаванія и пониманія объектовъ. Нѣкоторые больные видятъ, напр., формы и цвѣта вещей совершенно вѣрно, что можно доказать; они въ состояніи ихъ нарисовать или изобразить въ краскахъ. Тѣмъ не менѣе они не могутъ вѣрно назвать видѣнное или указать его назначеніе; они самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ спутываютъ одно съ другимъ, и только путемъ осязанія познаютъ видимое (*душевная слѣпота*). Другіе больные, при отсутствіи замѣтнаго поврежденія чувствительности кожи, не въ состояніи распознать предметы при помощи ощупыванія (*параличъ осязанія*). Но какъ только имъ позволяютъ посмотретьъ на нихъ, они тотчасъ же узнаютъ, съ чѣмъ имѣютъ дѣло.

Для процесса воспріятія характерна еще третья особенность. И при видѣ перевернутой верхомъ внизъ картины или газеты мы различаемъ внутри цѣлаго отдѣльныя части. Но это дѣлается по чисто внѣшнимъ соображеніямъ: отдѣленные другъ отъ друга пустымъ пространствомъ или ограниченныя черными линіями группы воспринимаются на шимъ сознаніемъ въ извѣстномъ смыслѣ изолированно; то можно сказать и относительно смежныхъ поверхностей одинаковой или сходной окраски; но то, что мы называемъ обыкновенно дѣйствительной связью вещей, совсѣмъ не играетъ при этомъ никакой роли. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ воспріятіемъ развитого сознанія. При бѣгломъ взглядѣ на комнату я сразу различаю столы, стулья,

картины и т. д., какъ отдѣльныя самостоятельныя вещи. Точно также при взглядѣ вдаль—отдѣльные дома, деревья, дороги и т. д. Тутъ я руководствуюсь, однако, уже не простой пространственной связью частей этихъ вещей или сходствомъ ихъ окраски. Для тѣлеснаго глаза ножки кресла находятся ближе къ ковру или ножкамъ сосѣдняго стола, чѣмъ къ спинкѣ того-же кресла, да и по виду ножки не похожи на спинку; однако, глазъ при участіи души объединяетъ въ воспріятіи то и другое въ одно цѣлое. Когда я рассматриваю портретъ, поставленный внизъ головой, то темные волосы сливаются въ одно цѣлое съ темнымъ фономъ, а лицо выдѣляется изъ того и другого въ видѣ свѣтлаго пятна. Въ правильно постановленномъ портретѣ, напротивъ, темные волосы и лицо образуютъ одно цѣлое съ остальнымъ тѣломъ. Я вижу изображеніе человѣка, выступающее на фонѣ, какъ бы ни былъ онъ сходенъ съ отдѣльными частями портрета и какъ бы ни отличались эти послѣднія одна отъ другой по своей окраскѣ и т. п. Значитъ, въ воспріятіи до нашего сознанія доходитъ совершенно иное расчлененіе вещей, чѣмъ то, которое было бы вызвано простымъ раздраженіемъ органовъ чувствъ. Мы объединяемъ или раздѣляемъ въ воспріятіи группы раздраженій не по непосредственно присущимъ имъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ второстепеннымъ свойствамъ, а по ихъ принадлежности другъ къ другу, т. е. по тѣмъ сочетаніямъ, въ которыхъ онѣ постоянно встрѣчаются намъ.

Въ основѣ этого различія между воспріятіемъ и ощущеніемъ лежитъ законъ упражненія, наряду съ памятью и вниманіемъ, которыя также имѣютъ здѣсь значеніе. Дѣйствіе же его обусловлено одной особенностью событій внѣшняго міра, которая кажется едва заслуживающей вниманія; именно тѣмъ, что группы объективныхъ раздраженій, дѣйствующихъ въ различное время на нашу душу, не бываютъ ни въ точности одинаковыми, ни вполнѣ отличными другъ отъ друга, а представляютъ собою нѣчто среднее, отчасти совпадающее или, по крайней мѣрѣ, подобное прежде воспріятымъ группамъ раздраженій, отчасти же отъ нихъ отличающееся. Это съ необходимостью влечетъ за собой различное отношеніе къ нимъ души. Ребенокъ видитъ свою мать то въ столовой, то въ кухнѣ, то на улицѣ; одинъ разъ она занята чтеніемъ, другой хозяйствомъ и т. д. Не считая незначительныхъ различій, впечатлѣнія, получающіяся при этомъ отъ личности матери, постоянно остаются въ высшей степени сходными, почти одинаковыми: черты лица, голосъ, одежда и т. д.; окружающее же, напротивъ въ высшей степени разнообразно и часто мѣняется. Ясно, что вслѣдствіе упражненія часто повторяющіяся въ одинаковомъ сочета-

ніи впечатлѣнія должны яснѣе и легче проникать въ сознание именно въ этомъ сочетаніи. Кромѣ того различныя части ихъ взаимно дополняютъ одна другую путемъ ассоціативнаго воспроизведенія. Различныя же обстановки, напротивъ, могутъ быть запечатлѣны не такъ легко, вслѣдствіе менѣе частаго повторенія каждой изъ нихъ. Наряду съ этимъ вызываемыя каждый разъ видомъ матери представленія о предшествовавшихъ обстановкахъ мѣшаютъ другъ другу и воспріятію обстановки даннаго момента. Такимъ образомъ, какъ въ данномъ, такъ и въ тысячѣ другихъ подобныхъ случаевъ, въ сознаніи внѣшнихъ впечатлѣній постепенно вырабатываются совершенно другія группировки чѣмъ первоначальныя, основывающіяся на особенностяхъ самыхъ впечатлѣній: группы раздраженій, которыя переживаются регулярно или очень часто, какъ совмѣстныя, тѣсно сливаются для нашей души въ единыя цѣлыя и въ то же время отдѣляются отъ перемѣнчивой среды, въ которой онѣ происходятъ; онѣ обращаются въ самостоятельныя вещи.

Итакъ, чувственное воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній, кажущееся на первый взглядъ столь простымъ и чисто пассивнымъ, въ дѣйствительности является очень сложнымъ процессомъ. За нимъ скрыта вся душа, которая въ актѣ воспріятія проявляетъ свою своеобразную природу и свои законы, одновременно выбирая, обогащая и расчленяя объективно данное. Въ этихъ процессахъ заключается то, что нерѣдко называютъ *апперцепціей*. Только къ сожалѣнію это слово употребляется не всегда въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Одни примѣняютъ его преимущественно или исключительно для обозначенія выбирающей и обособляющей дѣятельности, другіе — обогащающей и дополняющей; кромѣ того и въ томъ и другомъ случаѣ существуютъ различныя оттѣнки значенія. Такъ какъ название „апперцепція“ кромѣ того осталось совершенно чуждымъ общему словоупотребленію, то лучше примѣнять вмѣсто него болѣе понятное выраженіе *воспріятіе*.

2. *Воспріятіе пространства*. Одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ обогащающаго воспріятія—это образование въ насъ представленія пространства. Какъ нами было указано выше (стр. 75), уже отъ рожденія и раньше всякаго опыта нашъ глазъ видитъ и наша рука осязаетъ удаленность вещей другъ отъ друга на плоскости. Но, какъ тамъ же было указано, это первоначальное представленіе пространства можетъ быть мыслимо лишь крайне примитивнымъ и несовершеннымъ. Вся тонкость и точность, которою оно обладаетъ въ развитомъ сознаніи, богатство его трехъ измѣреній, всесторонняя связь единого и мыслимаго безконечнымъ пространства—все это дѣло опыта, возникшихъ изъ

опыта связей между уже изначала пространственными зрительными и осязательными впечатлѣніями и другими впечатлѣніями, первоначально непространственными. Сюда относятся два класса ощущений: тѣ, которыя получаютъ отъ движенія нашихъ членовъ, пальцевъ, рукъ и ногъ и тѣ, которыя происходятъ отъ движенія глазъ, не считая ощущений положенія и движенія головы, обусловленныхъ полукружными каналами и отолитовыми мѣшечками, которыя тоже играютъ здѣсь нѣкоторую второстепенную роль.

Когда я протягиваю руку и держу пальцы въ извѣстномъ положеніи, глядя на нихъ при этомъ, или беру ими какой-нибудь предметъ, то я переживаю при этомъ двойкаго рода процессы: во-первыхъ, обусловленные главнымъ образомъ суставами, кинѣстетическія ощущенія участвующихъ или участвовавшихъ при этомъ членовъ, а во-вторыхъ, видимое перемѣщеніе въ пространствѣ или видимое положеніе руки и пальцевъ въ полѣ зрѣнія. Сходныя переживанія возникаютъ въ насъ и при движеніи глазъ. Въ то время, какъ они переходятъ отъ одной фиксаціонной точки къ другой, нами сознается прежде всего непосредственно видимое разстояніе между ними въ пространствѣ и отношеніе ихъ положенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и ощущеніе опредѣленнаго по величинѣ и направленію движенія, при посредствѣ котораго взглядъ переводится отъ одной точки къ другой. Сами по себѣ кинѣстетическія ощущенія и двигательныя ощущенія глазъ не имѣютъ въ себѣ ничего пространственнаго, и точно такъ же оптическія впечатлѣнія не имѣютъ ничего общаго съ двигательными ощущеніями. Но благодаря тому, что оба рода переживаній несчетное количество разъ происходятъ совмѣстно въ одной и той же по своему смыслу координаціи, они должны тѣснѣйшимъ образомъ ассоціироваться и такимъ путемъ всякое видѣнное въ пространствѣ разстояніе, охарактеризованное по величинѣ и положенію, постепенно пріобрѣтаетъ значеніе опредѣленнаго движенія членовъ и глазъ, и наоборотъ, всякое движеніе, ощущаемое какъ своеобразное по своему размѣру и направленію, пріобрѣтаетъ опредѣленное оптическое пространственное значеніе. Иными словами: самыя общія особенности нашихъ движеній или двигательныхъ ощущений привносятся въ чисто зрительныя ощущенія, даже въ зрительныя ощущенія покоящагося глаза; точно такъ же и наоборотъ: пространственная протяженность видимаго переноситъ свои признаки на первоначально свободныя отъ нихъ для сознанія предметы нашихъ кинѣстетическихъ ощущений, какъ будто эти признаки были всегда имъ свойственны.

На этихъ комбинаціяхъ основаны очень знакомыя явленія. Что мы видимъ, напр., вещи прямо, это есть мыслен-

ное привнесение кинестетического опыта в оптическую. Все только видимые направления по существу для нас равнозначущи. Но передвигая наши члены и при этом, между прочим, ощущая тяжесть и напряжение, мы переживаем значительные различия между поднятием и опусканием, движениями по направлению к небу и движениями по направлению к земле. Различная оценка направлений и особенное отличие вертикальных направлений само собою навязывается нам и сейчас же переносится естественным образом также и на видимое. Далее, равенство или подобие геометрически сходных фигур мы узнаем зрением только тогда, если они находятся от нас на одинаковом или почти одинаковом расстоянии, или же расположены симметрически. Очевидно потому, что только в случаях одинакового расстояния или симметрического расположения, движения глаз, предпринятые для облегчения сравнения, непосредственно ощущаются как сходные. Таким образом видимое сравнивается здесь одновременно по своему двигательному значению для глаз. Обратный процесс, толкование движений глаз в оптическом смысле, по всей вероятности содействует пониманию пространственных отношений между вещами при рассмотрении их с помощью двигающихся глаз, но вообще этого, конечно, нельзя строго доказать, так как одновременно мы непосредственно видим эти отношения. Доказательство это возможно только в тех случаях, когда вследствие необычных движений или двигательных тенденций глаз воспринимаемое чисто оптически пространство не совпадает с пространством, воспринимаемым при соучастии этих движений.

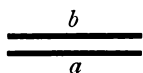

Рис. 16.

Такое обстоятельство при многочисленных т. н. *геометрически-оптических обманах*.

Если я, напр., мысленно продолжу вправо линию *a* на рисунке 16, то она пройдет не через отрезок *c*, лежащий в действительности на продолжении линии *a*, а несколько ниже его. Благодаря проведенной рядом линии *b*, линия *a* как-бы сдвигается несколько со своего места, именно, отодвигается от *b*; то-же самое бывает вообще со всякой видимой фигурой, если рядом с нею находится другое какое-нибудь зрительное раздражение. Причина этого—влияние на движение глаза бокового раздражения. В то время, как я прослуживаю взглядом линию *a*, глаз притягивается линией *b* и рефлекторно отвлекается в ее сторону. Это отвлечение взгляда я должен преодолеть, т. к. я намереваюсь следить за направлением линии *a*, и это преодоление удается при помощи уже не рефлекторной, а церебральной

иннерваціи въ противоположномъ направленіи, т. е. въ сторону отъ *b*. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является тогда соотвѣтствующее измѣненіе пространственнаго впечатлѣнія.

Самое значительное относящееся сюда явленіе есть несомнѣнно обогащеніе нашего первичнаго плоскостнаго представленія о пространствѣ, превращеніе его въ тѣлесное: развитіе способности видѣть глубину. Глядя на міръ съ его необыкновенно бросающейся въ глаза и осязаемой пластичностью, конечно трудно признать, что эта округленная тѣлесность вещей, эта отчетливая удаленность ихъ отъ насъ и другъ отъ друга въ направленіи зрительной линіи не есть такое же первичное и чувственное переживаніе, какъ протяженіе вещей вширь и ввысь, или какъ ихъ окраска, а представляетъ собою нѣчто присочиненное и живо представляемое. И все же дѣло не можетъ обстоять иначе. Ибо, когда я закрываю одинъ глазъ, то глубина видимаго пространства хотя и становится нѣсколько меньшей, пластичность предметовъ нѣсколько болѣе плоской, но измѣненія, при этомъ происходящія, не далеки отъ тѣхъ, которыя наблюдаются при внезапномъ замѣщеніи чувственно воспринимаемыхъ тоновъ или вкусовъ ихъ представленіями. Бывали случаи, когда ослѣпшіе на одинъ глазъ долго не замѣчали случившагося съ ними. Однако, легко убѣдиться въ томъ, что для одного глаза глубина пространства не можетъ быть содержаніемъ чувственнаго впечатлѣнія. Предметы, находящіеся въ различномъ отдаленіи, при отчетливости и одинаковой величинѣ изображеній на сѣтчатой оболочкѣ, не производятъ различнаго дѣйствія на одинъ глазъ; какимъ же образомъ можетъ быть непосредственно опознано различіе въ ихъ удаленности? Воспріятіе удаленности или глубины, которое съ самаго начала дано вмѣстѣ съ ощущеніемъ отъ опредѣленной точки сѣтчатки, можетъ быть всегда только однимъ. Пространство мы воспринимаемъ первоначально, какъ плоскость.

Итакъ, глубину и тѣлесность мы видимъ только нашимъ духовнымъ окомъ. Но посредникомъ при этомъ служитъ двучленная цѣпь опытовъ и обусловленныя этимъ перенесенія. Одно изъ этихъ перенесеній заключается въ вышеупомянутой пространственной оцѣнкѣ движеній нашихъ членовъ. Хватательныя движенія нашихъ рукъ, движенія ногъ при ходьбѣ мы приучаемся истолковывать пространственно. Даже не видя ихъ, мы воспринимаемъ ихъ, какъ пространственныя величины. Къ этому присоединяется еще второе привнесеніе. При нашемъ обращеніи съ предметами и пребываніи среди нихъ, видъ ихъ измѣняется опредѣленнымъ закономѣрнымъ способомъ. Когда мы къ нимъ при-

ближаемся, ихъ образы на сѣтчакѣ становятся больше, ихъ окраска отчетливѣе; гдѣ они непосредственно граничили другъ съ другомъ пересѣкающимися контурами, тамъ часто оказываются еще большія разстоянія между ними. При небольшомъ и среднемъ удаленіи прежде всего измѣняются незначительныя различія вида предметовъ, въ какомъ они являются нашему лѣвому и правому глазу. Регулярно сопровождая наши движенія, всѣ эти отношенія дѣлаются для насъ все болѣе и болѣе привычными. Съ опредѣленной величиной изображеній, съ опредѣленнымъ неравенствомъ образовъ на сѣтчакѣ и т. д. все прочнѣе и принудительнѣе связывается такимъ образомъ сначала представленіе извѣстныхъ движеній, а въ заключеніе—благодаря отступленію на задній планъ этого болѣе неинтереснаго для насъ посредствующаго члена—живое представленіе опредѣленныхъ пространственныхъ величинъ, которыя намъ не даны непосредственно.

3. *Обманы чувствъ.* Значеніе описанныхъ процессовъ для общихъ цѣлей душевной жизни очевидно. При помощи ихъ душа, такъ сказать, стремится схватить важнѣйшія для нея въ каждую данную минуту впечатлѣнія, выдѣляя ихъ изъ беспорядочнаго множества всего, что имѣется на лицо, и притомъ схватить въ ихъ общихъ, а не только въ настоящей моментъ существующихъ взаимоотношеніяхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ она достигаетъ своей цѣли. Но во всякомъ случаѣ не всегда. При извѣстныхъ условіяхъ какъ разъ изъ этой закономѣрной дѣятельности возникаютъ своеобразныя уклоненія отъ того, къ чему душа собственно стремилась; эти уклоненія слѣдуетъ разсматривать, какъ неизбежныя побочныя дѣйствія, являющіяся слѣдствіемъ большой сложности вещей: они представляютъ собою такъ называемые обманы чувствъ.

Какъ уже было сказано, то, что часто бывало, обыкновенно вновь повторяется. Такимъ образомъ, если при воспріятіи отдѣльныхъ частей какой нибудь часто переживаемой группы впечатлѣній душа порождаетъ остальные ея части въ качествѣ представленій, въ то время какъ ихъ объективныя причины еще не оказали на нее своего дѣйствія, то получается очень цѣлесообразное предвосхищеніе объективной дѣйствительности. Но природа вѣдь идетъ своими собственными путями. Хотя обыкновенно она повторяетъ то, что совершила раньше, однако, бываютъ и исключенія. Усложненіе ея явленій нерѣдко влечетъ за собою отклоненія: повтореніе отдѣльныхъ обстоятельствъ извѣстнаго процесса въ другихъ комбинаціяхъ, чѣмъ въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ. На этихъ отклоненіяхъ душа непремѣнно должна споткнуться. Она истолковываетъ впечатлѣнія въ смыслѣ привычныхъ сопровождающихъ

обстоятельствъ; но привычнаго сопровожденія въ данную минуту совѣмъ нѣтъ, и истолкованіе уклоняется отъ объективной дѣйствительности. Если я вижу очень ясно цвѣтъ предметовъ и подробности ихъ очертанія, то я, какъ житель равнины, нахожусь всегда на близкомъ разстояніи отъ нихъ. Подходя къ нимъ, черезъ сравнительно короткое время я оказываюсь въ непосредственной близости съ ними. Однако, если въ непривычно сыромъ и потому болѣе легкомъ воздухѣ пылинки, находящіяся въ атмосферѣ, осаждаются быстрое обыкновеннаго, или если я нахожусь въ горной мѣстности, гдѣ содержаніе пыли въ воздухѣ гораздо меньше, то вслѣдствіе большей прозрачности воздуха, и на большомъ разстояніи предметы видны ясно и отчетливо; и если на основаніи моего повседневнаго опыта я думаю и долженъ думать, что они недалеко отъ меня, то я ошибаюсь. Итакъ, противорѣчіе между обусловленнымъ закономѣрностью душевной жизни предвосхищеніемъ объективной дѣйствительности и случающимися иногда, вслѣдствіе законовъ природы, отклоненіями послѣдней отъ привычной нормы,—таковъ общій типъ этого рода обмановъ чувствъ. Ихъ можно назвать *обманами ассоціаціи*.

Наряду съ ними существуютъ еще обманы другого рода. Если извѣстныя представленія наполняютъ душу и одновременно съ этимъ на нее дѣйствуютъ объективныя раздраженія, вызывающія соотвѣтствующія этимъ представленіямъ ощущенія (см. стр. 97), то эти ощущенія особенно легко проникаютъ въ наше сознание. Всякое наблюденіе, особенно всякое сознаніе болѣе тонкихъ подробностей или различій, основано на этой закономѣрности; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этой самой закономѣрности, устанавливается цѣлесообразная связь между окружающей насъ въ каждый данный моментъ обстановкой и между нашей внутренней душевной жизнью. Однако, тѣсное отношеніе между представленіями и ощущеніями, которое при этомъ проявляется, имѣетъ свою обратную сторону. Именно, если на душу воздѣйствуютъ внѣшнія раздраженія, которыми вызываются ощущенія, сами по себѣ не выполнѣ, а лишь приблизительно соотвѣтствующія наличнымъ представленіямъ, то и эти ощущенія также весьма легко проникаютъ въ наше сознание. Но получающіяся при этомъ впечатлѣнія всегда нѣсколько измѣняются и уклоняются въ сторону наличныхъ представленій, благодаря чему одни и тѣ же объективныя раздраженія воспринимаются разно, въ зависимости отъ отношенія къ нимъ наличныхъ мыслей и знаній.

„Однако, какой онъ тяжелый“, сказалъ одинъ изъ друзей Деви (Davys), взявъ на палецъ маленькій кусокъ открытаго послѣднимъ металла калия. Между тѣмъ калий до того легокъ, что плаваетъ въ водѣ. Въ данномъ случаѣ вызван-

ное его металлическимъ видомъ представленіе о чемъ-то тяжеловѣсномъ повліяло въ этомъ направленіи и на ощущеніе. Если положить рядомъ два куска сѣрой бумаги нѣсколько различной окраски и спросить себя, не будетъ ли сѣрая бумага съ желтоватымъ оттѣнкомъ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ та, что съ голубоватымъ оттѣнкомъ, она тотчасъ же покажется намъ свѣтлѣе. Но какъ только мы начнемъ сомнѣваться, не обманулъ ли насъ желтоватый тонъ окраски и не темнѣе ли „въ дѣйствительности“ желтоватая бумага, она тотчасъ же покажется намъ въ самомъ дѣлѣ темнѣе. Нельзя сказать, что это „только воображаемое“ измѣненіе, если подъ этими словами разумѣть, что, во-первыхъ, существуетъ объективно вѣрное впечатлѣніе, и, во-вторыхъ, наряду съ этимъ невѣрное представленіе о немъ. Такой двойственности въ сознаніи не существуетъ, если не говорить о случайно присоединяющихся рефлексіяхъ надъ воспринятымъ. Въ сознаніи имѣетъ мѣсто только одно недѣлимое переживаніе. Разсужденія о возникновеніи этого послѣдняго приводятъ къ заключенію, что оно имѣетъ два корня: одинъ чувственный, обусловливаемый периферическими раздраженіями, и другой умственный, обусловленный центральными раздраженіями. Но происходящій изъ этихъ обоихъ корней результатъ, воспріятіе, такъ-же мало позволяетъ узнать о нихъ, какъ рѣка у ея устья о различіи ручьевъ, послужившихъ ей истоками. Въ томъ именно и заключается общее свойство всѣхъ воспріятій, что они опредѣляются и обусловливаются не только объективными раздраженіями, въ первую очередь участвующими въ ихъ образованіи, но и относящимися сюда представленіями и ожиданіями. Чѣмъ живѣе эти представленія, тѣмъ больше объективный элементъ поддается ихъ вліянію, измѣненію или даже искаженію. Когда это вліяніе достигаетъ болѣе высокихъ степеней, то его (съ недавнихъ поръ) называютъ *внушеніемъ*. При наивысшихъ же степеняхъ такое переживаніе получаетъ еще особое названіе — *иллюзіи*.

ЛИТЕРАТУРА.

J. Sully, Les illusions des sens et de l'esprit (1883).

§ 16. Воспоминаніе. Фантазія. Абстракція.

Когда въ душѣ начинаютъ дѣйствовать соотвѣтствующія причины, чтобы воспроизвести прежнія ассоціативно связанныя съ ними воспріятія въ видѣ представленій, то при этомъ совершается то же самое, что и при воздѣйствіи внѣшнихъ раздраженій. Причины эти производятъ возможное для нихъ самихъ по себѣ дѣйствіе, именно, точное оживленіе прежнихъ переживаній, всегда лишь при опре-

дѣляющемъ соучастіи своеобразія души; т. е. *воспоминанія*, точно такъже, какъ и сами воспріятія, которыя извѣстнымъ образомъ повторяются въ нихъ, всегда обусловлены различными законами душевной жизни.

Воспоминанія, во-первыхъ, имѣютъ гораздо больше пробѣловъ и ограниченнѣе, чѣмъ воспріятія, и въ смыслѣ полноты они, поэтому, еще больше, чѣмъ эти послѣднія, отдаляются отъ богатства объективныхъ раздраженій, составляющихъ ихъ послѣднюю внѣшнюю причину. Представимъ себѣ мысленно извѣстный ландшафтъ, уличную сцену, знакомое лицо; въ такомъ представленіи постоянно отсутствуетъ огромное количество подробностей, даже такихъ, которыя при воспріятіи несомнѣнно дошли бы до сознанія: отсутствуютъ какъ реально отдѣлимые части, такъ и реально неотдѣлимые отдѣльныя черты или свойства. Съ другой стороны, однако, воспоминанія въ свою очередь богаче воспріятій. Они содержатъ дополненія и истолкованія, ассоціативно приносящіяся къ нимъ отъ другихъ аналогичныхъ воспріятій; напр., воспоминаніе о ландшафтѣ дополняется видомъ башни, воспоминаніе о человѣкѣ—бородой, которыхъ въ дѣйствительности не было. Наконецъ, они въ большей или меньшей степени видоизмѣняются подъ вліяніемъ другихъ возникающихъ въ душѣ представленій, напр., подъ вліяніемъ такихъ вопросовъ о воспріятіи, которые наводятъ на опредѣленные представленія (*внушающіе вопросы*), подъ вліяніемъ желанія произвести впечатлѣніе, импонировать и т. п. И даже тамъ, гдѣ нѣтъ сознательнаго преувеличенія, вродѣ того, какъ у Фальстафа въ описаніяхъ сраженій, образы воспоминаній постепенно измѣняются такъ, что все непривычное, значительное, выдающееся, выступаетъ сильнѣе, между тѣмъ какъ все обычное, мелкое или неудобное все больше и больше затушевывается. Гдѣ воспоминанія имѣютъ пробѣлы или неопредѣленны, они съ трудомъ могутъ противостоять вліянію представленій, внушенныхъ вопросамъ (напр., не правда-ли, г. Х. былъ такого же роста, какъ Вы?). Итакъ, воспоминанія являются неточнымъ воспроизведеніемъ воспріятого не только случайно или въ видѣ исключенія, но и вполне естественно и законмѣрно,—какъ недавно подтверждено прямыми опытами надъ точностью воспоминаній; и хотя послѣднія только очень рѣдко бываютъ совершенно ненадежными, однако не безъ основанія мы довѣряемъ воспоминаніямъ отдѣльнаго лица лишь постольку, поскольку они совпадаютъ съ показаніями другихъ, независимыхъ отъ него наблюдателей. Если своеобразная дѣятельность души, какъ это было показано выше, оказываетъ такое многостороннее вліяніе на чувственные впечатлѣнія, опирающіяся на сравнительно прочную почву внѣшнихъ раздраженій, то нѣтъ

ничего удивительнаго, что такому же ея вліянію подвергаются и лишеныя этой прочной основы представленія. Въ особенности это можно сказать относительно юной души, души ребенка. У ребенка нѣтъ въ такой мѣрѣ, какъ у взрослыхъ, того опыта по отношенію къ дѣйствительной, т. е. воспринимаемой связи вещей, который въ силу повторенія обуславливаетъ все болѣе и болѣе вѣрное воспроизведеніе; кромѣ того, ребенокъ еще не научился такъ, какъ взрослые, цѣнить значеніе точныхъ воспоминаній; поэтому, они обладаютъ у него лишь незначительной достовѣрностью.

При болѣе высокихъ степеняхъ истолкованія и видоизмѣненія образовъ воспоминанія при помощи ассоціруемыхъ или существующихъ рядомъ съ ними представленій, говорятъ обыкновенно о *фантази*, и считаютъ ихъ продуктомъ послѣдней. Такъ, говорятъ о фантази ребенка, переносящей его представленія о вещахъ въ область чудовищнаго и чудеснаго, о фантази художника, превращающей повседневныя переживанія въ болѣе совершенныя формы, служащая источникомъ эстетическаго наслажденія. Не безъ основанія требуютъ и отъ изслѣдователя немного поэтической фантази, чтобы онъ могъ сдѣлать вещи понятнѣе, путемъ обнаруженія отдаленнаго сходства и отношенія между ними. Но мы знаемъ, что фантазія не есть новая, самостоятельная основная функція души, а представляетъ лишь результатъ тѣхъ-же элементарныхъ функцій, которыя, взаимодействуя при нѣсколькихъ иныхъ отношеніяхъ ихъ силы, даютъ въ результатѣ воспоминаніе, обыкновенно противопоставляемое фантази. Но мы хотимъ здѣсь рассмотретьъ не эту сторону вопроса, а остановиться нѣсколько подробнѣе на упомянутыхъ выше пробѣлахъ въ воспроизводимыхъ представленіяхъ.

Эти пробѣлы, какъ и пробѣлы въ воспріятіи, обусловлены прежде всего выбирающей дѣятельностью вниманія. Не все интересуется насъ въ одинаковой степени въ вещахъ, доходящихъ путемъ воспріятія до нашего сознанія. Въ карманныхъ часахъ, напр., ребенку, — хотя онъ замѣчаетъ въ нихъ и многое другое, — интересно прежде всего тиканіе и блескъ золотой крышки, въ собакѣ — пугающій его лай или ея четыре ноги, въ военной формѣ — блестящія пуговицы и ярко красный цвѣтъ. Если воспріятія часовъ или собаки часто бываютъ связаны съ какимъ нибудь другимъ, всегда одинаковымъ впечатлѣніемъ и воспроизводятся затѣмъ въ качествѣ представленій благодаря появленію этого впечатлѣнія, то при дѣйствіи многочисленныхъ конкурирующихъ причинъ такія воспроизведенія будутъ содержать далеко не все то, что еще сознавалось въ воспріятіи изъ богатства объективныхъ раздраженій, а только

какъ бы экстрактъ изъ послѣднихъ, т. е. указанная особенно интересующія подробности, напр., одно лишь представлѣніе тиканія часовъ или краснаго цвѣта.

Въ смыслѣ выбора дѣйствуетъ, кромѣ того, еще и другое обстоятельство: именно тотъ упомянутый выше (стр. 124) фактъ, что группы раздраженій внѣшняго міра, а благодаря этому также и вызываемыя ими воспріятія, никогда не бываютъ ни одними и тѣми-же, ни совершенно различными, но представляютъ собой извѣстную смѣсь сходства и различія. Различныя сосны въ лѣсу, по которому я иду, различныя собаки, встрѣчающіяся мнѣ на улицѣ, различные луга въ различномъ освѣщеніи, различные звуки скрипки — всѣ эти объекты при точномъ разсмотрѣніи отличаются другъ отъ друга во многихъ частностяхъ и однако-же многое въ нихъ почти тождественно. Само собой разумѣется, что совпадающія черты такихъ предметовъ воспринимаются несравненно чаще, чѣмъ несовпадающія, такъ какъ первыя постоянно встрѣчаются, послѣднія же — лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. И вотъ, какъ выше уже было указано (стр. 124), воспріятое въ опредѣленной связи, при новомъ воспріятіи, легче будетъ доходить до сознанія именно въ этой связи. Естественно, что и при воспроизведеніи извѣстнаго воспріятія его общія съ другими воспріятіями черты болѣе другихъ выдвигаются на первый планъ и легче другихъ представляются. Кромѣ того: если множество сходныхъ воспріятій часто переживаются въ связи съ другимъ всегда однимъ и тѣмъ же содержаніемъ сознанія (напр., если сходные предметы обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ), то ассоціація между этимъ другимъ представлѣніемъ и совпадающими частями воспріятій становится все сильнѣе и прочнѣе, такъ какъ въдѣ всякое отдѣльное воспріятіе повторяетъ и упрочиваетъ ее. Несовпадающія же части, напротивъ, вслѣдствіе своей многочисленности мѣшаютъ другъ другу и прочныя ассоціаціи между ними и постоянно существующимъ сопровождающимъ представлѣніемъ не могутъ легко образоваться. Такимъ образомъ, при появленіи въ сознаніи ассоціативно связаннаго со сходными воспріятіями признака, все будетъ благопріятствовать воспроизведенію совпадающихъ частей этихъ воспріятій и мѣшать воспроизведенію несовпадающихъ; первыя будутъ все болѣе и болѣе отдѣляться отъ послѣднихъ и обособятся въ самостоятельное представлѣніе.

Итакъ, законы душевной жизни, вниманіе, упражненіе и память, вмѣстѣ съ одной простой особенностью внѣшнихъ явленій, оказываютъ своеобразное вліяніе на процессы представлѣнія: они въ несравненно большей степени, чѣмъ при воспріятіи, освобождаютъ его отъ случайно

данныхъ связей внѣшнихъ впечатлѣній и порождаютъ представленія, то изъ однѣхъ бросающихся въ глаза чертъ воспринятыхъ вещей (*абстрактныя представленія*), то изъ признаковъ, общихъ цѣлой группѣ объективныхъ вещей (*общія представленія*), что часто сводится къ одному и тому же. Душа постепенно образуетъ такія представленія, которыя, по ихъ простотѣ и изолированности, не имѣютъ никакого объективнаго оригинала, и однако существованіе которыхъ въ ней самой, тѣмъ не менѣе, ни минуты не подлежитъ сомнѣнію; она создаетъ эти представленія не произвольно, не стремясь сознательно къ какой-либо цѣли, а въ силу совершенно непреднамѣреннаго проявленія ея своеобразной дѣятельности. Примѣромъ могутъ служить представленія одной только длины или одного только краснаго цвѣта, или представленія цвѣта вообще, представленіе собаки, дерева, человѣка вообще и т. д.

Построенныя такимъ путемъ представленія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для всѣхъ высшихъ формъ психической дѣятельности. Въ нихъ душа удаляется отъ объективно даннаго, но этимъ путемъ она, пользуясь присущими ей особенностями, тѣмъ легче можетъ достигъ его усвоенія и господства надъ нимъ. Въ этомъ отношеніи абстрагирующее мышленіе имѣетъ два важныхъ слѣдствія.

Во первыхъ, благодаря ему, то предметное расчлененіе чувственно данныхъ комплексовъ, на зачатки котораго было указано выше при описаніи воспріятій (стр. 124), продолжается дальше. Окружающія насъ и воспринимаемыя нами вещи большей частью представляются нашему наблюденію случайно соединеннымъ, пестрымъ и беспорядочнымъ многообразіемъ. Но сознавая при мысленномъ воспроизведеніи впечатлѣній лишь отдѣльныя черты, которыя притомъ присущи цѣлому множеству вещей, и мысленно выдѣляя такимъ образомъ общее въ вещахъ, мы тѣмъ самымъ умственно распредѣляемъ ихъ по классамъ и родамъ. Мы отдѣляемъ ихъ отъ случайностей окружающей среды и отъ особенностей отдѣльнаго случая и соединяемъ по внутреннимъ ихъ соотношеніямъ, по ихъ родству, какъ мы въ такихъ случаяхъ выражаемся. Необозримая масса сосуществующихъ вещей уясняется благодаря подчиненію однихъ объектовъ другимъ. Смотря по большому или меньшему сходству вещей, образуются близко или далеко другъ отъ друга стоящія группы и мы постепенно доходимъ до того, что огромное многообразіе разбросаннаго здѣсь и тамъ и лишеннаго связи объективно даннаго мы обобщаемъ нашимъ духовнымъ взоромъ въ стройной системѣ. Но вмѣстѣ съ познаніемъ общаго у насъ соединяется въ большинствѣ случаевъ познаніе закономѣрнаго въ отношеніяхъ вещей, съ помощью котораго только и

возможно овладѣть ими; единичное и индивидуальное слишкомъ богато содержаніемъ и сложно для этого. Возьмемъ примѣръ. Вотъ собрана охапка дровъ безъ разбора, какъ попало, и зажженъ костеръ. Одни полѣнья горятъ весело, потрескивая, другія шипятъ и дымятъ, третьи не горятъ совсѣмъ. Гдѣ причина этого? Одно лишь частое повтореніе процесса, которое, конечно, тоже необходимо, едва ли научить чемунибудь человѣка, наблюдающаго отдѣльныя полѣнья въ совокупности ихъ многочисленныхъ свойствъ. Только когда эти совокупности мысленно, такъ сказать, раздроблены на составные элементы, и нѣкоторые изъ этихъ элементовъ, присущіе однимъ полѣнямъ, оказываются отсутствующими у другихъ,—дѣлается легко понятнымъ, что причина лучшаго или худшаго горѣнія лежитъ не въ формѣ, не въ цвѣтѣ, не въ происхожденіи и не во многихъ другихъ свойствахъ отдѣльныхъ полѣнь, а въ ихъ сухости или сырости. Такимъ образомъ открытіе порядка и законовъ въ мірѣ вещей есть первое слѣдствіе абстракціи.

Второе слѣдствіе заключается въ извѣстномъ преодолѣніи границъ, поставленныхъ душѣ узостью (ограниченностью объема) сознанія (см. 95). Я думаю о деревѣ или о деревьяхъ. То содержаніе, съ которымъ душа при этомъ оперируетъ, въ высшей степени незначительно. Я думаю о названіи дерева, быть можетъ, о чемъ-то высокомъ, вѣтвистомъ; едва ли о чемъ-либо большемъ. Всѣ безчисленныя подробности, которыя характеризуютъ опредѣленные деревья или одинъ опредѣленный видъ деревьевъ, равно какъ и огромное множество ихъ видовъ, — далеки при этомъ моему сознанію, онѣ не обременяютъ душу. Поэтому, я могу очень удобно оперировать и дальше съ моимъ представленіемъ о деревьяхъ, связывать его съ другими и думать, напр., что деревья могутъ достигать глубокой старости или только извѣстной высоты и т. д. Но какъ только игра моихъ мыслей создастъ такое сочетаніе, которое не вяжется съ какой-нибудь изъ немыслящихся мною въ данный моментъ особенностей деревьевъ или ихъ видовъ, какъ тотчасъ же эти виды и свойства начинаютъ обыкновенно живо сознаваться и не допускаютъ противорѣчиваго. Слѣдовательно, они не были для души ничѣмъ, хотя до сихъ поръ сознательно и не представлялись. Напротивъ, мышленіе общаго представленія какъ бы подготавливаетъ одновременно путь и къ тѣмъ подробностямъ, съ которыми оно было пережито и отъ которыхъ потомъ освободилось путемъ абстракціи. Они какимъ-то образомъ оказываются близко стоящими къ сознанію, и одного маленькаго толчка достаточно, чтобы та или другая изъ нихъ ассоціативно пробудилась въ сознаніи; онѣ, какъ

говорится, приходятъ въ голову. Итакъ, въ общемъ представленіи въ дѣйствительности мыслится не только то небольшое, что составляетъ его содержаніе—хотя одно только это отчетливо сознается—но какимъ то образомъ одновременно мыслятся и тѣ многочисленныя частныя представленія, которыя имѣють отношеніе къ этому общему представленію. Послѣднее замѣщаетъ ихъ въ мысленіи, является ихъ представителемъ. Пока они не имѣють особеннаго значенія для дѣятельности сознанія въ данный моментъ, они остаются незамѣтными въ душѣ; но какъ только возникаетъ необходимость, т. е. какъ только появляются другія представленія, имѣющія къ нимъ отношенія, они обыкновенно дѣлаются сознательными и замѣняютъ представительство, теперь уже недостаточное, своимъ собственнымъ появленіемъ. Очевидно, что такимъ образомъ душа въ сущности достигаетъ всего, что ей требуется. Въ каждый данный моментъ она въ состояніи сознательно охватить лишь ограниченное количество впечатлѣній и представленій, благодаря чему изъ подавляющаго множества возможностей въ сознаніе проникаетъ въ каждый данный моментъ лишь немного, наиболѣе существенное и наиболѣе часто повторяющееся. Но немногія мыслимыя ею представленія всегда являются въ то же время замѣстителями огромнаго множества относящихся къ нимъ представленій, и ими готовится появленіе послѣднихъ въ надлежащій моментъ. Такимъ образомъ, легко оперируя надъ замѣщающими представленіями, душа вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени владѣетъ и пользуется цѣлой массой замѣщенныхъ, почти такъ же, какъ если бы эти послѣдніе сами были на лицо въ сознаніи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда даны отдѣльные члены группы представленій, созданной процессомъ абстракціи, они естественно имѣють тенденцію воспроизводить и остальные недостающіе члены, даже если являются въ совершенно другомъ, отличномъ отъ обычнаго, сопровожденіи. Въ этомъ въ сущности состоитъ тотъ процессъ, который называютъ мышленіемъ по аналогіи. Въ нѣмецкомъ языкѣ, напр., существительныя на е обыкновенно женскаго рода; окончаніе е и членъ женскаго рода тѣсно срастаются, поэтому, въ одно представляемое цѣлое, совершенно независимо отъ смысла даннаго слова. Поэтому по нѣмецки, *die Sonne*, напр., будетъ женскаго рода, вопреки всѣмъ родственнымъ языкамъ; равнымъ образомъ, если французскія слова, оканчивающіяся на е, усваиваются нѣмецкимъ языкомъ, то они обыкновенно, въ силу аналогіи, становятся словами женскаго рода, вопреки употребленію ихъ въ другомъ родѣ въ первоначальномъ языкѣ; какъ, напр., *Etage*, *Loge*, *Blatage*. Болѣзни, какъ оспа, скарлатина, дифтеритъ, имѣють

сходство въ нѣкоторыхъ практически важныхъ чертахъ, такъ, напр., въ общемъ способѣ зараженія ими и въ невосприимчивости къ повторному зараженію послѣ ихъ перенесенія. Съ тѣхъ поръ, какъ микроскопическими изслѣдованіями доказано для нѣкоторыхъ такихъ болѣзней, что носителями ихъ являются маленькіе организмы, и одновременно было найдено средство получать отъ заболѣвшаго индивидуума цѣлебное вещество противъ заболѣванія этими болѣзнями другихъ,—съ тѣхъ поръ всякій, кто знаетъ объ этой связи, думая о другихъ болѣзняхъ, имѣющихъ лишь отдаленное сходство съ упомянутыми, легко будетъ по аналогіи приписывать и имъ такое же происхождение и представлять возможность предохранительной прививки и противъ нихъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Опыты надъ точностью воспоминанія: A. Binet, La suggestibilité (1900).—W. Stern, Zur Psychologie der Aussage (1902). Beiträge zur Psychologie der Aussage. 2 т. (1903—1906). Рибо, Творческое воображеніе. Спб. 1886.—A. Schöppa, Die Phantasie nach ihrem Wesen und ihrer Bedeutung für das Geistesleben (1909).—Экспериментальныя изслѣдованія объ абстракціи и образованіи мыслей въ Archiv für die gesamte Psychologie Bd. 8, 9, 12.

§ 17. Языкъ.

1. Его сущность. У высшихъ животныхъ, несомнѣнно, имѣются общія представленія, такъ какъ они во всякомъ случаѣ не лишены субъективныхъ основъ послѣднихъ — памяти и вниманія. Комнатная собака, очевидно, имѣетъ представленіе о „комнатѣ“ вообще, равно какъ и представленіе „на дворѣ“ вообще. Вѣдь опрятность, соответствующую человѣческимъ требованіямъ, ассоціируютъ у нея путемъ приученія не со всѣми отдѣльными мѣстами въ комнатѣ, а лишь съ ограниченнымъ числомъ ихъ, тѣмъ не менѣе, она представляетъ себѣ эту опрятность въ связи съ комнатой вообще и даже въ связи съ разными комнатами.

Однако, эти душевныя образованія, приобрѣтенныя однѣми способностями животныхъ, не достигаютъ высокой степени абстракціи и не приобрѣтаютъ поэтому большого значенія. Вѣдь для возникновенія общихъ представленій необходимо, какъ выше было указано (стр. 133), чтобы воспріятія, только отчасти интересующія насъ или не вполне совпадающія другъ съ другомъ при новыхъ появленіяхъ, часто переживались въ связи съ какимъ-либо неизмѣннымъ впечатлѣніемъ, которымъ обусловливалось бы ихъ воспроизведеніе; необходимо, чтобы они сочетались съ какимъ-нибудь всегда одинаковымъ знакомъ, появленіе котораго вызывало бы эти воспріятія въ формѣ

представлений. Но въ естественномъ теченіи явленій внѣшняго міра такія связи между нѣскольکو отличающимися другъ отъ друга вещами встрѣчаются рѣдко. Дѣйствительно, есть ли такое свойство, которое всегда сопровождало бы всѣ наши воспріятія деревьевъ, книгъ, часовъ и т. п., и было бы въ то же время легко отдѣлимо отъ нихъ? Едва-ли можно назвать что-нибудь подобное. Поэтому, необычайно важно то, что человѣкъ обладаетъ способностью, которая въ совершенствѣ замѣняетъ ему этотъ недостатокъ внѣшнихъ явленій. Чего не даетъ ему природа—постоянно одинаковыхъ знаковъ, закономѣрно связанныхъ съ наполовину однородными, наполовину мѣняющимися воспріятіями,—то онъ самъ создалъ и благодаря этому получилъ возможность поднять абстрагирующее мышленіе на степень наивысшаго доступнаго ему совершенства. Это созданіе есть языкъ.

Что такое языкъ съ точки зрѣнія психологіи? Во-первыхъ, это скрѣпленное прочными ассоціаціями соединеніе двухъ элементовъ: съ одной стороны, словъ и предложеній съ ихъ значеніемъ, съ другой — вещей. Отдѣльными представителями второго элемента могутъ быть всевозможныя душевныя содержанія: всякаго рода ощущенія, представленія, чувства, какъ въ простой, такъ и въ сложной формѣ или во взаимномъ сочетаніи другъ съ другомъ. Представители перваго элемента, напротивъ, берутъ свое начало всегда отъ опредѣленныхъ классовъ ощущеній, всегда отъ небольшой группы ихъ. Оставляя въ сторонѣ книжный и письменный языкъ, который является сравнительно позднимъ приобрѣтеніемъ и доступенъ лишь меньшинству говорящихъ людей, мы снова будемъ имѣть два элемента, которые представляютъ собою подлинную сущность предложеній и словъ: тоны и шумы, вызванныя дѣятельностью органовъ рѣчи, и возникающіе вслѣдствіе этой же дѣятельности ощущенія движенія и положенія, т. е. слуховыя и кинѣстетическія или рѣчевыя впечатлѣнія.

Понятно, что оба упомянутыхъ элемента словъ тѣсно связаны между собою особенно прочными ассоціаціями. Для нормальнаго человѣка съ опредѣленными рѣчевыми ощущеніями всегда связаны опредѣленныя слуховыя ощущенія; слѣдовательно, оба рода ощущеній сопряжены. Однако, представленіе предмета, сочетаемое съ опредѣленнымъ соединеніемъ словъ, внутренно съ нимъ нисколько не связано, — за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ звукоподражаній (щебетаніе, кудахтаніе и т. п.). Уже огромное множество различныхъ языковъ въ противоположность, напр., большой однородности выразительныхъ движеній, показываетъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о болѣе тѣсной и для всѣхъ одинаково принудительной связи между знакомъ и обозначае-

мымъ. Размышленіе надъ этими фактами давно привело къ вопросу, какъ же однако повсюду сложились столь важныя сочетанія, какъ возникъ языкъ. Вполнѣ удовлетворительнаго и безспорнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать еще и теперь, хотя участвующіе въ выработкѣ языка факторы въ основныхъ чертахъ уже точно установлены. Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ разрѣшеніе другого, болѣе легкаго вопроса, привлекавшаго къ себѣ въ послѣднее время особенное вниманіе,—вопроса о томъ, какъ передается уже сложившійся языкъ взрослыхъ первоначально совершенно лишеннымъ его дѣтямъ, какъ въ настоящее время возникаетъ языкъ у отдѣльныхъ индивидовъ. Тысячи ежедневно рождающихся дѣтей приблизительно черезъ годъ начинаютъ усваивать искусство рѣчи. Передъ нами, такимъ образомъ, открывается широкая возможность болѣе точнаго наблюденія надъ этимъ процессомъ, которая совершенно неосуществима по отношенію къ возникновенію языка; причина, почему этой возможностью стали широко пользоваться лишь въ послѣднія десятилѣтія, заключается, вѣроятно, въ томъ, что здѣсь не усматривали ничего требующаго объясненія. Думали, что ребенокъ просто подражаетъ слышаннымъ отъ окружающихъ словамъ и ихъ употребленію, и что будто-бы этимъ объяснено все. Между тѣмъ для возможности подражанія — а ребенокъ конечно подражаетъ — необходимо, чтобы онъ научился раньше производить, по крайней мѣрѣ въ элементахъ, то, чему онъ будетъ подражать (стр. 117). Но даже когда ребенокъ уже дошелъ до этого, онъ можетъ путемъ подражанія усваивать только слова, но отнюдь не ихъ значеніе.

2. *Возникновеніе языка у ребенка.* Первый шагъ къ изученію ребенкомъ языка есть его свободная дѣятельность: движенія органовъ рѣчи, которыя онъ производитъ играя. Предоставленный самому себѣ и довольный ребенокъ, наряду съ разными движеніями рукъ и ногъ, совершенно невольно и безъ внѣшняго побужденія движетъ также языкомъ и губами, горломъ и грудной клѣткой, производя такимъ образомъ множество различнѣйшихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, начиная съ такихъ, которые имѣютъ значеніе для языка окружающихъ его, и кончая рѣдкими каркающими, шелкающими и т. п. звуками. Производя эти звуки, ребенокъ слышитъ ихъ, и когда такимъ путемъ звукъ уже достаточно прочно ассоціировался съ моторными ощущеніями органовъ рѣчи, ребенокъ въ силу упомянутой выше закономѣрности (стр. 116) получаетъ въ слуховомъ воспріятіи толчекъ къ повторенію этого звука. Отсюда столь частое монотонное повтореніе отдѣльныхъ звуковъ въ дѣтскомъ лепетѣ, отсюда, затѣмъ, склонность къ удвоенію въ дѣтскомъ языкѣ.

Этимъ самостоятельно найденнымъ, а не приобрѣтеннымъ путемъ подражанія дѣтскимъ лепетомъ, сейчасъ же послѣ его возникновенія начинаютъ пользоваться взрослые. Осуществляется это двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, производится ограниченіе и выборъ. Изъ множества произносимыхъ ребенкомъ звуковъ взрослые удерживаютъ лишь тѣ, которые встрѣчаются въ ихъ собственномъ языкѣ или же, по крайней мѣрѣ, имѣютъ нѣкоторое сходство съ послѣдними. Эти звуки они снова и снова произносятъ передъ ребенкомъ, комбинируютъ ихъ въ маленькія предложенія и побуждаютъ такимъ образомъ самого ребенка къ болѣе частому повторенію именно этихъ звуковъ и комбинацій, произношеніемъ которыхъ онъ уже овладѣлъ. Благодаря этому ребенокъ научается распоряжаться ими все увѣреннѣе и ловчѣе, между тѣмъ какъ остальные звуки, безразличные для окружающихъ, постепенно у него изглаживаются и часто настолько забываются, что соответствующая имъ иннервация не можетъ быть болѣе восстановлена. Можно сказать, что вначалѣ любой ребенокъ можетъ, начиная съ приблизительно одинаковаго для всѣхъ дѣтей лепета, въ совершенствѣ овладѣть любымъ языкомъ. Напротивъ, взрослый человѣкъ научается говорить на иностранномъ языкѣ обыкновенно только съ извѣстнымъ „акцентомъ“, т. е. и слышаніе и воспроизведеніе чужого языка непременно будетъ уклоняться въ сторону навыка выработавшагося у него тысячекратными упражненіями въ родномъ языкѣ. Во-вторыхъ, дѣятельность взрослыхъ сказывается въ расширеніи и сочетаніи. Неустанно произносимыя передъ дѣтскими слова и сочетанія словъ взрослые повторяютъ главнымъ образомъ въ присутствіи тѣхъ лицъ, вещей или процессовъ, которые обозначаются этими словами; такимъ образомъ они (взрослые) ассоціируютъ съ первоначально двучленными соединеніями звуковъ, третій членъ—значеніе. Такъ ребенокъ постепенно научается понимать, т. е. при слышаніи или произношеніи опредѣленныхъ словъ воспроизводитъ представленіе много разъ одновременно съ ними воспринятыхъ лицъ или предметовъ; онъ переживаетъ слова въ качествѣ знаковъ вещей. Вмѣстѣ съ этимъ онъ одновременно научается и говорить, т. е. при видѣ или осязаніи вещей и въ особенности при желаніи ихъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), онъ воспроизводитъ представленіе связанныхъ съ ними и ставшихъ для него привычными словъ. Эти представленія словъ сейчасъ же ведутъ за собою произнесеніе самихъ словъ, и такимъ образомъ ребенокъ выражаетъ и доводитъ до свѣдѣнія окружающихъ свои представленія о вещахъ, главнымъ же образомъ— свои чувствованія и волевыя переживанія по отношенію къ послѣднимъ.

Когда ребенокъ достигъ уже этой стадіи и хоть сколько нибудь понимаетъ важность такого обозначенія предметовъ словами, онъ весьма охотно и самъ начинаетъ подражать рѣчи взрослыхъ, чѣмъ и дѣлаетъ свой третій шагъ впередъ. Съ одной стороны, онъ подражаетъ употребляемымъ взрослыми словамъ просто какъ словамъ, часто совершенно механически, играя, совѣмъ не понимая или очень плохо понимая ихъ содержаніе. Сначала, конечно, его подражаніе крайне несовершенно: вѣдь онъ умѣетъ произносить еще далеко не всѣ звуки и не въ состояніи подражать тѣмъ движеніямъ, кинѣстетическихъ ощущеній которыхъ онъ еще не знаетъ. Но при непрерывной болтовнѣ возникаютъ всевозможныя случайности и отклоненія, благодаря чему онъ постепенно наталкивается и на трудные звуки, находитъ далѣе характерныя для языка его окружающихъ и особенно важныя для произношенія положенія органовъ рѣчи, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обыкновенно совершенно усваиваетъ все богатство звуковъ своего родного языка. Но съ другой стороны онъ подражаетъ также и всей дѣятельности взрослыхъ, въ смыслѣ обозначенія словами вещей и фактовъ. Экономно пользуясь находящимся въ его распоряженіи запасомъ понятныхъ ему словъ, онъ самостоятельно творитъ новыя формы и сочетанія ихъ по аналогіи со знакомымъ ему ихъ употребленіемъ. Отчасти онъ производитъ это опять таки играя, особенно когда окружающіе показываютъ, что имъ нравится это его занятіе и часто комичные для насъ его продукты, но въ большинствѣ случаевъ ребенокъ сознательно пользуется языкомъ, какъ средствомъ общенія. Такъ, напр., ребенокъ создаетъ такія выраженія какъ: жгать вмѣсто жечь, ножить вмѣсто рѣзать, имянинная лавка вмѣсто кондитерской и т. п.

Итакъ, подражая, ребенокъ все таки уклоняется отъ языка окружающихъ, благодаря своеобразію дѣйствующихъ въ немъ душевныхъ силъ. Но это своеобразіе души, проявляющееся во всякомъ процессѣ рѣчи, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще другое дѣйствіе. Пониманіе рѣчи взрослыхъ, т. е. слушаніе ихъ словъ и вѣрное схватываніе обозначаемыхъ этими словами вещей—есть воспріятіе въ указанномъ выше (стр. 121) смыслѣ. Однако, воспріятіе зависитъ, какъ мы видѣли, отъ самыхъ различныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ отъ интересовъ воспринимающихъ и накопившагося у нихъ опыта. Интересы же дѣтей совершенно отличаются отъ интересовъ взрослыхъ, ихъ опытъ несравненно ограниченнѣе; какъ же ребенокъ можетъ связать со словами взрослыхъ тотъ же смыслъ, что и они? Вначалѣ это совершенно невозможно. Въ позднѣйшей же стадіи развитія рѣчи ребенка этому недостатку до извѣстной степени можно помочь при помощи самого языка, словесно поясняя

связанный со словами смыслъ. Само собой разумѣется, что это поясненіе возможно лишь послѣ того, какъ ребенокъ научился вѣрно понимать значительную часть существующихъ словъ. Вотъ почему даже и умѣющій говорить ребенокъ первоначально не понимаетъ огромной части употребляемыхъ взрослыми словъ: отвлеченныхъ понятій, словъ, выражающихъ отношенія (сегодня, здѣсь, я) и всего, что чуждо его кругозору. Но даже и тѣ слова, которыя относятся къ кругу наблюдавшихся имъ предметовъ, и значеніе которыхъ онъ, повидимому, понимаетъ, понимаются имъ сплошь и рядомъ совершенно иначе, чѣмъ взрослыми. Часы для ребенка—нѣчто тикающее и блестящее. То, что взрослые понимаютъ подъ этимъ словомъ, никоимъ образомъ нельзя уяснить ребенку, и онъ не нашелъ бы ничего общаго между карманными, песочными и солнечными часами. Извѣстно, какъ часто дѣти самымъ удивительнымъ образомъ примѣняютъ слова, повидимому, усвоенныя ими правильно, какъ они часто изумляютъ взрослыхъ мнимо страннымъ перенесеніемъ смысла словъ. Напримѣръ, названіе какого нибудь съѣдобнаго предмета употребляется ими для обозначенія всего съѣстнаго вообще, а кромѣ того еще для обозначенія ѣды и голода и т. д.; одинъ мальчикъ называлъ, наприм., отца, мать, няню, сестру, рожокъ, наконецъ всякій бросающійся въ глаза предметъ словомъ *дада*. Охотно говорятъ, что ребенокъ употребляетъ слова въ болѣе общемъ смыслѣ, чѣмъ взрослые, или что онъ имѣетъ тенденцію къ обобщенію понятій. Однако, совершенно неосновательно окружать дѣтскую душу ореоломъ какой то особой логической способности. Конечно, слова у дѣтей имѣютъ большею частью болѣе общее значеніе, чѣмъ у взрослыхъ. Вѣдь при ограниченной способности ребенка къ воспріятію, употребляемая имъ названія ассоціируются обыкновенно съ гораздо меньшимъ количествомъ отличительныхъ признаковъ вещей, чѣмъ у взрослыхъ; естественно, эти признаки повторяются затѣмъ у большого числа вещей. Но не въ этомъ заключается характерная особенность дѣтскаго словоупотребленія. Довольно часто ребенокъ употребляетъ слова и въ гораздо болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ взрослые. Ребенокъ едва ли обозначитъ червей, птицъ и лошадей однимъ общимъ словомъ—животное. Существенно скорѣе вотъ что: ребенокъ употребляетъ слово для обозначенія бросающейся ему въ глаза стороны вещи или важнаго для него впечатлѣнія, вызываемаго ею; онъ сплошь и рядомъ имѣетъ въ виду при этомъ совершенно не то, что тѣмъ же словомъ обозначаетъ взрослый. Тамъ, гдѣ подразумѣваемый ребенкомъ признакъ или существенное для него впечатлѣніе повторяется, тамъ онъ снова употребляетъ то же слово, не

потому, что онъ руководится при этомъ обнаружившимся изъ сравненія вещей сознаниемъ ихъ сходства въ какомъ нибудь отношеніи, а исключительно потому, что согласно общимъ законамъ ассоціаціи, одинаковый исходный членъ ассоціативной цѣпи долженъ воспроизвести одинаковый послѣдующій членъ. Для взрослога же дѣло потому только и представляется удивительнымъ, что онъ совершенно не знаетъ смысла, придаваемого ребенкомъ извѣстному слову и наивно считаетъ этотъ смыслъ одинаковымъ съ тѣмъ, который данное слово имѣетъ для него самого.

Даже и въ томъ случаѣ, если ребенокъ въ словахъ подражаетъ рѣчи его окружающихъ, добрая часть всего того, что онъ дѣлаетъ, есть все же его собственное твореніе; приобрѣтенныя путемъ подражанія слова онъ примѣняетъ для самостоятельныхъ новыхъ построеній и также самостоятельно связываетъ эти слова съ представленіями о вещахъ. Поскольку при этомъ дѣти принадлежатъ къ опредѣленной средѣ съ общимъ языкомъ и культурой и имѣютъ сходные интересы и наблюденія, постольку, конечно, и плоды ихъ творчества оказываются сходными: на ряду съ языкомъ взрослыхъ существуетъ еще понятный для всей объединенной однимъ языкомъ группы индивидовъ дѣтскій языкъ. И наоборотъ. Поскольку интересы и опытъ отдѣльныхъ дѣтей различны, постольку бываетъ различенъ и дѣтскій языкъ; поэтому, строго говоря, дѣтскій языкъ одной семьи не будетъ во всѣхъ своихъ частностяхъ понятенъ въ другой; въ этомъ ясное указаніе на одну изъ причинъ, обусловившихъ большое расхожденіе языковъ различныхъ народовъ и племенъ. Но, конечно, всѣ эти различія не могутъ долго устоять противъ подавляющаго вліянія единаго языка взрослыхъ. Усвоеніе языка ребенкомъ проходитъ такимъ образомъ четвертую и послѣднюю, продолжительную стадію развитія, заключающуюся въ томъ, что его языкъ постепенно приспособляется къ языку окружающихъ. Ребенокъ замѣчаетъ изъ недоразумѣній, которыя у него возникаютъ (къ которымъ онъ подаетъ поводъ своею рѣчью или узнаетъ изъ специальныхъ разъясненій), въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать примѣняемые имъ слова, чтобы они соотвѣтствовали общему употребленію; такимъ образомъ, онъ постепенно все больше и больше приспособляется къ послѣднему.

Конечно, совершенство въ этомъ отношеніи почти что недостижимо. Языкъ каждаго индивидуума представляетъ нѣчто своеобразное по своему запасу словъ, по значенію многихъ изъ нихъ, особенно по болѣе тонкимъ его оттѣнкамъ, а также по способу ихъ употребленія. Строго говоря, не существуетъ единаго и совершенно тождественнаго языка для всѣхъ принадлежащихъ къ опре-

дѣленной языковой группѣ, а есть только множество индивидуальныхъ языковъ, въ общихъ чертахъ сходныхъ другъ съ другомъ. Для практическихъ цѣлей этого сходства совершенно достаточно. Но все же сколькимъ недоразумѣніямъ, разъясненіямъ, спорамъ и т. п. даютъ поводъ имѣющіяся между ними различія! Это является большимъ недостаткомъ съ точки зрѣнія великой практической задачи, которой служитъ языкъ — задачи взаимнаго общенія и пониманія. Но можно только сказать: *Sit ut est aut non sit*. Природа интеллектуальной жизни, обуславливающая происхождение языка и его форму, съ необходимостью обуславливаетъ именно этотъ способъ его образованія, и только на высшей ступени развитія языка говорящіе создаютъ съ сознательнымъ намѣреніемъ и съ опредѣленной цѣлью единый для всѣхъ почти абсолютно однозначный и такъ сказать сверхъиндивидуальный языкъ, примѣромъ котораго является языкъ формулъ математики и химіи. Однако, на нихъ мы познаемъ также, что указанныя выше несовершенства не суть только несовершенства. Вся сила, вся красота и художественность языка связана съ индивидуальной формой, которую онъ принимаетъ въ устахъ отдѣльныхъ носителей его.

3. *Измѣненія языка.* Какъ мало языкъ представляетъ собой нѣчто вполне тождественное для всѣхъ говорящихъ на немъ, такъ же мало онъ является чѣмъ-либо вполне устойчивымъ. Онъ недолго сохраняетъ постепенно достигаемую отдѣльными индивидуумами и на извѣстный промежутокъ времени все же довольно однообразную форму. Онъ живетъ и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ его носителей, и въ зависимости отъ нихъ видоизмѣняется то медленно, то быстро, принимая все новыя и новыя формы. Измѣненіе это совершается одновременно въ обѣихъ главныхъ составныхъ частяхъ языка, соединеніе которыхъ составляетъ его сущность. Слова съ ихъ грамматическими формами и сочетаніями, служащія для обозначенія опредѣленныхъ вещей, отношеній и явленій, постепенно становятся иными, и въ то же время постепенно измѣняются многочисленные значенія, соотвѣтствующія опредѣленнымъ словамъ. Первый процессъ, измѣненіе звуковъ и формъ, обусловленъ главнымъ образомъ внѣшними обстоятельствами, какъ, напр., удобствами говорящаго, заимствованіемъ изъ чужого языка, благодаря близкому знакомству съ иными языковыми привычками. Но уже и здѣсь въ значительной степени, а въ другомъ процессѣ, процессѣ измѣненія значенія словъ — исключительно, измѣненія совершаются на основаніи различныхъ законовъ душевной жизни. Тѣ же самыя силы, которыя въ связи съ опредѣленными переживаніями, мыслями, интересами, по-

требностями первоначально определеннымъ образомъ формируютъ языкъ, съ необходимостью обуславливаютъ и его видоизмѣненіе, заставляя его приспособляться къ другимъ переживаніямъ, мыслямъ, потребностямъ.

Исключительныя условія могутъ, напр., вести къ тому, что изъ многихъ характерныхъ признаковъ личности или вещи нѣкоторыя становятся для насъ особенно важными и привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе, какъ напр. у Юлія Цезаря его власть, которой онъ достигъ, у управляющаго Бойкотта всеобщее презрѣніе, которое онъ вызвалъ своею строгостью. Естественно, въ такомъ случаѣ, что при произнесеніи этихъ именъ указанные признаки часто выдвигаются на первый планъ. Говорящій думаетъ преимущественно о нихъ, и если возникаетъ необходимость и по другому поводу обозначить однимъ словомъ совокупность именно этихъ отличительныхъ свойствъ, не касаясь другихъ, сопровождающихъ ихъ, то для этого естественно напрашивается то первоначально собственное имя, которое уже измѣнило свой первоначальный смыслъ. Оно теряетъ одну, ставшую менѣе важной часть своего содержанія, но зато расширяетъ свой объемъ. Точно такимъ же образомъ происходитъ, наоборотъ, суженіе объема понятій. Бываетъ, напр., что изъ большого числа вещей, обозначаемыхъ однимъ и тѣмъ же словомъ, нѣкоторыя становятся особенно важными для говорящихъ, потому напр., что съ ними приходится особенно часто имѣть дѣло. Тогда при употребленіи этого слова выступаютъ особенно ясно въ сознаніи именно эти вещи. Отличающія ихъ детали стушевываются и постепенно опускаются, тѣмъ болѣе, что при одинаковыхъ интересахъ собесѣдниковъ въ нихъ болѣе нѣтъ нужды, и объемъ слова такимъ образомъ суживается. Такъ, напримѣръ, для каждаго деревенскаго жителя слово „городъ“ означаетъ ближайшій къ его деревнѣ городъ; слово „газъ“ для незанимающагося физикой—только свѣтильный газъ. Многія наименованія должностныхъ лицъ, наприм., министръ, генераль, полковникъ—ничто иное, какъ слова, потерявшія свое первоначально широкое значеніе. Нѣсколько иными результатами такого совмѣстнаго дѣйствія законовъ ассоціаціи и перемѣщенія вниманія являются *метафоры*. Здѣсь слово съ первоначально обозначавшагося имъ предмета переносится на другой, похожій на него въ какомъ-нибудь отношеніи, такъ, наприм., слово лиса—на хитраго человѣка, слово нога—на ножки столовъ и стульевъ и т. п. То же самое и въ *метониміяхъ*, при которыхъ имѣетъ мѣсто перенесеніе слова на нѣчто, связанное съ нимъ во времени, такъ, наприм., слово месса, обозначающее религіозную церемонію, переходитъ на ярмарки, связанные иногда съ послѣднею во времени. Слово „туалетъ“, обозначавшее первоначально не-

большую скатерть, переносится на покрываемый ею столъ, затѣмъ на совершающійся около послѣдняго актъ одѣванья, на употребляемая при этомъ платья и т. д.

Много интересныхъ перенесеній значенія словъ обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоторымъ побочнымъ намѣреніямъ говорящихъ. Очень часто говорятъ съ тѣмъ, чтобы добиться чего-нибудь отъ другихъ. Для этого необходимо заслужить ихъ благосклонность и соотвѣтственно обращаться съ ними, наприм., оказывать имъ всяческія почести и говорить объ ихъ достоинствахъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ стараться лучше сдѣлать больше, чѣмъ меньше. Поэтому во всѣхъ языкахъ всѣ почтительныя обращенія, величанія и т. д., особенно по отношенію къ лицамъ женскаго пола, имѣютъ тенденцію терять свое первоначальное значеніе. Слово „господинъ“ первоначально обозначаетъ высокопоставленное, повелѣвающее другими лицо, теперь же это слово примѣняется почти ко всякому взрослому мужчинѣ. Еще при Лессингѣ нѣмецкое слово *Fräulein* (барышня) примѣнялось исключительно къ дѣвушкамъ знатнаго происхожденія, нынѣ же такъ называется въ Германіи всякая незамужняя женщина. Далѣе, всякій говорящій имѣетъ еще цѣль быть услышаннымъ не только физически, но въ особенности такъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, а, гдѣ возможно, и одобреніе. Но при огромной массѣ говорящихъ очень трудно заставить себя слушать, особенно это трудно подростающаго поколѣнія, для молодежи, о которой большая публика еще ничего не знаетъ и къ которой не имѣетъ серьезнаго довѣрія, между тѣмъ какъ она хочетъ сказать такъ много новаго и важнаго. Очевидно, что она должна говорить не просто, какъ другіе, съ той лишь цѣлью, чтобы быть понятой; молодежь въ то же время должна заботиться, какъ бы привлечь къ себѣ вниманіе. Это достигается различными способами. Либо она выступаетъ подъ флагомъ общепризнаннаго автора, подражая ему. Стараются говорить остроумно, какъ Гейне, или страстно-чувствительно, какъ Гетевскій Вертеръ или въ ослѣпительныхъ антитезахъ, какъ Ницше. Такимъ путемъ она обращаетъ въ моду способы выраженія и обороты отдѣльнаго автора и способствуетъ ихъ широкому распространенію. Въ другихъ же случаяхъ она говоритъ вычурно, странно, не употребляетъ, какъ совѣтуетъ Шопенгауэръ, обыкновенныхъ словъ, для выраженія необыкновенныхъ вещей, а, наоборотъ, выражаетъ обыкновенныя вещи необыкновенными словами, словами, въ которыхъ хотя и можно отгадать подразумеваемый смыслъ, но которыя въ такой связи обычно не употребляются. Выбираются, наприм., самыя крайнія выраженія для обозначенія посредственнаго и ординарнаго, и такъ какъ отъ эпитетовъ: адскій и небесный, восхитительный и ужас-

ный сами вещи нисколько не измѣняются, то слова эти постепенно теряютъ свое значеніе и становятся избитыми, плоскими. Наконецъ, языкъ улицы вводится въ разговоръ образованныхъ людей, возвышенное и благородное выражается грубыми словами (студентъ „лопаеетъ“, а не ѣстъ, живетъ въ „каморкѣ“, а не въ комнатѣ). Этимъ путемъ многія слова постепенно входятъ въ обиходный языкъ и облагораживаются.

Нѣтъ необходимости увеличивать число такихъ примѣровъ. Вся суть ихъ заключается въ томъ, что рѣчь, какъ и воспріятіе, есть во всякое время дѣло всей души. Происхожденіе, такъ же какъ и сохраненіе и дальнѣйшее развитіе языка, есть естественный продуктъ совокупности всѣхъ душевныхъ силъ. Какъ относительно формы употребляемыхъ словъ и внѣшняго сочетанія, такъ и относительно выбора ихъ для выраженія своихъ мыслей и группировки для взаимнаго опредѣленія значенія каждаго изъ нихъ, говорящій всегда находится въ зависимости отъ способа, какимъ онъ раньше выражался или выразился бы въ подобныхъ случаяхъ, отъ приобрѣтенныхъ имъ и особенно важныхъ для него представленій о вещахъ, и въ особенности отъ тѣхъ цѣлей, которыя онъ преслѣдуетъ и вообще и въ данномъ частномъ случаѣ. Конечно, онъ не отдаетъ себѣ сознательнаго отчета во всѣхъ этихъ моментахъ; они дѣйствуютъ въ немъ безъ его вѣдома, ибо такова природа души, что всѣ проявленія ея дѣятельности извѣстнымъ образомъ опредѣлены. Великая цѣль, которой служитъ языкъ—взаимное пониманіе—съ особенной силой дѣйствуетъ конечно въ направленіи сглаживанія первоначальныхъ, индивидуальныхъ различій рѣчи и постояннаго сохраненія въ смѣнѣ поколѣній того, что однажды приобрѣтено. Но и то и другое никогда вполне не достигается въ самостоятельно развивающемся языкѣ. Своеобразіе отдѣльныхъ личностей, различіе условій, въ которыя онѣ поставлены, и цѣлей, которыя онѣ преслѣдуютъ, постоянно сказывается въ индивидуальныхъ особенностяхъ употребленія языка; смѣна же индивидуумовъ, а также и цѣлей неизбѣжно обуславливаетъ то медленные, то внезапныя измѣненія его. Существованіе письменнаго языка сильно замедляетъ этотъ процессъ. Можно также пытаться и искусственно задержать его путемъ введенія языка чистыхъ понятій или путемъ принудительнаго введенія нормальнаго языка съ неизмѣнными правилами и формами. Но это уничтожаетъ или наноситъ ущербъ другимъ цѣннымъ свойствамъ языка. Языкъ остающійся неизмѣннымъ вслѣдствіе принужденія очень скоро становится мертвымъ языкомъ, если только онъ не таковъ уже съ самаго начала, а мертвое плохой выразитель живого. Силу, красоту и прежде всего прав-

дивость языка въ передачѣ мыслей можно безъ ущерба сохранить лишь цѣной тѣхъ обусловленныхъ душевной жизнью особенностей, которыя съ точки зрѣнія одного взаимопониманія кажутся вредными.

4. *Значеніе языка.* Однако, эти изслѣдованія о жизни языка отклонили насъ въ сторону отъ того пути, который привелъ насъ къ нему. Вступимъ же теперь на него опять. Какое значеніе имѣетъ языкъ,—помимо огромной важности его, какъ средства общенія между людьми,—въ индивидуальной душевной жизни, какъ таковой, и въ ея развитіи? Въ общихъ чертахъ объ этомъ было уже сказано выше: языкъ обуславливаетъ возможность возвышенія абстрактнаго мышленія до крайнихъ достижимыхъ предѣловъ, возможность совершеннѣйшаго расчлененія воспріятій, мыслей и чувствъ вплоть до ихъ послѣднихъ элементовъ и возможность комбинирования послѣднихъ въ новыя сочетанія, вначалѣ разгруппированныя по ихъ сходству, а затѣмъ объединенныя для различныхъ цѣлей. Не будь языка, возможны ли были бы такія представленія, какъ ускореніе, высота тона, ирраціональное число, атомная теплота, справедливость, блаженство? Они просто невысказуемы безъ него. Но это повышение степени абстракціи обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе власти нашего мышленія надъ вещами въ обоихъ выше (стр. 135) упомянутыхъ отношеніяхъ. Во первыхъ, въ отношеніи отысканія законовъ, господствующихъ надъ вещами. Трудно сразу сказать, какъ падаютъ тѣла, когда ихъ бросаютъ или оставляютъ безъ поддержки: одни быстро, другія медленно, третьи совсѣмъ не падаютъ, а летятъ вверхъ. Но когда устранить мысленно воздухъ и образовать понятіе ускоренія, то явленіе становится совершенно простымъ, касающимся и земныхъ и небесныхъ тѣлъ: они падаютъ съ постояннымъ ускореніемъ. И такъ въ безчисленномъ количествѣ случаевъ. Физическіе, химическіе, лингвистическіе, психологическіе и другіе законы зависятъ главнымъ образомъ отъ образованія высокихъ абстракцій: синуса или тангенса угловъ, электро-моторной силы, молекулярнаго вѣса, измѣненія звуковъ въ языкѣ, силы ощущенія. Безъ языка не можетъ быть и рѣчи о такихъ абстракціяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о познаніи связанныхъ съ ними законовъ. Вотъ почему болѣе высокая степень абстракціи равнозначна большому объему представленій, большому числу вещей, въ которыхъ находятся немногіе признаки, выдѣленные съ помощью мышленія, другими словами, она равнозначна большому богатству замѣщающаго мышленія. Возьмемъ для примѣра любое общее предложеніе, напр., слова Фридриха Великаго: „Иисусъ Христосъ не далъ намъ никакихъ догматовъ, но вселенскіе соборы объ этомъ достаточно позаботились“, строчку стихотворенія: „Ты снова

молчаливо наполняешь кусты и долину туманнымъ сіяніемъ¹⁾, или общее указаніе на коллективно объединенныя вещи: „событія послѣднихъ 30 лѣтъ“. Какое множество взглядовъ, мыслей, комбинацій, отношеній и настроеній выражается каждымъ такимъ предложеніемъ. Изъ всего этого лишь очень немного сознается непосредственно; ровно столько, сколько необходимо для пониманія словъ. Но все остальное богатство какъ бы подводится къ порогу сознанія, оно готово вступить въ распоряженіе души и служить ей цѣлямъ, на случай, если особыя условія потребуютъ большихъ подробностей; пока же нѣтъ этихъ условій, оно не сознается въ заслуживающей упоминанія формѣ.

Итакъ, безконечно болѣе глубокое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкое подчиненіе вещей нашему мышленію, чѣмъ это могло бы быть при другихъ условіяхъ,—вотъ въ чемъ великое значеніе языка, помимо его роли въ жизни человѣческихъ обществъ. На ряду съ этимъ онъ оказываетъ намъ еще одну очень важную услугу. Представленія, вызванныя одинаковыми внѣшними впечатлѣніями и связанныя поэтому съ одними и тѣми же словами, бываютъ, какъ мы видѣли, чрезвычайно различными у cadaго индивидуума, различны они и у одного и того же индивидуума въ разное время, да даже и въ любой данный моментъ крайне непостоянны и текучи. Все это имѣетъ свои преимущества, поскольку такимъ образомъ мышленіе цѣлесообразно приспособляется къ специальнымъ условіямъ даннаго индивида и даннаго случая, и, несмотря на присущую ему ограниченность, путемъ быстрой смѣны до извѣстной степени отдаетъ отчетъ въ богатствѣ вещей. Однако, дѣло не обходится и безъ существенныхъ недостатковъ: часто вниманіе отвлекается къ случайнымъ и, быть можетъ, второстепеннымъ особенностямъ вещей, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на основныхъ и важныхъ признакахъ ихъ бытія и ихъ отношеній. Этимъ затрудняется передача мыслей и правильное пониманіе ихъ. Языкъ, если не совсѣмъ устраняетъ, то все же нѣсколько ограничиваетъ эти недостатки. Прибавляя къ словамъ, означающимъ извѣстныя вещи, цѣлый рядъ другихъ ближе опредѣляющихъ и разъясняющихъ ихъ словъ, устанавливая ихъ *опредѣленіе*, онъ такимъ образомъ закрѣпляетъ ихъ значеніе и возводитъ неопредѣленный и шаткій процессъ представленія до степени *мышленія въ понятіяхъ*. Что означаютъ въ обыденной жизни такія слова, какъ: кругъ, энергія, свобода и т. п. въ собственномъ и все болѣе и болѣе переносномъ смыслѣ (кругъ друзей, свобода отъ пошлинъ)? Но физикъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: энергія есть

¹⁾ Изъ стих. Гете „Къ лунѣ“. „Füllest wieder Busch und Tal still mit Nebelglanz“.

для меня способность производить механическую работу и больше ничего. Философъ: свободно то существо, которое не подчиняется внѣшнему принужденію, а дѣйствуетъ по законамъ своей природы. И благодаря тому, что подвергавшіяся опредѣленію слова мыслятся при участіи опредѣляющихъ словъ, они имѣютъ общее для всѣхъ и постоянное значеніе. Строго говоря, конечно, то, что сказано о словахъ вообще, относится и къ опредѣляющимъ словамъ: и ихъ смыслъ не вполне опредѣленъ и точно ограниченъ. Для этого и они въ свою очередь должны быть опредѣлены и т. д. Такимъ образомъ понятіе, поскольку оно должно быть вполне опредѣленнымъ и всегда тождественнымъ для всѣхъ представленіемъ, нельзя продумать до конца; оно есть идеаль, требованіе, для выполненія котораго, въ особенности при бѣгломъ мышленіи, дѣлается только нѣсколько шаговъ, нѣсколько усилій, чтобы тотчасъ же остановиться. Тѣмъ не менѣе и при такомъ положеніи вещей выигрышь по сравненію съ мышленіемъ безъ помощи понятія—колоссаленъ. Нанемъ основано всякое охватывающее предметъ и систематическое знаніе.

ЛИТЕРАТУРА.

Общее изложеніе: W. Wundt, *Völkerpsychologie*, Bd. I въ 2 Ten.: *Die Sprache* (1904). — A. Marty, *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. I Bd. (1908).

Обстоятельное изслѣдованіе дѣтской рѣчи: Cl. u. W. Stern. *Die Kindersprache* (1907). Съ подробнымъ указателемъ литературы. Готовится переводъ съ оригинала, составленнаго авторомъ для русскаго изданія).—Особаго вниманія заслуживаютъ: E. Meumann, *Die Entstehung der ersten Wortbedeutungen beim Kinde*. 2 изд. (1908).—Въ связи съ мозгомъ: H. Sachs, *Gehirn und Sprache* (1905).

Общіе доклады по психологійи и паталогіи пониманія языка Bühler и Pick въ *Bericht über den dritten Kongress für experimentelle Psychologie* (1909).

§ 18. Мышленіе и познаніе.

1. *Мышленіе*. Въ процессѣ воспріятія и отчасти также въ процессѣ воспоминанія наша представляющая дѣятельность тѣсно связана съ чувственно даннымъ, въ процессѣ же абстракціи она становится самостоятельной и удаляется отъ него въ одномъ направленіи, такъ сказать, ввысь. Но, наряду съ этимъ, она можетъ также удалиться отъ чувственно даннаго и въ другомъ направленіи—вширь и вдаль. Я получаю письмо отъ друга. Я читаю слова и понимаю ихъ смыслъ; у меня пробуждаются общія воспоминанія о личности моего друга и о времени, проведенномъ съ нимъ. Но этимъ дѣло не кончается; мое представленіе идетъ дальше. Какъ ему теперь живется? Такъ же, какъ и мнѣ,

живущему съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, въ одиночествѣ? Или онъ, благодаря своей большей подвижности, подыскалъ себѣ новое общество? и т. д. Изъ воспріятія развивается въ одномъ направленіи абстрактное представленіе, а въ другомъ—не отдѣльно отъ послѣдняго, а пользуясь имъ — *мышленіе* и *размышленіе*.

Что такое мышленіе, т. е. стройное и связанное мышленіе? Быть можетъ, намъ станетъ понятнѣе, что оно представляетъ собой, если мы раньше скажемъ, чего оно собою не представляетъ, чему служить противоположностью. Такихъ противоположностей мышленія—двѣ.

Во-первыхъ, мышленіе не есть сновидѣніе. Правда, составныя части сновидѣнія, въ большинствѣ случаевъ, находятся во взаимной зависимости; всякій послѣдующій членъ его связанъ какимъ-нибудь сходствомъ или одновременностью переживанія съ предыдущимъ. Но, по большей части, они связаны какъ звенья цѣпи, т. е. каждое съ двумя своими сосѣдями. Нѣчто, связанное со всѣми ими и не только связанное, но и соединяющее ихъ воедино, здѣсь отсутствуетъ. Высшую степень такой, чисто цѣпеобразной связи обнаруживаютъ иногда представленія сумасшедшаго при такъ называемомъ вихрѣ идей. Знаете-ли вы Гете? „Ахъ, Гете и Шиллеръ; улица Шиллера, площадь Шиллера, драматическій театръ и оперный театръ; черезъ лѣса, черезъ долины“¹⁾. Привычная связь, созвучіе словъ, пространственная смежность вещей, всевозможныя причины въ пестрой смѣнѣ увлекаютъ мысль изъ пятого въ десятое до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ эту цѣпь не ворвется новое чувственное впечатлѣніе или совершенно неожиданное представленіе, какая-нибудь внезапная мысль, обрывающая цѣпь и кладущая начало новой. Когда такія внезапныя и обрывающія цѣпь мыслей начала преобладаютъ, говорятъ о безсвязности.

Во-вторыхъ, мышленіе—не ломаніе головы надъ чѣмъ-нибудь, не продолжительное пребываніе или постоянно повторяющееся возвращеніе одного единственнаго, постоянно являющагося въ одномъ и томъ же видѣ представленія, какъ это случается, когда насъ долго мучитъ боязливое ожиданіе, или мы не можемъ, къ своей досадѣ, отдѣлаться

¹⁾ Вихрь идей—это крайнее ускореніе теченія представленій, наблюдающееся у душевнобольныхъ при маниакальномъ возбужденіи. Типичность приведеннаго отвѣта душевно-больного не можетъ быть вполнѣ сохранена при переводѣ. Утрачивается созвучіе словъ и размѣръ (стихотворный). Поэтому, приводимъ нѣмецкій текстъ: „Ach, Goethe und Schiller, Schillerstrasse, Schillerplatz, Schauspielhaus und Opernhaus, durch die Wälder, durch die Auen“.

отъ какой-нибудь мелодіи или поговорки или, наконецъ, когда неотвязное сомнѣніе, дѣйствительно-ли мы заперли домъ, мѣшаетъ намъ спать. Крайняя степень этой противоположности мышленію точно также обнаруживается при душевныхъ заболѣваніяхъ: въ навязчивыхъ представленіяхъ сумасшедшаго, напр., въ неотвязно преслѣдуемомъ его стремленіи убить кого-нибудь, или въ овладѣвающимъ всѣмъ его существомъ представленіи о томъ, что онъ грѣшенъ или дурень.

Упорядоченное мышленіе, можно сказать, есть нѣчто среднее между вихремъ идей и навязчивымъ представленіемъ. Оно состоитъ въ чередованіи представленій, которыя не только ассоціативно связаны между собою, какъ звенья одной цѣпи—хотя и это необходимо для мышленія—но вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены другому господствующему представленію и содержатся въ немъ; отношеніе всѣхъ ихъ въ совокупности къ высшему представленію есть отношеніе частей къ цѣлому. Единое наглядное представленіе, напр., какой-нибудь ландшафтъ, борьба, произведеніе искусства, или единая мысль, напр., мысль о моемъ призваніи, о моихъ стремленіяхъ, о будущемъ нѣмецкаго государства,—оба раскрываютъ въ мышленіи въ правильной и опять таки ассоціативно опредѣленной послѣдовательности богатство своего содержанія, оба распадаются на частичныя представленія и частичныя мысли, которыя въ нихъ содержатся, но не достигаютъ въ отдѣльномъ актѣ представленія полного сознанія и въ лучшемъ случаѣ могутъ мыслиться въ качествѣ замѣстителей. Когда происходитъ подобное разложеніе господствующаго въ данный моментъ представленія, то это послѣднее уступаетъ мѣсто другому; мышленіе переходитъ къ раскрытію содержанія другого единого цѣлага. При этомъ различныя господствующія или главныя представленія, которыя такимъ образомъ смѣняются другъ друга, и связываются между собою лишь послѣдовательно, въ видѣ рядовъ, могутъ быть вызваны также и новыми воспріятіями, внѣ связи съ предыдущими, какъ это бываетъ, напр., въ непринужденной бесѣдѣ, при писаніи писемъ, при отдыхѣ отъ работъ. Или же они могутъ въ свою очередь въ видѣ группы быть подчинены высшимъ представленіямъ, а эти послѣднія—еще болѣе высшимъ и т. д., такъ что цѣлое при извѣстныхъ обстоятельствахъ образуетъ собою весьма сложную и богато расчлененную систему господствующихъ и подчиненныхъ представленій различныхъ степеней. При всякомъ намѣренномъ мышленіи, напр., при преслѣдованіи опредѣленной цѣли, всѣ остальные, хотя бы даже высшія представленія, всегда бываютъ подчинены наивысшему представленію цѣли. Такъ дѣло обстоитъ съ хорошо составленнымъ

докладомъ, точно также и съ отдѣльными предложеніями, отдѣлами, главами и, наконецъ, со всѣмъ содержаніемъ любой книги или даже цѣлаго ряда книгъ.

Мышленіе является отчасти продуктомъ дѣятельности памяти. Содержаніе господствующихъ представленій, равно какъ и совокупность содержащихся въ нихъ частичныхъ представленій, а въ особенности своеобразный способъ, какимъ послѣднія связаны съ объединяющей ихъ главною мыслью, -- все это основано только на опытѣ, хотя часто и на весьма сложномъ и запутанномъ опытѣ. Къ тому же и самое возникновеніе господствующихъ представленій и ихъ чередованіе, если не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто, бываетъ обусловлено ассоціаціями. Но въ то же время мышленіе основано на законахъ вниманія. Въдъ именно въ томъ, что высшее представленіе любого момента главенствуетъ въ душѣ надъ другими и остается дѣйствующимъ до тѣхъ поръ, пока не воспроизведетъ въ достаточной мѣрѣ все свое содержаніе въ видѣ подчиненныхъ частичныхъ представленій, и заключается одна изъ существенныхъ особенностей вниманія. Чтобы это осуществилось, главенствующее представленіе должно отвѣчать тѣмъ общимъ условіямъ, отъ которыхъ зависитъ появленіе опредѣленныхъ содержаній сознанія и предпочтеніе ихъ предъ другими (стр. 96); оно должно имѣть, напр., достаточно сильный эмоциональный характеръ, достаточно интересоваться насъ. Тамъ, гдѣ эти условія осуществлены, тамъ есть и мышленіе; чтобы вызвать его, кромѣ нихъ не требуется еще дѣятельности какой-нибудь особой сущности или особой способности — конечно, при предположеніи нормально функционирующей души. Если ассоціативные процессы берутъ верхъ надъ функціей вниманія или слишкомъ слабо проявляютъ себя въ сравненіи съ послѣдней, то возникаютъ тѣ вышеупомянутыя два отклоненія отъ правильнаго мышленія, съ крайними степенями которыхъ — вихремъ идей и навязчивыми представленіями — мы только что познакомились.

Наиболѣе содѣйствуетъ удержанію господствующихъ представленій, а потому и мышленію, языкъ. Простота и удобство словъ, легкость ихъ примѣненія къ любому сложному содержанію, дѣлаетъ ихъ незамѣтными носителями единства даже богатѣйшихъ по содержанію господствующихъ представленій, и прочной опорой въ запутанныхъ и отклоняющихся въ сторону мысляхъ. Представленія, особенно богатые отношеніями, съ трудно исчерпываемымъ при помощи мышленія содержаніемъ, какъ, напр., приличіе, долгъ, честь и т. п., благодаря словеснымъ обозначеніямъ крайне легко проникаютъ въ сознаніе и потому обращаются въ объекты, почти всецѣло опредѣляющіе теченіе мыслей и

поведеніе. Прежде всего лишь благодаря языку получает господствующее для всей душевной жизни значеніе одно представленіе, которое особенно важно уже по своему происхожденію. Это представленіе о я или о самомъ себѣ.

2. *Я и внѣшній міръ.* У ребенка уже довольно рано должна выдѣлиться изъ общей суммы впечатлѣній и стать въ противоположность ко всѣмъ имъ опредѣленная группа впечатлѣній, отличающаяся своими общими, рѣзко выраженными особенностями. Когда ребенка переносятъ изъ комнаты въ комнату или изъ дома на улицу, или когда онъ самъ ползкомъ передвигается и падаетъ, то огромное множество впечатлѣній, которыя онъ воспринимаетъ, превращается у него въ другія: вмѣсто стѣны съ картинами онъ видитъ окна съ занавѣсками, вмѣсто стола и стульевъ— дома, деревья и незнакомыхъ людей. Но нѣкоторыя впечатлѣнія остаются неизмѣнными. Куда бы онъ ни смотрѣлъ, онъ почти всегда видитъ части своихъ рукъ или своего тѣла; гдѣ бы и въ какомъ положеніи онъ ни находился, его всегда сопровождаютъ ощущенія, воспринимаемыя имъ отъ одежды, отъ движенія его членовъ, отъ процессовъ дыханія, пищеваренія, кровообращенія. Сюда присоединяется еще рядъ другихъ замѣчательныхъ наблюденій. Очень часто видимые нами предметы движутся; тогда ребенокъ переживаетъ своеобразные сдвиги и измѣненія зрительныхъ образовъ. Но когда движутся тѣ предметы, которые всюду сопровождаютъ его, т. е. его руки и ноги, то онъ воспринимаетъ не только такія же видимыя измѣненія, какъ при движеніи внѣшнихъ предметовъ и другихъ людей, но одновременно еще и другія: измѣненія его кинѣстическихъ, а въ большинствѣ случаевъ и осязательныхъ ощущеній; такимъ образомъ, у него накаплиются наблюденія двоякаго характера. Точно такое же явленіе наблюдается и въ другомъ отношеніи. Когда руки или ноги ребенка соприкасаются съ мѣняющимися при каждомъ передвиженіи тѣла предметами, то къ зрительному впечатлѣнію присоединяется еще ощущеніе прикосновенія. Когда же руки или ноги его соприкасаются другъ съ другомъ или съ остальными частями тѣла, то отъ этого получается, независимо отъ зрительныхъ ощущеній, опять таки двойное ощущеніе, которое, очевидно, испытывается, ребенкомъ, какъ нѣчто весьма достойное вниманія. Вспомните ребенка, играющаго большимъ пальцемъ своей ноги или котенка, кусающаго свой собственный хвостъ.

Однимъ словомъ, въ силу различныхъ основаній, зрительныя, осязательныя, органическія и др. ощущенія, исходящія изъ собственнаго тѣла ребенка, должны мало-по-малу занять исключительное положеніе въ его сознаніи. Въ силу нѣкоторыхъ особенностей они выдѣляются изъ всѣхъ другихъ

впечатлѣній, вызываемыхъ внѣшнимъ міромъ, въ качествѣ сего-то своеобразнаго. Благодаря ихъ постоянному сосуществованію, эти ощущенія образуютъ въ высшей степени прочное соединеніе, а благодаря тому, что они постоянно сопутствуютъ другимъ впечатлѣніямъ, это соединеніе необычайно легко воспроизводится любымъ изъ послѣднихъ. Во избѣжаніе распространенныхъ недоразумѣній и неправильныхъ толкованій слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что это соединеніе не есть агрегатъ, внѣшнее сочетаніе первоначально раздѣленныхъ единичныхъ переживаній, но по самому существу своему несомнѣнно представляетъ единство въ указанномъ выше смыслѣ (стр. 77). У ребенка первоначально совсѣмъ не существуетъ такой раздѣленности и обособленности ощущеній, какая свойственна взрослому; какъ уже было указано (стр. 124), она вырабатывается лишь постепенно, благодаря наблюденіямъ надъ постоянно сосуществующимъ и часто мѣняющимся. Такимъ образомъ, кожныя, органическія и кинѣстетическія ощущенія, которыя даже развитымъ сознаніемъ часто еще не вполне различаются, для ребенка несомнѣнно образуютъ, хотя смутное и неопредѣленное, но все же ощущаемое въ качествѣ единства цѣлое, въ которомъ выдвигаются рѣзче, не отдѣляясь однако отъ другихъ частей, то тѣ, то другія составныя части. Только зрительный образъ тѣла, самъ по себѣ составляющій нѣкоторое единство, мы вправѣ разсматривать, какъ нѣчто извнѣ присоединяющееся къ указанному соединенію.

Но одновременно со своимъ образованіемъ эта группа тѣлесныхъ ощущеній расширяется еще въ другомъ направленіи. Представленія и мысли, равно какъ и сопровождающія ихъ или перенесенныя на нихъ чувства, часто продолжаютъ существовать и остаются неизмѣнными, въ то время какъ внѣшніе предметы, вслѣдствіе ихъ собственныхъ движеній или движеній тѣла, измѣняются. Благодаря этому они являются, хотя и связанными зачастую въ своемъ возникновеніи съ внѣшними впечатлѣніями, но въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи оказываются независимыми отъ послѣднихъ и скорѣе принадлежащими нашему тѣлу. Сюда относятся главнымъ образомъ воспроизведенія особенно частыхъ или особенно сильныхъ по впечатлѣнію переживаній, которыя очень часто повторяются при самыхъ различныхъ внѣшнихъ условіяхъ, но всегда въ сопровожденіи одинаковыхъ тѣлесныхъ ощущеній. Поэтому, мысли и чувства должны всегда связываться гораздо тѣснѣе съ впечатлѣніями, исходящими изъ тѣла, чѣмъ съ впечатлѣніями, вызываемыми внѣшними предметами; они локализируются въ тѣлесныхъ впечатлѣніяхъ. Но благодаря большому сходству нашего тѣла съ тѣлами другихъ людей и съ вещами внѣш-

няго міра вообще, все же остается всегда какъ бы пропасть между видимою, матеріальною частью всего сочетанія и этимъ невидимымъ, непространственнымъ комплексомъ мыслей; цѣлое развивается, слѣдовательно, какъ такое образование, части котораго хотя и тѣсно связаны, но которое однако распадается на двѣ половины: тѣлесную и безтѣлесную.

Это цѣлое, крайне богатое содержаніемъ и все болѣе и болѣе расширяющееся съ ростомъ интересовъ и отношеній индивидуума, ребенокъ научается обозначать однимъ простымъ словомъ: сначала какимъ-нибудь собственнымъ именемъ, предназначеннымъ только для этого соединенія: Павелъ, Грета и т. д., а позднѣе, когда онъ уже понимаетъ смыслъ и употребленіе понятій отношенія, — однимъ словомъ, предметное значеніе котораго мѣняется вмѣстѣ съ говорящимъ лицомъ, именно, словомъ *я*. Это обстоятельство необычайно увеличиваетъ прочность связи между всѣми членами сочетанія, легкость, съ которой оно мыслится въ качествѣ замѣстителя, несмотря на неисчерпаемое богатство его содержанія, въ особенности же легкость, съ какою оно по всякому поводу сознается. Такъ какъ это сочетание часто сопровождается всѣ впечатлѣнія, то оно также легко воспроизводится другими впечатлѣніями, какъ на это только что было указано. Это возрастаніе объединенности и удобство оперированія надъ нимъ дѣлаетъ его чѣмъ-то почти вездѣсущимъ. „*Я*“ постепенно становится господствующимъ представленіемъ душевной жизни. Я ничего не слышу, ничего не вижу, ничего не думаю, не мысля одновременно, хотя бы мимолетно, что это *я* тотъ, кто читаетъ или отвѣчаетъ, или строить планы и т. д. Точно также едва-ли возможно говорить о содержаніи моей душевной жизни, не употребляя слова: „*я*“ или „*мое*“. Только въ случаяхъ сильнаго обремененія души большимъ количествомъ или подавляющей силой впечатлѣній, она бываетъ лишена возможности удѣлать мѣсто еще и мысли о *я*. Въ такихъ случаяхъ, мы говоримъ о самозабвеніи, о поглощеніи души чѣмъ-нибудь, объ экстазѣ, между тѣмъ какъ ея дѣятельность, сопровождаемую болѣе отчетливымъ представленіемъ о „*я*“ называютъ *самосознаніемъ*.

Конечно и мышленіе о томъ, что находится внѣ нашего *я*, чрезвычайно облегчается благодаря такимъ общимъ именамъ, какъ „вещи“, „внѣшній міръ“, „не *я*“. Но въ виду того, что совокупности этихъ другихъ вещей не достаетъ одинаго ядра, въ виду того, что онѣ обыкновенно никогда не появляются въ одной и той же связи, а напротивъ, во всевозможныхъ мѣняющихся сочетаніяхъ, это представленіе внѣшняго міра въ общемъ далеко не достигаетъ той удобо-

мыслимости и вездѣсущности, какой отличается представлѣніе *я*; представлѣніе о внѣшнемъ мірѣ, будучи противоположностью *я*, на фонѣ которой это *я* выдѣляется, часто сопровождаетъ все же мышленіе о *я* въ видѣ мимолетнаго созвучія.

Правда, необычайная и весьма важная для всей душевной жизни легкость, сообщаемая языкомъ мысли о *я*, влечетъ за собою или, по крайней мѣрѣ, благопріятствуетъ большимъ заблужденіямъ и трудностямъ. При обычномъ, быстро протекающемъ мышленіи, представлѣніе *я*, большей частью лишь мимолетно затрагиваемое, не успѣваетъ въ необходимыхъ размѣрахъ развернуть неисчерпаемое богатство своего содержанія; оно кажется всегда одинаково простымъ и такъ сказать лишеннымъ опредѣленія образованіемъ. Даже при сравнительно медленномъ теченіи мысли, когда, сдерживая ея потокъ, я задумываюсь надъ тѣмъ, кто собственно *я*, все это переживающій, у меня въ сущности всплываютъ всегда одни и тѣ же представлѣнія объ извѣстной наружности, извѣстномъ возрастѣ, извѣстномъ положеніи и извѣстныхъ жизненныхъ цѣляхъ, объ яркихъ переживаніяхъ и т. д. Этой простотой и одинаковостью представлѣнія о *я* безчисленное количество разъ пользовались, какъ доказательствомъ объективнаго существованія имѣющихъ такія же свойства реальныхъ сущностей, которыя въ этомъ представленіи достигаютъ сомознанія, тѣхъ желательныхъ сущностей, тѣхъ простыхъ и неизмѣнныхъ душъ, о которыхъ рѣчь была выше (стр. 49). Лишь въ новѣйшее время это несостоятельное заключеніе потеряло кредитъ; оно поддерживается только тѣми остатками схоластической психологіи, связанной церковными догмами, которые сохранились еще по сей день. Это заключеніе не болѣе обосновано, чѣмъ если бы мы изъ наличности безсодержательнаго и постоянно одинаковаго представлѣнія „es“¹⁾ стали бы выводить заключеніе о существованіи соответствующей ему объективной реальности.

Однако, мѣсто метафизическаго утвержденія заняло не много отличающееся отъ него гносеологическое. Согласно послѣднему, конечной основой всѣхъ нашихъ мыслей о вещахъ и надежной исходной точкой всякаго разсмотрѣнія душевныхъ образованій и процессовъ является *я*, которое будто-бы отнюдь не можетъ встрѣчаться въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ внѣшній объектъ, не можетъ, подобно послѣднему, быть описано въ своихъ составныхъ частяхъ или объяснено по своему происхожденію. Всякій человѣкъ

1) Согласно строю нѣмецкаго языка личное мѣстоименіе *es* (оно) часто употребляется въ смыслѣ неопредѣленнаго и служитъ грамматическимъ подлежащимъ.

непосредственно сознаетъ себя въ свободномъ отъ всякихъ вліяній опытѣ; онъ постоянно переживаетъ это въ своемъ воспріятіи, мышленіи, дѣйствіяхъ, какъ всегда наличную послѣднюю предпосылку ихъ, но это переживаніе не является для его сознанія чѣмъ-то постигаемымъ ближе при помощи расчлененія и перечисленія, а исключительно свойственнымъ ему видомъ дѣйствованія и воленія, совершенно недѣлимой единой личностью. Это единство „актуальности“, ничего не знающей объ ея элементахъ, будто-бы именно и есть единство души, какъ цѣлаго; безъ него она, подобно потоку, растекалась бы на капли. Такого же рода единства проявляются, согласно этому взгляду, и въ твореніяхъ религіи, искусства, государства. Мы вправѣ сказать, что это простое и неописуемое единство личности въ сущности является простой субстанціональной душой стараго времени, только какъ бы еще болѣе одухотворенной, именно, лишенной неразрушимаго существованія въ традиціонномъ смыслѣ. Конечно, душевная жизнь, какъ цѣлое, есть единство: дѣятельность опредѣленнаго своеобразнаго характера, осуществленіе высшей господствующей надъ всѣмъ цѣли. Но какъ разъ это единство вовсе не просто и не неопредѣлимо, а чрезвычайно богато расчленено и прекрасно поддается описанію во многихъ частностяхъ, а именно, какъ единство, которое противостоитъ своимъ составнымъ частямъ не какъ нѣчто отъ нихъ отдѣльное, а какъ нѣчто лишь въ нихъ и благодаря имъ существующее, совершенно такъ же, какъ единство органическаго тѣла или растенія. Въ этомъ всеобъемлющемъ и, такъ сказать, объективномъ единствѣ содержатся болѣе ограниченныя единства, между прочимъ представленіе *я*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Единство этого послѣдняго также не просто, а обнимаетъ множественность съ весьма измѣнчивымъ составомъ. Временами представленіе *я* до того расширяется, что богатство его содержанія достигаетъ почти богатства содержанія всей души, особенно, если для его развитія есть достаточно времени и поводовъ. Однако, въ большинствѣ случаевъ, при обычномъ мимолетномъ появленіи и отзвукѣ этого представленія, оно бываетъ крайне бѣдной, почти безсодержательной и только замѣщающей мыслью. Наряду съ этимъ слѣдуетъ упомянуть еще о третьемъ видѣ единства, которое, подобно первому объективному единству, все обусловливаетъ и опредѣляетъ, и въ то же время такъ же просто и лишено свойствъ, какъ единство представленія *о я* въ обычномъ, нераскрывающемъ его содержанія мышленіи, — это такое же гипостазированіе свойствъ какого либо представленія въ объективныя реальности, какое производится при истолкованіи сознанія *о я* въ смыслѣ простой неизмѣнной души,

не такъ далеко заходящее, но такъ же совершенно не обосновное.

3. *Познаніе*. Подобно тому, какъ дополняющее и поясняющее чувствєнный впечатлѣнія воспріятіе часто совпадаетъ съ тѣмъ, что ощущается органами чувствъ, и превосходящая дѣйствительное ощущение, рисуєтъ объектъ его еще раньше, чѣмъ онъ оказалъ непосредственно воздѣйствіе на душу, точно также относится къ дѣйствительности и легче отдѣлимое отъ чувствєнныхъ переживаній мышленіе. Его содержаніе проистекаетъ изъ опыта, на него оказываютъ большое вліяніе особенно часто повторяющіяся наблюденія; понятно, поэтому, что при однородности объективныхъ явленій, оно иногда совпадаетъ съ тѣмъ, что дѣйствительно предстоитъ испытать, тѣмъ болѣе, что весьма сильныя интересы даютъ человѣку поводъ искать такого совпаденія. Съ точки зрѣнія этого отношенія къ тому, что мы можемъ испытать, различныя формы мыслей получаютъ особыя наименованія. То, что совпадаетъ съ возможнымъ опытомъ мыслящаго—съ возможнымъ опытомъ не только въ области внѣшняго міра, но и въ сферѣ духовнаго бытія и духовныхъ явленій—то называется *истиной, знаніемъ*, то же, что не совпадаетъ, *заблужденіемъ*. Знанія и заблужденія, точно такъ же какъ воспріятія и обманы чувствъ, являются результатомъ психологическихъ законовъ. Сложность душевной дѣятельности, въ связи съ ея зависимостью и независимостью отъ явленій, совершающихся внѣ собственнаго внутренняго міра, съ необходимостью приводитъ какъ къ знаніямъ, такъ и къ заблужденіямъ.

Но само собою разумѣется, что порожденіе истинъ въ различныхъ душахъ бываетъ въ высшей степени различно. Старость мыслить болѣе реально, молодость—фантастичнѣе. Отчасти это происходитъ оттого, что старость больше научилась цѣнить достоинства мышленія, соответствующаго дѣйствительности, и благодаря этому больше стремится къ нему. Отчасти же и потому, что воспроизведенія пожилого человѣка совершенно непреднамеренно и произвольно, благодаря только его болѣе богатому опыту, должны были чаще и лучше приспособляться къ переживаемому. Но и помимо этого различія, обусловленнаго возрастомъ, способность къ познающему мышленію уже съ самаго рожденія бываетъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ очень различна въ зависимости отъ природныхъ задатковъ; это фактъ общеизвѣстный. Эту способность называютъ *разсудкомъ, умомъ, сообразительностью*. Въ чемъ она заключается?

Не въ одной только хорошей памяти, поскольку подъ ней подразумѣвается способность особенно вѣрно и спустя особенно долгое время воспроизводить опредѣленные пере-

живанія. Умъ нуждается въ хорошей памяти, понимаемой въ этомъ смыслѣ, но она важна для него, такъ сказать, только въ качествѣ поставщика матеріала. Вѣдь и у глупыхъ людей, даже у идиотовъ, часто встрѣчается поразительная способность вѣрнаго сохраненія датъ, стиховъ, мелодій и т. д. Хорошая память бываетъ въ состояніи приспособить мышленіе лишь къ самымъ простымъ и наиболее часто повторяющимся комбинаціямъ объективныхъ явленій; какъ только она встрѣчается съ какими-либо сложными отношеніями, она отказывается служить; къ ней должно присоединиться еще нѣчто другое.

Слугѣ приказано выполнить извѣстное порученіе, но выполненіе это оказывается въ силу какихъ-либо оснований невозможнымъ. Для глупца вопросъ этимъ исчерпывается. Случай невозможности выполненія не былъ предвиденъ тѣмъ, кто далъ ему порученіе; поэтому, у него не возникаетъ никакого представленія о дальнѣйшемъ, кромѣ того, что ему больше нечего дѣлать и можно вернуться домой. Мышленіе же умнаго человѣка идетъ дальше. Оно не ограничивается только порученіемъ, а воспроизводитъ также и господина, который далъ его, и многое другое, что находится въ связи съ этимъ по аналогіи съ другими сходными случаями. Какова могла быть цѣль порученія? Нѣтъ-ли другихъ средствъ достигъ этой цѣли хотя бы приблизительно? Какія имѣются возможности, чтобы пустить въ ходъ то или другое средство и т. д.? Такимъ образомъ, благодаря большей подвижности мышленія и воспроизведенію отдаленныхъ обстоятельствъ, умному слугѣ удастся, быть можетъ, напасть на правильный путь, т. е. въ данномъ случаѣ возсоздать всю дѣйствительную связь, изъ которой порученіе исходило, и сообразно этому дѣйствовать.

Или рѣчь идетъ о распознаваніи болѣзни. Разные врачи ставятъ разные діагнозы; изъ нихъ вѣренъ только одинъ, остальные ложны. На чемъ основано различіе сужденій? Всякая болѣзнь обнаруживается множествомъ симптомовъ. Одни изъ нихъ легко замѣтны, иногда просто бросаются въ глаза; это то, на что жалуется больной. Другіе-же скрыты, но часто не менѣе важны; ихъ надлежитъ открыть. Въ затруднительныхъ случаяхъ, въ которыхъ только и можетъ быть рѣчь о различіи діагнозовъ, большинство изъ этихъ симптомовъ могутъ имѣть много разныхъ значеній. Каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, бываетъ при многихъ самыхъ различныхъ болѣзняхъ, напр., жаръ, лихорадка, отсутствіе аппетита, головокруженіе, бредъ величія. Съ какой нибудь опредѣленной болѣзью они связаны отчасти въ опредѣленной группировкѣ, отчасти только въ опредѣленныхъ степеняхъ интенсивности. Для вѣрнаго діагноза необходимы, поэтому, двѣ вещи: во-первыхъ, наличные симп-

томы болѣзни должны быть возможно полно приведены въ извѣстность; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе и отсутствіе извѣстныхъ симптомовъ. Но для этого требуется, чтобы представленія скрытыхъ симптомовъ были пробуждены воспріятіемъ имѣющихся на лицо; ибо не думая о нихъ, ихъ нельзя и отыскать. Во-вторыхъ, представленія о наличныхъ и объ отсутствующихъ симптомахъ, взаимно поддерживая и провѣряя другъ друга, должны воспроизвести представленіе именно той болѣзни, для которой характерна наличная совокупность симптомовъ. Условіемъ этого является одновременная дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, большая близость къ сознанію всѣхъ этихъ представленій, чтобы при возникновеніи невѣрнаго представленія о болѣзни тотчасъ же оживали представленія противорѣчающихъ ему симптомовъ и не допускали бы его. Напротивъ, невѣрный діагнозъ будетъ опираться лишь на одну часть объективно существующихъ симптомовъ, напр., на симптомы, выраженные сильнѣе прочихъ или говоряшіе въ пользу очень распространенной или особенно привычной болѣзни. Болѣе рѣдкое, болѣе скрытое, хотя само по себѣ не неизвѣстное, не пробуждается наличными воспріятіями; поэтому, оно лишено всякаго дѣйствія.

Слѣдовательно, ограниченность кругозора и неизмѣнное теченіе воспроизведеній по наиболѣе привычнымъ путямъ, съ одной стороны, и, напротивъ, широта кругозора и подвижность мышленія при одновременномъ удержаніи **одной** господствующей мысли или **одной** объединяющей цѣли, съ другой стороны, — вотъ характерныя особенности, отличающія глупость отъ ума. Духовная переработка множества разбѣдиненныхъ данныхъ въ осмысленную связь физическихъ или историческихъ явленій, философскихъ или поэтическихъ мыслей; возвышеніе надъ многочисленными пробѣлами и противорѣчіями чувственнаго воспріятія или показаній свидѣтелей; учитываніе сразу многихъ руководящихъ факторовъ при выборѣ средствъ для достиженія цѣли; искусное приспособленіе этихъ средствъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ; внезапные повороты; новыя пріобрѣтенія; однимъ словомъ, всестороннее примѣненіе многочисленныхъ наблюденій въ пользу одной господствующей надъ всѣми этими разрозненными моментами, хотя и замѣчаемой иногда только мимолетно и въ качествѣ замѣстительницы, объединяющей мысли, — осуществленіе такихъ операций характеризуетъ высшую дѣятельность познающаго мышленія. Въ основѣ его, въ качествѣ элементарнаго процесса, лежитъ не одна память и не одно вниманіе, но соединеніе обоихъ при совмѣстномъ и высшемъ развитіи различныхъ сторонъ, которыя можно въ нихъ различить:

вѣрность, богатство, и быстрота памяти, энергія, сосредоточенность и въ то же время широта и подвижность внимательнаго мышленія. Нѣтъ надобности подробнѣе распространяться о томъ, что при чрезвычайной сложности объективныхъ явленій, при запутанной и разносторонней зависимости вещей другъ отъ друга и ихъ отношеній другъ къ другу, при постоянныхъ отклоненіяхъ единичнаго отъ общей закономѣрности, такое объединеніе и ростъ душевныхъ способностей должны вести чаще и легче къ согласію предвосхищающаго или отражающаго мышленія съ испытываемой дѣйствительностью, т. е. къ познанію, чѣмъ это можетъ сдѣлать одностороннее и менѣе полное развитіе этихъ способностей.

Обыкновенно принято отличать отъ разсудка еще разумъ. Въ психологіи повседневной жизни это различеніе не имѣетъ большого значенія—оба понятія употребляются въ ней довольно безразлично; но зато ему придается большое значеніе въ богословствующей психологіи. Тамъ разсудокъ является низшей познавательной способностью, свойственной и животнымъ; между тѣмъ какъ разумъ представляетъ отличную отъ перваго, свойственную одному только человѣку высшую способность, и ей онъ обязанъ своими высшими функциями, напр., мышленіемъ при помощи понятій, самосознаніемъ, сознаніемъ Бога и т. д. Крайне ошибочное и ребяческое пониманіе дѣйствительно неизмѣримаго превосходства человѣческаго познанія надъ познаніемъ животныхъ. Это превосходство основано не на наличности высшей способности, наряду съ несвязанной съ нею низшей, изъ которыхъ одна, подобно инструменту слесаря, пригодна лишь для грубыхъ работъ, другая же, подобно инструменту искуснаго механика—для болѣе высокыхъ и цѣнныхъ функций. Основаніе его въ томъ, что одна и та же всегда однородная дѣятельность мысленнаго предвосхищенія объективно даннаго среди запутывающихъ и затрудняющихъ обстоятельства производится человѣкомъ несравненно болѣе совершенными средствами и, поэтому, даетъ несравненно болѣе совершенные результаты. Общія человѣку и животному способности изолирующаго абстрагиванія и ассоціативнаго обогащенія у человѣка съ самаго рожденія подготовлены къ гораздо болѣе высокому развитію; къ тому же, онъ обладаетъ еще чѣмъ-то совершенно новымъ и повышающимъ упомянутыя способности до высочайшей степени—языкомъ: вотъ первоосновы превосходства человѣка надъ животнымъ; все остальное вытекаетъ изъ нихъ, какъ необходимое слѣдствіе.

ЛИТЕРАТУРА.

Мышленіе: Н. L i e p m a n n, *Über Ideenflucht* (1904).—Н. I. W a t t, *Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens* (1904).

Умъ: Н. E b b i n g h a u s, *Über einige neuen Methoden zur Prüfung geistiger Fähigkeiten* и т. д. (1897).—Е. M e u m a n n, *Intelligenz und Wille* (1908).

§ 19. В ъ р а.

Дойдя до этой главы, иной можетъ, пожалуй, спросить, да должны ли въ самомъ дѣлѣ истины и знанія совершенно зависѣть отъ чего-то такого, что лежитъ внѣ ихъ,

и что достигается или не достигается при помощи болѣе или менѣе удачнаго приспособленія къ этому внѣ лежащему. Развѣ они не носятъ своей достовѣрности въ себѣ самихъ. Развѣ основныя истины не даны съ непосредственной очевидностью каждому изъ насъ, какъ только мы ихъ себѣ представимъ, и развѣ прочія истины не выводятся изъ нихъ съ логической необходимостью. Или же, если приходится допустить существованіе подчиненныхъ истинъ, оправдываемыхъ только ихъ согласіемъ съ опытомъ, то не являются-ли по крайней мѣрѣ тѣ непосредственно очевидныя истины истинами высшаго порядка и заслуживающими названія „истинъ“ по преимуществу. Какъ напр., логическія, математическія и религіозныя истины.

Дѣйствительно, сказанное до сихъ поръ нуждается въ одномъ дополненіи. Существуетъ, если не два вида истинъ, которые можно было-бы просто поставить рядомъ другъ съ другомъ, то двоякій смыслъ, въ которомъ мы употребляемъ слова „истина“, „знаніе“. Мы говорили до сихъ поръ о нихъ въ одномъ изъ этихъ смысловъ; согласно ему — оставляя въ сторонѣ всякую гносеологію, способную лишь запутать, — истины суть мысленныя построенія, отличающіяся свойствомъ согласоваться съ дѣйствительностью, лежащей внѣ міра мыслей представляющаго субъекта, притомъ согласоваться объективно, независимо отъ того, мыслится ли само это отношеніе или нѣтъ. Согласно же второму смыслу, истины суть такія мысленныя построенія, которыя субъективно представляются въ качествѣ обладающихъ согласіемъ съ дѣйствительностью, онѣ являются мыслями, связанными съ вѣрой въ ихъ дѣйствительность, съ убѣжденіемъ, что существуетъ нѣчто, объективно соотвѣтствующее имъ. Наиболее распространено мнѣніе, что оба эти пониманія истины согласуются, что сущность познанія именно въ томъ и состоитъ, чтобы одновременно быть и объективно правильнымъ и субъективно обязательнымъ; вотъ почему языкъ и называетъ однимъ словомъ носителя обоихъ этихъ свойствъ. Однако, хотя оба эти признака очень часто и совпадаютъ, это совпаденіе далеко не свободно отъ исключеній. Бываютъ объективныя истины — назовемъ ихъ такъ для краткости — которыя не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ; примѣромъ этого можетъ служить тотъ случай, когда отвергнутая нами возможность или теорія впоследствии оказывается правильной. И наоборотъ, бываютъ субъективныя истины, которыя поддерживаются самой глубокой вѣрой, которая люди готовы отстаивать цѣной своей жизни, и которымъ, однако, не можетъ соотвѣтствовать объективная дѣйствительность. Вѣдь, напр., убѣжденія христіанъ, іудеевъ, язычниковъ и философовъ—

мучениковъ за вѣру, въ извѣстной степени противорѣчили другъ другу, и эти мученики, слѣдовательно, жертвовали жизнью за нѣчто объективно неистинное. Такимъ образомъ, объективная истинность и субъективная очевидность суть не покрывающія другъ друга, а перекрещивающіяся свойства нашихъ представлений и наличность одной не является ручательствомъ за наличность другой; ихъ нужно, поэтому, различать.

Мы уже видѣли, какъ душа съ необходимостью достигаетъ одного изъ этихъ свойствъ, — объективно правильного мышленія, видѣли и тѣ данныя, которыя дѣлаютъ ее особенно искусной въ достиженіи этой цѣли. Теперь спрашивается, какъ она доходитъ до другого вида мышленія, до мышленія, связаннаго съ вѣрой, и при какихъ условіяхъ она его примѣняетъ.

Только что въ самыхъ общихъ чертахъ уже было указано, въ чемъ состоитъ вѣра: въ представленіи, что нѣчто дѣйствительно существуетъ или принадлежитъ дѣйствительности. Ея противоположность есть невѣріе или безвѣріе, т. е. представленіе о недѣйствительности чего-либо. И вѣра и безвѣріе могутъ относиться къ одному и тому же содержанію, либо взаимно ослабляя другъ друга, либо поочередно смѣняясь; тогда мы считаемъ что-нибудь вѣроятнымъ, возможнымъ, сомнительнымъ и т. д. Эти представленія получаютъ особую окраску въ зависимости отъ того, что съ ними связываются извѣстныя чувства; напр., живая и ничѣмъ неограниченная мысль о дѣйствительности, независимо отъ ея содержанія, дѣйствуетъ въ высшей степени пріятно и успокоительно, сомнѣніе же, наоборотъ, — непріятно и мучительно. Они имѣютъ также опредѣленное отношеніе къ поступкамъ и къ представленіямъ о поступкахъ. Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти хотя и характерныя сопутствующія явленія и разсмотримъ поближе въ интересующемъ насъ комплектѣ лишь содержащіяся въ немъ представленія, составляющія его подлинную сущность. Тогда мы должны будемъ спросить: что такое представленіе дѣйствительности? Каково его содержаніе и каковъ его источникъ?

Несомнѣнно, оно не есть нѣчто первичное. Дѣйствительность и недѣйствительность тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ правое и лѣвое, верхъ и низъ. Первая непонятна безъ противопоставленія послѣдней. Но развѣ недѣйствительность можетъ быть первичнымъ представленіемъ. Маленькій ребенокъ ничего не знаетъ ни о первой, ни о второй. У него есть ощущенія и представленія, но они даны ему просто, безъ сопутствующей мысли о какомъ либо различіи между ними. Однако, ему скоро приходится на опытѣ научиться узнавать это различіе. Ребенокъ голо-

день. Онъ плачетъ; въ то же время, воспроизводя прежніе опыты, онъ думаетъ о пищѣ, утоляющей голодъ, и о матери, доставляющей ее ему. И вотъ дверь отворяется, мать въ самомъ дѣлѣ появляется съ пищей. Она во многихъ отношеніяхъ очень похожа на только что передъ этимъ представленную мать, но въ то же время, однако, и сильно отличается отъ нея чувственной живостью, осязательностью и опредѣленностью ея фигуры и словъ. Въ другой моментъ ребенокъ фантазируетъ. Случайная игра его ассоціаціи рисуется его воображенію причудливыя картины: животныхъ съ шестью ногами подъ животомъ и на спинѣ, благодаря чему они для ускоренія своего бѣга могутъ переворачиваться, прелестныхъ принцевъ съ золотыми коронами на головѣ и съ богатѣйшими дарами въ рукахъ. Но какъ бы ребенокъ ни оглядывался вокругъ, онъ нигдѣ не найдетъ отвѣчающихъ его воображенію чувственныхъ переживаній; напротивъ, все вокругъ него будетъ только противорѣчить его мечтамъ. Люди, которыхъ ему приходится видѣть въ чувственной дѣйствительности, либо ходятъ съ обнаженной головой, либо носятъ шляпы, а на соблазнительные дары они не очень щедры. Конечно, вся совокупность этихъ переживаній входитъ затѣмъ въ дальнѣйшую жизнь представленій ребенка. Когда ребенку потомъ опять случается плакать, призывая мать, то онъ представляетъ себѣ въ своемъ воображеніи не одну только мать, но и весь прежній процессъ: замѣну блѣднаго тѣнеобразнаго представленія появленіемъ чувственно воспринятой матери и взаимоотношеніе между первымъ и второю; точно также и по поводу своихъ фантазій онъ вспоминаетъ различіе между чувственно воспринятымъ въ послѣдствіи и тѣмъ, что онъ мыслить до того, и несомнѣстимость одного съ другимъ. Сотни и тысячи такихъ наблюденій, которыя съ точки зрѣнія интересовъ ребенка въ высшей степени важны, постепенно должны привести къ двумъ результатамъ. Во-первыхъ, они прокладываютъ все болѣе глубокую борозду въ мірѣ мыслей ребенка. Онъ начинаетъ обращать вниманіе на то, что для однихъ представленій существуютъ совершенно похожія или соотвѣтствующія переживанія, только не блѣдныя, расплывчатыя, какъ бы безтѣлесныя, а напротивъ, болѣе яркія, живыя и устойчивыя. Въ отношеніи же другихъ представленій никогда ничего подобнаго не наблюдается; чувственно видимое скорѣе противорѣчитъ имъ; они существуютъ лишь въ качествѣ мимолетныхъ схемъ. Такъ какъ такія наблюденія производятся не только въ отношенія видимыхъ, но также и въ отношенія слышимыхъ, осязаемыхъ и т. д. предметовъ, то ребенкомъ при этомъ совершается процессъ абстрагирования. Онъ научается думать, что характерное различіе между обѣими группами за-

ключается не въ чемъ то такомъ, что свойственно одной только области зрѣнія, а вообще въ томъ, что принадлежащія одной группѣ образы какимъ-то способомъ чувственно воспринимаются, что они въ любомъ своемъ проявленіи обладаютъ той неопикуемой выпуклостью, опредѣленностью и отчетливостью, которая свойственна всему чувственно видимому, осязаемому, слышимому и т. д. Напротивъ, образы, принадлежащія другой группѣ, не только не встрѣчаются среди чувственно воспринимаемаго, но прямо не совмѣстимы съ этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ ребенокъ начинаетъ отличать извѣстныя свои представленія, какъ дѣйствительныя, отъ другихъ недѣйствительныхъ. Въдъ первоначальное значеніе этихъ словъ (позднѣйшее расширеніе ихъ значенія насъ здѣсь не интересуеть), можно истолковать только такъ: дѣйствительное—значить принадлежащее къ міру чувственно-воспринимаемыхъ вещей, потому что въ важнѣйшихъ свойствахъ оно имѣетъ одинаковую съ ними природу, а недѣйствительное — лежащее внѣ этого міра и ограниченное однимъ міромъ мыслей.

Разъ представленія дѣйствительнаго и недѣйствительнаго пріобрѣтены, они тотчасъ же находятъ богатое примененіе. Послѣ яркихъ и выразительныхъ случаевъ и менѣе яркіе даютъ поводъ къ ихъ образованію или привнесенію. Наконецъ, по одной лишь аналогіи, они мыслятся и въ такихъ случаяхъ, которые сами по себѣ не даютъ къ этому повода. Но при этомъ одно различіе получаетъ весьма важное значеніе для всей душевной жизни. Въ конечномъ итогѣ всѣ представленія возникаютъ изъ воспріятія. Правда ихъ сочетанія лишь отчасти встрѣчаются среди воспринимаемаго нами, отчасти же они противорѣчатъ ему; однако, элементы такихъ противорѣчащихъ комбинацій были также нѣкогда воспріяты и иногда снова встрѣчаются въ чувственномъ воспріятіи. Деревьевъ съ серебряными листьями мы никогда не видимъ въ повседневной жизни, но мы видимъ деревья и видимъ также листообразныя серебряныя вещи. Если же дѣло обстоитъ такъ, то мы имѣемъ несравненно больше поводовъ думать о дѣйствительности, чѣмъ о недѣйствительности. Даже въ томъ случаѣ, если наше мышленіе состояло бы сплошь изъ однихъ фантастическихъ образовъ, отдѣльныя части такихъ образовъ все же были бы мыслями о дѣйствительности, и несомнѣнно ихъ было бы гораздо больше, чѣмъ самихъ недѣйствительныхъ фантазмъ, являющихся продуктами ихъ сочетанія. Вслѣдствіе этого у насъ должна выработаться гораздо болѣе сильная привычка къ мышленію о дѣйствительности, чѣмъ о ея противоположности, и когда намъ случается переходить по аналогіи къ самимъ

по себѣ нейтральнымъ случаямъ, то нами принимается во вниманіе почти исключительно представленіе о дѣйствительности. Выражаясь иначе, дѣло обстоитъ такъ: ребенокъ, первоначально не знавшій ни вѣры, ни невѣрія и научившійся обоимъ, вначалѣ становится необычайно легковѣрнымъ.

Маленькія дѣти, какъ извѣстно, вѣрятъ всему. „Скажи ребенку, что луна сейчасъ упадетъ съ неба, и онъ станетъ смотрѣть на небо и ожидать, что вотъ она въ самомъ дѣлѣ упадетъ“. Ограниченность дѣтскаго опыта только въ немногихъ случаяхъ позволяетъ имъ контролировать, согласуются ли возникающія у нихъ представленія съ чувственно воспринимаемымъ или противорѣчатъ ему. Но тамъ, гдѣ этого контроля у нихъ нѣтъ, они не остаются осторожными или нейтральными, а обнаруживаютъ весьма сильную тенденцію считать все истиннымъ. Языкъ оказываетъ имъ въ этомъ отношеніи очень большую поддержку. Слова, которымъ прежде всего научается ребенокъ, сплошь означаютъ чувственно воспринимаемыя лица, чувственно-воспринимаемые предметы или явленія. Такъ какъ эти слова становятся руководящими для его мышленія, то и въ дальнѣшемъ онъ продолжаетъ держаться чувственно воспринимаемого, т. е. дѣйствительнаго. Кромѣ того, на всѣхъ почти языкахъ принадлежность къ міру дѣйствительности и принадлежность только къ міру мыслей обозначается однимъ и тѣмъ же словомъ „быть“, и это приводитъ къ кажущемуся самоочевиднымъ предположенію, будто вещь, о которой мы мыслимъ, что она желта или кругла, непременно существуетъ и вообще, т. е. существуетъ и въ дѣйствительности. Источникъ этой особенности лежитъ, вѣроятно, въ отмѣченномъ выше первоначальномъ легковѣрїи чловѣка, но разъ она уже существуетъ, то естественно сама въ свою очередь сильно содѣйствуетъ развитію этого легковѣрія у cadaго подрастающаго индивидуума. Однако, опытъ ребенка непрерывно обогащается и, благодаря этому обогащенію, надъ громаднымъ матеріаломъ, первоначально принятымъ на вѣру, совершается двоякая работа, которая продолжается всю нашу жизнь, хотя подъ конецъ и очень медленно.

Во первыхъ, это обогащеніе поправляетъ и отгѣсняетъ вѣру. Противорѣчащее накопляющемуся опыту исключается изъ круга принятаго на вѣру и переносится сознаниемъ въ область сказокъ или басенъ. Деревья съ золотыми яблоками? Нѣтъ, такихъ не существуетъ, говорятъ намъ дѣйствительныя яблоки; мы всѣ мягки и мясисты, а совсѣмъ не тверды, какъ золото. А рождественскій дѣдушка, который въ одинъ и тотъ-же часъ приноситъ всѣмъ дѣтямъ всѣхъ странъ ожидаемые ими подарки? Нѣтъ, это невозможно, говоритъ повседневный опытъ; кто находится здѣсь, тотъ не можетъ

въ то же самое время находиться тамъ и въ тысячѣ другихъ мѣстъ. Во-вторыхъ, указанное расширение кругозора даетъ также вѣрѣ наиболѣе прочную опору и наиболѣе надежную поддержку. Оно приводитъ многочисленныя единичныя опыты и разъединенныя вѣрованія въ единую великую систему и такимъ образомъ связываетъ все одинаковымъ образомъ съ абсолютной основой всякой дѣйствительности и высшей нормой всякой достовѣрности, съ моими теперешними чувственными воспріятіями и вообще со всѣмъ моимъ бытіемъ въ данный моментъ. Если я—пусть даже мимолетно и при помощи самыхъ общихъ замѣщающихъ представленій—долженъ думать, что опредѣленное количество часовъ тому назадъ, на опредѣленномъ мѣстѣ я пережилъ нѣчто съ такой осязательностью и отчетливостью, съ какой я вижу теперь передъ собою эту бумагу и смыслъ написанныхъ на ней словъ, то моя вѣра въ дѣйствительность этого прошлаго событія оказывается непоколебимой. „Мое теперь и мое здѣсь есть послѣдній исходный пунктъ всякой дѣйствительности, а потому и всякаго познанія“ (*Линсъ*). Все, что на почвѣ опыта можно безъ противорѣчій поставить въ связь съ этимъ прочнымъ основаніемъ,—все это также пріобрѣтаетъ прочно обоснованную достовѣрность. Почему во снѣ я могу вѣрить въ дѣйствительность сновидѣній, по пробужденіи же не могу? Потому что во снѣ сознание связи пережитаго дѣйствуетъ отрывочно. Въ общую связь опытовъ странности нашихъ сновидѣній не могутъ быть включены; какъ только въ насъ пробуждается представленіе этой связи,—тотчасъ исчезаетъ ихъ дѣйствительность. Я очень хорошо могу себѣ представить, вмѣстѣ съ Жюль-Верномъ, что меня въ пріятномъ обществѣ помѣстили въ колоссальное пушечное ядро и при помощи выстрѣла отправили на луну. Мое воображеніе весьма наглядно можетъ нарисовать мнѣ, какой откроется видъ во время полета ядра и какова приблизительно будетъ наша жизнь внутри его. Но я не смогу этого сдѣлать въ связи съ совокупностью моего опыта. Мои представленія о предѣлахъ возможнаго въ современной technikѣ, о губительномъ холодѣ мірового пространства и т. д. и т. д., прочно обоснованныя, противорѣчатъ подобнымъ фактамъ. Поэтому я не способенъ повѣрить въ нихъ.

То, что представляется намъ звеномъ въ связи нашего опыта, мы называемъ *доказаннымъ*; то, во что мы благодаря этой связи вѣримъ, — *знаніемъ*. Вслѣдствіе особенной прочности этого рода вѣры, знаніе обыкновенно противопоставляютъ вѣрѣ; такимъ образомъ, значеніе слова вѣрить ограничиваютъ и прилагаютъ лишь къ тому, что мы считаемъ за истину, независимо отъ связи нашего опыта. И болѣе узкое, и болѣе широкое значеніе, оба имѣютъ

свое основаніе; между ними существуетъ одновременно и родство и противоположность.

Итакъ, роль опыта состоитъ, съ одной стороны, въ выдѣленіи извѣстныхъ мысленныхъ образованій изъ сферы принятаго на вѣру и отнесеніи ихъ къ сферѣ того, во что мы безусловно не вѣримъ, а съ другой—напротивъ—въ соединеніи другихъ мыслей въ единую систему прочно обоснованныхъ и сдѣлавшихся предметомъ непоколебимой вѣры истинъ. Однако, обѣ эти группы далеко не содержатъ въ себѣ всей совокупности продуктовъ нашего мышленія. Громадное количество порождаемаго имъ находится между этими двумя крайностями; его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Какую позицію занимаетъ душа по отношенію къ такому материалу?

Человѣкъ несомнѣнно долженъ извлечь большой урокъ изъ своего опыта въ томъ отношеніи, что заслуживающаго вѣры на свѣтѣ оказывается гораздо меньше, чѣмъ это вначалѣ представлялась ему; вѣдь его первоначальная вѣра въ большинство случаевъ не оправдывается на дѣлѣ. Конечно, многое подтверждается опытомъ и упрочивается; но оно было предметомъ вѣры уже раньше и не представляетъ собственно никакого новаго пріобрѣтенія. Напротивъ, гораздо большая область навсегда отымается у вѣры и признается невѣроятной; значительная рѣже первоначальныя заблужденія превращаются въ истины. Итакъ, благодаря своему опыту, человѣкъ по необходимости становится объективно болѣе реалистичнымъ и субъективно болѣе скептическимъ и осторожнымъ. Съ точки зрѣнія приспособленія къ внѣшнему міру и господства надъ нимъ, такой способъ дѣйствія имѣеть нѣкоторыя преимущества; поэтому, различными способами мы стремимся содѣйствовать его развитію.

Научное образованіе, такое, напр., какъ дается въ нашихъ высшихъ школахъ, заключается не столько въ сообщеніи знаній,—которыя можно почерпнуть и изъ книгъ или „вызубрить“—сколько въ пріученіи къ объективно осмотрительному и субъективно критическому мышленію, къ выработкѣ прочной привычки видѣть и людей, и вещи во всемъ богатствѣ ихъ отношеній и искать для всего доказательства.

Такимъ образомъ, первоначально неограниченная наклонность вѣрить постепенно сильно подавляется у каждаго въ различной степени. Тѣмъ не менѣе, за рѣдкими случаями, она окончательно никогда не преодолевается. Это отчасти объясняется тѣмъ, что склонность вѣрить постоянно находитъ новую пищу въ обстоятельствахъ сходныхъ съ тѣми, которыя лежали въ основѣ ея происхожденія. Ея продолжающееся ограниченное существованіе, которое, какъ мы увидимъ, также оказываетъ душѣ цѣнныя услуги,

выражается въ томъ, что при особыхъ обстоятельствахъ склонность вѣрить остается навсегда, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ душѣ особенно живо, особенно энергично проявляются такія представленія, которыя путемъ опыта нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Наши представленія пріобрѣтаютъ этотъ характеръ, благодаря двумъ весьма важнымъ для вѣры причинамъ.

„Что трижды сказано народу, въ то онъ вѣритъ“. „Αὐτὸς ἔφα—„учитель сказалъ это“—такова, говорятъ, была ссылка учениковъ Пифагора въ доказательство правильности ихъ ученія; во всякомъ случаѣ точно также ссылаются многіе ученики другихъ учителей и по сей день. Но иногда совѣмъ не нужно учителя. „Всякій пророкъ, обладающій достаточно сильнымъ голосомъ, выразительными жестами и даромъ слова, въ состояніи направлять вѣру народныхъ массъ, подобно тому, какъ канава направляетъ воду ручья“. И вѣра народныхъ массъ, друзей, окружающаго общества, въ свою очередь дѣйствуетъ потомъ подобно частому повторенію. Что въ душахъ другихъ согласуется съ моимъ собственнымъ образомъ мыслей, то укрѣпляетъ его и присоединяетъ вѣру въ его справедливость. Кромѣ того: какъ могутъ ошибаться сразу многіе? Самыя высокія истины особенно охотно основывались на consensus omnium, т. е. на всеобщемъ согласіи; Цицеронъ называетъ его: vox natu-
rae (голосъ природы). И наоборотъ, „раздоръ философовъ“ есть излюбленное средство борьбы противъ неудобныхъ истинъ. Такимъ образомъ, представленія, которыя вызываются подчеркнутыми, сопровождающимися сильнымъ чувствомъ или достаточно часто повторяющимися утвержденіями, которымъ опытъ прямо не противорѣчитъ, внушаютъ вѣру иногда даже вопреки противорѣчащему имъ опыту. Вотъ одна изъ постоянно дѣйствующихъ причинъ вѣры. При нѣкоторомъ расширеніи этого понятія, ее можно назвать *авторитетомъ*, а основывающуюся на ней вѣру—*вѣрой въ авторитетъ*.

Второй причиной являются *потребности* человѣка, прежде всего сильныя и глубоко коренящіяся потребности. Пока онѣ существуютъ и не удовлетворяются, онѣ вновь и вновь вызываютъ живыя представленія средствъ, которыя, по аналогіи съ прежними опытами, способны ихъ удовлетворить; поскольку этимъ представленіямъ не противорѣчитъ или не слишкомъ противорѣчитъ опытъ, они также являются предметомъ вѣры. Практическая вѣра, вѣра, вытекающая изъ потребностей или изъ чувствованій,—такъ называютъ вѣру, выросшую на этой почвѣ. Какъ и другіе виды вѣры, она проникаетъ всю нашу жизнь. Каждый человѣкъ вѣритъ въ свою будущность, каждая мать вѣритъ въ своего сына. Наполеонъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Генералъ, не вѣрящій въ то, что

онъ выиграетъ предстоящее сраженіе, уже наполовину проигралъ его. Можетъ ли генераль доказать, т. е. установить согласно связи своего опыта, что онъ долженъ выиграть сраженіе? Онъ не думаетъ объ этомъ. Конечно, для обезпеченія себѣ побѣды, онъ сдѣлаетъ все, что для этого нужно, согласно его опыту, но его знаніе всегда говоритъ ему, что вопросъ о побѣдѣ—вопросъ сомнительный. Тѣмъ не менѣе онъ вѣритъ, онъ долженъ вѣритъ, что побѣда несомнѣнна. Отъ этого зависитъ все его существованіе. Его честь, его будущность, его отечество—все потеряно, если онъ не побѣдитъ. Онъ не останавливается на мысли о сомнительности успѣха; другое представленіе постоянно тѣснится на первый планъ въ его сознаниі, только оно можетъ дать ему необходимое благоразуміе и осмотрительность, въ которыхъ онъ теперь нуждается. Или развѣ мать, проникнутая убѣжденіемъ, что ея сынъ въ будущемъ станетъ выдающимся человѣкомъ, вѣритъ на основаніи своего опыта? Пусть ея наблюденія до сихъ поръ противорѣчили этому: она все же вѣритъ. Или обстоятельства до сихъ поръ были слишкомъ неблагоприятны для ея сына, или отецъ не умѣетъ поставить его на правильный путь, да и нужно же позволить ему насладиться своею молодостью. Нѣтъ, не опытъ обосновываетъ ея вѣру, а наоборотъ, вѣра истолковываетъ опытъ. И эта вѣра основана на томъ, что она нуждается въ ней. Представленіе о сынѣ-неудачникѣ отравило бы ей всякую радость и обезцѣнило бы все ея существованіе; поэтому оно не можетъ удержаться; другое представленіе съ такой энергіей вытѣсняетъ его, что вызываетъ къ себѣ вѣру. Такъ, всякое несчастье обладаетъ изумительной силой возбуждать вѣру, такъ какъ оно постоянно вызываетъ представленія о помощи, сопровождающіяся страстнымъ желаніемъ послѣдней. Во вступленіи къ своему богословско-политическому трактату Спиноза говоритъ: „Кто жилъ среди людей, не могъ не видѣть, что большинство изъ нихъ—даже самые ограниченные—въ счастья такъ преисполнены мудростью, что чувствуютъ себя обиженными, когда ктонибудь вздумаетъ дать имъ добрый совѣтъ, въ несчастьи же, напротивъ, бываютъ беспомощны, просятъ совѣта у каждаго и нѣтъ такого нелѣпаго и бессмысленнаго совѣта, которому они не послѣдовали бы“.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ три вида вѣры: вѣра, основанная на опытѣ, вѣра, основанная на потребностяхъ, и вѣра въ авторитетъ имѣютъ различные источники, но въ своемъ реальномъ проявленіи переплетаются между собою, хотя, однако, такъ, что въ отдѣльныхъ системахъ догматовъ одинъ какойнибудь видъ вѣры образуетъ какъ бы существенное ядро, остальные же—его рамку, его оболочку.

Несомнѣнно, что вѣра, основанная на опытѣ, вынуждена бываетъ уступать очень многое вѣрѣ, опирающейся на авторитетъ. Кто же въ состояніи все самостоятельно провѣрять, чтобы избѣгать опасности повторить чужія ошибки. Ясно также, что всякая вѣра, вытекающая изъ потребностей, должна сообразоваться съ запасомъ знаній въ данный моментъ. Наши потребности и средства къ ихъ удовлетворенію принадлежатъ къ области опыта; какъ могли бы совершенно отрѣшиться отъ него даже самыя смѣлыя наши желанія. Въ этой зависимости отъ опыта кроется причина часто столь различныхъ способовъ проявленія одной и той же вытекающей изъ потребностей вѣры и ихъ видоизмѣненія. Знанія единичныхъ лицъ объ объективной связи вещей различны и измѣнчивы; тоже можно сказать и о среднемъ уровнѣ знанія совокупности индивидовъ. Но уровнемъ этимъ опредѣляется то, что считается нами возможнымъ для удовлетворенія самыхъ горячихъ нашихъ желаній, и во что мы, поэтому, вѣримъ. Та порождаемая потребностями вѣра, которая не раздѣляется другими людьми, и эмпирическая форма которой противорѣчитъ ихъ знанію, называется *суевѣріемъ*. Извѣстно разнообразіе и легкая измѣнчивость суевѣрныхъ представленій, напр., о средствахъ, сообщающихъ внѣшнюю красоту, излечивающихъ тяжкія болѣзни, о прिवоротномъ зельѣ и т. д. Только тамъ, гдѣ эмпирическая оболочка суевѣрія съ трудомъ или со всѣмъ не задѣвается противорѣчащимъ ему опытомъ, потому напр., что родъ этой оболочки защищаетъ его отъ этого (спиритизмъ), въ особенности же въ томъ случаѣ, если оно прикрывается авторитетомъ великаго имени, — суевѣріе и въ своей конкретной формѣ бываетъ живучимъ и не легко подрываемымъ.

Подобно тому, какъ вѣра, вырастающая изъ потребностей, нуждается въ опытѣ, точно также, наоборотъ—и это важно подчеркнуть—вѣра, основанная на опытѣ, требуетъ въ качествѣ дополненія вѣры, порождаемой потребностями. Почему мы вѣримъ въ Коперниковскую теорію планетной системы, а не въ Птолемеевскую? Потому что она несравненно проще; если бы мы хотѣли мириться съ большой сложностью, мы могли бы удовлетвориться и Птолемеевской. Да, но развѣ природа обязалась осуществлять какъ разъ то, что наиболѣе просто. Во многихъ случаяхъ очевидно это бываетъ такъ, но во многихъ другихъ она смѣется надъ нашими предпосылками о простотѣ и показываетъ, что не боится самыхъ ирраціональныхъ и запутанныхъ отношеній. Но простота это то, чего мы желаемъ и въ чѣмъ мы нуждаемся. Простая связь сложныхъ явленій намъ нравится; мы считаемъ ее красивой. Къ тому же ее можно легче обозрѣвать и съ меньшей затратой духовныхъ

силъ мыслить, что опять таки говорить въ ея пользу. Поэтому тамъ, гдѣ опытъ допускаетъ выборъ, мы всегда оказываемъ предпочтеніе простому. Кромѣ такихъ случаевъ неопредѣленности, вѣра, обусловленная потребностями, дополняетъ вѣру, основанную на опытѣ, еще и во многихъ другихъ случаяхъ: напр., на границахъ знанія и тамъ, гдѣ въ послѣднемъ имѣются пробѣлы и куда опытъ или еще не достигъ, или уже больше не можетъ достигнуть.

ЛИТЕРАТУРА.

G. Th. F e c h n e r, Die drei Motive und Gründe des Glaubens (1866).—
В. Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли. СПб. 1904.—E. D ü r r,
Über die Grenzen der Gewissheit (1908).
П. Соколовъ. Вѣра. М. 1902.

В. ЧУВСТВОВАНИЕ и ДѢЙСТВОВАНИЕ.‡

§ 20. Причины сложности чувствованій.

Системы воспріятій и представленій, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, рѣдко или совсѣмъ никогда не существуютъ изолированно, какъ мы принуждены были излагать ихъ здѣсь, чтобы показать ихъ структуру. Сплошь и рядомъ они сопровождаются или смѣшиваются съ чувствами. Средиземное море подъ безоблачнымъ небомъ не есть только нѣчто, иначе выглядящее, съ иной температурой и возбуждающее другія мысли, чѣмъ покрытая снѣгомъ сѣверная нѣмецкая равнина; оно кромѣ того еще и говоритъ намъ совсѣмъ иное, вызываетъ въ насъ совсѣмъ иныя настроенія. Въ одинаковомъ фактѣ, напр., въ морскомъ путешествіи или въ путешествіи на автомобилѣ, я могу видѣть то опасность, то удовольствіе; одинаковое утвержденіе я могу разсматривать то какъ установленную истину, то какъ нѣчто сомнительное. Правда, возникающія у меня въ этихъ случаяхъ представленія очень различны, но еще болѣе различны другія стороны моего переживанія: страхъ, угнетенность, безпокойство—съ одной стороны, удовольствіе, радость, увѣренность—съ другой. Какъ извѣстно, эти чувствованія, сопровождающія комплексы нашихъ воспріятій и представленій,—иногда столь сильныя или столь господствующія въ сознаниі, что мы и весь комплексъ называемъ чувствованіемъ,—съ трудомъ улавливаются и поддаются анализу, благодаря богатству ихъ содержанія и живой подвижности. Въ этомъ отношеніи о нихъ можно сказать очень мало удовлетворительнаго; можно указать, однако, по крайней мѣрѣ ближайшія причины, вызывающія эти чувствованія. Такихъ причинъ можно различать три; выше (стр. 91) онѣ уже были вкратцѣ затронуты нами.

I. Содержаніе и форма. Ощущенія, представленія, воспріятія и т. п. возбуждаютъ въ насъ чувствованія не только сами по себѣ, благодаря своему, такъ сказать, абсолютному содержанію, но въ значительной степени и благодаря способу своего сосуществованія, своей послѣдовательности и вообще благодаря своимъ взаимоотношеніямъ. Сами по себѣ прекрасныя цвѣта могутъ сочетаться въ безобразный коверъ, а безразличныя сѣрыя пятна — въ плѣнительный орнаментъ. Музыкальная піеса бываетъ красива не только благодаря благозвучію отдѣльныхъ, изолированно мыслимыхъ звуковъ — хотя и это также имѣетъ значеніе — но также благодаря ея мелодіямъ и гармоніи, взятымъ опять таки не обособленно, а въ ритмахъ, сочетаніяхъ и въ общемъ строѣ.

Самый общій принципъ этихъ чувствованій формы или отношенія хорошо извѣстенъ: множественность любыхъ содержаній, независимо отъ всякаго иного эмоціональнаго воздѣйствія, пріятна просто потому, что она тѣмъ или инымъ способомъ сочетается въ одно цѣлое, что несмотря на множество и обособленность ея отдѣльныхъ членовъ въ ихъ разнообразіи или надъ ихъ разнообразіемъ все же господствуетъ единство, уничтожающее ихъ обособленность. Безсвязное или противорѣчивое множество, напротивъ, вызываетъ беспокойство и является мучительнымъ; нерасчлененное и слишкомъ простое единство кажется скучнымъ, и то и другое, стало быть, непріятно. Это соединеніе или объединеніе множественности осуществимо самыми различными способами. Единство можетъ быть, напр., всепроникающимъ, т. е. являться формой или порядкомъ, которые одинаковымъ или сходнымъ способомъ присущи всѣмъ отдѣльнымъ вѣшамъ, и которые только при помощи абстракціи разсматриваются какъ нѣчто общее. Таковы, напр., однообразныя по формѣ колья частокола, барабанный бой, сопровождающій штурмъ, симметрично устроенныя или расположенныя вещи, одинаково стилизованныя части постройки. Кромѣ того, единство бываетъ подчиняющимъ, именно, когда одинъ членъ цѣлаго, стоящій, при извѣстномъ однообразіи устройства, всетаки самостоятельно на ряду и внѣ остальныхъ составныхъ частей, выдѣляется, какъ выдающійся въ какомъ нибудь отношеніи и господствующій надъ другими. Таковы случаи, когда нѣкоторые богаче отдѣланные прутья рѣшетки на одинаковыхъ промежуткахъ другъ отъ друга выдѣляются передъ другими, таковы особенно подчеркнутые такты ритма, башни и купола построекъ и т. д. Наконецъ единство бываетъ обьемлющимъ, когда оно представляетъ цѣлое, впервые появляющееся благодаря сочетанію несамостоятельныхъ и часто совершенно разнородныхъ частей и отличающееся

отъ всѣхъ ихъ; таково единство членовъ организма, единство средствъ, направленныхъ къ одной цѣли, единство смысла предложенія или рѣчи. Естественно, что у однихъ и тѣхъ же вещей можетъ быть одновременно много родовъ „единствъ во множествѣ“; равнымъ образомъ различные виды единствъ могутъ, такъ сказать, строиться другъ на другѣ, т. е. отдѣльныя вещи могутъ соединяться сначала меньшими группами въ низшія единства, а эти послѣднія затѣмъ въ свою очередь въ болѣе высокія и высшія; въ качествѣ примѣра можно указать на готическій соборъ, симфонію, драму. Благодаря всѣмъ этимъ возможностямъ, разнообразію и сложности чувствованій, — которыя могутъ быть вызваны множествомъ впечатлѣній либо въ согласіи, либо въ противорѣчьи другъ съ другомъ и съ чувствованіями, обусловленными содержаніемъ, — разнообразію всѣхъ этихъ чувствованій необычайно велико. Но оно еще болѣе возрастаетъ, благодаря новому обстоятельству.

2. *Ассоціація.* Почему насъ особенно радуеть солнечный весенній ландшафтъ? Чѣмъ онъ лучше того же ландшафта въ пасмурный ноябрьскій день? Быть можетъ, зеленый цвѣтъ молодой растительности, самъ по себѣ, намъ больше нравится, чѣмъ желтизна увядшихъ и растоптанныхъ листьевъ; быть можетъ, волнистая округленность покрытыхъ листьями деревьевъ красивѣе тонкой сѣти оголенныхъ вѣтвей? Но это только второстепенные моменты для различной эмоціональной оцѣнки этихъ двухъ впечатлѣній. Важнѣе здѣсь то, что одинъ ландшафтъ напоминаетъ о жизни, теплѣ, прогулкахъ или пикникахъ на свѣжемъ воздухѣ, путешествіяхъ по далекимъ странамъ, другой же — объ умираніи, холодѣ и слякоти, ѣдѣ въ душныхъ комнатахъ. И вотъ эмоціональныя вліянія, которыми сопровождаются всѣ эти вещи при дѣйствительномъ переживаніи ихъ, теперь начинаютъ вновь проявляться въ насъ, стоитъ представленіямъ о нихъ пробудиться, хотя бы самымъ мимолетнымъ образомъ. По той же самой причинѣ холодъ трупа производитъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ такой же холодъ окружающихъ насъ предметовъ; видъ текущей крови оказываетъ совсѣмъ иное впечатлѣніе по сравненію съ видомъ столь же краснаго вишневаго или черничнаго сока, а видъ вишневаго сока (хотя конечно въ болѣе легкой степени), — по сравненію съ видомъ молока или лимоннаго сока. Всюду мы привносимъ въ вещи множество воспоминаній о нашихъ прежнихъ переживаніяхъ, въ связи съ ними или при посредствѣ такихъ привнесеній переходимъ къ представленію сходныхъ съ ними вещей (стр. 102). Вмѣстѣ съ тѣмъ переносится и связанный съ отдѣльными воспоминаніями пріятный или непріятный, радостный или тягостный характеръ, онъ дѣлается *вчувство-*

ванными въ пробуждающія воспоминаніе вещи, какъ часто говорятъ теперь, благодаря чему эмоціональное вліяніе ихъ становится, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, необычайно богатымъ и сложнымъ.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: эти возникающія посредствомъ ассоціированныхъ представленій чувствованія при частомъ повтореніи впечатлѣній проявляются въ душѣ отчетливѣе и живѣе, чѣмъ сами представленія, благодаря которымъ они первоначально были привнесены въ вещи; поэтому, намъ кажется, будто они являются неотдѣлимымъ свойствомъ вещей, которымъ первоначально были совершенно чужды. Домъ, гдѣ я нѣкогда пережилъ непріятную сцену, самъ становится мнѣ непріятенъ; представленіе объ этомъ домѣ можетъ стать для меня крайне тяжелымъ, между тѣмъ какъ сознаніе о поводѣ для этого можетъ постепенно отодвинуться на задній планъ и даже совершенно исчезнуть. Въ особенности бросается въ глаза такое перенесеніе чувства на новое содержаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленный эмоціональный характеръ ассоціативно связывается съ вещами при помощи множества разнородныхъ посредствующихъ представленій; тутъ эти многочисленные посредствующія звенья въ такой же степени взаимно затрудняютъ другъ другу доступъ въ сознаніе, въ какой сопрождающія ихъ однородныя чувства содѣйствуютъ другъ другу.

Типичнымъ примѣромъ этого могутъ служить деньги и постепенное развитіе пристрастія къ нимъ. Человѣкъ, подростая, убѣждается несчетное число разъ и самымъ различнымъ способомъ, что именно деньги, всегда и всюду деньги, являются средствомъ доставлять себѣ радости и удовлетворять свои желанія. Скоро для него становится невозможнымъ при видѣ или представленіи денегъ воскрешать въ памяти всѣ эти единичные опыты; вслѣдствіе своей многочисленности они сливаются въ одно смутное общее представленіе, на фонѣ котораго лишь изрѣдка принимаютъ отчетливыя очертанія отдѣльныя желанія-надежды. Однако, чувства удовольствія, связанные съ прежними опытами, не исчезаютъ вслѣдствіе этого. Они также сливаются въ одну равнодѣйствующую, но благодаря однородности слагаемыхъ, въ результатѣ можетъ получиться опять таки лишь нѣчто однородное, именно, отчетливо выраженное и возросшее чувство удовольствія, которое теперь тѣсно связывается съ деньгами, такъ какъ другого содержанія больше нѣтъ. То же самое происходитъ и при возникновеніи любви къ другимъ вещамъ или лицамъ, къ родителямъ, друзьямъ, къ родинѣ и т. д. Любящее дитя можетъ принять въ обиду, если скажутъ, что его любовь къ родителямъ основывается

на однихъ только полученныхъ отъ нихъ благодѣянійхъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ); что она есть только осязательная всѣхъ радостей, пережитыхъ благодаря дѣйствіямъ родителей и совмѣстной съ ними жизни. Ребенокъ при этомъ и правъ, поскольку въ сознаниі его любви не играетъ никакой роли отчетливое сознание этихъ благодѣяній; онъ правъ, поскольку представленіе любого благодѣянія въ отдѣльности и воспоминаніе о связанномъ съ нимъ удовольствіи бываетъ всегда крайне бѣдно сравнительно съ чувствомъ его любви, основывающимся на совокупности этихъ благодѣяній, и потому безконечнымъ, — съ чувствомъ, которое нельзя исчерпать никакимъ анализомъ. Тѣмъ не менѣе, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что чувство его основано не на чемъ иномъ. Вѣдь, если дѣти съ самаго ранняго возраста воспитываются пріемными родителями, которые относятся къ нимъ такъ же заботливо, какъ и настоящіе родители, то они и ихъ любятъ тою же любовью; различія темперамента и другихъ прирожденныхъ своеобразныхъ чертъ, которыя обычно рѣзче выступаютъ при отсутствіи кровнаго родства, не приводятъ здѣсь къ сильному пониженію тѣхъ чувствъ удовольствія, которыя, составляють сущность „незаслуженной“ симпатіи.

Какъ уже было указано выше (стр. 157), представленіе о *я* почти всегда присутствуетъ въ нашемъ мышленіи и потому почти непрерывно воздѣйствуетъ на нашу эмоциональную жизнь; по самому незначительному поводу оно примышляется къ тому, что мы воспринимаемъ, и къ тѣмъ представленіямъ, которыя пробуждаются въ ближайшей связи съ воспринятымъ. Или, вѣрнѣе, въ большинствѣ случаевъ не только примышляется, если подъ примышленіемъ подразумѣвать простое механическое присоединеніе чего то, продолжающаго существовать отдѣльно; если есть хоть какое-нибудь сходство между тѣмъ, что дано, и между однимъ изъ признаковъ представленія объ *я*, то послѣднее мыслится благодаря этой общности, какъ единое съ этимъ даннымъ, сливается съ нимъ въ одно цѣлое, опредѣленное одновременно и даннымъ и особенностями, присущими самому представленію *я*. Это можетъ происходить опять таки двумя противоположными способами. Либо данное утверждается въ сознаниі на первомъ планѣ, какъ нѣчто противостоящее нашему *я* и отличное отъ него, хотя и было ассоціативно обогащено другими признаками *я* какъ общими для нихъ обоихъ. Это тотъ процессъ, который называютъ *одухотвореніемъ*, а въ новѣйшее время часто *вчувствованіемъ я въ объектъ*. Онъ совершается въ тѣхъ случаяхъ, напр., когда движенія, жесты и звуки другихъ людей или животныхъ мы понимаемъ и истолковываемъ, какъ проявленіе душевной жизни, или когда мы говоримъ,

что мость смѣло взлетаетъ надъ пропастью, что вершина горы гордо восходитъ до облаковъ, что балки тяжело покоятся на колоннѣ, что линіи тѣснятся или прижимаются одна къ другой, что звуки сходятся и разбѣгаются и т. д. Мы черпаемъ изъ содержанія нашего я и наполняемъ предметы душевной жизнью, чувствованіемъ и активностью, а потомъ опять отвѣчаемъ на представленіе этихъ объективированныхъ привнесеній новыми реакціями нашей эмоциональной жизни. Или-же, наоборотъ, представленіе я выдвигается на первый планъ нашего сознанія, но при этомъ оно восприняло въ свое содержаніе нѣкоторыя особенности „даннаго“, наполнено ими. (*Вчувствованіе объекта въ я*). Такъ бываетъ, напр., когда муки страдающаго героя, которыми вѣдь, собственно говоря, лишь я надѣлилъ его, настолько возбуждаютъ во мнѣ состраданіе, сколько чувствуются мною, какъ мои собственныя муки; когда въ порывахъ Фауста я сознаю мои собственныя томленія и порывы, или же когда ликование музыки отражается ликованиемъ во мнѣ, когда головокружительная пропасть меня тянетъ внизъ, высокая скала влечетъ вверхъ.

Наряду съ представленіемъ о я, намъ очень близко противоположное ему представленіе—о внѣшнемъ мірѣ, какъ о чемъ то цѣльномъ или единомъ. Мы отвлекаемся отъ особенностей единичнаго случая и видимъ въ нихъ проявленіе, примышляемаго нами „общаго“. „Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ“,—мысль, необычайно легко и часто напрашивающаяся; представленіе, что такъ бываетъ не только здѣсь и теперь, но вообще на свѣтѣ,—это столь глубокое и возвышенное, столь бессмысленное и ужасное представленіе—опять таки ведетъ насъ къ особымъ эмоциональнымъ переживаніямъ, иногда прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя происходятъ изъ другихъ источниковъ.

3. *Иррадіація чувствованій*. Въ только что упомянутомъ легкомъ перенесеніи чувствъ отъ одного содержанія, съ которымъ они первоначально связывались, на другое, которое соединено съ первымъ, лишь при помощи ассоціаціи выражается нѣкоторая относительная самостоятельность эмоциональной дѣятельности души. Нѣтъ чувствованій безъ интеллектуальнаго содержанія, но при нѣкоторыхъ условіяхъ чувствованіе можетъ мѣнять его, можетъ освобождаться отъ своего, такъ сказать, естественнаго содержанія и переходить къ какому-нибудь другому, связанному съ послѣднимъ.—Еще болѣе обнаруживается эта отдѣлимость въ другомъ явленіи, которое называютъ *иррадіаціей* чувствованій. Неприятная вѣсть, полученная съ первой почтой, можетъ испортить человѣку весь день, между тѣмъ какъ вѣсть объ успѣхѣхъ или о счастливомъ исходѣ сомнительныхъ дѣлъ, напротивъ, придаетъ на нѣкоторое время

приподнятый радостный оттѣнокъ всему нашему существованію. Это не значитъ, что человѣкъ все это время помнить пріятный или непріятный поводъ. Мысль объ этомъ, конечно, время отъ времени исчезаетъ, уходитъ и вновь приходитъ. Возможно, что и чувствованіе переживается нами сильнѣе, когда она имѣется въ сознаніи, чѣмъ когда ея нѣтъ. Но чувствованіе это продолжаетъ жить и безъ нея—не изолировано, а въ связи съ другимъ содержаніемъ. Однако, оно соединяется при этомъ не только съ такими другими содержаніями, которыя ассоціативно связаны съ его первоначальнымъ поводомъ или похожи на послѣдній, а съ любымъ содержаніемъ, представляющимъ въ данный моментъ. Можетъ происходить и иное явленіе: изъ различныхъ эмоціональных дѣйствій, которыя могли бы быть возбуждены какимъ либо переживаніемъ вслѣдствіе богатства содержанія или многочисленности отношеній послѣдняго, усиливаются и переходятъ въ дѣйствительность именно тѣ и только тѣ, которыя согласуются съ даннымъ чувствованіемъ; остальные же, хотя бы даже при другихъ условіяхъ, гораздо болѣе интенсивныя, отодвигаются на второй планъ. Иной, напр., раздосадованъ неудачей извѣстнаго дѣла и возникшими въ результатъ этого непріятностями и начинаетъ раздражаться по всякому поводу: по поводу невиннаго вопроса ребенка, отъ посѣщенія обычно желаннаго пріятели, при видѣ довольнаго лица сосѣда; его раздражаетъ, какъ говорится, муха на стѣнѣ, и въ концѣ концовъ не мало онъ досадуетъ и на себя самого, за то что настолько глупъ и настолько не владѣетъ собою, что допускаетъ все это раздраженіе.

Такъ многочисленны причины, обусловливающія сложность нашей эмоціональной жизни. Жизнь эта зависитъ отъ содержанія впечатлѣній, отъ отношеній ихъ, ихъ связи съ прошлымъ и отъ того, чѣмъ наполнено наше сознаніе во всякій данный моментъ, словомъ, отъ всего.

ЛИТЕРАТУРА.

Р и б о. Психологія чувствъ. (Дважды переведена на русскій языкъ).—Относительно ассоціацій и вчувствованія: Th. Fechner. Vorschule der Aesthetik. IX (1876).—Th. Lipps. Grundlegung der Aesthetik. (1903).—P. Stern. Einfühlung und Assoziation in der neueren Aesthetik 2 изд. 1910.

§ 21. Аффекты и настроенія.

Какъ уже было сказано, болѣе подробное изслѣдованіе явленій эмоціональнаго характера, возникающихъ благодаря описаннымъ выше усложненіямъ, даетъ мало удовлетворительнаго, да къ тому же при ограниченности

размѣровъ книги оно для насъ и невозможно. Тѣмъ не менѣе, мы вкратцѣ коснемся двухъ наиболѣе часто различаемыхъ классовъ ихъ.

Чувствованія, обусловленные возникающими по ассоціаціи представленіями и быстро достигающія сравнительно большой силы, называются *аффектами*. Такое названіе для теоретическихъ цѣлей имѣетъ тотъ недостатокъ, что невозможно рѣзко разграничить быстрое возникновеніе и медленное, сильное чувство и слабое. Но своеобразный характеръ нѣкоторыхъ эмоціональныхъ состояній, которыя притомъ вызываются не непосредственнымъ чувственнымъ возбужденіемъ, дѣйствительно особенно ярко бросается въ глаза и важенъ въ практическомъ отношеніи; поэтому, особое наименованіе для этихъ состояній не бесполезно. Типичными аффектами неудовольствія являются: досада, гнѣвъ, ярость, обусловленные представленіями испытанной обиды, а также страхъ, испугъ, ужасъ, обусловленные представленіемъ угрожающей опасности. Радость, ликование, восхищеніе, воодушевленіе—типичные аффекты удовольствія. Вслѣдствіе полного поглощенія души чувствомъ и живымъ, благодаря этому чувству, представленіемъ его причины, сознаніе въ состояніи аффекта бываетъ часто, хотя и не всегда, ограниченнымъ, близорукимъ. Даже тогда, когда дѣятельность представленій не прямо пріостанавливается, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ аффектахъ, а скорѣе даже оказывается возбужденной, она бываетъ по большей части лишена нормальнаго единства и связности; не принимаются во вниманія вещи, ближайшимъ образомъ связанныя съ причиной возбужденія, однимъ словомъ, отсчитываетъ, такъ называемая, разсудительность, что, конечно, плохо отзывается на сейчасъ же вслѣдъ за этимъ совершаемыхъ поступкахъ. Отсюда давній интересъ этики къ аффектамъ.

Тѣ чувствованія, которыя, подобно описаннымъ выше (стр. 179), отдѣляются отъ первоначально вызвавшихъ ихъ представленій и нѣкоторое время продолжаютъ существовать въ связи съ какими либо другими переживаніями, измѣняя по своему образцу первоначально присущія этимъ переживаніямъ чувствованія, называются *настроеніями*. Настроенія большею частью бываютъ сравнительно мало интенсивны. Это находится, вѣроятно, въ связи съ отрѣшеніемъ ихъ отъ своихъ первоначальныхъ причинъ. Зато часто они очень длительны. Подкрѣпляемая время отъ времени вновь всплывающими воспоминаніями о причинившихъ ихъ явленіяхъ, они могутъ длиться цѣлые часы, иногда даже цѣлые дни. Но во всемъ остальномъ настроенія по характеру своему вполне соотвѣтствуютъ аффектамъ, являются какъ бы растянутыми въ длину, а потому ослаблен-

ными: аффектами. Досадѣ и гнѣву, напр., соотвѣтствуютъ настроенія недовольства и раздражительности, страху—боязливость и озабоченность, болѣзненному потрясенію—печаль и скорбь, радости—веселость и хорошее расположеніе духа.

Эти особыя образованія изъ сопровождающихъ представленія чувствованій, о которыхъ здѣсь ведется рѣчь, какъ и всѣ чувствованія вообще, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ явленіями движенія; они, конечно, сопровождаются и такими движеніями, которыя бываютъ направлены къ достиженію отчетливо сознаваемой внѣшной цѣли, стремятся осуществить или устранить представляемые нами причины чувствованія. Но особенно для нихъ характерны тѣ движенія, въ которыхъ нельзя замѣтить такой связи съ цѣлью, по крайней мѣрѣ съ перваго раза, т. е. такъ называемыя *выразительныя движенія*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Эти движенія всегда сопровождаютъ какъ аффектъ, такъ и настроеніе; съ величайшимъ разнообразіемъ, но въ опредѣленныхъ своеобразныхъ комбинаціяхъ, они сопутствуютъ каждому своеобразному душевному переживанію и, доходя до сознанія, сообщаютъ переживаніямъ особую, въ высшей степени характерную окраску. Таковы движенія внѣшнихъ органовъ, проявляющіяся въ сжиманіи кулаковъ, въ прыганіи, смѣхѣ, сморщиваніи лба, а также въ задержкѣ или оцѣпенѣніи членовъ. Таковы, далѣе, движенія гладкихъ мускуловъ (гусиная кожа), измѣненія въ дыханіи (пресѣченіе дыханія, укороченіе и углубленіе дыханія), въ кровообращеніи (сердцебиеніе, краснота, блѣдность), въ выдѣленіяхъ (слезы, потъ). Сюда относятся также процессы въ другихъ внутреннихъ органахъ, которые не представляютъ собою движеній въ тѣсномъ смыслѣ слова, но находятся въ связи съ ними, таковы, напр., отсутствіе аппетита, тошнота, сжиманіе сердца, угнетенность, усталость, возбужденность и т. д.

Старые психологи часто пренебрегали этими явленіями, физиологи и врачи давно оцѣнивали ихъ правильнѣе. Въ послѣднее же время имъ было придано, быть можетъ, нѣсколько преувеличенное значеніе. Утверждали, будто они не только сопутствующія явленія или слѣдствія аффектовъ, но составляютъ и хъ самихъ, т. е. будто аффектъ состоитъ только изъ совокупности ощущеній, которыя вызываются указанными процессами движенія или кровообращенія и прочими периферическими процессами (*Теорія Джемса-Ланге*). Мнѣніе, что чувственныя воспріятія вызываютъ аффектъ, какъ одно изъ явленій жизни чувствованій и представленій, а затѣмъ уже аффектъ въ свою очередь обуславливаетъ перечисленныя тѣлесныя измѣненія, по этой теоріи—ложно; нѣтъ: периферическіе процессы являются непосредственными рефлектор-

ными дѣйствіями самого чувственнаго впечатлѣнія, а тѣ органическія ощущенія, въ формѣ которыхъ они сознаются душой, появляясь въ сознаніи отчасти въ отчетливо различномъ видѣ, отчасти въ видѣ слитнаго цѣлаго, и составляютъ именно самый аффектъ. Слѣдовательно, мы плачемъ не потому, что мы печальны, испытываемъ страхъ, не потому, что намъ угрожаютъ револьверомъ; наоборотъ, мы печальны, потому что плачемъ, испытываемъ страхъ, потому что видъ оружія заставляетъ насъ содрогаться. Въ доказательство правильности этого толкованія приводятся два основанія. Во-первыхъ: если отмыслить всѣ сопутствующія тѣлесныя явленія, то даже отъ самого сильнаго аффекта не останется ничего, кромѣ совершенно нейтральнаго интеллектуальнаго состоянія. Гнѣвъ безъ сжиманія кулаковъ, безъ шаганія взадъ и впередъ, безъ крика, напряженія жилъ на лбу, въ спокойной позѣ съ довольнымъ лицомъ—уже не гнѣвъ болѣе; гнѣвъ прошелъ. Во вторыхъ: если мы станемъ произвольно подражать этимъ тѣлеснымъ процессамъ или если они вызваны наркотическими средствами или болѣзнью, въ результатѣ также получается данный аффектъ. Водка придаетъ веселость и храбрость, хотя бы даже не было помимо этого ни единаго веселящаго или ободряющаго впечатлѣнія. Мухоморъ или припадокъ маніи приводятъ въ такую же ярость, какъ и тяжкое оскорбленіе.—Однако, эти факты нисколько не доказываютъ тождества, которое утверждаетъ теорія. Если мы будемъ отличать содержаніе представленія аффекта отъ сопровождающихъ его ощущеній, эти факты явятся необходимыми слѣдствіемъ ассоціативной законмѣрности души. Если представленія и чувства, входящія въ составъ аффекта, переживались сначала несчетное число разъ вмѣстѣ съ опредѣленными моторными и органическими ощущеніями, то естественно, что въ извѣстной степени они могутъ быть вызваны и этими ощущеніями. Послѣднія прежде всего воспроизводятъ объясняющее, мотивирующее ихъ представленіе, а это представленіе, въ свою очередь, пробуждаетъ соотвѣтствующее чувство. И наоборотъ, если у аффекта не только отнять органическія ощущенія, которыя были всегда съ ними связаны, но и замѣнить ихъ другими, принадлежащими совсѣмъ другому душевному состоянію, то ничуть не удивительно, что пострадаетъ и самъ аффектъ. Таковы, напр., случаи, когда мы принимаемъ съ насильственной улыбкой мѣшающаго намъ и вызывающаго досаду посѣтителя. Мало того, теорія тождества неприемлема даже въ качествѣ просто возможнаго толкованія. Непосредственное сознаніе слишкомъ ясно говоритъ о большемъ богатствѣ содержанія аффектовъ, чѣмъ то, которое указывается ею. Если же разсматривать чувства удовольствія и

неудовольствія не какъ нѣчто тождественное съ кинэстетическими ощущеніями, но какъ связанное съ ними, а также съ другими ощущеніями и представленіями, то отдѣлимость и соединяемость разсматриваемыхъ эмоціональныхъ побужденій и тѣлесно обусловленныхъ основъ чувствованій, которыя не разсматриваются въ большинствѣ случаевъ отдѣльно, объясняютъ явленія перенесенія и иррадіаціи чувствованій.

Однако, тѣсная связь съ указанными периферическими процессами обусловливаетъ еще одно общее различіе въ характерѣ аффектовъ: они по большей части связаны съ ощущеніями болѣе или менѣе сильнаго возбужденія или угнетенія, подавленности, при чѣмъ крайнія ощущенія того и другого рода соединяются между собою нѣкоторыми, такъ сказать, средними ощущеніями, — ощущеніями покоя. Особенно ярко обнаруживается это различіе въ аффектахъ неудовольствія: гнѣвъ и страхъ являются типическими представителями обоихъ классовъ. Однако и аффекты удовольствія не совсѣмъ лишены его: даже самая интенсивная радость воспоминанія или благодарности представляется чѣмъ то спокойнымъ, такъ сказать, элегическимъ по сравненію съ радостью ожиданія или съ восхищеніемъ отъ непосредственно переживаемаго наслажденія. — Матеріальной основой этихъ ощущеній являются, быть можетъ, помимо различнаго положенія и состоянія органовъ движенія, процессы въ кровеносной системѣ, благодаря чему и теченіе представленій пріобрѣтаетъ при двухъ указанныхъ крайностяхъ весьма различную форму.

Можно еще вкратцѣ коснуться двухъ другихъ понятій, относящихся къ эмоціональной жизни, — темперамента и страсти. Темпераменты представляютъ изъ себя, въ существенномъ, врожденные предрасположенія къ проявленію эмоціональной жизни въ ея различныхъ особенностяхъ общаго характера. Обыкновенно различаютъ четыре вида темперамента: сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій. Названія эти основываются на примитивныхъ отвлеченныхъ соображеніяхъ о вліяніи тѣлесныхъ соковъ (кровь, желчь) на появленіе извѣстныхъ чувствъ, само же различеніе на не лишенномъ значенія наблюденіи. Можно дѣйствительно установить такіе четыре типа проявленія чувствъ, хотя и здѣсь, какъ вездѣ, чистыя формы составляютъ исключенія; промежуточныя или смѣшанныя формы, въ зависимости отъ обстоятельствъ, значительно преобладаютъ. Существуетъ очень много попытокъ установить связь этихъ четырехъ типовъ темперамента съ общепризнанными различіями чувствованій. Кантъ, напр., различаетъ съ одной стороны преобладаніе чистой эмоціональной жизни или преобладаніе активности, а съ другой стороны возбудимость или ослабленіе жизненныхъ силъ; эти противоположности перекрещиваются другъ съ другомъ. Вундтъ соединяетъ различіе между слабымъ и сильнымъ чувствованіемъ съ различіемъ между быстрой и медленной смѣной чувствованій, но при этомъ въ обоихъ случаяхъ не принимаетъ во вниманіе несомнѣнно самое характерное различіе — преобладаніе чувства удовольствія или чувства неудовольствія. По моему мнѣнію, болѣе подходящей была бы нижеслѣдующая систематизація. Люди, вообще говоря, бываютъ болѣе предрасположены отъ природы къ оптимизму, или къ пессимизму;

они отъ рожденія склонны открывать въ вещахъ прежде всего-либо хорошія и пріятныя стороны, либо непріятныя и вредныя. Таковы съ одной стороны сангвиники и флегматики, съ другой—холерики и меланхолики. Затѣмъ, эмоциональная жизнь какъ съ внутренней своей стороны, такъ и со стороны сопутствующихъ внѣшнихъ явленій, проявляется болѣе бурно и живо, или болѣе сдержанно и длительно, т. е. то въ видѣ аффектовъ, то въ видѣ настроеній. Съ первой точки зрѣнія возникаютъ различія между холерикомъ и сангвиникомъ, со второй—между флегматикомъ и меланхоликомъ. Такимъ образомъ сангвиника можно было бы характеризовать какъ оптимистически настроеннаго и склоннаго къ аффектаціи человѣка и т. д.

Страсти—это пріобрѣтенныя человѣкомъ и сильныя, т. е. въ широкомъ объемѣ опредѣляющія все наше поведеніе, предрасположенія къ возбужденію извѣстныхъ пріятныхъ аффектовъ. Это какъ бы заранѣе желаемые аффекты, такъ какъ они обуславливаются многочисленными опытами относительно силы доставляемаго аффектами удовольствія и относительно средствъ къ возбужденію ихъ. Они постоянно находятся, такъ сказать, на сторожѣ, всегда готовые вновь вызвать аффектъ. Такова, напр., страсть игрока, курильщика, коллекціонера, влюбленнаго. Но ихъ можно назвать также длительными аффектами; Кантъ довольно удачно сравниваетъ аффектъ съ опьяненіемъ, страсть—съ болѣзью. Такъ какъ страсти имѣютъ сильную власть надъ всѣмъ поведеніемъ человѣка, то страстными называютъ въ переносномъ смыслѣ и проявленія аффекта, когда они вытѣсняють все остальное, и людей, которые склонны къ такимъ проявленіямъ. Аффекты свойственны и животнымъ—именно радость, страхъ, ярость; но животное вслѣдствіе недостатка предвидѣнія несомнѣнно не можетъ испытывать страстей.

ЛИТЕРАТУРА.

W. James Principles of Psychology vol ch. 25 (1890).—C. Lange. Über Gemütsbewegungen. Два русскихъ перевода—C. Stumpf. Über den Begriff der Gemütsbewegung. Zeitschrift für Psychol. Bd. 21 (1899).

§ 22. Сложныя дѣйствія.

Выше уже было показано (§ 14), какъ изъ врожденныхъ рефлексовъ, изъ возникающихъ при ихъ теченіи ощущеній и изъ ассоціацій послѣднихъ съ другими впечатлѣніями возникаютъ желаемые и предвидимые поступки. Далѣе эти процессы какъ бы смыкаются другъ съ другомъ въ цѣпь и образуютъ длительное дѣйствіе. Результатъ выполнения перваго движенія тотчасъ вызываетъ представленіе слѣдующаго движенія, выполнение послѣдняго—представленіе третьяго движенія и т. д. Возникають цѣлые ряды тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ одинаковыхъ или разнородныхъ элементарныхъ дѣйствій, и эти ряды часто достигаютъ значительной длины; таковы, напр., ходьба, ѣда, одѣваніе, манипуляціи съ самыми различными вещами, писаніе, шитье, гребля и т. д. Чѣмъ больше обогащается опытъ относительно связи объективныхъ вещей и чѣмъ привычнѣе становится выполненіе движеній, тѣмъ совершеннѣе въ различ-

ныхъ отношеніяхъ становятся подобныя дѣйствія. Въ стѣ съ ростомъ предусмотрительности они приспособляются къ все болѣе и болѣе отдаленнымъ слѣдствіямъ, часто такимъ, которыя наступаютъ лишь черезъ нѣсколько дней или недѣль. Они все шире и осмотрительнѣе сообразуются съ одновременно существующими, но при первоначальныхъ рефлексахъ непринятыми во вниманіе сопутствующими обстоятельствами, причемъ все тоньше регулируется направленіе, быстрота движеній и затрата силы. Наконецъ они совершаются все быстрѣе и экономнѣе, безъ промаховъ, съ устраненіемъ такихъ рефлекторно вызываемыхъ сопутствующихъ движеній, которыя для данной цѣли являются излишними и, стало быть, вызываютъ напрасную затрату силъ. Вспомнимъ дѣйствія купца, врача, дипломата, рассчитанныя часто на отдаленное будущее; вспомнимъ движенія въ толпѣ ловкаго танцора или конькобѣжца, быстроту и увѣренность счетчика, игрока на рояли, привычнаго къ писанію человѣка и сравнимъ все это съ дѣйствіями и движеніями ребенка или начинающаго.

Съ матеріальной точки зрѣнія, конечно, прежде всего необходимымъ условіемъ выполненія желаемыхъ движеній является неповрежденность органовъ,—какъ тѣхъ органовъ, которые проводятъ объективныя впечатлѣнія, такъ и тѣхъ, которыми исполняются сами движенія. Но и того и другого еще недостаточно; необходимо еще, чтобъ не были нарушены нормальныя функціи тѣхъ областей мозга, въ которыхъ проведенныя извнѣ возбужденія переходятъ на центробѣжныя нервныя пути. Если этого условія нѣтъ, то возникаетъ своеобразное болѣзненное разстройство: представленія о движеніяхъ и дѣйствіяхъ и воля къ нимъ, въ общемъ, сохранены, но произвести эти движенія и дѣйствія съ помощью того или иного члена,—напр., правой руки или ноги—человѣкъ не можетъ; между тѣмъ рука или нога его совершенно здоровы (*апраксія*). Однимъ изъ случаевъ такого разстройства можно считать неспособность выражать свои мысли въ членораздѣльной рѣчи, хотя и пониманіе словъ другихъ людей и подвижность органовъ рѣчи имѣются на лицо (*двигательная афазія*).

Равнымъ образомъ было уже указано (стр. 108), что сознательныя посредствующія звенья привычныхъ рядовъ движеній все болѣе и болѣе отступаютъ на задній планъ, но это нисколько не вредитъ тѣмъ отдѣльнымъ движеніямъ ряда, которыя первоначально вызываются ими или по крайней мѣрѣ за ними непосредственно слѣдуютъ; движенія эти теперь сами непосредственно примыкаютъ другъ къ другу и слѣдуютъ автоматически одно за другимъ; это общеизвестное явленіе. Но тутъ особенно интересно еще одно

обстоятельство, проливающее яркій свѣтъ на подлинныя и внутреннія причины движеній. Даже тамъ, гдѣ при соверше- ній много разъ производившагося ряда движеній не тре- буется больше сознательнаго представленія или ощущенія посредствующихъ звеньевъ, для упорядоченнаго вы- полненія движенія нельзя обойтись безъ центростремительныхъ возбужденій, которыя первоначально были связаны съ сознатель- ными ощущеніями. Для начала движенія, при нормаль- номъ функционированіи участвующихъ мускуловъ, доста- точно одного представленія о немъ, но довести его до конца безъ постоянныхъ возбужденій со стороны центра, обусло- вленныхъ выполніемъ отдѣльныхъ фазъ движенія,—невоз- можно. Движеніе пріостанавливается или же не достигаетъ результата, поставленнаго представленіемъ, и становится безцѣльнымъ.

Если животному перерѣзать всѣ чувствительные нервы какой нибудь конечности, губъ или туловища, не повреждая при этомъ двигательныхъ нервовъ или мускулатуры, соот- вѣтствующая часть тѣла тѣмъ не менѣе будетъ парализо- вана. Поучительный случай это рода наблюдалъ у человѣка и описалъ *Штрюмпель*. Одинъ рабочій во время драки получилъ нѣсколько ранъ ножомъ, между прочимъ одну въ верхнюю часть спинного мозга. Когда раны залечились и нѣкоторыя другія болѣзненные явленія исчезли, у него осталась одна аномалія — совершенная нечувствительность кисти и предплечія правой руки; на ней отсутствовали всѣ виды кожныхъ ощущеній, и кинѣстетическія ощущенія (положеніе и движеніе членовъ, тяжесть). Сила же и мускуль- ные функціи, напротивъ, сохранились, хотя и въ нѣсколько ослабленномъ видѣ. Вслѣдствіе этого дефекта получились характерныя разстройствя всѣхъ сколько нибудь сложныхъ движеній и положеній нижней части правой конечности, напр., при разгибаніи пальцевъ, при цѣлесообразныхъ дви- женіяхъ концевъ пальцевъ къ какому либо намѣченному пункту, при поднятіи пальцевъ для присяги и т. д. Пока больной смотрѣлъ на руку и контролировалъ глазами те- ченіе движенія и его результатъ или сохраненіе принятаго положенія, до тѣхъ поръ онъ могъ дѣйствовать почти нор- мально. Но какъ только онъ закрывалъ глаза, то становился совершенно не способенъ къ этимъ движеніямъ. Фигуры 17 и 18 показываютъ попытку этого больного сложить въ кольцо большой и указательный пальцы, въ первомъ слу- чаѣ, смотря на руку, во второмъ — съ закрытыми глазами. Есть желаніе сдѣлать движеніе и есть способность муску- ловъ выполнить его, но центральные органы отказываютъ въ своемъ содѣйствіи, если не получаютъ для выполненія отдѣльныхъ фазъ движенія какихъ либо привычныхъ пери-

ферическихъ возбужденій: при этомъ безразлично, дойдутъ ли эти возбужденія до души въ видѣ сознательныхъ ощущеній, какъ это бываетъ при первоначальномъ обученіи, или же останутся бессознательными, какъ во время движеній, ставшихъ вслѣдствіе повторенія автоматическими.

Когда наше представленіе предвосхищаетъ какой-нибудь выходящій за предѣлы непосредственно даннаго и осуществляемый при помощи движеній результатъ, то, конечно, часто случается, что та фаза движенія, которая въ реальной связи вещей образуетъ заключительное звено ряда другихъ движеній, по какимъ либо причинамъ еще

Рис. 17.

невозможна. Тогда, если представленіе этого результата достаточно сильно или обладаетъ достаточно сильной эмоциональной окраской, происходитъ своеобразное перемѣщеніе звеньевъ цѣпи представленій въ обратную сторону по сравненію съ тѣмъ, какъ она переживалась первоначально. Прочно фиксированное или постоянно вновь возникающее вслѣдствіе своего особеннаго значенія представленіе желаемой цѣли свиваетъ, свертываетъ, звено за звеномъ, рядъ первоначально предшествовавшихъ ему и ассоциированныхъ съ нимъ представленій о предметахъ и движеніяхъ, начиная съ конца, и вплоть до представленія того движенія, которое можно выполнить въ данный моментъ. Когда это движеніе выполнено, становится возможнымъ и теченіе дальнѣйшихъ про-

межуточныхъ звеньевъ. Иными словами, представленіе желательной, но прямо недостижимой цѣли, воспроизводитъ представленія средствъ, которыя, согласно прежнему опыту, пригодны для ея осуществленія, и при помощи этихъ средствъ ведетъ къ осуществленію цѣли. Допустимъ, какой нибудь новичокъ въ первый разъ видитъ, какъ откупоривается бутылка и часть ея содержимаго вливается въ стаканъ; положимъ, послѣ этого ему случилось отвѣдать вкуснаго напитка. Въ слѣдующій разъ при взглядѣ на бутылку, въ немъ пробуждается живое представленіе испы-

Рис. 18.

таннаго наслажденія и напитка, обусловившаго послѣднее; онъ снова хочетъ выпить. Но бутылка крѣпко закупорена и нѣтъ въ рукѣ стакана; желаніе его неосуществимо. Однако, если воспоминаніе о пріятномъ вкусѣ достаточно сильно, то оно воспроизводитъ представленіе примѣнявшагося при откупориваніи пробочника, мѣста, откуда онъ былъ взятъ, движеній, необходимыхъ для того, чтобы достать его, пріемовъ, которые необходимы для откупориванія и подобныя же представленія относительно стакана. Тогда только, послѣ того, какъ благодаря непосредственно выполнимымъ движеніямъ положеніе измѣнилось, представленія наливаанія и питія, все время твердо державшіяся въ сознаніи, могутъ наконецъ вызвать соотвѣтствующую имъ дѣйствительность.

ЛИТЕРАТУРА.

H. Liepmann, Das Krankheitsbild der Apraxie. Monatsschr. f. Psychiatrie u. Néurol. 83 d.

§ 23. Свободное дѣйствіе.

Несомнѣнно, по мѣрѣ расширенія нашего опыта относительно связей, сочетаній и слѣдствій вещей каждое впечатлѣніе будетъ вызывать все больше и больше представлений о наилучшемъ способѣ къ нему приспособиться. Представленія близкихъ и отдаленныхъ, вѣроятныхъ и не-вѣроятныхъ, желательныхъ и нежелательныхъ слѣдствій, представленія о годныхъ и негодныхъ, прямыхъ и косвенныхъ средствахъ для достиженія или отклоненія этихъ слѣдствій, наконецъ представленія о трудностяхъ и препятствіяхъ, о благопріятствующихъ и содѣйствующихъ обстоятельствахъ—все это будетъ тѣсниться при усиленіи предвидѣнія, все это будетъ стремиться пріобрѣсти значеніе для души, сознательно перекрещиваться въ ней въ быстрой смѣнѣ или находясь только вблизи сознанія, участвовать въ дѣйствіи на ходъ событія. Отсюда въ зависимости отъ отношеній другъ къ другу отдѣльныхъ представлений вытекаютъ различныя состоянія: *взвѣшиваніе, обдумываніе, выборъ, склонность дѣлать или не дѣлать что-либо, намѣреніе, рѣшимость и т. д.* Какое дѣйствіе наступаетъ въ концѣ концовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—это зависитъ отъ степени интенсивности всѣхъ тѣхъ моментовъ, которые его вызываютъ. Внѣшнему впечатлѣнію при этомъ выпадаетъ обыкновенно лишь второстепенная роль. Оно даетъ толчекъ игрѣ представлений, которыя, правда, возникли изъ прежнихъ впечатлѣній, но теперь являются собственностью души, ея достояніемъ. То, что эти представленія производятъ въ связи съ совокупностью прирожденныхъ основаній дѣйствованія, съ т. наз. *характеромъ*, по большей части совершенно отлично отъ первоначально связаннаго съ впечатлѣніемъ рефлекторнаго акта. Дѣйствія, которыя исходятъ такимъ образомъ изъ жизни самой души, дѣйствія, рѣшающія причины которыхъ лежатъ въ душѣ, а не внѣ ея, называются *свободными* дѣйствіями. Они называются такъ не потому, что свободны отъ достаточныхъ и вполнѣ однозначно опредѣляющихъ ихъ причинъ, а потому что свободны отъ принужденія непосредственныхъ наличныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, этого характернаго признака первоначальныхъ рефлекторныхъ движеній, а также въ значительной степени дѣйствій ре-бенка и животнаго.

Схоластическая психологія, а подъ ея вліяніемъ и популярныя представленія знаютъ конечно, и другую свободу. Свобода состоитъ въ томъ, что душа, имѣющая совершенно опредѣленные природные задатки и опытъ, находясь подъ вліяніемъ опредѣленныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и подъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ внутреннихъ мотивовъ, можетъ въ любой моментъ избрать иное рѣшеніе, чѣмъ то, которое избираетъ въ дѣйствительности. Для того, чтобы произвести какое нибудь дѣйствіе, она присоединяется со своимъ внѣпричиннымъ хотѣніемъ ко всѣмъ такъ называемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ, какъ нѣкоторая особая сила, могущая и произвести дѣйствіе, и оставить его невыполненнымъ. Нѣтъ необходимости, конечно, доказывать, что о такой свободѣ не можетъ быть и рѣчи на почвѣ нашихъ основныхъ воззрѣній, согласно которымъ 1) душа не представляетъ особой сущности наряду со всѣми своими переживаніями, но является ихъ совокупностью, 2) въ духовномъ бытіи непосредственно сознается то же самое, что будучи разсматриваемо черезъ посредство нашихъ внѣшнихъ чувствъ называется мозгомъ и нервной системой. Тѣмъ не менѣе весьма полезно разсмотрѣть и нѣсколько важнѣйшихъ мнимыхъ аргументовъ, которые обыкновенно приводятся въ защиту свободнаго произвола и слѣдовательно направлены противъ отстаиваемаго здѣсь детерминизма. Существуютъ три такихъ главныхъ аргумента. Прежде всего ссылаются на свидѣтельство непосредственнаго опыта.

Какъ бы настойчиво ни давали себя чувствовать мотивы въ пользу опредѣленнаго поступка и до принятія какаго-нибудь рѣшенія, и въ самый моментъ его выполнения, но у всякаго человѣка имѣется будто бы самое ясное и отчетливое сознаніе того, что принятіе имъ рѣшенія не неизбѣжно, не предопредѣлено заранѣе. Для болѣе нагляднаго доказательства, что чувство это насъ не обманываетъ, можно, принявши уже рѣшеніе, легко измѣнить свой выборъ и остановиться на другой возможности. Кромѣ того, представленіе о предопредѣленности поступковъ парализуетъ нашу энергію. По отношенію къ явленіямъ внѣшняго міра необходимо, конечно, признать господство неизмѣнныхъ законовъ. Но если-бъ дѣло обстоило такъ же и въ духовномъ мірѣ, то это значило-бы, что все въ мірѣ безъ исключенія неизмѣнно опредѣлено. Все идетъ такимъ путемъ, какимъ необходимо должно идти согласно положенію вещей. Будущее только развертываетъ то, что уже неизмѣнно заложено въ нѣдрахъ настоящаго. Но въ такомъ случаѣ мысль о возможности оказываетъ вліяніе на вещи и на людей, направлять ихъ, напр., по извѣстному пути при помощи ученія и воспитанія, побуждать ихъ къ

опредѣленнымъ дѣйствіямъ,—дѣтская фантазія. Наконецъ, что главнѣе всего, отрицаніе этой внѣпричинной свободы воли уничтожаетъ будто бы всякую возможность отвѣтственности человѣка за его поступки, между тѣмъ каждый изъ насъ возлагаетъ на себя такую отвѣтственность, чувствуя удовлетвореніе своимъ поведеніемъ или раскаиваясь въ немъ, и тоже дѣлаетъ по отношенію къ другимъ, хваля ихъ или порицая, наказывая или отличая. Но вѣдь глупо было бы считать человѣка отвѣтственнымъ за то, что онъ не властенъ измѣнить, благодаря складу своего характера и законосообразнымъ реакціямъ послѣдняго на получаемыя впечатлѣнія; было бы жестоко еще и наказывать его за это. Такимъ образомъ детерминизмъ колеблетъ весь правовой и нравственный укладъ.

Ни одну изъ этихъ аргументацій нельзя счесть доказательной.

Мы только что показали (стр. 187), что непосредственный внутренній опытъ далеко не можетъ считаться надежнымъ свидѣтелемъ относительно истинныхъ причинъ нашихъ дѣйствій. Кто, напр., узналъ изъ него, что для выполненія простого движенія руки необходима не только воля къ движенію, но и постоянныя свѣдѣнія о завершеніи каждой изъ фазъ этого движенія? До извѣстныхъ физиологическихъ экспериментовъ и до знакомства съ нѣкоторыми патологическими явленіями, никто ничего и не подозрѣвалъ объ этомъ, а между тѣмъ вполне достоверно, что при всякомъ совершеніи движенія дѣло обстоитъ именно такъ. Непосредственное сознаніе говоритъ пьяному и сумасшедшему такъ ясно и отчетливо, какъ и нормальному, что въ любомъ положеніи онъ можетъ рѣшать и такъ и иначе безъ всякой причинной необходимости. Между тѣмъ трезвый улыбается, слыша это, онъ знаетъ достоверно, что эти лица ошибаются, что они просто не сознаютъ тѣхъ факторовъ, которые съ необходимостью опредѣляютъ всѣ ихъ слова и дѣйствія. Но такъ же точно дѣло обстоитъ и во всѣхъ случаяхъ. Когда причины происходящаго недостаточно извѣстны человѣку или когда онъ не можетъ разобратъ въ сложныхъ основаніяхъ, съ необходимостью обусловливающихъ извѣстное явленіе, онъ считаетъ его свободнымъ,—свободнымъ въ томъ смыслѣ, что оно производится внѣпричинно дѣйствующей силой. Подавляющее большинство людей еще и по сей день рассуждаетъ такъ относительно теченія болѣзни, исхода войнъ, погоды, урожая и т. д.

Далѣе, говорятъ, будто-бы детерминизмъ парализуетъ силу нашего дѣйствования, объявляя безнадежными всѣ попытки воздѣйствія на вещи и на людей. Но мнѣ кажется прежде всего, что общія теоріи имѣютъ мало значенія для способа

проявленія человѣческой дѣятельности. Къ лѣни или энергичности опредѣляютъ совершенно другіе моменты, теоріи же безъ труда прилаживаются къ послѣднимъ. Вялый и косный человѣкъ, выслушавъ детерминистическія теоріи, можетъ сложить руки и сказать: пусть все идетъ такъ, какъ предопредѣлено; тутъ ничего не подѣлаешь. Однако, его заставляютъ такъ говорить не воззрѣнія, а независимая отъ нихъ его склонность къ лѣности. Дѣятельный и энергичный человѣкъ, стоящій на той же точкѣ зрѣнія, убѣжденъ, что онъ призванъ быть орудіемъ, которому опредѣлено осуществлять судьбы міра. Это подтверждается и историческимъ опытомъ. Фаталистическій Исламъ теряетъ въ бездѣйствіи одну область господства за другой. Однако, прежде онъ при томъ же фатализмѣ быстрымъ натискомъ завоевалъ міръ и въ теченіе столѣтій держалъ въ страхѣ народы Запада. И развѣ вѣра въ предопредѣленіе, исповѣдуемая современными намъ бурами, хотя и не тождественная съ детерминизмомъ, однако родственная ему въ смыслѣ убѣжденія въ непреложности будущаго, развѣ она сдѣлала буровъ менѣе дѣятельными и энергичными, чѣмъ ортодоксальная вѣра въ свободу воли сдѣлала, скажемъ, испанцевъ?

Если же для нашего отношенія къ вешамъ вообще и въ основныхъ чертахъ эти двѣ противоположныя теоріи приблизительно равноцѣнны, т. е. безразличны, то въ отдѣльныхъ случаяхъ детерменизмъ имѣетъ даже рѣшительныя преимущества. Что, напр., имѣетъ большій смыслъ для воспитателя и благопріятнѣе для поддержанія необходимаго ему бодрого, радостнаго настроенія? То-ли, что онъ говоритъ себѣ: все, что ты дѣлаешь своему воспитаннику, все твое воздѣйствіе на него примѣромъ, поученіемъ или наказаніемъ — все это оказываетъ вліяніе на его духовную жизнь, служить однимъ изъ опредѣляющихъ ее условій, ничто изъ этого не теряется понапрасну; и если ты, стало быть, примешься за дѣло правильно вообще и правильно по отношенію къ этому опредѣленному индивидууму, то можешь быть увѣреннымъ, что трудъ твой принесетъ желанные плоды. Или же лучше если воспитатель разсуждаетъ такъ: хотя ты и выполняешь здѣсь по мѣрѣ силъ и способностей свой долгъ и даже можешь надѣяться, что твой трудъ не напрасенъ, но вполнѣ быть увѣреннымъ въ этомъ ты не вправѣ, такъ какъ твой воспитанникъ въ состояніи въ любой моментъ совершенно неожиданно отрѣшиться отъ оказаннаго тобою воздѣйствія и внѣ причинъ и условій рѣшать иначе?

Остается еще утвержденіе, будто отрицаніе свободы произвола дѣлаетъ невозможнымъ всякую отвѣтственность и наказанія, а слѣдовательно и право, и государственный порядокъ, совѣсть и нравственность. На это можно возра-

зить словами *Бисмарка*: „Вѣдь и волкъ не отвѣтственъ за то, что онъ созданъ Богомъ такимъ, каковъ есть, однако его все-же убиваютъ за это, когда могутъ“, пишетъ онъ однажды своей сестрѣ. Это значить, что вмѣняемость, наказаніе и награда прекрасно могутъ существовать и вполнѣ сохраняютъ свой смыслъ и въ томъ случаѣ, если мы убѣждены, что всякій проступокъ вполнѣ однозначно опредѣляется совокупностью своихъ причинъ, что онъ не могъ совершиться иначе, чѣмъ онъ совершился. Индивидуумъ отвѣтственъ не за то, что онъ совершилъ недопустимое по какимъ-либо основаніямъ дѣйствіе, которое при тѣхъ же обстоятельствахъ могъ бы и не совершать, а за то, что въ силу самой своей природы онъ не могъ не совершить указаннаго дѣйствія при существовавшихъ обстоятельствахъ. Вмѣняемость разсматривается, стало быть, съ другой точки зрѣнія: она распространяется не на отдѣльные поступки, а на весь характеръ индивидуума, создавнійся подъ влияніемъ природныхъ задатковъ, опыта и воспитанія; отдѣльные поступки получаютъ значеніе лишь въ качествѣ результатовъ даннаго характера. Можно, конечно, спросить себя: какой смыслъ понятія отвѣтственности болѣе приемлема, какая точка зрѣнія наиболѣе отвѣчаетъ, такъ сказать, объективному разуму наказанія и награды, т. е. цѣли, которая и является истиннымъ основаніемъ этихъ мѣропріятій, хотя бы наказывающій даже совершенно не признавалъ ее съ точки зрѣнія индетерминизма?

Что такое наказаніе съ точки зрѣнія индетерминизма? Положимъ, нѣкто совершаетъ нежелательной мнѣ поступокъ; рѣшается онъ на него вслѣдствіе совершенно внѣпричиннаго и произвольнаго акта. Зачѣмъ же я буду его наказывать? По отношенію къ совершившему поступокъ этимъ, несомнѣнно, ничего не будетъ достигнуто, ибо въ другомъ подобномъ случаѣ онъ можетъ вѣдь снова дѣйствовать внѣпричинно, значить мысль о наказаніи не будетъ опредѣлять его дѣйствія. По отношенію къ нему наказаніе столь же бессмысленно, какъ если бы я вздумалъ наказывать рулетку за то, что ожидаемый мною выигрышъ достался другому. Слѣдовательно, наказаніе можетъ имѣть значеніе только для меня. И въ самомъ дѣлѣ: когда кто-нибудь меня бьетъ, я испытываю живую потребность отвѣтвить тѣмъ же, подобно тому, какъ ребенокъ бьетъ столъ, о который онъ ушибся. Когда возмездіе мнѣ удастся, я испытываю сильное удовлетвореніе: удовлетвореніе мести. Наказаніе съ индетерминистической точки зрѣнія есть актъ возмездія и мести. Несомнѣнно, въ дѣйствительности наказаніе въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ этому представленію. У отдѣльныхъ индивидовъ, а также и у небольшихъ социальныхъ группъ, месть играетъ при наказаніяхъ боль-

шую роль. Но въ большихъ человѣческихъ обществахъ наказаніе почти совершенно потеряло это значеніе. Въ большихъ государствахъ широкія учрежденія для правильнаго установленія и осуществленія наказаній не ставятъ уже своею цѣлью возмѣщать оскорбленнымъ членамъ общества ихъ обиды сладкимъ чувствомъ мести или удовлетворенія отъ сознанія, что обидчикъ наказанъ. Въ крайнемъ случаѣ эта цѣль является лишь побочной. Скорѣе человѣческія общества пришли къ убѣжденію, что наказаніе, каково бы ни было его происхожденіе, является необходимымъ средствомъ для самосохраненія ихъ противъ разрушительныхъ тенденцій; въ этихъ цѣляхъ они примѣняютъ наказаніе. Но тако е примѣненіе возможно и понятно лишь при допущеніи совершенной обусловленности нашихъ поступковъ. Общество вводитъ въ сознаніе своихъ членовъ въ качествѣ особыхъ мотивовъ представленіе страха предъ угрожающимъ наказаніемъ и воспоминаніе о понесенныхъ карахъ; цѣль его создать этимъ противодѣйствующія условія въ душѣ тѣхъ изъ его членовъ, природа которыхъ такова, что при удобномъ случаѣ они непременно будутъ совершать вредныя обществу поступки. Такимъ образомъ имѣется въ виду удержать ихъ отъ послѣднихъ. Степень наказанія устанавливается соотвѣтственно различнымъ естественнымъ задаткамъ преступника. Людямъ по натурѣ очень вреднымъ обществу, для которыхъ слѣдовательно обычное наказаніе недостаточно, государство угрожаетъ болѣе сильными наказаніями и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще у нихъ рецидивы. Наконецъ, если кто-нибудь оказывается настолько противобщественнымъ, что на него не дѣйствуетъ достаточно никакое устрашеніе наказаніемъ, то его ставятъ въ такія условія, при которыхъ онъ надолго лишается возможности вредить. Дѣти же, пьяные и сумасшедшіе не наказываются, потому что къ нимъ не относится основная предпосылка всѣхъ этихъ мѣръ—убѣжденіе, что представленіе о наказаніи можетъ играть серьезную роль въ числѣ мотивовъ, опредѣляющихъ поведеніе. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія детерминизма все оказывается осмысленнымъ и необходимымъ и наоборотъ, все безцѣльно и непонятно съ противоположной точки зрѣнія. Слѣдовательно, детерминизмъ не только не колеблетъ вмѣняемости и правового порядка, а скорѣе, наоборотъ, лишь при немъ они вообще и получаютъ разумный смыслъ.

Итакъ резюмируемъ сказанное: допущеніе внѣпричинной свободы души при совершеніи поступковъ, невозможное въ силу общихъ основаній, не находитъ никакой опоры и въ специальныхъ приводимыхъ въ его пользу соображеніяхъ. „Несомнѣнно, что нѣтъ абсурда болѣе очевиднаго для моего разума“—говоритъ о такой свободѣ Пристли.

ЛИТЕРАТУРА.

Вопросъ о свободѣ воли въ существенныхъ чертахъ былъ достаточно разработанъ уже въ старой литературѣ. См. напр. сочиненія Гоббса и Спинозы, о которыхъ упоминалось на стр. 24. — Далѣе J. Priestley, *The Doctrine of Philosophical Necessity* (1777). — Schopenhauer, *Preisschrift über die Freiheit des Willens* (1839). — Съ воззрѣніями индетерминизма можно ближе познакомиться изъ C. Gutberlet, *Die Willensfreiheit und ihre Gegner* 2 изд. 1907). Въ этой книгѣ разобраны съ точки зрѣнія автора и новѣйшія сочиненія о свободѣ воли.

А. Введенскій. Свобода воли передъ судомъ критической фило-софіи СПб. 1901. — Н. Гротъ, Л. Лопатинъ и др. О свободѣ воли. М. 1902 г.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

ВЫСШІЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДУШИ.

§ 24. Вредныя стороны предвидѣнія.

Наше мышленіе озираетъ прошлое и предвидитъ въ будущемъ и, накапливая и расширяя опытъ, проникаетъ постепенно все дальше, въ глубь пространствъ и въ даль временъ. Оно раскрываетъ имена и подвиги ассирійскихъ царей, форму морей и суши за тысячи и десятки тысячъ лѣтъ до нашего времени; оно вычисляетъ на любой періодъ будущаго солнечныя и лунныя затменія, видъ звѣздного неба. За познаніемъ слѣдуетъ, конечно, и мощь. Душа проникаетъ мыслью въ свойства и соотношенія вещей, и это даетъ ей силу приспособляться къ нимъ со все большимъ и большимъ успѣхомъ; мало того, предвидя будущее впередъ на цѣлые годы, она заставляетъ сами вещи служить на пользу себѣ и для своего сохраненія. Великими результатами интеллектуальной дѣятельности души являются наука и техника въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. И все-таки чистаго счастья душа этимъ путемъ себѣ не приобрѣтаетъ. Слишкомъ велика запутанная сложность ея сущности. Созидая свое благополучіе и отвращая ближайшій вредъ, она именно этимъ самымъ привлекаетъ къ себѣ новое зло, требующее новыхъ средствъ для отклоненія. „Предвидѣніе, предвидѣніе—жалуется Руссо — вотъ подлинный источникъ нашихъ несчастій“. Кто хочетъ подѣйствовать на другого, тотъ долженъ преувеличивать. Конечно, не всякое страданіе проистекаетъ изъ предвидѣнія и его послѣдствій, но все-таки не малая доля страданій. Можно различить три вида нежелательныхъ и неприятныхъ слѣдствій предвидящаго мышленія.

Наше мышленіе и могущество расширяются, но расширяясь они дѣлаютъ насъ болѣзненно внимательными къ

границамъ, положеннымъ человѣку. Ребенокъ мало знаетъ и мало имѣетъ силъ; безсиліе для него—состояніе преобладающее и, такъ сказать, нормальное; оно не можетъ броситься ему въ глаза и дитя живетъ въ немъ беззаботно и радостно. Но искушенный опытомъ человѣкъ, сознавшій свои силы и знаніе, научившійся съ избыткомъ цѣнить ихъ преимущества, хотѣлъ бы все знать и все мочь, но вмѣсто этого вынужденъ чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе убѣждаться, что это для него недостижимо. Предвидѣніе, вмѣстѣ со всѣми своими пріятными послѣдствіями, принесло ему и великое страданіе. Ибо сколько важнаго скрыто еще отъ него мракомъ! Онъ не можетъ предсказать ни погоды завтрашняго дня, ни исхода предстоящей битвы, ни чувства женщины, за которой ухаживаетъ. И предъ сколькими бѣдами онъ сознаетъ свое безсиліе. Слишкомъ сильные враги, хищные звѣри, бури, землетрясенія, пожары, голодъ, болѣзни и прежде всего неотвратимая смерть. Онъ видитъ ихъ, всѣ эти ужасы, ему угрожающіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видитъ и свое безсиліе предъ ними. Конечно, это можетъ отравлять ему радости жизни и наполнять существованіе заботами и тревогой.

„Не желай слишкомъ остраго зрѣнія,
Ибо какъ только ты будешь видѣть умершихъ,
Перестанешь видѣть цвѣты“.

Къ этому присоединяются недостатки второго рода, не столько проистекающіе изъ самаго предвидѣнія, сколько изъ примыкающихъ къ нему дѣйствій. Человѣческія дѣйствія направлены прежде всего къ двумъ самымъ необходимымъ цѣлямъ: къ повседневному сохраненію индивида и къ сохраненію рода. Пружины, двигающія ими,—голодъ и любовь. Но если дѣйствія ограничиваются достиженіемъ этого минимума, необходимаго для существованія, то человѣкъ страдаетъ. Его не удовлетворяетъ простое сохраненіе существованія на ограниченное время, особенно если, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, жизнь проходитъ очень однообразно. Задатки человѣка шире и богаче, хотя и они въ концѣ концовъ тоже состоятъ на службѣ у самосохраненія. Если же эти широкіе задатки не находятъ осуществленія, то они увядаютъ и тогда самая поддержка существованія терпитъ въ конечномъ счетѣ ущербъ. Отчетливыя указанія на такіе задатки мы находимъ въ области чувствованій потому что чувствованія, какъ было разъяснено выше (стр. 90), суть не что иное, какъ субъективные знаки полезныхъ и вредныхъ воздѣйствій, объективно испытываемыхъ организмомъ. Каждый изъ насъ наслаждается великолѣпіемъ насыщеннаго цвѣта, пламеннымъ отгѣнкомъ краснаго мака, глубокою лазурью безоблачныхъ небесъ, огоньками сверкающихъ брилліантовъ. Но все это не стоитъ ни въ какой позна-

ваемой связи съ сохраненіемъ жизни; съѣдобные и ядовитые предметы, полезныя и вредныя животныя въ большинствѣ случаевъ не имѣють особенно насыщенной окраски. И все таки, несмотря на отсутствіе такой связи, видъ всего этого по какимъ-то скрытымъ отъ насъ причинамъ долженъ содержать въ себѣ нѣчто, способствующее жизни; иначе онъ не доставлялъ бы удовольствія и намъ не хотѣлось бы глядѣть на эти предметы. Удовольствіе такого рода очень интенсивно и потому, несомнѣнно, указываетъ на сильныя потребности. Его доставляютъ намъ формальныя чувствованія, о которыхъ мы упоминали выше на стр. 175. Въ насъ вызываетъ наслажденіе не опредѣленное содержаніе или опредѣленная дѣятельность, а именно то, что многія содержанія или дѣятельности соединяются въ единое цѣлое. Такимъ потребностямъ отдаетъ дань уже первобытный человѣкъ, хотя онъ и выходитъ за предѣлы самосохраненія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ съ пользою примѣняетъ яркіе цвѣта, блестящіе шнуры, высокія перья въ борьбѣ за существованіе, чтобы сдѣлать себя предметомъ желаній для другого пола или предметомъ ужаса для враговъ. Онъ придаетъ своей утвари симметрическія формы, хотя бы назначеніе ея прямо и не требовало этого. Онъ, гдѣ можно, пляшетъ, поетъ, даже работаетъ въ обществѣ другихъ людей—подъ строгій тактъ; такимъ образомъ отдѣльныя проявленія его собственной дѣятельности объединяются единствомъ ритма, а дѣятельность всей группы смыкается въ одно замкнутое цѣлое единствомъ цѣли и господствомъ единой воли.

Кромѣ того, въ дѣйствіяхъ, вызываемыхъ самосохраненіемъ, очень часто встрѣчается еще одинъ недостатокъ, который тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большей широты достигъ разумъ, обуславливающей эти дѣйствія; и сколько бы мы ни видоизмѣняли, сколько бы ни обогащали послѣднія, этимъ однимъ его нельзя исправить. Дѣло въ томъ, что дѣйствія въ пользу самосохраненія доставляютъ, правда, человѣку много удовольствій, притомъ даже тогда, когда цѣль ихъ не достигнута и дѣло ограничивается однимъ стремленіемъ; но рѣдко они приносятъ ему длительный миръ. Едва достигнута желанная цѣль, которая казалась намъ такою привлекательной, и ужъ обладаніе ею становится само собою разумѣющимся. Удовольствіе прошло; оказывается, что въ достигнутомъ недостаетъ многого и жаждающая мысль летитъ безъ отдыха все дальше и дальше, въ погонѣ за другими цѣлями. „Для чего ты зарабатываешь деньги, купецъ?“—„Для того, чтобъ еще больше заработать съ ихъ помощью“. Восемь дней прожила жена рыбака въ уютной хижинѣ, подаренной очарованнымъ принцемъ; но затѣмъ хижина показалась ей уже слишкомъ малой, она

пожелала имѣть замокъ. Прошелъ еще день, и она пожелала стать королевой. Едва исполнилось это желаніе—и она ужъ „не можетъ такъ жить“, ей надо сдѣлаться императрицей. Конечно, такъ бываетъ не всегда и не со всѣми; и сказка наряду съ жадною женой выводитъ скромнаго мужа; но несомнѣнно, что въ природѣ человѣческаго чувствованія и мышленія заложены сильные моменты, побуждающіе къ этому.—Во многихъ случаяхъ, когда одна цѣль достигнута, другой новой цѣли сначала нѣтъ на лицо, благодаря самому положенію вещей въ данное время: у эскимосовъ, охотящихся на тюленей и на оленей, есть тоже свой мертвый сезонъ, такой же какъ при выдѣлкѣ сезонныхъ предметовъ. Бываетъ и такъ, что на достиженіе цѣли слишкомъ мало надежды, и сознаніе этого тотчасъ же подавляетъ мысль о цѣли, какъ только она всплываетъ. Но и въ такихъ случаяхъ слѣдствіемъ является не спокойное наслажденіе результатами: отсутствіе новыхъ стремленій ощущается мучительно и болѣзненно, приходитъ скука.—Слѣдовательно, дѣйствія, направленные къ самосохраненію въ узкомъ смыслѣ слова, стремятся вызвать неудовольствіе двумя путями: 1) они не даютъ достаточно случаевъ къ удовлетворенію сильной потребности въ единствѣ и въ объединеніи и благодаря этому нѣкоторыя стороны человѣческой природы терпятъ ущербъ, 2) они рѣдко даютъ длительное удовлетвореніе. Ихъ слѣдствія—или безпокойная неутомимость или скука.

Третья группа печальныхъ результатовъ предвидѣнія также вызывается обусловленной имъ дѣятельностью. Здѣсь дѣло идетъ не только о самомъ дѣйствующемъ индивидѣ, но главнымъ образомъ о другихъ существахъ. Природныя средства для борьбы за существованіе, которыми надѣлены разные индивиды,—тѣлесная сила и ловкость, красота, духовныя дарованія и опытъ—въ высшей степени различны. Благодаря этому и усилѣхъ въ борьбѣ за существованіе также чрезвычайно различенъ. При очень неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ первобытныхъ маленькихъ общинахъ, гдѣ люди живутъ вмѣстѣ для общей борьбы за существованіе и для сохраненія рода, или въ семействахъ, различія эти имѣютъ мало значенія. Въ такихъ случаяхъ ни одинъ человѣкъ не является въ группѣ отдѣльно стоящимъ лицомъ; онъ—часть цѣлаго; все, что приобрѣтается имъ—приобрѣтается имъ для своего цѣлаго. Отдѣльныя же группы при этомъ всѣ приблизительно одинаково бѣдны. Но когда обстоятельства болѣе благоприятны, когда расширившееся мышленіе увеличитъ власть человѣка надъ природой, особенно же когда сами группы растутъ и сочленяются одна съ другой,—тогда начинаютъ возникать противорѣчія. То, что добывается отдѣльнымъ лицомъ, не

можетъ уже больше итти на пользу цѣлой общинѣ; оно остается на его долю или на долю его маленькаго кружка. Человѣкъ приобретаетъ собственность; благодаря этому отдѣльные члены общины становятся въ ея борьбѣ за существованіе до нѣкоторой степени естественными противниками другъ друга. Нѣкоторыя отдѣльныя личности, благодаря большему уму или другимъ природнымъ дарованіямъ, далеко опережаютъ другихъ. Они умѣютъ скорѣе увеличивать свою собственность, чѣмъ остальная масса; это даетъ имъ возможность привлекать къ себѣ на службу другихъ людей и съ ихъ помощью еще болѣе ускорять приобретеніе. Возникаетъ пропасть между господами и слугами. Но человѣкъ по всѣмъ задаткамъ своимъ безусловно ищетъ общества, да кромѣ того община необходима и для его сохраненія; все это полагаетъ извѣстные предѣлы борьбѣ за существованіе внутри общины, такъ какъ такая борьба грозитъ самому существованію послѣдней. Но по отношенію къ тѣмъ, кто находится внѣ общины, борьба существуетъ постоянно, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Тайкомъ обокрасть чужихъ, ограбить ихъ, напасть на нихъ открытой войною—все это совершенно то же, что взять плоды съ растенія или отнять жизнь у животнаго. Средства, которыя приобретаются такимъ путемъ, опять таки, конечно, накаплиются въ рукахъ лицъ, болѣе богато одаренныхъ, чѣмъ другіе и служатъ имъ и ихъ потомству для дальнѣйшаго усиленія могущества. Наконецъ, противоположности доходятъ до чудовишныхъ размѣровъ: съ одной стороны—господское счастье немногихъ, съ другой—рабская бѣдственность положенія громаднаго большинства. Общій балансъ получается плохой: результатомъ развивающейся борьбы за существованіе является то, что создаются главнымъ образомъ страданія и неудовольствія, т. е. происходитъ задержка жизни цѣлаго.

Конечно, господа будутъ склонны говорить другое, а тѣ, кто еще не сталъ господами, но чувствуетъ, что способенъ достигнуть этого—склонны соглашаться съ ними. Они скажутъ: почему нѣтъ? Наши привиллегіи—естественная дань, естественное вознагражденіе за ту особую способность выдерживать борьбу за существованіе, которая отличаетъ насъ или отличала нашихъ предковъ. Благодаря особо благопріятнымъ обстоятельствамъ высшя, степени способностей, необходимыхъ для сохраненія цѣлаго и дальнѣйшаго его преуспѣянія, получаютъ возможность развиваться еще богаче и все болѣе усиливаться. Почему не считать, что такой строй болѣе полезенъ для цѣлаго и, въ общемъ, болѣе подымаетъ его на высшую ступень, чѣмъ тотъ, при которомъ всѣ будутъ стоять по образу жизни на одинаковомъ и потому сравнительно низкомъ уровнѣ? — Одна-

ко, въ этомъ вопросѣ есть и обратная сторона или, скорѣе, нѣсколько обратныхъ сторонъ. Среди законовъ, которымъ подчиняется чувствованіе и мышленіе, существуетъ законъ ассоціаціи. Видъ страданій раба вызываетъ представленіе этихъ страданій и у господина. Господа по необходимости должны „со-чувствовать“ этимъ страданіямъ, хотя и въ слабой степени. Слѣдовательно, неудовольствіе, исходящее отъ нихъ, какъ отъ причины, обращается въ концѣ концовъ противъ нихъ же; оно въ извѣстной мѣрѣ мѣшаетъ чистому наслажденію привиллегіями своего положенія, ложится на него гнетомъ. Конечно, вліяніе это не очень сильно. Кромѣ того, если человѣкъ отвращается отъ него, не обращаетъ на него спеціальнаго вниманія, оно мѣшаетъ ему только по временамъ, приходитъ и уходитъ; да и къ этому въ концѣ концовъ привыкаютъ.—Гораздо большее значеніе имѣетъ другое обстоятельство. Рабы совершенно не въ силахъ усвоить взгляда господъ, что состояніе, при которомъ они страдаютъ, имѣетъ внутреннее оправданіе. Опытъ показываетъ имъ, что слова о большихъ способностяхъ господъ подтверждаются только отчасти; мысль, что за заслуги отцовъ должны вознаграждаться до самыхъ позднѣйшихъ поколѣній потомки—рабы не склонны считать обоснованной. Наоборотъ, въ душѣ рабовъ возникаютъ представленія о скоромъ улучшеніи ихъ состоянія или даже о томъ, что они сами стануть господами; эти представленія все вновь и вновь возбуждаются той вѣрой, которая является слѣдствіемъ потребностей, вѣрой, движимой сильнѣйшими желаніями и особенно питаемой сравненіями своей собственной жизни съ благосостояніемъ господъ. Въ борьбѣ съ этой вѣрой приходится плохо не только вѣрѣ, основанной на авторитетѣ,—вѣрѣ въ то, что теперешнее положеніе превосходно,—но даже и привычкѣ, закрѣпленной рядомъ поколѣній. Въ общемъ рабы—колеблющаяся и далеко не надежная почва для существованія господъ. Поэтому ихъ приходится держать въ уздѣ силою или же какимъ-либо другимъ однороднымъ способомъ. Во всякомъ случаѣ все это раскалываетъ общину, человѣкъ же, какъ животное стадное, не можетъ существовать безъ нея, да и не можетъ отъ нея отказаться безъ вреда для своего существованія. Благодаря обособленію и классовой ненависти разрываются скрѣпы общины и уменьшается ея способность къ сопротивленію внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Самыя сильныя общины—это тѣ, девизъ которыхъ „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“. Раньше или позже онѣ опередаютъ всѣ остальные. Но иногда рабовъ и вообще не удается удержать внизу. Напряженіе презираемой и втоптываемой въ грязь нищеты, напряженіе пробужденныхъ ею представленій о свободѣ и стремленій къ

ней становится слишкомъ сильнымъ. Происходить взрывъ разнузданныхъ страстей и господа сметаются прочь.

Слѣдовательно, въ цѣломъ дѣло обстоитъ такъ: наряду со всѣми своими благодѣянiями борьба приносить и зло,—неудовольствiе незнанiя и безсилiя; неудовольствiе дѣятельности, недостигающей цѣли, и отсутствiя покоя; бѣдственное угнетенiе сильными, разрушенiе общины и страхъ передъ возстанiемъ угнетенныхъ. Можетъ ли отвратить ихъ душа? Да, это въ ея силахъ. Не вездѣ она можетъ совсѣмъ устранить зло, но вездѣ ограничиваетъ его и отчасти преодолеваетъ.

§ 25. Религiя.

Для борьбы съ непроницаемымъ мракомъ будущаго и съ непреодолимой мощью враждебныхъ силъ душа создаетъ въ помощь себѣ *религiю*. Подъ гнетомъ этой неопредѣленности, въ минуты ужаса предъ великими опасностями, въ душу, конечно, тѣснятъ представленiя о томъ, какъ помочь и этой бѣдѣ, по аналогiи съ опытомъ, вынесеннымъ изъ другихъ случаевъ невѣдѣнiя и безсилiя; происходитъ то же самое, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда во время пожара думаютъ о водѣ, во время битвы—о помощи товарища. Но здѣсь, естественно, руководителемъ является иная аналогiя, чрезвычайно легко возникающая, въ чемъ можно убѣдиться на примѣрѣ каждаго ребенка. Человѣкъ считаетъ первоначально всѣ вещи такими же живыми и одушевленными, какъ и самъ онъ, и все свершающееся рассматриваетъ по аналогiи со своими дѣйствiями, вызываемыми извѣстной цѣлью или даже просто капризомъ. Но на самого себя человѣкъ очень рано научается смотрѣть, какъ на двойственное существо, состоящее изъ внѣшняго, видимаго всѣмъ, тяжеловѣснаго тѣла и изъ пребывающей въ послѣднемъ подвижной, тонкой, похожей на тѣнь души. Къ этому приводитъ истолкованiе общераспространенныхъ опытовъ, соотвѣтственное, конечно, его примитивному мышленiю. Ему кажется, напр., что во снѣ независимость обѣихъ частей его существа познается вполне отчетливо: душа покидаетъ тѣло, улетая въ знакомыя и незнакомыя мѣста и переживая изумительныя вещи. То же очевидно и изъ потрясающаго явленiя смерти. Сегодня человѣкъ говоритъ, движется, причиняетъ другимъ добро или зло, а завтра лежитъ неподвижно и болѣе ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи. Разумѣется, нельзя видѣть глазами, чѣмъ обусловлено это огромное различiе, но несомнѣнно что-то существуетъ, что находилось въ живомъ человѣкѣ, было истиннымъ носителемъ его силъ, его потребностей, его враждебнаго или дружествен-

наго настроенія и теперь улетѣло изъ трупa и незримо обрѣтается въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Далѣе, развѣ нѣтъ одержимыхъ, которые непосредственно чувствуютъ, что въ нихъ вселилось другое существо, заставляющее ихъ то судорожно биться на землѣ, то бросаться на другихъ людей? Развѣ они внезапно не приходятъ въ экстазъ, не пророчествуютъ чужимъ голосомъ и не успокаиваются снова, какъ только ихъ покидаетъ демонъ?

Соотвѣтственно такимъ представленіямъ человѣкъ населяетъ живыми существами все находящееся между небомъ и землей—не только животныхъ и растений, но также утесы и деревья, моря и ручьи, атмосферическія явленія и звѣзды. Вездѣ живетъ множество демоновъ, духовъ, безплотныхъ душъ, призраковъ, которые, будучи надѣлены силами, значительно превосходятъ людей по своему знанію и могуществу и вмѣшиваются во всѣ событія природы. Но возрѣнія эти возникаютъ не подъ влияніемъ удовольствія отъ теоретическихъ спекуляцій, не для того, чтобы удовлетворить потребность въ объясненіи вещей, какъ это высказывалось иными; первобытный человѣкъ мало чувствуетъ эту потребность. Онъ руководствуется насущнѣйшими практическими интересами: потребностью получить возможность оказывать какое либо воздѣйствіе на вещи, справляться съ ними сообразно съ своимъ дѣтскимъ знаніемъ—или, скорѣе, незнаніемъ—ихъ отношеній. Человѣчивъ вещи, онъ получаетъ возможность обращаться съ ними такъ, какъ привыкъ обращаться съ людьми; онъ можетъ теперь привлечь для своихъ цѣлей ихъ покровительство и помощь и приобрѣсти такимъ образомъ извѣстную власть надъ ними. А такъ какъ послѣднее является для него самой настоятельной необходимостью, то и духи сами собой становятся въ его глазахъ реальными существами. Совершенно такъ же, какъ потребность поддержать себя и не придти въ отчаяніе, породила у матери, о которой мы говорили выше, вѣру въ будущность ея сына (стр. 172), такъ и здѣсь эта потребность создала вѣру въ дѣйствительное существованіе духовъ, вызванныхъ ассоціативной игрою мыслей. Духи необходимо существуютъ, ибо въ нихъ есть крайняя нужда. Безъ нихъ всюду царила бы растерянность и беспомощность.

Вполнѣ естественно, что съ самаго начала возникаетъ два вида духовъ; тѣ же два вида, на которые дѣлятся и люди въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Одни духи враждебны, коварны и злы. Именно они и напускаютъ на человѣка болѣзни и опасности, которыхъ онъ не можетъ отвратить собственными силами. Въ лучшемъ случаѣ отъ нихъ можно добиться лишь того, что они перестаютъ вредить. Они внушаютъ чувство страха и бо-

язни; люди дрожатъ передъ ними. Духи второго вида, напротивъ, добры, привѣтливы и готовы придти на помощь. Они помогаютъ отвращать зло, причиняемое злыми духами, оказываютъ поддержку въ борьбѣ съ другими людьми, раскрываютъ передъ человѣкомъ вѣдомыя для нихъ тайны будущаго. Можно предаться этимъ духамъ съ довѣріемъ и надеждой; къ нимъ испытывается чувство благодарности, ихъ можно любить.—На низшихъ ступеняхъ культуры, когда человѣкъ еще чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ, когда на каждомъ шагу ему мерещатся ужасы и опасности, преобладаетъ, конечно, чувство страха и связанная съ нимъ вѣра въ злыхъ духовъ и демоновъ. На болѣе высокихъ же ступеняхъ культуры, когда болѣе зрѣлое пониманіе связи вещей и большая власть надъ ними вызываетъ нѣкоторую самоувѣренность и надежду, на первый планъ выступаетъ, соотвѣтственно этому, чувство довѣрія къ незримымъ силамъ и связанная съ нимъ вѣра въ добрыхъ, благожелательныхъ духовъ. Въ конечномъ же итогѣ и то и другое и страхъ и любовь постоянно характеризуютъ человѣческое чувство къ богамъ, измѣняется только въ зависимости отъ обстоятельствъ ихъ соотношеніе.

Чтобы добиться желанной помощи боговъ нужно подходить къ нимъ совершенно такъ же, какъ къ людямъ, у которыхъ желаешь снискать расположеніе. Нужно настойчиво упрашивать, нужно льстить, а можетъ быть и погрозить имъ; нужно въ видѣ награды за оказанную помощь пообѣщать имъ дальнѣйшее почитаніе и строгое повиновеніе; самое же главное, это—расположить ихъ къ себѣ подарками. Такимъ образомъ молитвы, обѣды и жертвы—вотъ средства, смотря по обстоятельствамъ, пускаемыя въ ходъ. Очень рано къ этому присоединяется и дальнѣйшая мысль. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для примитивной мысли вмѣшательство демоническихъ существъ особенно очевидно, —именно, при лѣченіи болѣзней, главнымъ образомъ, душевныхъ заболѣваній,—нѣкоторыя лица оказываются много искуснѣе другихъ. Очевидно, имъ особенно хорошо извѣстно искусство общенія съ духами; быть можетъ это объясняется тѣмъ, что въ нихъ самихъ есть нѣчто родственное духамъ. Во всякомъ случаѣ полезно обращаться къ ихъ посредничеству. Такъ, изъ знахаря вырастаетъ жрецъ. Благодаря разнаго рода церемоніямъ и таинственнымъ обрядамъ или необходимости понимать священные писанія, правильное общеніе съ богами становится вскорѣ крайне сложнымъ и одному ему доступнымъ дѣломъ. Но уваженіе къ жрецу зиждется на томъ, что онъ выполняетъ также обѣ функціи боговъ. Жрецъ долженъ мочь пророчествовать и творить чудеса, предсказывать будущее и помогать въ большихъ опасностяхъ: въ этомъ его назначеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ

знакъ его достоинства. Еще апостолы свидѣтельствовали о своемъ призваніи пророчествами и чудесами.

Таковы корни религіи. Она является приспособленіемъ души къ нѣкоторымъ вреднымъ послѣдствіямъ ея предвидящаго мышленія и въ то же время устраненіемъ этихъ послѣдствій имѣющимися въ ея распоряженіи средствами. Мать религіи — страхъ и нужда; и хотя послѣ своего возникновенія религія распространяется, главнымъ образомъ, при помощи авторитета, она давнымъ давно бы уже вымерла, если бы не возрождалась все время вновь и вновь изъ этихъ двухъ источниковъ. Если нужда и страхъ велики, религія крѣпнетъ. Церкви наполняются и паломничества усиливаются во время войнъ и опустошительныхъ эпидемій. Въ пылу сраженія, въ тяжелой болѣзни, на тонущемъ кораблѣ невольно вырывается молитва даже у того, чьи губы уже отвыкли отъ нея. Но вѣдь и страхъ, и нужда всегда существуютъ, хотя бы и не въ особенно большихъ размѣрахъ. Самая глубокая проницательность, самая великая сила могутъ только отодвинуть дальше ихъ предѣлы, но не вполне уничтожить. Поэтому они всегда и во всякое время порождаютъ религію, если только нѣтъ какихъ нибудь грубыхъ помѣхъ.

Конечно, для сохраненія вѣры въ боговъ необходимо соответствіе вѣры съ опытомъ или хотя бы отсутствіе слишкомъ рѣзкихъ противорѣчій между ними, особенно же въ вопросѣ о результатахъ божественныхъ дѣйствій. Если предсказаніе о будущемъ согласуется съ дѣйствительнымъ ходомъ событій, если удалось счастливо избѣгнуть угрожавшей опасности, то имѣется на лицо очевидное доказательство помощи божества, его могущества и истинности вѣры въ него. Однако, результатъ молитвъ и жертвоприношеній зачастую и не соответствуетъ ожиданіямъ. Но это явленіе допускаетъ самыя разнообразныя объясненія; вѣдь и люди не всегда оказываютъ просимую у нихъ помощь. Быть можетъ, молитва была не достаточно усердной или жертва была принесена не въ установленной формѣ или въ не надлежащемъ мѣстѣ. „Іерусалимъ—вотъ мѣсто, гдѣ нужно возносить моленія“. Быть можетъ просящій чѣмъ нибудь оскорбилъ божество и тѣмъ прогнѣвалъ его и божество справедливо, въ наказаніе, не захотѣло теперь его выслушать. „Думаешь ли ты, что суды Божіи несправедны?“ Если же просящій думаетъ, что можетъ безбоязненно предстать предъ божествомъ, которому извѣстны даже малѣйшія его прегрѣшенія, то, быть можетъ, оно хочетъ испытать, не поколеблется ли его вѣра, не ослабѣетъ ли благочестіе, когда онъ не получитъ въ воздаяніе за нихъ здоровья и внѣшнихъ благъ. Или, наконецъ: пути Господа неисповѣдимы. „Кто позналъ мысли Господни?“ Кто и что

даль Господу, чтобы требовать отъ него отплаты? Богъ дѣйствуетъ по мудрости своей, человѣкъ долженъ смиренно преклоняться. Впрочемъ, это подчиненіе и приспособленіе вѣры къ противорѣчащимъ даннымъ опыта иногда дается съ большимъ трудомъ. Когда вѣрующій и безупречный слуга Бога долго страдаетъ, а безбожники и богохульники не только не терпятъ мученій, но „путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ и всѣ вѣроломные благоденствуютъ“, то не легко бываетъ укрыться отъ мятежныхъ мыслей и не усомниться въ Богѣ. Однако, вѣра не вездѣ, но во многихъ мѣстахъ, находитъ рѣшеніе и этой трудности. Рѣшеніе это, уже много столѣтій тому назадъ изъ тайнаго ученія одной эллинской секты превратилось въ вѣсть, проповѣдуемую по всей землѣ: не осуществленная до гроба надежда, все-таки, исполнится во всемъ своемъ объемѣ. Вѣра несетъ упованіе въ потустороннюю жизнь за предѣлы гроба. Именно это, непонятное на землѣ, и есть порядокъ, угодный Богу. Праведникъ долженъ страдать. Настоящая жизнь составляетъ лишь подготовительную и подчиненную часть всего его существованія. Душа живетъ вѣчно и, мимолетно связанная съ тѣломъ и его потребностями, она переживаетъ тѣло. Кто хочетъ въ потустороннемъ, безтѣлесномъ существованіи быть причастнымъ къ предуготованнымъ радостямъ, тотъ долженъ подготовить себя въ земной жизни обращеніемъ къ Богу и отказомъ отъ плоти и плотскихъ наслажденій, т. е. страданіемъ. За это онъ будетъ вознагражденъ вѣчными радостями, какихъ не можетъ дать настоящій міръ, онъ приобщится здѣсь къ свободному отъ желаній, блаженству Бога; безбожниковъ же, наоборотъ, постигнуть вѣчныя муки.

Въ процессѣ оформливанія представленій о сущности боговъ и приданія имъ большей отчетливости вѣра самымъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ современнымъ ей знаніемъ, и вообще съ совокупностью современныхъ воззрѣній и общимъ культурнымъ уровнемъ. Мы упоминали уже объ этомъ, говоря о вѣрѣ, вытекающей изъ потребностей. Отсюда поражающее разнообразіе отдѣльныхъ религій; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ изслѣдователи ограничивались разсмотрѣніемъ только ближайшихъ къ нимъ высшихъ религіозныхъ формъ, то подлинная сущность образованій, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, до самаго послѣдняго времени совершенно не была понята.—Въ первобытной обстановкѣ, гдѣ каждый самъ долженъ заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ своихъ потребностей, пониманіе законамѣрной связи вещей ничтожно и міръ представляется беспорядочнымъ множествомъ самостоятельныхъ мелкихъ единицъ; таковы же и боги. Каждый изъ нихъ въ общемъ „можетъ все“, хотя бы и не все одинаково успѣшно, и каждый пользуется своимъ

могуществомъ совершенно сообразно настроенію и произволу. Одни боги сильнѣе, другіе слабѣе, но эта разница не велика; въ общемъ они представляютъ неорганизованную массу равноправныхъ индивидовъ, которые воюють между собой и заключаютъ союзы, совершенно какъ люди, по образцу которыхъ созданы.—Небольшія человѣческія общестія разрастаются въ роды и кланы; сообразно съ этимъ боги становятся родовыми божествами, приобретаая рѣзкія отличительныя черты въ зависимости отъ условій жизни ихъ рода.—Общество расчленяется; сверху внизъ устанавливаются разныя степени господства и подчиненія; тотчасъ же и боги образуютъ іерархическое государство. Появляются отдѣльныя сословія ремесленниковъ, земледѣльцевъ, купцовъ; боги опять-таки слѣдуютъ за этой перемѣной: одинъ печется о военномъ дѣлѣ, другой о винодѣліи и т. д.—Разныя отдѣльныя усложняющія обстоятельства, какъ то: подчиненіе к.-н. народа и ассимиляція его религіи, расширение горизонта подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній, мало что измѣняетъ въ общемъ ходѣ этого развитія. Но два условія имѣли для него громадное значеніе.

Во первыхъ, выработка болѣе высокаго нравственнаго сознанія: нравственныя требованія выходятъ за первоначально отведенныя имъ національныя предѣлы, поведеніе начинаетъ оцѣниваться по мотивамъ, по вызывающему его настроенію. То, что человѣкъ начинаетъ считать идеаломъ, онъ тотчасъ же, въ видѣ образца для себя, переноситъ на своихъ боговъ: они принимаютъ нравственный обликъ. Это приводитъ къ двоякому результату. Во первыхъ, сущность божества углубляется и становится болѣе духовной. Внѣшнее сходство боговъ съ человѣкомъ, низшій антропоморфизмъ, отбрасывается. Боги перестаютъ обитать въ храмахъ, созданныхъ человѣческими руками; они видятъ, слышатъ и движутся не какъ человѣческія существа; природа ихъ чисто духовная. Падаеть въ своемъ значеніи и внѣшнее богопочитаніе, строгое соблюденіе предписаній культа. Боги хотятъ теперь не крови жертвенныхъ животныхъ и не празднованія опредѣленныхъ дней, а чистаго и направленнаго къ добру сердца, кроткаго поведенія и добрыхъ дѣлъ. Приданіе же нравственнаго облика богамъ находится въ тѣсной связи съ ихъ объединеніемъ. Нравственность одна, и если она составляетъ главный атрибутъ боговъ, то противоположность между ними исчезнетъ. Далѣе, если нравственность не ограничивается одними отношеніями къ соплеменникамъ, если и по отношенію къ врагамъ нужно соблюдать справедливость, то и для боговъ, какъ носителей нравственности, перестаютъ существовать національныя рамки. Затѣмъ они легко утрачиваютъ, вообще, и свою множественность,—становятся е д и н ы м ъ Богомъ. Вотъ по-

чему всѣ великіе работники надъ нравственнымъ углубленіемъ и одухотвореніемъ религіи, іудейскіе пророки, Заратустра, Платонъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ представителями идеи единого Божества. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и и другія причины: сильное родовое сознаніе у іудеевъ нашъ Богъ сильнѣе вашего; вашъ Богъ и не богъ вовсе; теоретическія разсужденія у грековъ. Такимъ образомъ всѣ высшія религіи стремятся къ монотеизму, хотя полужыческія формы христіанства показываютъ, какъ трудно религіи достигнуть этой цѣли въ противовѣсъ потребностямъ массъ.

Вторымъ, чрезвычайно важнымъ, моментомъ является расширеніе знанія. Человѣкъ мало-по-малу замѣчаетъ, что во многихъ случаяхъ вещи существуютъ и измѣняются далеко не какъ попало, не въ зависимости отъ настроенія и произвола, какъ его собственныя дѣйствія. Онъ узнаетъ все больше и больше неизмѣнныхъ правилъ, которымъ вещи слѣдуютъ, а познаніе правилъ этихъ даетъ ему въ руки желаемую власть надъ вещами. Скоро смѣлые піонеры мышленія дѣлаютъ выводъ, что такъ дѣло обстоитъ не только въ большинствѣ случаевъ, а и во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, и что непреложнымъ законамъ подчиняются не только процессы матеріальнаго, но и духовнаго характера. Это утвержденіе оправдывается дальнѣйшимъ опытомъ; избѣжать его признанія вскорѣ становится уже затруднительно.—Вмѣстѣ съ этимъ у религіи, казалось бы, ускользаетъ изъ-подъ ногъ всякая почва: вѣдь если божество не вмѣшивается произвольно въ ходъ вещей и въ мысли и чувства человѣка, то какъ оно можетъ оказывать помощь? Но неизмѣнно остающаяся религіозная потребность способна примѣниться и къ этой перемѣнѣ во взглядахъ. Формы и понятія, въ которыхъ выражалась эта потребность, преобразуются, видоизмѣняютъ свой смыслъ, а отчасти даже и утрачиваютъ его. Появляется высшая форма религіи, въ томъ видѣ, какъ она, съ большей или меньшей послѣдовательностью, была разработана нѣкоторыми философами. Но подъ новымъ одѣяніемъ осталась прежняя внутренняя сущность, поэтому и религія сохраняетъ прежнее значеніе.

Молитва, напр., пріобрѣтаетъ для молящагося чисто духовную цѣнность; она наполняетъ его сердце надеждой. довѣріемъ, мужествомъ и быть можетъ, теперь онъ дѣйствительно собственными силами осуществитъ то, для чего въ состояніи отчаянія ему казалась необходимой посторонняя помощь. Предсказываніе становится дѣломъ ученыхъ; разумѣется, характеръ его соотвѣтственно мѣняется. Хотя уже и христіанство, очень цѣлесообразно, конечно, ограничиваетъ способность предсказыванія въ первоначальномъ

религіозномъ смыслѣ пророками и апостолами. Равнымъ образомъ становится невозможнымъ и чудотвореніе, въ первоначальномъ смыслѣ слова; въ видоизмѣненной формѣ, оно точно также переходитъ къ ученымъ, преимущественно къ технологамъ. Но и здѣсь много сдѣлано уже ранѣе христіанствомъ, хотя оно и дѣйствовало тутъ нерѣшительнѣе, чѣмъ по отношенію къ предсказаніямъ, такъ какъ для практическихъ цѣлей чудотвореніе имѣло большее значеніе. Чудодѣйственнаго вмѣшательства въ событія внѣшняго міра христіанство отчасти уже болѣе не признаетъ, отчасти же приписываетъ его только особой способности святыхъ. Чудодѣйственная же сила священнослужителя ограничивается дѣйствіями чисто духовнаго характера: въ таинствахъ онъ совершаетъ извѣстнаго рода магическое освященіе человѣка.—Наконецъ, божество, которое подвергается опасности совершенно отдѣлиться отъ міра, такъ какъ возможность его свободного вмѣшательства уже отрицается,—въ религіи философовъ втягивается цѣликомъ въ міръ, соотвѣтственно давнему стремленію многихъ вѣрующихъ. Богъ есть міръ, т. е. міръ, постигнутый въ единомъ корнѣ его существованія, вся полнота вещей, постигнутая въ ея источникѣ. Законы соотношенія вещей, а также и законы души являются не внѣшними дѣйствіями Бога, а самими его проявленіями; по существу Богъ въ тебѣ, во мнѣ, повсюду. Помощь, которую онъ оказываетъ, состоитъ не во внѣшнихъ преимуществахъ, а во внутреннихъ пріобрѣтеніяхъ: въ разумнѣи сущности Божіей, связи вещей въ ней, необходимаго возникновенія ихъ изъ этой сущности, а, вслѣдствіе этого, и въ признаніи и въ безропотномъ допущеніи всего случающагося, хотя бы оно несло намъ бѣды; или (по мистической терминологіи) въ погруженіи въ божество, возвышеніи до него, единеніи съ нимъ, а такъ какъ оно сверхчувственно, то—въ освобожденіи отъ чувственныхъ вещей и ихъ страданій.—Различіе между вѣрой Лютера и вѣрой Спинозы громадно. Первый ставитъ своему Господу Богу вопросы ребромъ, энергично указывая, что согласно даннымъ обѣтованіямъ Онъ обязанъ внять его молитвѣ за спасеніе Меланхтона, если только не хочетъ лишиться довѣрія; чорту же онъ выражаетъ свое полнѣйшее презрѣніе на солдатскій манеръ. Богъ Спинозы относится къ Богу Лютера „какъ небесное созвѣздіе Пса къ лающей на землѣ собакѣ“; его жизнь въ Богѣ есть созерцаніе великой разумной связи всѣхъ вещей. Но несмотря на всю громадность различія, каждый изъ нихъ ищетъ и находитъ въ своей вѣрѣ совершенно одно и то же, именно то, что обще всѣмъ религіямъ: защиту отъ наводящей ужасъ неизвѣстности, отъ страха передъ тѣмъ, что превышаетъ наши силы, покой для безпокойнаго сердца.

Но жизнь подобна гидрѣ. Душа сразила двѣ ужасныхъ головы ея съ помощью религіи, но взамѣнъ вырастаютъ двѣ другихъ, еще болѣе грозныхъ. Нѣкоторыя основныя свойства религіи приводятъ ее то къ противорѣчію съ другими образованіями души, то къ дружественному согласію съ ними; первое обусловлено своеобразнымъ ея отношеніемъ къ знанію, второе—дѣйствіями религіи. Въ обоихъ случаяхъ это ведетъ къ ряду новыхъ затрудненій.

1) По вполне понятнымъ основаніямъ, изъ всѣхъ твореній души религія отличается наиболѣе сильной устойчивостью. Ея ученія, предписанія и обряды облакаются божественнымъ авторитетомъ, Богъ же неизмѣняемъ.—Но знаніе вовсе не неизмѣнно: много ли удержали мы изъ того, что имѣло значеніе 1000, 500, 100 лѣтъ тому назадъ? Между тѣмъ религія,—можетъ быть и нерѣшительно, можетъ быть ковыляя позади науки,—но все таки восприняла въ себя разнаго рода знанія. Все же разъ воспринятое и вошедшее въ составъ ея ученій она должна твердо хранить въ неизмѣнности и энергично отстаивать. Въ давнихъ, многовѣковыхъ религіяхъ пластами заложены остатки знаній и взрѣвнѣй давно прошедшихъ поколѣній, которые трудно теперь отбросить безъ сильнаго потрясенія. Отсюда глубокая расщелина въ основаніи религіи. Она всегда зияетъ въ немъ и въ лучшихъ случаяхъ становится только немного уже. Представители знанія все время колеблютъ и потрясаютъ патриархально-почтенную, наивную вѣру предковъ, раздѣлять которой не могутъ во избѣжаніе внутренняго раздвоенія; священники же все время возвѣщаютъ, что только они обладаютъ вѣчной истиной, а „мудрецы міра сего“ ничего не имѣютъ кромѣ подозрительныхъ гипотезъ.—Какой тяжелой борьбы потребовало отрѣшеніе отъ геоцентрическаго міровоззрѣнія! какъ ожесточенны и бессмысленны современныя нападенія на біологическую теорію эволюціи! Какъ недостойны эти жалкія, но не прекращающіяся попытки могучую поэзію іудейскаго мифа о сотвореніи міра, воспринятую христіанствомъ, согласовать съ современной космологіей и геологіей или какъ-нибудь избѣжать признанія, что это просто мифы! Въ позднѣйшее античное время люди, размышляя о божествѣ, въ отношеніи его къ вещамъ, представляли себѣ, что оно можетъ находиться одновременно въ различныхъ мѣстахъ. Нагляднымъ выраженіемъ сущности этого представленія служило множество явленій: солнце, которое въ избыткѣ свѣта вѣчно шлетъ лучи свои по всему пространству вселенной и остается при этомъ все же неисчерпаемымъ и вѣчно неизмѣннымъ; растеніе, жизненныя силы котораго распространяются по всему его организму, по всѣмъ частямъ его—вѣтвямъ, листьямъ и цвѣтамъ, и въ то же время, не уменьшаясь и не ослабляясь, пребываютъ

въ корнѣ. Когда первые христіанскіе богословы примѣнили это представленіе къ своей цѣли и выработали понятіе тріединства, они выказали себя вполне современными людьми, считающимися съ высшимъ мышленіемъ своего времени. Такъ, до нихъ было выдвинуто въ филоновской философіи понятіе двуединства; въ ихъ эпоху, въ новоплатонизмѣ, четвероединство. Но воззрѣнія перемѣнились; представленіе объ истекающихъ изъ самихъ себя реальностяхъ, остающихся въ то же время неисчерпаемыми и неизмѣнными, кануло въ вѣчность; оно уже не имѣетъ больше никакого значенія для нашего мышленія о вещахъ. Всякому школьнику извѣстно, что лучистая энергія, выдѣляемая солнцемъ, дѣйствительно теряется имъ, и если потеря эта не находитъ возмѣщенія, солнце неизбѣжно приближается къ гибели. Поэтому, тріединство сдѣлалось для насъ совершенно мертвой формулой. Немногія отдѣльныя лица знаютъ еще изъ исторіи, что выражалось нѣкогда этой формулой,—но истинною живою силою, помогающей и въ другихъ случаяхъ при изслѣдованіи вещей, оно уже не является ни для кого. Тѣмъ не менѣе эта формула на лицо; она препятствуетъ принятію въ христіанское ученіе другихъ представлений, согласныхъ съ нашимъ мышленіемъ. Выдѣлить же ее совсѣмъ изъ догмы можно только съ величайшими трудностями.

2) Мы говорили уже, что религія для того, кто имѣетъ ее, является однимъ изъ средствъ въ великой борьбѣ за существованіе. Но, какъ и все порождаемое душой, религія дѣлается вскорѣ послѣ своего появленія средствомъ въ борьбѣ за существованіе и для людей иного рода, совершенно независимо отъ того, имѣютъ они сами религію или нѣтъ, пользуются плодами ея на указанныхъ выше общихъ основаніяхъ, или нѣтъ. Само собою понятно, что она играетъ эту роль для священниковъ совершенно такъ же, какъ для врача — медицина, для солдата — военная служба. Легко объяснимо и то обстоятельство, что, примѣняя ее для этой цѣли, они прибѣгаютъ иногда къ помощи странныхъ пріемовъ; параллельныя явленія существуютъ и въ области другихъ призваній. Гораздо важнѣе другое. Религія по своей природѣ—можно прибавить: и къ несчастью для нея—является отмѣннымъ боевымъ средствомъ въ той борьбѣ господъ противъ рабовъ, о которой была рѣчь выше (стр. 200). Она даетъ спокойствіе человѣку. Спокойный же человѣкъ скорѣе будетъ доволенъ своей судьбою, чѣмъ безпокойный, въ силу чего и управлять имъ значительно легче. Религія учитъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что блескъ и богатство этого міра не имѣетъ цѣны, тлѣнъ; что наоборотъ, тѣмъ лучше будетъ бѣдному и угнетенному въ ожидающей его будущей жизни. Кто не вѣритъ этому, не слѣдуетъ ея предписаніямъ, тѣмъ пред-

стоять тяжкія кары. На это религія особенно упираетъ, хотя возникла не для устрашенія, а напротивъ для побѣды надъ страхомъ. Конечно, первоначальный смыслъ этихъ ученій, созданныхъ въ утѣшеніе униженнымъ и угнетеннымъ. состоялъ не въ томъ, чтобы удержать ихъ такимъ образомъ въ страданіяхъ, но несомнѣнно возможно и такое примѣненіе. Вотъ почему издавна господа усердно стремились забрать въ свои руки религію, какъ могучее орудіе для того, чтобы держать въ повиновеніи непокойныхъ подданныхъ. притомъ, какъ орудіе болѣе дѣйствительное, чѣмъ грубая сила, потому что оно не такъ легко вызываетъ жестокую реакцію.— „Какъ намъ охранять людей отъ социалдемократіи, когда они не ходятъ больше въ церковь?“ говоритъ помѣщикъ. „Солдатъ, который не боится Бога,—негодный солдатъ“, заявляетъ генераль. „Тронъ и алтарь“—лозунгъ королей. Такое безграничное практическое значеніе религіи естественно вліяетъ въ свою очередь и на ея представителей. Могущество, которымъ они и безъ того обладаютъ, усиливается до высочайшей степени. Но благодаря этому они легче приходятъ въ столкновеніе съ другими силами государства и отсюда возникаютъ чрезвычайно трудныя осложненія и проблемы общественной жизни.

Преодолѣть ли когда всѣ эти трудности снова, приспособившись къ условіямъ, и какъ именно преодолѣть, сказать теперь нельзя. Пока это ей не удавалось. Быть можетъ, это случится въ день, когда, въ видѣ высшей и самоочевидной мудрости для служителей религіи, выработается тотъ взглядъ, что для сохраненія религіи надо заниматься религіей а не геологіей, астрономіей, біологіей, менѣе же всего—психологіей и политикой.

ЛИТЕРАТУРА.

В. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. (1903. Русск. пер. М. 1910).

E. Starbuck. Religionspsychologie. (1909).

§ 26. Искусство.

Вторая группа недостатковъ, которые должна была устранить душа, сводится къ недостаточности простаго поддержанія жизни для проявленія всей сущности души и къ проистекающимъ отсюда неудовлетворенности и безпокойству. Средства противъ этого душа находитъ въ искусствѣ, т. е. въ созерцаніи произведеній искусства, вообще—въ наслажденіи ими.

Какъ мы увидимъ далѣе, произведеніе искусства доставляетъ наслажденіе, возбуждая душевную дѣятельность самымъ различнымъ образомъ,—но кромѣ наслажденія

оно не даетъ ничего. Изысканныя блюда, новыя платья, выгодныя должности доставляютъ намъ также удовольствіе, одни своимъ вкусомъ, другіе своимъ внѣшнимъ видомъ и т. д.; но кромѣ того, и главнымъ образомъ, они пріятны намъ по другой причинѣ,—по связи своей съ цѣлью, внѣ ихъ лежащей: Я нуждаюсь въ нихъ для своего существованія. Но благодаря этому же они и перестаютъ насъ радовать: они разжигаютъ желаніе большаго или вызываютъ досаду, когда это большее неосуществимо или когда мы пресытились и т. д. . . Правда, нѣкоторую практическую пользу, въ широкомъ смыслѣ слова, принесетъ несомнѣнно и созерцаніе художественнаго произведенія, но наслаждающійся имъ совершенно не знаетъ объ этомъ; въ его сознаніи существуетъ лишь чистое наслажденіе тѣмъ, что данное произведеніе само по себѣ даетъ ему изъ своего богатаго содержанія; онъ испытываетъ блаженство, а не счастье въ обычномъ смыслѣ слова. Изъ картины или пѣсни я ничего не могу извлечь больше; онѣ доставляютъ мнѣ удовольствіе не въ виду какой либо дальнѣйшей цѣли, не потому также, чтобы онѣ, подобно истинѣ, входили въ какую либо великую всеобъемлющую связь. Ихъ назначеніе и связь — въ нихъ самихъ; каждое произведеніе искусства есть въ себѣ самымъ обоснованное и въ себѣ самымъ замкнутое цѣлое. Поэтому, искусство успокаиваетъ насъ среди безпокойной дѣятельности. Оно никуда далѣе не влечетъ душу. Оно освобождаетъ отъ тѣхъ горькихъ привкусовъ, которымъ насквозь проникнуты всѣ радости, сопровождающія погоню за самосохраненіемъ или за счастьемъ.

Произведеніе искусства можно разсматривать какъ исполненіе одного требованія, о которомъ самъ художникъ можетъ столь же мало знать, какъ говорящій—о законахъ своего языка; тѣмъ не менѣе можно показать, что оно объективно господствуетъ въ его твореніяхъ. Это наиболѣе общее требованіе отъ всѣхъ произведеній искусства гласитъ: радуй, но не пробуждай желаній; дай наслаждаться безъ желанія имѣть что либо или не имѣть, безъ зависти, злорадства и другихъ однородныхъ переживаній. Эти радости безъ хотѣній, это наслажденіе безъ желаній носятъ названіе *эстетическаго наслажденія, эстетическаго удовольствія*.

Какъ люди могли притти къ этому особенному способу доставлять себѣ удовольствіе? Искусство всегда проявляется въ тѣсной связи съ религіей и ясно могущественное содѣйствіе, которымъ оно обязано этой связи. Храмы боговъ и церкви являются художественными произведеніями; они покрываются богатѣйшими художественными украшеніями; жизнь и дѣянія боговъ составляютъ содержаніе безчисленныхъ произведеній искусства. Можно бы предположить, поэтому, что искусство вышло изъ нѣдръ религіи, и въ этомъ предположеніи несомнѣнно будетъ доля правды. Однако, это не вполне уясняетъ данную связь.—Быть можетъ, ее слѣдуетъ мыслить такъ, что

добрые демоны первобытныхъ религій (стр. 203) приводились иногда въ такое отношеніе къ животнымъ или опредѣленному виду ихъ, какое существуетъ между тѣломъ человѣка и пребывающей въ немъ душой. Естественно, что въ такомъ случаѣ съ помощью этихъ животныхъ можно колдовать. Къ сожалѣнію ихъ нельзя было всюду имѣть съ собою; убить ихъ сперва — также было нельзя, такъ какъ они священны. Но все, что стоитъ въ какой либо связи съ какимъ нибудь существомъ, таинственно причастно ему, постоянно находится съ нимъ въ общеніи, является какъ бы частью его, напр., такую роль можетъ играть лоскутокъ его одежды, и даже его имя; этого мѣня держатся и не одни первобытные люди: выраженія, „во имя Божье“, „во имя Иисуса“ — первоначально были магическими формулами. Это должно было навести на мысль, что болѣе всего сохраняеть указанную тѣсную связь и з о б р а ж е н і е существа; слѣдовательно силы оригинала дѣйствуютъ и въ его изображеніи и обратно дѣйствуя на послѣднее, можно будетъ повлѣять на оригиналъ. Вотъ почему пришли къ мысли для приданія большей силы своему оружію нацарапывать на немъ изображеніе животнаго - покровителя, надѣвать это изображеніе, чтобъ заколдовать себя отъ несчастій, и, наконецъ, дѣлать идоловъ своихъ боговъ, и одарять или наказывать эти идолы. Удовольствіе, вызываемое продуктами этой, сперва чисто практической, изобразительной дѣятельности, имѣло и дальнѣйшія слѣдствія. Оно освободило художественный образъ отъ религіи, другими словами, художественное изображеніе перестало служить чудеснымъ средствомъ для практическихъ цѣлей — слѣдъ чего замѣчается еще въ изображеніяхъ мадонны и святыхъ — и приобрѣло самостоятельную цѣнность. Чары его не сообщили большей силы человѣческому оружію; въ этомъ отношеніи желѣзо оказалось лучшимъ помощникомъ. Но оно научило людей очарованію безкорыстнаго наслажденія и потому само по себѣ сдѣлалось для нихъ приятнымъ и желаннымъ. Это снова привело искусство въ связь съ религіей, но уже въ иную связь, чѣмъ прежде. Когда люди хотѣли доставить удовольствіе какъ себѣ, такъ и своимъ богамъ, они подносили имъ на ряду съ другими вещами и произведенія искусства. При этомъ они замѣтили, что значительность содержанія произведеній искусства увеличиваетъ ихъ дѣйствіе, и продолжали дарить богамъ преимущественно изображенія боговъ, величайшаго, что люди знали: себя самихъ въ идеализованномъ видѣ.

Тѣмъ не менѣе на религію можно смотрѣть только {какъ на одну изъ причинъ возникновенія искусства или же какъ на полную причину только опредѣленныхъ видовъ его. Вѣдь намъ въ точности извѣстны еще другіе источники искусства, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе широкіе, чѣмъ религія. Однимъ изъ нихъ является игра. Игра есть общее человѣку и животнымъ влеченіе къ такому упражненію нужныхъ въ борьбѣ за существованіе силъ, къ которому, сама эта борьба вообще или въ данное время не даетъ достаточнаго повода (стр. 113). Это влеченіе, естественно, часто проявляется въ тѣхъ же самыхъ формахъ, что и инстинктъ самосохраненія; дѣятельность въ игрѣ является въ такихъ случаяхъ подражаніемъ дѣятельности, направленной на самосохраненіе; только самосохраненіе не является ея цѣлью, по крайней мѣрѣ, непосредственной и сознаваемой играющимъ цѣлью. Отсюда и значеніе игры для искусства. Въ ней начинается отдѣленіе человѣческой дѣятельности отъ потребности, освобожденіе отъ постоянной направленности на житейскія нужды. Само собою разумѣется, это лишь начало пути. Игра еще не искусство, такъ какъ освобожденіе въ ней недостаточно. Она слишкомъ серьезна, удовольствія ея еще слишкомъ сплетены съ потребностями. Мальчикъ, который играетъ со своими товарищами въ разбойниковъ или въ солдатики, не представляетъ разбойника, подобно актеру, — онъ самъ разбойникъ. Его идеаломъ было бы реально наслаждаться

во время игры всѣмъ тѣмъ, что онъ представляетъ себѣ въ качествѣ преимуществъ разбойничьей жизни—независимостью, властью надъ людьми и ихъ богатствами. Актеръ же объ этомъ не думаетъ. Даже когда онъ представляетъ короля, съ которымъ, какъ человѣкъ, онъ конечно не отказался бы помѣняться мѣстомъ,—какъ художникъ, онъ не хочетъ бытъ королемъ, но лишь и г р а е т ъ короля. Итакъ, игра есть нѣчто среднее между искусствомъ и жизнью, но во всякомъ случаѣ первая ступень къ нему.

Сходную роль играютъ еще нѣкоторыя явленія первобытной жизни, детально разбирать которыя излишне. У нихъ всегда есть общая черта: въ повседневныхъ заботахъ о самосохраненіи человѣкъ узнаетъ то одно, то другое, полезное для этой цѣли или сопутствующее ея достиженію, но и безъ этого свойства само по себѣ способное вызывать значительное удовольствіе. Вначалѣ, при тяжеломъ гнетѣ борьбы за существованіе, господствующей надъ всѣмъ въ первобытной обстановкѣ, это побочное свойство вещей едва-едва замѣчается. Но мало по малу, съ облегченіемъ борьбы за жизнь, въ часы досуга человѣкъ начинаетъ на него обращать вниманіе. Онъ замѣчаетъ, что средство борьбы, имѣвшее для него вначалѣ значеніе только, какъ средство пропитанія или оружіе, является пріятной вещью и независимо отъ своей полезности; подобнымъ же образомъ можетъ привлекать къ себѣ и какое нибудь сопутствующее его борьбѣ явленіе. Все это побуждаетъ его искать такія вещи и ради нихъ самихъ; онъ становятся для него предметами искусства. Таковы пестрые краски и другія украшенія, при помощи которыхъ человѣкъ старается понравиться; таковы тѣ знаки, которыми онъ отмѣчаетъ свою собственность.—Радостныя переживанія находятъ себѣ выходъ въ рефлекторныхъ движеніяхъ: прыжкахъ, ликующихъ возгласахъ, кликахъ, и т. д. Когда эти движенія совершаются, они и сами испытываются, какъ нѣчто пріятное; это приводитъ къ умысленному ихъ повторенію и служить одной изъ причинъ танца и пѣсни. Разказы и описанія чувственно воспріятого, въ связи съ необузданной дѣятельностью воображенія, развиваются въ легенды и сказки. Но особенно большое значеніе для искусства имѣло открытіе пріятныхъ свойствъ симметріи и ритма, т. е. вообще одинаковаго расположенія многихъ элементовъ въ пространствахъ и во времени. Представлялось, конечно, много случаевъ наблюдать, что правильно чередующіеся пестрые предметы или объединенные въ симметричныя фигуры пестрые штрихи выглядятъ несравненно красивѣе, чѣмъ безпорядочное сочетание этихъ же штриховъ и предметовъ; легко было замѣтить, далѣе, что и движенія во время танца и работы, совершаемыя въ опредѣленномъ ритмѣ, не только исполняются съ большей легкостью, но главнымъ образомъ и гораздо пріятнѣе неритмическихъ движеній.—Ритмъ и симметрія, будучи сравнительно безразличными въ борьбѣ за существованіе, имѣютъ весьма важное значеніе для безкорыстнаго наслажденія. Это, конечно, сильно облегчаетъ ихъ отрѣшеніе отъ практической дѣятельности и выполнение ради нихъ самихъ. Дѣйствительно, если судить по современнымъ дикарямъ, первымъ самостоятельнымъ и общераспространеннымъ искусствомъ былъ строго ритмическій танецъ, сопровождаемый музыкой и пѣніемъ, т. е. въ сущности указаніемъ такта. Сами танцующіе преслѣдуютъ при этомъ еще и практическіе цѣли: возбужденіе экстатического душевненія, удаленіе демоновъ и т. п. Но зрителямъ они доставляютъ чисто эстетическое наслажденіе и именно его ищутъ послѣдніе въ предлагаемомъ имъ зрѣлищѣ.

Итакъ, есть много источниковъ искусства; въ связи съ этимъ оно долгое время существуетъ только въ видѣ множества отдѣльныхъ искусствъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти источники и различныя частныя искусства объединяются

одной основной потребностью души, находящей въ этомъ свое удовлетвореніе: безкорыстною, свободною отъ желаній радостью. Такая одинаковость конечнаго дѣйствія искусствъ обуславливаетъ, естественно, и извѣстную одинаковость тѣхъ способовъ, коими достигается это дѣйствіе.

Чтобы обстоятельнѣе показать это, цѣлесообразно будетъ провести нѣкоторыя различія. Въ произведеніи искусства, какъ и во всякомъ продуктѣ человѣческой дѣятельности, можно различать три стороны, имѣющихъ значеніе для эмоциональной жизни. Во первыхъ, опредѣленное содержаніе или матеріаль. Если художественное произведеніе является картиной, то она можетъ изображать сраженіе или пейзажъ, если стихотвореніемъ—то легенду объ Одиссеѣ или лѣсномъ королѣ, если музыкой—то вальсъ или похоронный маршъ. Во вторыхъ, это содержаніе всегда облечено въ извѣстную форму; при изображеніи Тайной Вечери можно представить двѣнадцать апостоловъ просто рядомъ другъ съ другомъ или же распредѣлить ихъ по группамъ, при этомъ опять таки различнымъ способомъ; церковь можно строить въ романскомъ или готическомъ стилѣ; то же можно сказать и о размѣрѣ стихотвореній, расчлененіи строфъ, гармоніи въ музыкѣ и т. д. Но кромѣ того въ каждомъ произведеніи искусства есть еще и многое другое, не исчерпывающееся обѣими указанными точками зрѣнія. Какъ было уже упомянуто нами, воспринимая к.-л. объективный предметъ или процессъ, мы никогда не остаемся только пассивными; мы всегда самымъ различнымъ способомъ сплетаемъ полученное нами съ нашими представленіями, перерабатываемъ его, истолковываемъ и придаемъ иную форму. Слѣдовательно, когда художникъ хочетъ воздѣйствовать на меня картиной Тайной Вечери, то, помимо выбора особаго момента изъ этого событія, онъ можетъ достигнуть цѣли еще множествомъ иныхъ способовъ. Смотри по тому, какъ онъ смотритъ на это событіе, онъ можетъ показать мнѣ двѣнадцать иудейскихъ рыбаковъ и сборщиковъ податей или же учениковъ Христа, можетъ заставить меня почувствовать чисто человѣческое или всемірно-историческое значеніе этого событія. Затѣмъ и внѣшній видъ его картины можетъ также быть весьма различнымъ: художникъ можетъ расположить фигуры въ просторномъ залѣ и многое сказать мнѣ украшеніями или простымъ убранствомъ его; можетъ перенести центръ тяжести выраженія на дѣйствующихъ лицъ и представить мнѣ ихъ въ импонирующемъ величіи; можетъ примѣнить ту или иную технику и воспользоваться каждой изъ нихъ на свой ладъ. Въ широкомъ смыслѣ слова, въ произведеніи искусства все конечно, зависитъ отъ личности художника; онъ, какъ личность, сказывается уже въ

выборѣ матеріала и въ приданіи ему извѣстной формы; но съ особенной рѣзкостью индивидуальность его проявляется въ томъ, о чемъ мы только что говорили. Поэтому будемъ называть все связанное именно съ замысломъ и изображеніемъ — личнымъ элементомъ художественнаго произведенія.—Итакъ въ послѣднемъ нужно различать содержаніе, форму и личный элементъ. Не надо смотрѣть на это различіе, какъ на упражненіе въ остроуміи. Можно безъ труда „свести“ другъ къ другу отдѣльные элементы этого дѣленія или перемѣстить границы между ними; но тогда для того, чтобы можно было говорить объ отдѣльныхъ сторонахъ художественнаго произведенія, придется подъ другими именами снова вводить въ восстановленную однородность его понятія сходныя же различія и такимъ образомъ не выигрывается ничего.

Произведеніе искусства пробуждаетъ въ насъ чувствованія всѣми своими тремя сторонами и, каждая изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствуетъ, какъ это мы знаемъ изъ предыдущаго, самымъ различнымъ образомъ (стр. 176): прямо или по ассоціаціи; въ видѣ эмоциональныхъ реакцій на данное или по поводу даннаго; въ видѣ вчувствованія въ это данное, въ видѣ его обращенія въ часть моего собственнаго я; въ видѣ его возведенія на степень типа, сообразно которому протекають явленія вообще. Если же дѣло обстоитъ именно такъ, и если произведеніе искусства цѣнно для души тѣмъ, что возбуждаетъ безкорыстное наслажденіе, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что для обладанія полной цѣнностью оно должно оказывать это дѣйствіе по всѣмъ тремъ направленіямъ одновременно. Въдѣ различіе ихъ есть лишь дѣло абстракціи; произведеніе искусства не можетъ быть реально отдѣлено ни отъ одного изъ нихъ; если же оно въ к.-л. направленіи не оказываетъ соотвѣтствующаго дѣйствія, не возбуждаетъ удовольствія или принадлежитъ міру вождельній, то его общее дѣйствіе не только ослабляется, но и нарушается вслѣдствіе положительнаго противодѣйствія.

Пусть то, чего ищетъ душа и что находитъ во всецѣло удовлетворяющемъ ее художественномъ произведеніи, она выскажетъ теперь въ видѣ требованія къ художнику по отношенію къ каждой изъ этихъ трехъ сторонъ въ отдѣльности.—Она какъ бы говоритъ ему: прежде всего доставь мнѣ наслажденіе выборомъ своего предмета, притомъ такъ, чтобы онъ не возбудилъ у меня желанія. Пусть онъ пробуждаетъ во мнѣ только чувствованія: растрогай меня имъ, вызови радостное или жалостливое настроеніе, одушеви меня, возбуди печаль, но такъ чтобы потомъ и вывести изъ нея; заставь меня затрепетать и потомъ снова

дай возможность вздохнуть свободно. Ты воленъ выбрать свой сюжетъ, откуда тебѣ будетъ угодно; бери все, что тебѣ покажется для этого подходящимъ между небомъ и землей: возвышенное или низменное, дѣйствительность или сказку. Приведи меня, если желаешь, въ комнату больного или на пустынную равнину, къ нищему или къ хищному звѣрю. Только покажи мнѣ при этомъ, что въ комнатѣ больного не одно только страданіе и запахъ карболки, но что тамъ есть еще самопожертвованіе и преданность; что нищій не только одѣтъ въ лохмотья, но сохраняетъ въ нихъ, и несмотря на нихъ, вызывающія удовольствія черты человѣчества. Словомъ, я прошу у тебя только одного: заинтересуй меня.—И далѣе: доставь мнѣ наслажденіе, формой, въ которую ты облечешь свой матеріалъ. Я склоненъ къ живой и разнообразной дѣятельности; не давай мнѣ слишкомъ мало, не давай и чего либо слишкомъ простаго: это причинитъ мнѣ скуку. Но я въ то же время склоненъ къ единству и къ строгой сосредоточенности; не преподноси мнѣ слишкомъ многого или слишкомъ разнообразнаго: это спутаетъ, заставитъ разбрасываться, будетъ мнѣ тягостно. Старайся одновременно удовлетворить обѣ стороны моей природы. Дай моимъ внѣшнимъ чувствамъ и моей ассоціативной дѣятельности соответствующую имъ пищу: развивай свою тему во всей полнотѣ и многообразіи отчетливо обособленныхъ отдѣльныхъ частныхъ, но въ то же время приспособляйся къ моей способности воспринимать: придай внутреннее гармоническое единство, отчетливо проникающее всѣ частности, распредѣляющее ихъ въ меньшія и большія группы и собирающее ихъ, въ концѣ концовъ въ одно большое цѣлое. Пусть это будетъ нѣчто похожее на готическій соборъ: неизмѣримое богатство сходныхъ и несходныхъ большихъ и малыхъ деталей—и всѣ онѣ подчиняются, распредѣляются, объединяются во все большія и большія единства однимъ и тѣмъ же невыразимымъ въ словахъ и однако непосредственно усматриваемымъ закономъ построенія; пусть это будетъ неисчерпаемая полнота предметовъ, „гдѣ все стремится къ цѣлому, гдѣ одно живетъ и дѣйствуетъ въ другомъ“. Словомъ: займи меня.

И, наконецъ, сдѣлай такъ, чтобъ я наслаждался самимъ тобою; пусть это будетъ не послѣднимъ элементомъ наслажденія. Покажи мнѣ то радостное въ предметѣ, что открылъ въ немъ твой взглядъ, и что оставалось для меня незамѣтнымъ; вскрой своеобразие тамъ, гдѣ я видѣлъ только обыденность. Обнаружь, какъ сказалъ Шиллеръ „индивидуальность“, которая заслуживаетъ „проявленія передъ міромъ и потомствомъ“, дай чистое отраженіе интереснаго душевнаго состоянія совершеннаго духа. Но пусть я вижу при этомъ, какъ ты увѣренно и безъ труда становишься

господиномъ надъ непокорнымъ матеріаломъ, овладѣваешь имъ, чтобы воплотить свои внутреннія переживанія. Я человекъ. Созерцаніе человѣческой власти и человѣческаго господства надъ природой возвышаетъ меня, хоть я вовсе и не думаю о томъ, чтобы состязаться съ тобой. Пусть сила твоя обращаетъ мертвыя красочныя пятна въ трепетъ жизни и въ солнечное сіяніе и пара словъ раскрываетъ цѣлый характеръ, глубочайшіе мотивы какого-либо поступка. Словомъ, покажи мнѣ, что ты въ состояніи сдѣлать.

Можно бы многое сказать въ отдѣльности о каждой изъ этихъ сторонъ, въ которыхъ раскрывается дѣйствіе художественнаго произведенія. Но такъ какъ намъ предстоитъ еще нѣсколько остановиться на ихъ взаимномъ отношеніи, ограничимъ детальный разборъ необходимымъ разъясненіемъ лишь перваго изъ перечисленныхъ средствъ воздѣйствія—именно, содержаніе произведеній. Какъ приступаетъ художникъ къ тому, чтобы вызвать своимъ предметомъ безкорыстное удовольствіе? Онъ прибѣгаетъ для этого къ двумъ совершенно различнымъ средствамъ. Первое въ своемъ наиболѣе чистомъ видѣ проявляется въ музыкѣ. Оно проще другого и состоитъ въ томъ, чтобы при построеніи художественнаго произведенія пользоваться лишь такими матеріалами, которые не играютъ никакой роли въ мірѣ необходимыхъ потребностей. Пропѣтые или сыгранные на инструментахъ звуки и мелодіи никоимъ образомъ нельзя использовать въ смыслѣ самосохраненія; по этой причинѣ они не могутъ и возбуждать желаній. Но въ то же время они обладаютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ другіе малоцѣнные въ смыслѣ самосохраненія матеріалы, однимъ свойствомъ: различная послѣдовательность и различныя сочетанія ихъ оказываютъ изумительное дѣйствіе на эмоциональную жизнь, вызываютъ крайне разнообразныя и весьма тонкія чувствованія и настроенія. Поэтому, они являются несравненнымъ матеріаломъ для художественныхъ произведеній.

Другое средство преобладаетъ въ скульптурѣ, живописи и поэзіи. Эти искусства, конечно, заимствуютъ свои предметы изъ міра потребностей, но въ то же время и отрываютъ ихъ отъ этого міра, отсѣкая вождельніе къ нимъ съ помощью подражанія. Они представляютъ намъ вещи и факты изъ міра потребностей не непосредственно, а въ изображеніяхъ. Благодаря этому разрываются всѣ нити, которыя въ другихъ случаяхъ связывали вещь съ тканью моихъ практическихъ интересовъ, эмоциональный же характеръ вещей исчезаетъ не совсѣмъ. Конечно, чувствованія, обусловленныя практическими цѣлями, уничтожаются или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабѣваютъ, но за то тѣмъ чище проявляются всѣ другія, сопутствующія этимъ вещамъ чувствованія, которыя прежде какъ разъ и оставались безъ

вниманія. На подмосткахъ или въ романѣ разбойникъ можетъ возбудить во мнѣ восхищеніе, такъ какъ въ его ремеслѣ есть нѣчто, заслуживающее этого. Но разбойникъ на большой дорогѣ? Упаси Боже! Коверъ на картинѣ вызываетъ во мнѣ чистую радость красотой своего рисунка и своихъ цвѣтовъ; при видѣ же дѣйствительнаго ковра у меня навязываются мысли о его цѣнѣ, его прочности и т. д., и нарушаютъ испытываемое мной удовольствіе. Такимъ путемъ подражаніе, въ конечномъ счетѣ основывающееся на психическихъ законахъ ассоціаціи и впервые проявляющееся въ игрѣ и въ изготовленіи магическихъ знаковъ, приобретаетъ необычайное значеніе, благодаря своей примѣнимости для цѣлей искусства. Оно обуславливаетъ безконечное расширеніе области искусства и даетъ, такимъ образомъ, душѣ возможность многосторонней дѣятельности, необходимой для нея, но не легко осуществимой при монотонности трудовой жизни. Такъ какъ въ трехъ названныхъ искусствахъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе именно эта ихъ сторона, то нисколько не удивительно, что его истинный смыслъ чаще извращался, чѣмъ правильно оцѣнивался. Если считать подражаніе чѣмъ то цѣннымъ само по себѣ, абсолютною цѣлью художественной дѣятельности, то большая часть того, что характерно для его примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, остается загадочнымъ; если же разсматривать его въ качествѣ художественнаго приема для порожденія несвязанныхъ съ желаніемъ радостей, то все станетъ понятнымъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на три слѣдующіе пункта.

1) Подражаніе должно быть, по возможности, точнымъ, поскольку не противорѣчатъ этому остальные условія; высшая естественность и правдивость—вотъ то требованіе, которому оно должно удовлетворять. Цѣль художника—возбудить чувствованія, вызываемая той вещью, которой онъ подражаетъ. Но первоначально они связаны съ дѣйствительными вещами. Если ихъ можетъ вызвать и подражаніе, то причиною этого является ассоціація. Ассоціація же, конечно, дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе и безошибочнѣе, чѣмъ больше согласіе между оригиналомъ и копіей, тѣмъ слабѣе и сомнительнѣе, чѣмъ меньше это согласіе. Болѣе того: отступленіе отъ природы обуславливаетъ не только ослабленіе дѣйствія. Приглашеніе принимать предлагаемое намъ искаженіе истины за истину вызываетъ прямое противодѣйствіе или же досаду на неспособность художника, стремившагося къ точной передачѣ, но не могшаго достигъ ея.

2) Даже при совершеннѣйшей правдивости изображенія подражаніе никогда не должно выдавать себя за что-либо иное, чѣмъ подражаніе; оно

никогда не вправѣ обращаться въ полную иллюзію. Правда, въ такихъ случаяхъ ловкость художника первоначально вызываетъ восхищеніе, но она тотчасъ же снова переноситъ меня въ міръ моихъ потребностей и теряетъ, поэтому, всякій смыслъ. Созерцаніе двухъ деревьевъ столь же пріятно, какъ и созерцаніе одного; для чего же тогда затрачивать столько труда на это удвоеніе? Итакъ, даже при крайнемъ увлеченіи поразительной правдивостью художественнаго произведенія, наслаждающійся имъ никогда не долженъ совершенно забывать, что правдивость эта есть лишь правдивость подражанія, игра. Нѣтъ необходимости, чтобы сознаніе этого было въ каждый данный моментъ точно формулировано, но оно постоянно должно быть на лицо въ качествѣ одного изъ дѣйственныхъ господствующихъ представленій (стр. 153). Можно провести здѣсь аналогію съ піанистомъ, которому не нужно, при каждой нотѣ совершенно отчетливо говорить себѣ: здѣсь — скрипичный ключъ, здѣсь нужно играть въ D-dur. Да онъ и не можетъ такъ дѣйствовать. Однако, ни при одной изъ нотъ у него не должно совершенно исчезать сознаніе всего этого, иначе при игрѣ нельзя было бы руководствоваться значками, которые сами по себѣ имѣютъ самый различный смыслъ. Поэтому призрачный міръ художественнаго произведенія долженъ быть всегда отдѣленъ отъ міра желаній не только отчетливой, но даже рѣзкой границей, картина — рамой, статуя — цоколемъ, драма — сценой. И эта граница никогда не должна ступшеваться, иначе возникнетъ диссонансъ и ослабленіе цѣннаго для души дѣйствія. Актеръ не долженъ говорить среди публики. Пусть примѣняется эта искусственность въ циркѣ; если поэтъ въ ней нуждается, то пусть онъ введетъ публику въ свой призрачный міръ, на сцену.

3) Правдивость подражанія не должна приводить къ исчезновенію другихъ свойствъ, обуславливающихъ вліяніе художественныхъ произведеній на душу. Всегда нужно стремиться къ равновѣсію между различными и отчасти противорѣчащими другъ другу требованіями: художественное произведеніе всегда является компромиссомъ. Душа нуждается въ сильныхъ чувствованіяхъ, преимущественно пріятнаго свойства; а между тѣмъ, природа даетъ ей наряду съ значительнымъ также и незначительное и даже отталкивающее. Слѣдовательно въ подражаніи все пригодное для насъ эмоціональное содержаніе даннаго матеріала должно быть отдѣлено отъ непригоднаго лучше, чѣмъ въ природѣ; его воспринимаемая основа должна быть рѣзко подчеркнута и даже преувеличена. Далѣе, природа по большей части подавляетъ своимъ богатствомъ, и потребность нашей души въ гармоническомъ единствѣ частныхъ не

является для нея закономъ. Художественное же произведение нуждается въ единствѣ мысли и единствѣ формы. Поэтому существенныя черты предмета должны быть въ немъ больше выдвинуты, случайныя же и заслоняющіе ихъ побочныя признаки должны быть устранены или оставлены въ тѣни. Что касается формы, то въ произведеніи необходимо какой либо пространственный или духовный центръ, который долженъ служить исходнымъ пунктомъ при группировкѣ частей; необходимо согласованіе послѣднихъ, стилизація. Если хотятъ вставить изображеніе въ опредѣленную раму или помѣстить въ опредѣленной обстановкѣ, то необходимо, чтобъ оно гармонировало съ этой обстановкой; нужно, чтобы природа была приспособлена къ нему, иначе снова возникаетъ диссонансъ. Изображенія людей и животныхъ какъ бы сами собой пріобрѣтаютъ въ готической церкви инныя формы, чѣмъ въ романской. Чтобы избѣгнуть противодѣйствующихъ вліяній, необходимо также известное приспособленіе къ ходячимъ представленіямъ и даже къ личности зрителей. Левъ среди аллегорическихъ фигуръ въ качествѣ символа власти долженъ походить не на дѣйствительныхъ львовъ, но на тѣ фигуры, которыя обычно играютъ эту роль; дѣйствительный левъ представляется нашему сознанию въ видѣ коварнаго хищнаго звѣря, въ видѣ большой кошки. Такимъ образомъ правдивость подражающаго художественнаго произведенія находится въ постоянной борьбѣ съ противорѣчащими требованіями. Природа, въ которой нуждается искусство, даетъ безразличное, индивидуальное, мгновенное; душа, которой оно служитъ, хочетъ значительнаго, общаго, вѣчнаго. Съ одной стороны безграничная свобода и разнообразіе, съ другой—строгое подчиненіе, законъ, стиль. Высшій предѣлъ искусства тамъ, гдѣ художникъ бываетъ въ состояніи всѣ элементы этихъ противоположностей поднять одновременно на крайнюю доступную имъ высоту.

Какъ пониманіе религіи затрудняется разнообразіемъ формъ, въ которыхъ находитъ себѣ удовлетвореніе одна потребность при различныхъ условіяхъ, точно такъ же и пониманіе искусства затрудняется множественностью факторовъ, при помощи которыхъ должна осуществляться одна цѣль. Каждый изъ тѣхъ моментовъ, которые мы рассмотрѣли — содержаніе, форма, личность, подражаніе — пользовался особымъ преимуществомъ при оцѣнкѣ; каждый изъ нихъ поднимали на щитъ, какъ единственно и истинно существенное въ искусствѣ. На это есть и объективныя, и личныя основанія. Широкимъ массамъ, которымъ отрѣшеніе отъ практическаго значенія дается съ трудомъ, наиболѣе интересенъ, главнымъ образомъ, сюжетъ, а иногда также техническое мастерство художника. Какъ

ребенокъ, непригнетенный еще борьбой за существованіе, такой зритель долженъ знать, дѣйствительно ли существуютъ изображенныя вещи; онъ доволенъ, когда узнаетъ, что всѣ лица на картинѣ представляютъ собою портреты и напряженно слѣдитъ за всѣми подробностями внѣшняго дѣйствія. Теоретикъ, который изучаетъ картину, рассказъ, драму, гдѣ находитъ много элементовъ, непосредственно заимствованныхъ изъ жизни или, можетъ быть, заимствованныхъ изъ нея, человѣку, который обозрѣваетъ постепенное совершенствованіе искусства именно въ этомъ отношеніи, легко можетъ показаться, что правдивость есть самая существенная черта искусства. Напротивъ, кто исходитъ изъ изученія музыки и на ней стремится уяснить себѣ сущность искусства, тотъ не можетъ особенно цѣнить подражаніе природѣ. Случайное и всегда сильно стилизованное подражаніе пѣнію птицъ, лошадиному топоту и т. п. есть, конечно, вещь второстепенная. Не можетъ заключаться сущность дѣла и въ матеріалѣ въ узкомъ смыслѣ слова—въ звукахъ; прелесть ихъ слишкомъ незначительна. Связь и сочетаніе звуковъ, когда они сливаются въ гармонію или противодѣйствуютъ другъ другу, несутся, летятъ и догоняютъ другъ друга, нарастаютъ и замираютъ и когда изъ всего этого построено богатое и закономѣрное цѣлое — вотъ въ чемъ состоитъ искусство. Сущность его, слѣдовательно,—форма. Наконецъ, художникъ, можетъ разсматривать произведенія другихъ, опять таки, съ точки зрѣнія особыхъ практическихъ интересовъ; можетъ болѣе всего интересоваться тѣмъ, какъ другой человѣкъ подошелъ къ данному предмету, или можетъ сознавать, что и онъ самъ имѣетъ силу обратить почти всякій матеріалъ въ художественное произведеніе, Поэтому у него играетъ главную роль оцѣнка художественной оригинальности или силы художника во всякомъ, смыслѣ слова; онъ близокъ къ мысли, что искусство есть собственно говоря, такая дѣятельность, которая служитъ для удовлетворенія творческой силы художника и для доставленія другимъ восхищенія и наслажденія ея особенностями.

Всякій подходитъ къ предмету только съ особенно интересующей его стороны и поэтому видитъ только одну его сторону. Но эти различные односторонніе взгляды должны сочетаться другъ съ другомъ не потому, чтобъ было похвальнымъ правиломъ отдавать должное различнымъ по существу мнѣніямъ, признавая всѣ ихъ истинными (о столь внѣшнемъ соединеніи здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи), но потому, что разъединенность ихъ разрываетъ совершенно недѣлимое въ реальности цѣлое. Какъ мы уже сказали, художественное произведеніе всегда имѣетъ вмѣстѣ и содержаніе и форму; оно всегда является

дѣломъ личности, въ иныхъ случаяхъ—отображеніемъ природы, и всѣми этими сторонами одновременно дѣйствуетъ на нашу эмоціональную жизнь. Если же оно исполняетъ свое назначеніе только въ одномъ или только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ другихъ же его не исполняетъ, то результатомъ этого является въ большинствѣ случаевъ не только уменьшеніе дѣйствія, но и тягостное противодѣйствіе. Что не служитъ опредѣленной цѣли, то вредитъ ей. Если у художественнаго произведенія нѣтъ единства, то оно необходимо является двойственнымъ или тройственнымъ, и эта раздвоенность не только доставляетъ менѣе удовольствія, чѣмъ цѣльность, но и является прямо-таки неприятной, мучительной. Если предметъ художественнаго произведенія не въ состояніи увлечь меня, то онъ оставляетъ меня холоднымъ и мнѣ неприятно, что попусту было затрачено столько силъ и остроумія. Если художникъ не покажетъ мнѣ, что онъ въ силахъ и умѣетъ сказать нѣчто свое, оригинальное, то этимъ онъ выкажетъ свое ничтожество или будетъ докучать перепѣвами стараго. Въ художественномъ произведеніи цѣнно для меня извѣстное, производимое имъ на меня, дѣйствіе. Если художникъ достигъ его не во всѣхъ неизбѣжно принимаемыхъ мною въ расчетъ отношеніяхъ, то самымъ невыгоднымъ образомъ лишаетъ себя средства сдѣлать то, чего хотѣлъ; онъ дѣйствуетъ неумѣло.

Но, конечно, это разсужденіе сразу же нуждается въ необходимомъ дополненіи. Пусть художникъ дѣйствуетъ неумѣло; онъ человѣкъ, а кто же способенъ ко всему? Я требую отъ него многого и разнообразнаго, а всякій человѣкъ одаренъ различно; рѣдко кто обладаетъ всѣми дарами. Далѣе: предѣлы того, что онъ можетъ сдѣлать, зависятъ не отъ него одного, они обусловливаются также его эпохой. Многое, чего я теперь требую, какъ само собой разумѣющагося, напр., перспективное изображеніе пространственныхъ фигуръ, передача живописью жизни и движенія, историческое пониманіе прошлаго, — не есть результатъ, добытый какимъ нибудь отдѣльнымъ лицомъ, а пріобрѣтеніе цѣлыхъ поколѣній. Допустимъ, что художникъ, которымъ я интересуюсь, принадлежитъ предшествующему культурному періоду; какъ я могу въ такомъ случаѣ относить на счетъ его неспособности то, осуществленіе чего онъ совсѣмъ даже и не могъ ставить цѣлью въ предѣлахъ этой эпохи? Я могу прилагать къ нему только ту мѣрку, какая вообще приложима къ людямъ. Необходимо поэтому, чтобы при оцѣнкѣ художественнаго произведенія у насъ всегда было въ качествѣ одного изъ господствующихъ главныхъ представленій сознаніе естественной ограниченности человѣческой индивидуальности и зависимости ея отъ эпохи и среды. Это со-

знаніе должно постапенно пріучить меня не обращать вниманія на нарушающія впечатлѣніе уклоненія отъ идеальнаго совершенства художественныхъ произведеній и научить наслаждаться тѣмъ, чего, вообще, можно ожидать при совокупности данныхъ условий. Впрочемъ, я нерѣдко бываю щедро вознагражденъ за это столь мощнымъ величіемъ одной или нѣсколькихъ сторонъ художественнаго произведенія, что у меня не хватаетъ духу требовать отъ него еще большаго.

Наряду съ такимъ величіемъ односторонности, бываетъ конечно ничтожество односторонности: когда обращено главное вниманіе на тѣ или иные отдѣльные факторы художественнаго произведенія, но сила ихъ дѣйствія не можетъ вознаградить за пренебреженіе остальными. Такъ возникаютъ уродливыя произведенія въ искусствѣ. При переоцѣнкѣ содержания возникаетъ „сюжетное искусство“. Оцѣнка формы произведенія и мощи художника замѣняются въ немъ интересомъ къ возбуждающему, сенсаціонному, ужасному, или же къ патріотическому, славному, къ воспоминаніямъ. Если же при этомъ оставляется еще безъ вниманія то обстоятельство, что для достиженія сильнаго эмоциональнаго воздѣйствія необходимо вызвать его нагляднымъ созерцаніемъ образовъ, то результатомъ является пренебрегающая природой и техникой абстрактная живопись и холодная аллегорія. Наоборотъ излишнее подчеркиваніе формальнаго элемента ведетъ къ пустому паѳосу, лишеннымъ содержания „общимъ мѣстамъ“, какъ это часто бываетъ при подражаніямъ древнимъ, а иногда и къ искусно отдѣланнымъ пустякамъ. Слѣпое подражаніе порождаетъ скудный мыслями и неуклюжій натурализмъ, одна лишь техника—кунштштюки искусства.

Мы говорили выше, что душа можетъ оставлять безъ вниманія нѣкоторыя стороны художественныхъ произведеній. Это очень облегчается для нея тѣмъ обстоятельствомъ, что ей приходится упражняться въ томъ же по отношенію къ цѣлымъ классамъ этихъ произведеній еще и съ другой точки зрѣнія. Проявляемая нами при преслѣдованіи практическихъ цѣлей дѣятельность, изъ которой столь многими путями возникаетъ художественное творчество, не освобождаетъ отъ службы себѣ всѣ виды искусствъ, не предоставляетъ имъ вполне свободно и самостоятельно развиваться безъ всякой связи съ нею. Она постоянно удерживаетъ въ своемъ распоряженіи извѣстную часть художественнаго творчества, напр. въ производствѣ художественныхъ предметовъ обстановки, въ декоративномъ искусствѣ, въ архитектурѣ. Продукты такого творчества обладаютъ, слѣдовательно, двойной природой: они одновременно принадлежатъ и міру потребностей и желаній и міру свободнаго отъ желаній удовольствія;

вѣсилу этого и матеріаль, изъ котораго они дѣлаются, приобрѣтаетъ большее значеніе, чѣмъ въ свободномъ художественномъ произведеніи. Ихъ дѣйствіе въ качествѣ членовъ эстетическаго міра должно, значить, отвѣчать новымъ требованіямъ, выполненіе которыхъ награждается новыми наслажденіями.—Для того чтобы двойная природа ихъ не ощущалась какъ что-то дисгармоническое, нарушающее впечатлѣніе, необходимо соотвѣтствіе художественной отдѣлки предмета съ его фактическимъ назначеніемъ, а также и съ особыми свойствами матеріала. Назначеніе предмета въ такомъ художественномъ произведеніи не должно оставляться безъ вниманія; напротивъ, оно должно быть въ немъ отчетливо выражено и казаться совершенно достигнутымъ. Матеріалу нельзя придавать при помощи безполезной технической ловкости такія формы, которыя противорѣчатъ его природѣ.—Конечно, для оцѣнки такого предмета въ качествѣ художественнаго произведенія, для безкорыстнаго удовольствія при созерцаніи его, необходима нѣкоторая душевная подвижность, и извѣстное усиліе души. Свободное художественное произведеніе пр и н у ж д а е т ъ душу къ эстетическому созерцанію; оно отрываетъ думу отъ практической жизни по самому своему содержанію или по способу его изображенія. По отношенію же къ полезнымъ предметамъ искусствъ, душѣ необходимо самой принудить себя къ такому созерцанію. Душа должна отучиться не только отъ исканія при этомъ какой-либо цѣли вообще, но и отъ всѣхъ желаній и радостей, отъ всѣхъ лишеній, которыя связаны съ осуществленіемъ этой цѣли; она должна пріучиться оставять безъ вниманія всѣ нити, которыя отчетливо связываютъ предметъ съ практическими интересами.—Она успѣваетъ въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, благодаря аналогіи. Форма полезнаго художественнаго произведенія подчинена, очевидно, тѣмъ же законамъ, что и форма свободнаго произведенія искусства:—архитектура есть застывшая музыка. Кромѣ того, хотя художественная форма и не совсѣмъ освобождаетъ предметъ отъ связи съ пользой, однако все же возвышаетъ его надъ его среднимъ уровнемъ. Такимъ образомъ мы почти безъ труда пріучаемся разсматривать его тѣмъ способомъ, который сталъ уже привычнымъ для души въ другихъ отношеніяхъ.

Благодаря многократному упражненію въ подобномъ произвольномъ незамѣчаніи реально-неустранимыхъ, но нарушающихъ эстетическое наслажденіе элементовъ, душа приобрѣтаетъ (правда не всюду и не у всѣхъ, но въ передовыхъ культурахъ все же у весьма многихъ) одну чрезвычайно драгоценную способность, которая возводитъ ее такъ сказать выше предѣловъ искусства. Руководимая аналогіями, она постепенно пріучается испытывать чистое на-

слажденеі даже тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ прямого повода къ эстетическому созерцанію, гдѣ нѣтъ ни обработки формъ практически полезныхъ вещей, ни возвышенія надъ ними; пріучается наслаждаться предметами и явленіями самаго міра практической пользы, узнаетъ чистое наслажденеі природой. Предметомъ эстетическаго созерцанія становится для души та неизмѣнная природа, съ которой она связана и продолжаетъ быть связанной всѣми интересами борьбы за существованіе,—при томъ природа, въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. не только ландшафты и виды городовъ, но и человѣческая дѣятельность на улицахъ и на рынкахъ, на полѣ и на водѣ, также какъ и природа животной жизни. Практической глазъ наслаждается видомъ волнующейся нивы и холмами, покрытыми виноградникомъ, и спокойнымъ зеркаломъ морской поверхности. Свободный отъ желаній глазъ художника не слѣпъ по отношенію къ этимъ красотамъ, но склоненъ считать ихъ нѣсколько скучными; прекраснѣе кажутся высоко вздымающіяся горы, скалы и ледники, бичуемое бурей и грозно бушующее море. Душа, прошедшая хорошую школу, можетъ по своей волѣ разсматривать одну и ту же вещь въ каждый данный моментъ то съ одной, то съ другой точки зрѣнія.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что выработка такой способности дается не легко. Потому эстетическая красота природы обычно замѣчается нами довольно поздно. Въ одномъ описаніи Швейцаріи, относящемся къ концу XVIII вѣка, о долинѣ Этельбергъ говорится такъ: „Что можно найти тамъ? Ничего, кромѣ ужасающихъ горъ... Ни садовъ, ни фруктовыхъ деревьевъ, ни ласкающихъ взоръ полей.“ Помогаетъ душѣ въ этомъ ея освобожденіи безмѣрная широта природы по сравненію съ кругомъ практическихъ интересовъ отдѣльнаго человѣка. Поэтому для каждаго изъ насъ болѣе близкое и болѣе далекое существуетъ не только въ пространственномъ и временномъ смыслѣ, но и въ отношеніи къ нашимъ интересамъ и, конечно, болѣе далекое гораздо легче можетъ стать предметомъ эстетическаго созерцанія, чѣмъ самое къ намъ близкое. „Когда тамъ далеко, въ Турціи, народы сражаются другъ съ другомъ“, то степенный бюргеръ, не имѣющій въ Турціи никакихъ интересовъ, охотно слушаетъ подробности о происходящемъ. Онъ испытываетъ удовольствіе не только вслѣдствіе пріятнаго сознанія, что въ его родной сторонѣ царитъ миръ—это было бы связано всецѣло съ областью желаній; удовольствіе его обусловлено также и тѣмъ, что сильныя и разнообразныя общечеловѣческія чувствованія, возбуждаемыя войною, не задерживаются страхомъ за собственную безопасность. Такое же явленіе происходитъ и тогда, когда не чужое ищетъ человѣка, а самъ человѣкъ стре-

мится къ чужому и отправляется путешествовать. Одна изъ большихъ прелестей путешествія заключается въ постоянно открывающейся возможности неожиданнаго эстетическаго созерцанія новыхъ людей и вещей. Я нахожусь въ пестрой ярмарочной толпѣ чужого города. Люди говорятъ, жестикулируютъ, торгуются точно такъ же, какъ и у меня на родинѣ. И однакоже все это совсѣмъ иное. Отсутствуютъ отношенія къ моему собственному хозяйству, мои практическіе интересы въ широкомъ смыслѣ ничѣмъ не связаны съ этими людьми; я даже плохо понимаю ихъ языкъ; они живутъ для меня въ совсѣмъ особомъ мірѣ, подобно тѣмъ людямъ, которые дѣйствуютъ на сценѣ. Все это даетъ возможность, освободившись отъ практическихъ стремленій, наслаждаться многочисленными и чистыми чувствованіями, возбуждаемыми этой сутолокой.—Конечно, эстетическое наслажденіе природой представляется, такъ сказать нѣсколько нечистымъ по сравненію съ наслажденіемъ художественнымъ произведеніемъ. Это обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ природѣ имѣются на лицо всѣ лишнія и противорѣчивыя черты, которыя искусство, въ своемъ подражаніи природѣ, стремится устранить путемъ переработки. Но за то природа вознаграждаетъ насъ другимъ: своимъ неисчерпаемымъ богатствомъ, игрой никогда не останавливающихся жизни и движенія, а главное—своей необычайной мощью и величіемъ.

Изумительная высота развитія! Душа какъ бы обращается противъ того, съ чего началось ея развитіе. И это не потому, что въ нее вселилась какая то сила, враждебная и этому началу и части самаго ея существа, порождающей это начало, и вызвала такимъ образомъ борьбу и раздвоеніе. Дѣло просто въ томъ, что внутреннѣйшая сущность души дѣлаетъ ее способной преодолевать путемъ все болѣе и болѣе совершеннаго приспособленія тѣ бѣдствія и недостатки, которыя связаны съ началомъ ея дѣятельности и приспособленія.

§ 27. Нравственность.

Какое средство находитъ душа противъ вредныхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ ея сознательной дѣятельности для другихъ людей, для того общества, въ которомъ она съ ними живетъ, и для нея самой въ качествѣ члена этого общества? Вотъ послѣдній вопросъ, которымъ намъ предстоитъ заняться.—Понятно, что это средство въ большей степени, чѣмъ всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя явленія, обусловлено совмѣстнымъ дѣйствіемъ другихъ явленій. Оно представляется по преимуществу социальнымъ явлени-

емъ; здѣсь поэтому могутъ быть разсмотрѣны только его важнѣйшія обратныя воздѣйствія на индивидуальную душу.

Общій его характеръ показать легко: наряду съ эгоистическимъ поведеніемъ, направленнымъ лишь на заботы объ индивидѣ, развивается привычка цѣнить и осуществлять другой рядъ дѣйствій, направленныхъ на поддержаніе той болѣе крупной общественной единицы, къ которой принадлежитъ индивидъ. Естественно, что поступки этого рода—правда, не всегда, но часто—бываютъ полезными другимъ отдѣльнымъ членамъ данной общественной единицы.—Развитіе этихъ явленій начинается съ того момента, когда увеличеніе первоначально незначительныхъ группъ, въ которыхъ живутъ люди, или образованіе большихъ союзовъ, порождаютъ возможность борьбы за существованіе между различными сочленами одного и того же общества. Надо думать, что двигателями этого развитія являются всегда наиболѣе предусмотрительные и опытные члены общества. Они начинаютъ понимать, не столько сознательно, сколько благодаря инстинкту, основывающемуся на многократномъ опытѣ, что чисто эгоистическіе поступки, возбуждая борьбу, недовѣріе и т. п., ослабляютъ общество, которое для всѣхъ необходимо, дѣлаютъ его добычей враговъ, въ то время какъ другіе поступки и свойства, напротивъ, укрѣпляютъ его и дѣлаютъ способнымъ господствовать надъ другими обществами. Кто дошелъ до этого пониманія, тотъ въ общемъ будетъ стремиться содѣйствовать поступкамъ одного рода, дѣлать ихъ болѣе частыми, поступки же другого рода станутъ подавлять и ограничивать,—хотя можетъ быть и слѣдуетъ исключеніе въ этомъ для себя. Другими словами, общество ограждается противъ угрожающихъ послѣдствій ближайшей борьбы за существованіе путемъ такихъ защитительныхъ мѣръ, которыя основаны на предвидѣннй болѣе далекаго будущаго. Въ зависимости отъ природы поступковъ оно можетъ провести два ряда такихъ мѣръ.

Во-первыхъ принужденіе. Разрушительные для общества поступки подвергаются наказаніямъ. Кто, слѣдовательно, ихъ совершаетъ, тотъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, расплачивается за получаемую имъ такимъ образомъ выгоду превышающимъ ее вредомъ; въ общемъ, эта мѣра является устрашающей. Совокупность предписаній, служащихъ этой цѣли, составляетъ право: сохраненіе чело- вѣческихъ обществъ путемъ принудительныхъ дѣйствій ихъ членовъ. Конечно, право не является результатомъ сознательныхъ разсужденій, вродѣ только что приведенныхъ; для тѣхъ же, кто только примѣняетъ его предписанія къ дѣлу, знаніе значенія его еще менѣе необходимо; но то, что придало могущество праву и

постоянно поддерживаетъ его, является какъ бы объективно присущей ему, сохраняющей общество силой.—Однако право недостаточно для достиженія той цѣли, которую оно себѣ ставитъ. Какъ показалъ уже Платонъ, общество совершенныхъ злодѣевъ немислимо. Они могутъ мошенничать и воевать съ цѣлымъ міромъ; но другъ другу они должны быть вѣрны, они всѣ должны дѣйствовать въ согласіи, какъ одинъ человѣкъ, иначе конецъ ихъ обществу. Между тѣмъ невозможно понудить людей къ вѣрности наказаніями; да и взаимное согласіе, получаемое такимъ образомъ очень несовершенно. Каждое дѣйствованіе имѣетъ двѣ стороны, съ которыхъ его не только можно, но и должно разсматривать, если мы хотимъ, чтобъ оно вполне могло служить своей цѣли. Прежде всего—конецъ: проявляющееся во внѣ и воспринимаемое дѣйствіе, которое выражается въ какихъ-либо движеніяхъ. Затѣмъ, начало: невидимо дѣйствующая въ душѣ и вызывающая поступокъ воля.—Конечно, для того чтобы произошло какое-нибудь дѣйствіе, необходима наличность и направленной на него воли. Но если поступокъ не является послѣднимъ звеномъ ряда, а служитъ дальнѣйшей, болѣе широкой цѣли—если, напр., я не только не долженъ наносить другимъ тѣлесныхъ поврежденій или обворовывать ихъ, но не долженъ также вообще причинять, имъ какой-либо вредъ—то независимо отъ воли, причиняющей отдѣльное дѣйствіе, можетъ существовать или не существовать еще воля, направленная на эту болѣе общую и болѣе глубокую цѣль. И вотъ, если ея не существуетъ, то изолированный и внѣшне познаваемый поступокъ въ значительной степени теряетъ свое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, воля, въ принципѣ отрицающая его и только къ нему вынужденная, находитъ тысячу возможностей избѣжать этого принужденія и тѣмъ или инымъ способомъ провести свое отрицаніе поставленной ей цѣли. Разъ, слѣдовательно, общество, заботящееся о самосохраненіи, вставъ на правовую точку зрѣнія, разсматриваетъ дѣйствованіе своихъ членовъ только по отношенію къ одному концу его, т. е. по отношенію къ внѣшнему дѣйствію и исключительно на послѣднее направленной вынужденной волѣ, то, чтобы не останавливаться на полдорогѣ, оно должно разсматривать эти поступки одновременно и съ другого конца, съ точки зрѣнія невынужденной, а преслѣдующей свои цѣли лишь въ силу собственныхъ оснований, иначе сказать свободной воли. Такая точка зрѣнія проводится въ нравственности, которая является сохраненіемъ человѣческихъ обществъ путемъ свободно желаемыхъ поступковъ ихъ членовъ. Именно въ нравственности душа нашла, благодаря своей способности предвидѣнія, высокое средство для преодоленія пагубныхъ послѣдствій узкаго кругозора эгоисти-

ческой борьбы за существованіе.—Свободное совершеніе такихъ поступковъ, объективнымъ дѣйствіемъ которыхъ является сохраненіе цѣлаго,—вотъ два главныхъ признака нравственности. Любовь къ истинѣ, готовность къ жертвамъ, почитаніе родителей, забота о дѣтяхъ, а съ другой стороны клятвопреступничество, малодушіе, распутство—во всемъ этомъ очевидна связь съ сохраненіемъ или разрушеніемъ цѣлаго.

Иногда, впрочемъ эти признаки не очевидны; однако, только поверхностный человекъ дѣлаетъ поспѣшный выводъ, что ихъ нѣтъ, если они не тотчасъ открываются его взгляду, а можетъ быть даже—легкому желанію ихъ не видѣть. Вещи часто бываютъ очень сложны, и связь между ними возникаетъ только при помощи ряда промежуточныхъ отношеній. Тогда у нихъ есть и исторія. Несомнѣнно, что особенности формы нравственныхъ предписаній, въ силу объективнаго смысла послѣднихъ и въ силу субъективной свободы слѣдовать имъ или не слѣдовать, зависятъ отъ опредѣленныхъ обстоятельствъ, наблюденій, оцѣнокъ. Такъ, если какое-либо племя находится посреди скудной природы и вблизи превосходящаго силами непріятеля, то для него можетъ стать нравственной обязанностью убивать слабыхъ дѣтей, особенно же дѣвочекъ, и съѣдать неспособныхъ къ труду стариковъ, такъ какъ пропитаніе бесполезныхъ ртовъ при этихъ условіяхъ для него невозможно. На болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, напротивъ, нравственной обязанностью становится какъ разъ противоположное, потому что противорѣчіе этихъ мѣръ съ другими нравственными велѣніями ощущается слишкомъ рѣзко, а можетъ быть также и потому, что при наличности достаточнаго питанія пріобрѣтаетъ большее значеніе преимущество численности. Съ точки зрѣнія католической церкви разводъ безнравствененъ, съ точки же зрѣнія японской религіи безнравственно вынужденное сохраненіе по существу уже разорваннаго брачнаго союза. Такъ какъ измѣненіе нравственныхъ велѣній и приспособленіе ихъ къ новымъ условіямъ совершается крайне медленно по причинамъ, о которыхъ мы еще скажемъ, то среди нихъ оказываются и уже отжившія явленія, которыя можно вполне понять только изъ знанія прошлаго.

Однако уже издавна выставлялось рѣзкое возраженіе противъ только что развитыхъ взглядовъ. Развѣ подлинная и истинная сущность нравственности не представляется совершенно иной? Уже Демокритъ ясно усмотрѣлъ это: „Добро заключается не только въ томъ, чтобы не дѣлать зла, но и въ томъ, чтобы не хотѣть его“. Подобный же смыслъ имѣетъ и евангельское слово: „А Я говорю вамъ, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, тотъ уже согрѣшилъ

съ нею въ сердцѣ своемъ“. Съ этимъ согласенъ и Кантъ: „Нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы безъ ограниченія быть названо добрымъ, за исключеніемъ одной только доброй воли“. Моралисты стараго и новаго времени сходятся въ одномъ пунктѣ: нравственность не состоитъ въ выполненіи или невыполненіи какого-либо внѣшняго поступка, въ осуществленіи опредѣленнаго результата; то, что ее характеризуетъ, есть единственно добрая воля дѣйствующаго, его искреннее намѣреніе дѣлать добро. Даже если случайно или вслѣдствіе недостаточнаго знанія сложныхъ условій поступокъ и не достигъ своей цѣли, онъ все же не становится на этомъ основаніи менѣе нравственнымъ; слѣдовательно то, что придаетъ ему характеръ нравственнаго поступка, можетъ заключаться лишь въ намѣреніи, которое присуще также и безрезультатному поступку. Или, если подходить къ вопросу съ другой стороны: нравственныя велѣнія имѣютъ слѣдующую форму: „не убій!“, „не укради!“. Они не прибавляютъ при этомъ: „если общество, къ которому ты принадлежишь, должно продолжать свое существованіе“ или, „если ты вообще, хочешь достигнуть какой-либо другой цѣли“. Они приказываютъ, независимо отъ какого-либо отношенія къ цѣли, которая могла бы быть такимъ образомъ достигнута, повелѣваютъ безусловно, безъ ограничений, категорически, какъ правильно выразился Кантъ, а не гипотетически. Эту точку зрѣнія можно резюмировать, слѣдовательно, такимъ образомъ: не нужно говорить о второмъ изъ вышеназванныхъ признаковъ нравственности, о ея полезности для сохраненія человѣческаго общества въ двухъ отношеніяхъ; къ дѣлу относится только первый признакъ, свободная воля. Потому что, во-первыхъ, нравственное дѣйствованіе вообще совершается не ради какой-либо внѣ его лежащей цѣли, но единственно ради него самого; побуждающимъ его мотивомъ является не цѣль, а долгъ, послушаніе всѣми воспринимаемому голосу совѣсти. А во-вторыхъ ему присуща цѣнность не потому, что оно фактически осуществляетъ то содержаніе, на которое его направляетъ чувство долга, напр., спасеніе другого отъ опасности, угрожающей жизни; оно цѣнно единственно лишь благодаря порождающей его волѣ; цѣнность ему придаетъ не успѣхъ; но намѣреніе.

Въ этомъ есть правда: и чувство долга и намѣреніе весьма важны; это дальнѣйшія характерныя и существенныя черты нравственности. Но какъ же такъ? Человѣкъ, вообще говоря, дѣйствуетъ по цѣлямъ; значить сверхъ этого онъ чувствуетъ себя также обязаннымъ къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ, совершенно не имѣющимъ цѣли? Вообще говоря, онъ цѣнитъ свои поступки въ зависимости отъ того, насколько они содѣйствуютъ общимъ задачамъ его суще-

ствованія; значить сверхъ этого, именно при только что названныхъ не имѣющихъ цѣли поступкахъ, онъ цѣнитъ не ближайшій результатъ, который они могутъ имѣть, а исключительно намѣреніе? И болѣе сказать объ этомъ нечего? Слѣдовательно, эти двѣ черты просто существуютъ наряду другъ съ другомъ и обращаютъ человѣка въ противорѣчивую загадку? Нѣтъ, дѣло все же обстоитъ иначе.

Мы указали уже выше, какъ возникаетъ полезное для общества поведеніе. Не при помощи сознательной рефлексіи, не при помощи ясной формулировки откуда-либо добытыхъ знаній и распространения ихъ путемъ ученія, но благодаря полуинстинктивному постиженію наиболѣе развитыми и опытными членами общества того, что является для общества наиболѣе цѣлесообразнымъ. Наученные многократнымъ опытомъ, они какъ бы чувствуютъ, что дѣло не можетъ долго идти такимъ или такимъ-то образомъ и стремятся исправить его по крайнему своему разумѣнію. При этомъ въ чрезвычайномъ изобиліи совершаются ошибки и возникаютъ суевѣрныя догадки, но сопоставленіе опыта различныхъ индивидовъ, его умноженіе въ теченіе поколѣній, отбрасываніе того, что признано неправильнымъ,— все это постепенно приводитъ къ постепенному образованію ряда максимъ, которыя образуютъ какъ бы осадокъ общественнаго разума и являются весьма полезными для общаго блага.—Какъ же слѣдуетъ представлять себѣ передачу ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію? Чтобы достигнуть опредѣленности въ образѣ дѣйствій, весьма важно выработать твердую привычку или, такъ сказать, рефлекторную тенденцію къ нему. Въ противоположность затемняющему этотъ взглядъ мнѣнію Сократа, Аристотель нѣсколько отчетливѣе выяснилъ его для сознания небольшого кружка своихъ слушателей, но данный взглядъ существовалъ бы и безъ этого, онъ распространенъ повсюду. Всякому извѣстно, что внушеніе такихъ максимъ нужно начинать съ очень ранняго возраста. Ясно также, что дѣтямъ можно давать только опредѣленные предписанія, совсѣмъ не касаться смысла, который они имѣютъ, и который, впрочемъ, и сами внушающіе эти предписанія только смутно чувствуютъ. Поэтому они выражаются въ категорической формѣ: „не дѣлай этого“, „этого не дѣлаютъ“; и благодаря всей силѣ авторитета родителей, окружающихъ, и особенно священниковъ, эти максимы постепенно вкореняются въ ихъ душу. Какъ же могутъ впоследствии дѣти, сознавая эти предписанія, связывать съ ними представленіе нѣкоторой цѣли? Предписанія эти и были даны имъ несвязанными съ какой-либо цѣлью. Съ такимъ же правомъ можно ожидать, что они сразу найдутъ нѣмецкія слова, соотвѣтствующія русскимъ. Вполнѣ естественно, что эти предписанія

представляются имъ чѣмъ-то противоположнымъ многочисленнымъ другимъ предписаніямъ, условія и отношенія которыхъ для нихъ ясны, чѣмъ-то безусловнымъ, абсолютнымъ; совокупность ихъ, тѣмъ или инымъ способомъ представляемая въ сознаниі, образуетъ совѣсть.

Но могутъ намъ возразить: дѣти становятся взрослыми, разсуждающими людьми; почему же и позже они ничего не узнаютъ объ указанной нами цѣли моральныхъ велѣній, если такая цѣль существуетъ? Общественное сознание не заботится объ этомъ—отвѣтимъ мы—отчасти потому, что для него самого эта цѣль не рисуется отчетливо, отчасти потому, что сообщеніе ея было бы крайне опаснымъ. Въдь хотя полезное въ общественномъ смыслѣ поведеніе и проистекаетъ изъ самой сущности души, все же оно часто стоитъ въ противорѣчьи съ эгоистическимъ поведеніемъ, тоже, коренящимся въ сущности души, но болѣе близкимъ ей. Оно часто требуетъ отъ души жертвъ.—Какъ ведутъ себя люди въ другихъ такихъ случаяхъ? Вспомнимъ о солдатахъ. Требуемое отъ солдата поведеніе, также связано съ готовностью къ жертвѣ. Давая ему приказанія; можно обосновывать ихъ, указывая на ихъ цѣлесообразность и необходимость. Но этого не дѣлаютъ; военное приказаніе тоже является категорическимъ. Правда, увѣренность въ его исполненіи опирается на угрозу наказаніемъ, но можно утверждать, что для стараго солдата послѣднее безразлично. Онъ слушается и повинуетъ безусловно, по долгу, совѣмъ какъ и при нравственномъ велѣніи.—Несомнѣнно, въ иныхъ случаяхъ было бы лучше, если бы приказаніе было менѣе категорическимъ. Сознание того, что играешь, значительную роль въ исполненіи разумно задуманнаго плана повышаетъ удовольствіе самопожертвования. Болѣе того, могутъ возникнуть такіе непредвидѣнные случаи, при которыхъ легче ориентироваться тому, кто дѣйствуетъ вполнѣ осмысленно, чѣмъ наоборотъ. Однако допустить это невозможно; такимъ образомъ, подверглось бы слишкомъ большой опасности выполненіе конечной цѣли. Подчиненному нельзя сообщать всѣхъ обстоятельствъ, иначе у него легко можетъ возникнуть превратное сужденіе о правильности и выполнимости приказанія, и, — что главное,—онъ кромѣ того почти навѣрное, отклонится отъ жертвы въ сторону личнаго самосохраненія. Поэтому—никакихъ разсужденій. Пусть нѣкоторые объективно неправильныя или неправильно понятыя приказанія приводятъ иногда къ дурнымъ послѣдствіямъ, но несомнѣнно хуже всего было бы тогда, еслибъ мы предоставили тому, кто ихъ выполняетъ, самому рѣшать вопросъ объ ихъ цѣлесообразности.—Совершенно той же мыслью руководствуются и сохраняя за нравственными велѣніями категорическій характеръ; только, конечно,

эта мысль не является результатомъ сознательнаго разсужденія, какъ выше уже было сказано; она дѣйствуетъ скорѣе въ формѣ инстинктивнаго чувства, указывающаго, что такъ именно нужно дѣлать и существующаго у наиболѣе дальновидныхъ членовъ общества. Конечно, нравственныя предписанія, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, служатъ въ пользу общества; если бы они не приводили къ такому результату, то были бы иными. Если же ихъ объективное дѣйствіе именно таково, то для общества, въ сущности, лучше, когда это дѣйствіе не воспринимается въ качествѣ цѣли сознаниемъ недалковидныхъ его членовъ, и когда частныя цѣли, требуемая конечной цѣлью, выполняются, повидимому, какъ нѣчто не имѣющее цѣли, безъ всякихъ толкованій и умствованій, и безъ опасной казуистики. Можно сказать, что высшая мудрость общества, которая въ борьбѣ съ противодѣйствующей близорукостью его членовъ все же торжествуетъ и сохраняетъ цѣлое, проявляется еще и въ томъ, что эта полезная для общества функція исполняется въ высшей степени цѣлесообразно: общественная мудрость не допускаетъ, чтобы подлинный ея смыслъ открылся сознанию лицъ, совершающихъ поступки; она показываетъ имъ лишь частныя цѣли, требующія значительно меньшей предусмотрительности, и обезпечиваетъ выполнение ихъ при помощи авторитета. Но въ силу этого; значить, объективная связь такихъ дѣйствій съ обществомъ всегда имѣется на лицо и всегда дѣйствуетъ; она-то опредѣляетъ и измѣняетъ конкретное содержаніе нравственныхъ велѣній.

Правильность даннаго выше пониманія этой связи ясна всего видна изъ довольно частыхъ случаевъ, когда категорическій императивъ и общее благо противорѣчатъ другъ другу, и когда даже для очень посредственнаго ума очевидно вредное для общества дѣйствіе такого поступка, который обычно считается нравственнымъ. При этомъ столкновении уступаетъ не то, что является основнымъ—не отношеніе къ интересамъ общества,—а выводное, т. е. безусловность велѣнія—средство, которое является пригоднымъ только вообще, а не всегда. Объясненіе необходимой лжи крайне затрудняетъ нѣкоторыхъ философовъ-моралистовъ, для непосредственнаго же нравственнаго сознанія такая ложь въ тысячѣ случаевъ—по отношенію къ дѣтямъ, больнымъ, сумасшедшимъ и т. д.—представляется вполне нравственной обязанностью. Гдѣ такой государственный чловѣкъ или полководецъ, который чувствовалъ бы угрызенія совѣсти за то, что хитростью содѣйствовалъ благу своей страны или за то, что отказался отъ этого способа не изъ боязни подорвать довѣріе къ себѣ, а по другимъ соображеніямъ? Или какой полководецъ станетъ примѣнять шестую заповѣдь „не убій“ и на войнѣ, по отношенію къ вра-

гу? Если бъ нашлся такой, нужно было бы сказать: „дой его“!

Легко понять и цѣнность намѣренія въ полезныхъ для общества поступкахъ; основы ея тѣ же, что и для цѣнности поступка по долгу. Отдаленная цѣль нравственнаго поведения человѣка можетъ оставаться скрытой отъ него; ближайшая цѣль, то, на что прежде всего направляется поступокъ—честное отношеніе, самопожертвованіе и т. д.—конечно теперь ему ясна. Но въ этомъ отношеніи умствованіе, постановка поступка въ зависимость отъ размышленій объ его успѣхѣхъ или неудачѣхъ, крайне опасны. Всѣ шансы за то, что жертва, связанная съ поступкомъ, не будетъ принесена, такъ какъ трудности, обуславливающія достиженіе успѣха, представляются всегда слишкомъ большими. Слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія опасность невыполненія цѣли должна устраняться при помощи соотвѣтствующей максимы: успѣхъ твоего поступка неваженъ, не заботься о немъ. Пусть у тебя будетъ добрая воля дѣлать то, что велитъ тебѣ совѣсть; это одно и цѣнно. Объективный смыслъ здѣсь тотъ же, что и въ морали долга: высокая оцѣнка намѣренія обезпечиваетъ объективно важный, но часто съ трудомъ выполнимый поступокъ. Пусть пренебреженіе особыми условіями, обезпечивающими успѣхъ, ведетъ къ единичнымъ неудачамъ, но разъ существуетъ добрая воля поступать нравственно, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ она породитъ дѣйствіе, присущее нравственности.

Добрая воля и категорическій характеръ являются поэтому въ высшей степени цѣнными атрибутами нравственности. Это вовсе не обозначаетъ, что должно отрицать ея полезное дѣйствіе—сохраненіе общества. Они являются лишь логическими слѣдствіями этого дѣйствія и надежно охраняютъ его отъ противоборствующей дѣятельности самосохраненія. Такъ какъ эти атрибуты вытекаютъ изъ природы общественно полезнаго поведения, то въ нихъ постоянно предполагается связь съ послѣднимъ; отнимите у нихъ эту связь и они станутъ бессмысленными. Задайте себѣ вопросъ: „въ какихъ же случаяхъ воля, лежащая въ основѣ поступковъ, является безусловной и абсолютно доброю?“. Если мы скажемъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда я совершенно убѣжденъ, что она добра“, или же: „въ тѣхъ случаяхъ, когда я сознаю, что она соотвѣтствуетъ моему истинному долгу“,—то настоящій отвѣтъ будетъ только отодвинуть этимъ дальше. И если мы, продолжая обходить опредѣленія по существу, не положимъ конца этимъ уклоненіямъ и не повѣсимъ всей цѣпи на надежный гвоздь пользы для общества, то добрая воля и сознаніе долга уподобятся веревкѣ, по которой Мюнхгаузенъ спустился съ луны. Или же возникнетъ та опасность, что каждый съ полнымъ пра-

вомъ можетъ признавать нравственнымъ все, въ нравственности чего вполне убѣжденъ на основаніи ложныхъ сужденій или предразсудковъ.

Въ связи съ категорическимъ характеромъ нравственности находится, кромѣ того, слѣдующее.

Мы всюду видимъ, что нравственныя велѣнія тѣсно связаны съ религіей: они являются намъ въ качествѣ заповѣдей боговъ или божества; къ соблюденію ихъ принуждаютъ насъ небесныя награды или наказанія въ этомъ мірѣ или въ потустороннемъ. Какъ объяснить это?—Помимо морали и родственнаго ей права въ такую зависимость отъ санкціи божества ставится одна лишь религія: вѣра въ Бога и правильный способъ его почитанія предписывается имъ самимъ. Напротивъ, законы логическаго мышленія и художественнаго творчества свободны въ этомъ отношеніи. Правда, они даны намъ Богомъ; но онъ не охраняетъ ихъ затѣмъ при помощи особыхъ наказаній; ошибки и безвкусіе не являются грѣхомъ. Ясно, что подобная охрана здѣсь не нужна. Пусть человѣкъ не достигнулъ истиннаго и прекраснаго: онъ неустанно стремится къ нему, и если оно открывается, человѣкъ обыкновенно радостно его принимаетъ. Въ сущности и религія также могла бы существовать безъ этой защиты. Человѣкъ, и притомъ отдѣльный индивидъ, снова всегда нашелъ бы ее, если бы даже ему когда-либо и пришлось ее потерять. Но конечно, религія одного была бы непохожей, иногда сильно непохожей на религію другого; религіозная же вѣра, благодаря необычайной силѣ связанныхъ съ ней интересовъ, болѣе, чѣмъ всякая иная вѣра, носитъ нетерпимый, часто даже фанатически нетерпимый характеръ. Отсюда несомнѣнно необходимо особое удостовѣреніе вѣры для того, чтобы обратить въ истинную религію,—т. е. ту именно, которую имѣетъ данный вѣрующій,—другихъ, которые ея не имѣютъ. — Нравственность требуетъ такого же удостовѣренія въ особенно значительномъ объемѣ. Отдѣльный индивидъ, говоря вообще, не создалъ бы ее, хотя въ немъ и существуютъ задатки къ ней. Нравственность есть результатъ совокупнаго предвидѣнія цѣлыхъ поколѣній, и когда ее внушаютъ индивиду, то она всегда встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны его другихъ задатковъ. Нравственность ищетъ болѣе сильной защиты, чѣмъ та, которую можетъ предложить одна вѣра въ земные авторитеты и находить себѣ добавочную поддержку въ религіи. Причинъ этому много. Одной изъ нихъ, весьма облегчающей задачу, является категорическій характеръ ея велѣній. Чтò въ самомъ дѣлѣ, долженъ отвѣчать отецъ ребенку, неутомимому вопрошателю, если тотъ хочетъ знать „почему я долженъ отдавать другому то, что мнѣ пріятно было бы имѣть самому?“ „Зачѣмъ я долженъ расска-

зывать о томъ, за что буду наказанъ?“ Отецъ можетъ ему отвѣтить только то же, что отвѣчаетъ и на другіе его вопросы: напр. „кто создалъ лошадь и весь міръ?“; то же, что отвѣчаетъ и себѣ самому, когда въ сущности не можетъ найти никакого отвѣта: „добрый Богъ хочетъ этого“. Воля Бога есть естественное объясненіе категорической формы нравственныхъ предписаній; въ этомъ видѣ послѣдняя является понятной.—Было бы хорошо, конечно, еслибъ при этомъ влягалась та мысль, что въ нравственныхъ законахъ Богъ ничего не возложилъ на людей такого, что было бы чуждымъ или враждебнымъ ихъ природѣ, ничего не возложилъ на томъ только основаніи, что такова была его воля; что наоборотъ, онъ въ этихъ законахъ раскрываетъ людямъ ихъ собственную природу, раскрываетъ потому, что ея познаніе дается не легко, между тѣмъ какъ оно крайне необходимо даже для наименѣе проницательныхъ. Отсюда слѣдовало бы, что тамъ, гдѣ эта связь постигнута, нравственность можетъ обходиться и безъ защиты религіи; и тогда только, впервые ставъ истинно свободнымъ и автономнымъ и въ же время постигнутымъ нами твореніемъ души, она начинаетъ держаться однѣми собственными силами.

Еще одно, послѣднее, замѣчаніе. Мы много говорили до сихъ поръ объ обществѣ, но не дали точнаго опредѣленія этого слова. Человѣкъ является членомъ многихъ различныхъ обществъ: семьи, общины, народа, друзей, товарищей по профессіи, единовѣрцевъ, и наконецъ—всего человѣчества; какое изъ этихъ обществъ имѣется нами въ виду? Они всѣ имѣются нами въ виду, но такъ, что въ спорныхъ случаяхъ меньшимъ обществамъ отдается преимущество надъ большими; женщины, занимающіяся благотворительностью, но пренебрегающія своей семьей не представляютъ намъ поступающими въ соотвѣтствіи съ дѣломъ. Однако такъ дѣло обстоитъ не вездѣ или обстояло такъ не всегда. Естественное, что въ примитивныхъ условіяхъ, когда человѣкъ участвуетъ въ немногихъ обществахъ, нравственность можетъ и не быть столь сложной, какъ у насъ. Но важно не это; важно, что первоначально она никогда не распространялась на все человѣчество. Она имѣла значеніе только въ предѣлахъ, сравнительно небольшихъ обществъ, въ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя связаннымъ съ другими живой, связью; всѣ неприннадлежащія къ его племени или къ его народу принципиально исключены изъ сферы его благодѣяній. Расширеніе государственныхъ религіозныхъ и созданныхъ единствомъ языка союзовъ чрезвычайно увеличиваетъ количество находящихся въ нравственномъ взаимодействіи индивидовъ, но принципиальныя разграниченія при этомъ вовсе еще не преодолены. Преодоляются они другими причинами

въ историческое время, почти при нашихъ глазахъ. При этомъ дѣйствуетъ много условій: категорическій характеръ нравственныхъ велѣній, свобода ихъ отъ условій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приближаютъ человѣка къ мысли объ ихъ всеобщности и неограниченности во всѣхъ отношеніяхъ; развитіе мышленія до представленій о единствѣ: человеческого рода или даже о единствѣ всего міра, почти необходимо приводитъ къ общеобязательной нравственности.— Выше было уже упомянуто, что нравственность имѣла большое значеніе для возникновенія монотеизма въ религіи. Но и появленіе монотеистическихъ воззрѣній въ свою очередь, можетъ быть, сильно содѣйствовало ей. Когда всякій народъ имѣетъ своихъ собственныхъ боговъ, то, само собой очевидно, что заповѣди ихъ имѣютъ значеніе только для одного соотвѣтствующаго народа. Но если существуетъ только одинъ Богъ, тотъ же для всѣхъ народовъ, то Онъ не можетъ категорически объявлять: „ты не долженъ лгать“, и въ то же время ограничивать обязательность этого повелѣнія какимъ-либо однимъ народомъ; это было бы абсурдомъ. Развѣ мои враги являются и его врагами, если онъ создалъ ихъ какъ и меня, по своему образу? И вотъ мы видимъ что въ области нашей культуры, въ послѣднія столѣтія до Р. Хр., вмѣстѣ съ развитіемъ монотеистической религіи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ монистического мышленія, постепенно развивается также общеобязательная, распространяющаяся на всѣхъ людей нравственность. „Справедливый не наноситъ обиды даже своему врагу“, учитъ Платонъ, и эти слова звучатъ, очевидно, для его согражданъ, какъ нѣчто новое и чуждое. То же говоритъ и стоикъ Зенонъ: города, деревни и государственныя устройства не раздѣляютъ людей; ихъ всѣхъ слѣдуетъ разсматривать, какъ гражданъ одного государства, членовъ одной семьи. Иудейскій законъ, охватывающій среди многого другого и нравственность народа имѣетъ первоначально чисто національное значеніе; ближнимъ является не ассиріецъ и не персъ, а только еврей. На это намекаютъ еще слѣдующія слова Христа: „Вы слышали, что сказано: люби ближняго своего и ненавидь врага своего“. Далѣе словами: „А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ“, онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ сторону общеобязательной нравственности.— Впрочемъ, развитіе нравственности еще не завершено. Конечно, обворовывать и грабить на морѣ даже невооруженнаго врага у насъ не считается болѣе добрымъ дѣломъ, какъ это было нѣкогда, однако не считается и постыднымъ, какъ постыденъ, напр., грабежъ на сушѣ.

Тѣсная связь между безусловностью нравственныхъ велѣній и ихъ общеобязательностью оцѣнивается, какъ извѣстно, и Кантомъ; на ней онъ строитъ свою этику. Впро-

чемъ, онъ здѣсь переворачиваетъ вещи верхъ ногами и въ дальнѣйшемъ ему стоитъ не мало труда снова поставить ихъ на ноги. Чтобы добраться до опредѣленныхъ нравственныхъ предписаній, онъ устанавливаетъ связь между общеобязательностью нравственного закона и стремленіемъ людей къ самосохраненію и сохраненію общества, которыя существуютъ наряду съ этимъ закономъ, какъ что-то ему чуждое и второстепенное. Въ дѣйствительности же отношеніе какъ разъ обратное, и логически, и исторически. Свободно желаемое дѣйствованіе, хотя и не сознательно, но все же объективно направленное на сохраненіе общества—вотъ сущность нравственности. Изъ нея уже вырастаетъ, въ качествѣ весьма цѣннаго помощника, безусловность нравственныхъ максимъ, которая, въ свою очередь, содѣйствуетъ ихъ общезначимости.

ЛИТЕРАТУРА.

W. Wundt. Ethik. (3 изд. 1903).
E. Dürr. Grundzüge der Ethik (1909).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какимъ на рѣдкость запутаннымъ существомъ является человѣкъ, согласно популярному,—да къ сожалѣнію, и часто не только популярному представленію. У него есть чувственность, при помощи которой онъ долженъ узнать міръ, но которая не пригодна для этого, такъ какъ вводитъ его въ заблужденія. Поэтому наряду съ ней дѣйствуетъ совершенно иная сила, разумъ или разумъ; этотъ разумъ, согласно особымъ основоположеніямъ, снова все приводитъ въ порядокъ и раскрываетъ истинную природу міра, хотя сами эти основоположенія и не заимствованы изъ міра.—Дѣятельность мышленія у человѣка выражается въ представленіяхъ, которыя появляются и протекаютъ согласно опредѣленнымъ законамъ. Но онъ въ то же время какъ бы еще вторично существуетъ въ себѣ самомъ, какъ маленькій человѣкъ въ большомъ человѣкѣ, и съ сувереннымъ пренебреженіемъ къ указаннымъ законамъ можетъ совершенно произвольно вмѣшиваться въ ходъ этихъ представленій, то обращаться къ нимъ, то отворачиваться отъ нихъ, искать ихъ, когда они исчезли, удерживать, когда они стремятся исчезнуть, связывать ихъ, раздѣлять и т. д.—Основнымъ направленіемъ дѣятельности человѣка является поддержка своего собственнаго Я, особенно чувственнаго Я. Однако опять таки и это не соотвѣтствуетъ его подлинной и истинной сущности; въ немъ вѣдь живутъ еще прямо противоположные и высшіе принципы: справед-

ливость по отношенію къ другимъ, любовь къ ближнему и умерщвленіе плоти, которые естественно могутъ лишь съ большимъ трудомъ удержаться наряду съ вышеуказаннымъ его основнымъ направлениемъ.—Непосредственно наряду съ инстинктивнымъ влечениемъ становится господиномъ вещей и пользоваться ими для своихъ цѣлей, у него есть прямо противоположная потребность—чувствовать себя подчиненнымъ высшимъ существамъ, для удовлетворенія которой божество заложило въ немъ вѣру въ Него. Но въ то же время оно дало ему (вѣдь все исходитъ отъ него) достойную наказанія склонность отвращаться отъ этой вѣры и сбило съ толку сотнею другъ другу противорѣчащихъ откровеній, каждое изъ которыхъ соединено съ твердымъ сознаниемъ его правильности.—Повсюду раздвоенность и непримиримость, невозможно ступить двухъ шаговъ, чтобы не впасть въ самое жестокое противорѣчіе; все непонятно, такъ какъ предполагаемое происхожденіе явленій совершенно несходится съ фактами; нельзя разобраться въ цѣли, преслѣдуемой всей это противорѣчивой дѣятельностью; яснымъ становится все лишь тогда, если принять, что здѣсь передъ нами лишь дѣтскій, претенціозный и безсвязный взглядъ на вещи.

Но какимъ удивительно осмысленнымъ существомъ является человѣкъ, для связнаго изслѣдованія, когда его рассматриваютъ во всей совокупности его силъ, въ связи съ остальными живыми существами и со всей природой! Конечно, и въ этомъ случаѣ онъ надѣленъ самыми различными способностями: зрѣніемъ и слухомъ, способностью къ сосредоточенности, но всѣ эти способности стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, а не другъ противъ друга; онѣ взаимно дополняютъ другъ друга, а не борются одна съ другой, совершенно такъ же, какъ это бываетъ и во всякой вообще вещи, обладающей множествомъ качествъ.

По своей природѣ эти основныя черты его существа въ общемъ тѣ же, что и у остальныхъ высшихъ живыхъ существъ; таковы же и главнѣйшія цѣли его дѣятельности. Но у человѣка развивается до необычайно высокой степени способность къ переработкѣ чувственно воспринимаемаго матеріала: способность къ образованію широчайшихъ ассоціативныхъ сочетаній и къ выдѣленію самыхъ крайнихъ деталей. Поэтому человѣкъ достигаетъ несравненно болѣе совершенной власти надъ существованіемъ и послѣдовательностью вещей, равно какъ и надъ тѣмъ общимъ, которое проникаетъ множество отдѣльныхъ явленій природы. Отсюда возможность осуществлять самыя общія жизненныя цѣли несравненно болѣе богатыми и болѣе тонкими способами. Но будемъ ли мы высоко оцѣнивать его творчество или низко, во всякомъ случаѣ все, что онъ творить, возни-

каеть единственно лишь изъ внутреннѣйшей сущности его души и изъ всюду одинаковаго совмѣстнаго дѣйствія ея основныхъ силъ, которое только проявляется въ различныхъ размѣрахъ и при различныхъ условіяхъ. Душа не является какимъ-то нечистымъ вмѣстилищемъ, въ которое, неизвѣстно откуда и каждый разъ по какому-то безсмысленному капризу, насаждаются различныя благородныя сѣмена, при чемъ они какъ разъ не подходятъ къ этому горшку и вслѣдствіе этого постоянно раскалываютъ его на части. Напротивъ, она представляетъ изъ себя совершенно единый организмъ, который, раскрывая свои способности и все болѣе приспособляясь къ объективно существующимъ условіямъ, имъ самимъ создаваемымъ, становится способнымъ ко все болѣе и болѣе высокимъ функціямъ. Какъ одна и та же атмосфера порождаетъ при помощи вѣтра, воды и теплоты то плодотворный дождь, то разрушительный градъ, вверху— красивое облако, а внизу— предательскій туманъ, такъ и одна и та же душа при помощи однихъ лишь своихъ средствъ создаетъ и заблужденіе и истину, и корыстное наслажденіе и лишенную желаній радость, и эгоизмъ и нравственность.

Философско-Педагогическая Библиотечка.

Издается при содѣйствіи:

С. А. Ананьина, В. М. Бехтерева, В. А. Волковичъ, Л. Е. Габриловича,
А. С. Грибоѣдова, П. Ф. Каптерева, А. А. Крогуса, А. Ф. Лазурскаго,
Н. Н. Ланге, К. и С. Поварниныхъ, А. Н. Римскаго-Корсакова,
Н. Е. Румянцева, Г. Я. Трошина, В. В. Успенскаго, А. П. Щеглова,
Е. Н. Янжуль, П. О. Эфрусси и другихъ.

Цѣль настоящаго изданія — удовлетворить остро сказавшуюся за послѣднее время нужду въ подходящихъ, т.-е. общедоступныхъ по цѣнѣ и содержанію, философско-педагогическихъ сочиненіяхъ. Русское творчество въ отмежеванной нами области еще не успѣло проявить себя съ достаточной полнотой и силой, вслѣдствіе чего нѣкоторые пробѣлы приходится заполнять трудами западно-европейскихъ ученыхъ. Своихъ читателей мы думаемъ найти, главнымъ образомъ, среди педагогическаго состава городскихъ и сельскихъ школъ. Редакція будетъ глубоко благодарна всѣмъ лицамъ, которыя сообщать свои соображенія по поводу издаваемыхъ ею книгъ. Письма, рукописи и т. д. просимъ высылать по адресу издательства.

ВЫПУСКЪ I. Н. Е. Румянцевъ. Педологія (Наука о дѣтяхъ).
Ц. 25 к.

ВЫПУСКЪ II. В. А. Волковичъ. Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ. Ц. 40 к.

ВЫПУСКЪ III. Г. Компейре. Отрочество, его психологія и педагогія. Ц. 50 к.

ВЫПУСКЪ IV. К. Гроосъ. Игра и ея жизненная цѣнность. 20 к.

ВЫПУСКЪ V. А. Ферьеръ. Новая школа. Ц. 25 к.

ВЫПУСКЪ VI. В. Штернь. Факты и причины душевнаго развитія. Ц. 30 к.

Печатаются:

И. А. Ялешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи.

П. Дессуаръ. Очеркъ по исторіи психологіи.

П. Наторпъ. Культура личности и культура народа.

С. И. Поварнинъ. Споръ и его правила.

П. А. Соколовъ. Исторія общей педагогики.

И. Фиште. Рѣчи къ нѣмецкому народу.

В. Штернь. Индивидуальная психологія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Специально научные и научно-популярные труды изъ области философіи, психологіи и педагогики.

О. В. БОГДАНОВОЙ.

СПБ., 7 РОТА, 26. „ГЕРОЛЬДЪ“.

Философія.

- Г. Ярнимъ.** Исторія античной философіи. Авторизованный переводъ и дополненія пр.-доц. С. И. Поварнина. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Мессеръ.** Введеніе въ теорію познанія. Авторизов. перев. съ нѣм. подъ ред. С. О. Грузенберга. 1911 г. Ц. 1 р.
- Р. Эйкенъ.** Основныя проблемы современной философіи религіи. переводъ съ пред. автора пр.-доц. С. И. Поварнина. 1910 г. Ц. 75 к.
- К. Форлендеръ.** Исторія философіи (въ 3-хъ томахъ). Разрѣшенный авторомъ переводъ подъ редакціей проф. В. А. Савальскаго. 1911. Цѣна по подпискѣ за три тома 3 р.

Психологія.

- Р. Гаупль.** Психологія ребенка. Переводъ съ нѣм. подъ ред. д-ра Д. В. Фельдберга. 1909 г. Ц. 75 к.
- Г. Геймансъ.** Психологія женщины. Авториз. перев. съ пред. проф. В. М. Хвостова. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Д-ръ Тулузь.** Какъ развивать наши душевныя силы? Перев. съ 4-го фр. изд. А. Е. Никифораки. 1910 г. Ц. 75 к.
- Т. Цигень.** Физиологическая психологія. Авторизов. переводъ съ 8-го нѣм. изд. подъ ред. пр.-доц. А. Л. Щеглова. 3-е русск. изд. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кл. и В. Штернь.** Воспоминаніе, показаніе и ложь въ раннемъ дѣтствѣ. Перев. съ нѣм. М. и С. Штейнгаузъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Эббингаузъ.** Очеркъ психологіи. Дополненный перев. съ 3 нѣм. изд. подъ ред. пр.-доц. К. И. Поварнина. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Прейеръ.** Душа ребенка. Перев. съ 7-го нѣм. изд. подъ редакціей Вл. Динзе. 1911 г. Ц. 2 р.

Педагогика.

- П. Бартъ.** Элементы воспитанія и обученія. Русское переработанное и дополненное изданіе подъ ред. В. А. Волковичъ. (Заканчивается печатью). Ц. 3 р.
- В. А. Волковичъ.** Педагогика-наука передъ судомъ ея противниковъ. 2-е изд. 1909 г. Ц. 45 к.
- Вл. Динзе.** Очерки п исторіи среднешкольнаго движенія. 1909 г. Ц. 50 к.
- П. Ѳ. Каптеревъ.** Исторія русской педагогики. 1910 г. Ц. 3 р.
- Эд. Клапаредъ.** Психологія ребенка и экспериментальная педагогика. Перев. съ рукописи 3-го франц. изд. подъ ред. д-ра Д. Ѳ. Кацарова. 1911 г. Ц. 1 р.
- В. Мрочекъ и Ф. Филипповичъ.** Педагогика математики. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Наторплъ.** Соціальная педагогика. Авториз. переводъ съ 3-го нѣм. изд. А. А. Громбаха. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Р. Пенцигъ.** Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Л. А. Васильевой. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Выписывающіе отъ издательства за пересылку не платятъ.
Наложный платежъ за счетъ заказчика.**

**Подробный проспектъ (съ указаніемъ отзывовъ и содержанія книгъ)
высыпается бесплатно.**

ОТДѢЛЕНІЯ: СПБ. Книжный складъ „Провинція“. Екатерининская ул., 4. МОСКВА. Кн. маг. „Образованіе“. КІЕВЪ. Педагог. кн. маг. В. И. Пенкина. Владимірская 53. КАЗАНЬ. Кн. маг. Бр. Башмаковъ. ОДЕССА. Кн. маг. „Одесскія Новости“. САРАТОВЪ. Кн. маг. „Основа“. ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Кн. маг. „Трудъ“.